

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
3 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2014**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Преступление: немец. Часть вторая	5
Александр Нахтигаль. «С государственным размахом»	7
Отслужила в трудармии 12 лет	13
Ирина Шашель. «Связаны с прошлым»	13
Игорь Винк. «Копейские трудармейцы: депортация не сломала»	15
Александр Нахтигаль. «Одна на всех, мы за ценой не постоим»	17
Виктор Чигинцев. «Крыло «черного ворона»	20
Юлия Скорина. «Чужие среди своих»	22
Виктор Гринимаер. «Унижение»	25
Немного семейной истории	28
Гельмут Полле. «Так было!»	30
Предисловие	30
Трудармия (концлагерь)	33
Челябинск-40	36
Вайцель-Лейман Тамара Давыдовна	38
Раиса Гайдарова. «Из дальних странствий возвратись...»	38
Нелли Третьякова. «Трижды пострадавшие»	41
Петр Биттер. «Было время, когда я ослабел настолько, что пустую лопату еле поднимал»	42
Рафаил Аскарлов. «Отлученный от неба»	44
Вайцель-Пименова Мария Давыдовна	46
Генрих Шнейдер. «На Бакалстрое»	46
Калачево	49
Геня Джаваршян». «Раскулачили... за одного батрака»	49
Вячеслав Лютов. «Нелазурные истоки Лазурного»	51
Р.В. Чернышёв. «Александр Бреттман»	51
Андрей Флейман. «Воспоминания дяди Александра»	52
Лаубах Яков Иванович. Из воспоминаний	59
Виктор Кириллов. «ИТЛ Челябинметаллургстроя: создание, этапы развития, численность и категории спецконтингента	60
Надежда Алексеева. «Это нужно живым...»	69
Село Ждановка	70
Анатолий Джапаков. «Как исчезали имена»	70
В. И. Бергер. «Детство в спецпоселке»	79
Спецпоселение Тюбук Кыштымского района	81
Виктор Чигинцев. «На том свете мне нечего скрывать»	82
«Многие умерли в первую же зиму»	84
Татьяна Лоос. «Если бы мой дед встретил моего деда»	86
Геннадий Колмогоров. «Места не хватило»	88
Воспоминания бывшего трудармейца	90
Кладбища	95
Роберт Лейнонен. «Володя Маллер и базар»	99
Дмитрий Тихонов. «Немцы Ангрена»	106
Учитель	116
Мои корни	118
Ирина Корзун. «Семейные документы»	118
История Озерска	127
Виктор Чигинцев. «Сталин на пожарной каланче»	137
Лео Пулля. «Трудармия»	139

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: НЕМЕЦ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С ГОСУДАРСТВЕННЫМ РАЗМАХОМ

Но мы еще не полной дышим грудью -
Та боль в груди по-прежнему сильна.
Когда же мы опять все вместе будем?
Настанут ли такие времена?

Гуго Вормсбехер
16 января 1963 г.

В феврале 2012 года исполнилось 70 лет челябинской трудармии. Для нынешней молодежи под корректным словом «трудармеец» скрывается благозвучно название воинских соединений, которых только вместо фронта бросали на сооружение в тылу промышленных предприятий. Но сейчас мы можем, открыто заявить, что система трудармий - это система концентрационных лагерей, в которых наши соотечественники и содержались хуже уголовников, не осужденные были лишены всех прав и находились за колючей проволокой, под вооруженной охраной, содержались в землянках, в которых зимой волосы примерзали к нам. Жить в таких условия было невозможно, а они самоотверженно работали.

Сейчас можно услышать мнение, что цель оправдывает средства, и ради Победы можно было пойти на любые, даже самые жестокие меры. Согласиться с таким мнением - значит, второй раз предать тех, кто оказался в трудармии.

Первый раз это сделало правительство, когда превратило свой народ в безмолвных рабов, и за слабую попытку протеста можно было быть расстрелянным. В результате после войны трудармейцы боялись рассказать детям и женам о том, через какие ужасы им пришлось пройти.

Кто-то может сказать, что в те годы все было сделано законно, раз решения о депортации принимали высшие государственные органы. И вообще власть всегда права, раз считала необходимым наказать народы, значит, для этого были основания. Мол, дыма без огня не бывает. В 30-е годы так и говорили: наши органы не ошибаются, раз арестовали - виноват, и надо посадить.

Тех, кто соглашается с такой позицией, в нашей стране не мало. Но достаточно и тех, кто не согласен с таким подходом. Кто же прав? Для того чтобы найти ответ, надо ответить на другой вопрос: государство существует для государства или оно существует для своих граждан?

Я однозначно за второй посыл. А поэтому считаю, любое действие государства по ограничению прав граждан является незаконным, даже если оно обосновывается специально принятыми для этого юридическими положениями. Сейчас уже мало просто соглашаться с такими доводами. Надо их публично отстаивать, ведь и сейчас мы сталкиваемся с ущемлением на-

ших прав. А в 30-50 годы шла настоящая война власти со своими народами. Всегда надо иметь большое мужество, чтобы быть несогласным с действиями властей. Было время, когда за это можно было лишиться жизни.

Но теперь-то мы не имеем права быть солидарными с тем политическим режимом, который допустил такое беззаконие.

И если мы не будем доносить до нынешней молодежи правду о трудармии - это будет очередное предательство нашего народа. Против наших немцев был нанесен один из главных ударов. Подверглись гонению около 1,2 миллиона из примерно 1,5 миллионов немцев. К 25 октября 1941 года было депортировано 856 168 человек, к началу 1942 года на спецпоселении числилось 1 031,3 тысячи наших немцев. Из них погибло - более 200 000.

Еще и сейчас надо доказывать, что немецкий язык был и есть не только язык Германии, но и язык одного из народов бывшего Советского Союза, имеющего 400 летнюю историю честного и самоотверженного служения Отечеству - России.

Какова же цена Победы над германским фашизмом, которую заплатили российские немцы при строительстве Челябинского металлургического комбината? В условиях, когда послабление в режиме содержания начинались не потому, что у власти просыпалась совесть, а потому что слишком много трудармейцев умирало, и при такой смертности некому будет завершать строительство - более 27 000 трудармейцев закопано в общих траншеях на коксохимотвалах ЧМК.

Кроме камня, установленного самими трудармейцами, ничто не указывает на это место, которое должно быть святым для каждого гражданина.

Можно с гордостью сказать, что первыми кто решил рассказать правду о трудармии, были сами трудармейцы. Они стояли и у истоков создания немецкого культурного центра. Это: Герта Владимировна Факанкина, Густав Кондратьевич Гофман, Виктор Кондратьевич Фромм, Губерт Михайлович Витлиф, Амалия Владимировна Миллер.

Сейчас, наконец-то, мы можем открыто сказать: подвиг трудармейцев - это подвиг защитников Отечества.

Власти тихо приравняли по льготам трудармейцев к участникам Великой Отечественной войны, но ничего не сделали для покаяния

перед ними и для того, чтобы в обществе воспитать уважение к тем, кто в годы войны был незаслуженно загнан за колючую проволоку и увековечить их трудовой подвиг.

У нас все делается тихо, не привлекая внимания. Часто люди, представляющие государственную власть, приходят в эту власть не для того чтобы решать государственные задачи, а набить себе карманы. О преемственности ответственности не может быть и речи. Поэтому пока убедишь чиновника, чтобы что-то сделать для народа, глядишь, его след простыл, и надо начинать все с начала.

Академик А.Д.Сахаров в одной из бесед заметил, что немцы не умеют бороться за свои права, поэтому их национальные проблемы не решаются.

Не соглашусь я в этом с уважаемым академиком. Невозможно воевать со своим государством из поколения в поколение. Ведь и для царской России, и для Советского Союза, и для, так называемой, демократической, обновленной России, немцы были и остаются непонятыми и игрушками в политической игре государства со своим народом.

Давайте вернемся в прошлое. Решая большие демографические проблемы, государи Российской пригласили к себе переселенцев. Они предлагали им, вполне конкретные условия жизни, по крайней мере, в начале процесса. Это предполагало полную административную автономную немецких поселений, каждая семья наделялась неограниченным наделом земли, полная культурная и религиозная автономия, льготы при прохождении государственной службы. Надо сказать, что россияне немецкого происхождения всегда были лояльны по отношению к государственной власти. В результате государство получило бурное развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли в некогда безлюдном крае, увеличение налоговых поступлений, всего того чего и хотело, приглашая иностранцев. Третью зерно экспортируемого Россией в XIX веке в Европу производилось в немецких колониях.

В это же время началось наступление на права выходцев их немецкоязычных стран: введение всеобщей воинской обязанности, ликвидация внутреннего самоуправления немецких колоний. Это привело к тому, что начался массовый выезд немцев за пределы Российской империи, в основном в Северную и Южную Америку.

Наступление на немецкие поселения на этом не закончилось. В 90-е годы XIX века правительство направило свои усилия на изменения привычного уклада жизни в колониях: было предписано вводить преподавание в школах на русском языке, сводя изучение «природного языка и Закона Божьего их исповедания при числе уроков, необходимым для надлежащего усвоения этих предметов». Немцы опасались, что их совсем лишат возможности обучать детей на родном языке, и это опять вызвало волну эмиграции за океан.

Я уже говорил, что много немцев служило

в армии, и они были на самых высоких должностях. Но и царское правительство клеймо врага повесило на весь российский немецкий народ. В «Законе о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев» оно запретило «совершение всякого рода актов о приобретении права собственности, права залога, а также прав владения недвижимыми имуществами...» Все это было закреплено 1 июля 1916 года Высочайшем повелении Об утверждении Положения об Особом Комитете по борьбе с немецким засильем, в котором предписывается обсудить мероприятия по освобождению страны от немецкого влияния. Его, кстати, подписал Председатель Совета Министров Штюрмер. 16 августа 1916 года принято положение о воспрепятствии преподавания на немецком языке.

В советский период было время, когда немцев оставили в покое. Но, возникла на горизонте угроза нового столкновения с Германией, и уже 28 апреля 1936 года Совнарком СССР принял постановление «О выселении их УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств». И в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области было депортировано 63 976 человек, из которых почти четверть составляли немцы.

Одновременно шла расправа над партийно-советскими работниками и деятелями культуры национальных республик, ей сопутствовало уничтожение элементов культурно-национальной автономии, возникшей после Октябрьской революции. 17 декабря 1937 года были приняты три постановления ЦК об упразднении соответствующих органов и учреждений, появившихся в первые годы Советской власти. В постановлении «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», существовавших на территориях с компактно проживающим национальным меньшинством, указывалось, что многие из этих районов (немецкие, финские, корейские, болгарские и т. д.) «были созданы врагами народа во вредительских целях». Постановление «О русских газетах на Украине» предписывало резко поднять удельный вес русской прессы и одновременно закрыть издающиеся в Киеве газеты на немецком и болгарском языках. В постановлении «О национальных школах» объявлялось вредным «существование особых национальных школ (финских, эстонских, немецких, английских, греческих и др.)». Одновременно со школами подлежали закрытию национальные педагогические техникумы, дома просвещения и другие культурно-просветительные учреждения. Далее, уже 30 октября 1938 года был ликвидирован немецкий национальный район в Алтайском крае.

С началом Великой Отечественной войны репрессивные акты в отношении наших немцев сыплются, как из рога изобилия. Кроме уже известного вам Указа Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, в период 1941 по 1944

год было принято еще около трех десятков Постановлений Государственного Комитета обороны СССР о выселении немцев из различных регионов Советского Союза. С осени 1941 года по декабрь 1942 года в пределы 12 областей Казахстана было депортировано 394 133 человека немецкой национальности.

Надо сразу отметить, что для выполнения этих решений выделялся железнодорожный транспорт, части НКВД, милицейские и армейские подразделения. И это в самый тяжелый начальный период войны, когда на фронте был нужен каждый солдат, а в глубь страны надо было эвакуировать заводы и фабрики. Вместо этого на Урал, в Сибирь вывозили сотни тысяч своих граждан, которые рвались на фронт защищать Родину, а их превратили во врагов.

Даже окончание войны не рассматривалось властью как время, после которого можно ослабить репрессивное давление. Уже 8 января 1945 года принимается Постановление Совета Народных комиссаров СССР «О правовом статусе спецпоселенцев», которое предусматривает уголовное наказание за самовольные, без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД, отлучки за пределы расселения. За нарушение режима спецпереселенцы подвергались штрафу до 100 рублей или аресту до 5 суток. После Победы карательные меры усилились: 26 ноября 1948 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные районы Советского Союза в период Отечественной войны», в котором за самовольный выезд (он приравнивался к побегу) определена новая мера наказания - 20 лет каторжных работ. Я держал в руках расписку моей мамы об ознакомлении с эти положением. Лица, виновные в укрывательстве выселенцев, получали за это преступление 5 лет лишения свободы.

В это время принималось немало и подзаконных актов, которые не давали никакой надежды репрессированным народам на справедливое решение их вопроса. Вот только один документ той поры. Это выписка из приказа министра госбезопасности СССР от 24 октября 1951 года, который гласит: «Приказываю: 1. Объявить под расписку спецпоселенцам перечисленных категорий: немецкой, чеченской, калмыцкой, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымских татар, что они в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года оставлены на спецпоселении навечно». Поразительно, но в документах верховной государственной власти ставится знак равенства между теми, кого наказали за национальность, и участниками и пособниками националистическо-бандитского подполья.

Более половины наших немцев проживало в Казахстане. Как им жилось в послевоенное время, особенно молодежи? В январе 1951 года ЦК компартии Казахстана информировал

ЦК ВКП(б) об организации обучения спецпереселенцев. Из этой записки следовало, что в 1950 году из 33 907 немецких детей в возрасте от 7 до 14 лет не посещали школу 8 484, т.е. более 25 процентов. В то же время работающие в Казахстане многочисленные комиссии по изучению уровня образования спецпереселенцев, пришли к выводу, что создание специальных школ, группы классов с обучением на родном языке является вредным. Увидело свет даже постановление, текст которого следует привести полностью:

Совершенно секретно

«Постановление ЦК КП(б) Казахстана.

28 мая 1952

О приеме спецпоселенцев в высшие учебные заведения.

1. Прекратить прием спецпоселенцев в Казахский государственный университет им. С. М. Кирова, в Алма-Атинский юридический, Казахский горно-металлургический, физкультурный и педагогический институты, а также в консерваторию.

2. Принять ограниченное количество спецпереселенцев в следующие вузы: Казахский сельскохозяйственный, ветеринарно-зоотехнический, медицинский, Чимкентский технологический и учительские (кроме Алма-Атинского) институты.

3. Обратит внимание директоров перечисленных в пункте 2-м вузов на то, что в высшие учебные заведения могут быть приняты из числа спецпоселенцев только успешно выдержавшие конкурс, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, активно проявившие себя в производственной и общественной работе, но не более установленного в прилагаемом списке количества.

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

Ж. Шаяхметов».

Такие документы однажды принимались и спускались вниз, потом о них как бы забывали, их не отменяли, а внизу продолжали выполнять даже тогда, когда их действие становилось уже анахронизмом. Уверен, теперь каждый из вас сможет ответить на вопрос, были ли ограничения для российских немцев в правах, в возможности занимать те или иные должности, в возможности проживать в больших городах и получать фундаментальное образование? В этом еще иногда сомневаются. Но ограничения были, и не только в этом. Даже рядовыми в армию немцев не призывали до 1956 года.

Официальный запрет на высшее образование, хотя и был отменен спустя несколько лет, фактически сохранялся до 70-х годов 20 века. И это привело к тому, что к 80-м годам в Казахстане высшее образование имели 3,9 процентов немцев, в то время как по республике эта цифра составляла 7,8 процента - была в два раза больше. Поэтому и в СССР у немцев был самый низкий уровень образования. Они, единственные после первой половины 60-х годов 20-го века, оставались на спецпоселении,

хоть уже и не под комендантским надзором.

Только в 1964 году Указ Президиума Верховного Совета СССР отменил Указ от 28 августа 1941 года, и все обвинения в адрес советских немцев были, признаны огульными. Но государство лишь частично реабилитировало свой народ и перед ним так и не извинилось, не разрешило вернуться в родные места, не компенсировало отобранное имущество, не признало труд во время Великой Отечественной войны, сохраняло ограничения на получение высшего образования, на выдвижение на руководящую работу и существовала масса других гласных и негласных ограничений.

Наши немцы не молчали. Насколько это было возможно, немцы пытались донести свое мнение на процессы, происходящие вокруг своей реабилитации, но всегда стремились добиться справедливости цивилизованным путем. В 60-е годы прошлого века писали письма, отправляли делегации в Кремль.

9 января 1965 года Первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояну направляется письмо от инициативной группы коммунистов, комсомольцев и беспартийных, прибывших из разных областей РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР. В нем говорилось о необходимости полной реабилитации советско-немецкого народа и восстановления советско-немецкой автономной республики. В нем отмечалось, что ряд утверждений, содержащихся в Указе от 29 августа 1964 года, не соответствует действительности: в частности, нет немецких национальных школ, отсутствует преподавание немецкого языка как родного, все усилия по проведению этой работы наталкиваются на глухую стену сопротивления, вызывая обвинения в «национализме», «самоизоляции».

12 января 1965 года делегацию принял А.И. Микоян, который заявил, что восстановление республики невозможно из-за отсутствия необходимой территории. Одновременно он признал возможным снять ограничения в отношении возвращения немцев в места прежнего проживания, начать разработку мероприятий по снятию ограничений в прописке, создании немецких средних школ, возобновлению издания литературы на немецком языке.

Могли ли наши немцы в то время пробить стену непонимания? Вряд ли. Я хочу познать вас с уникальным документом. Это ответ из секретариата Верховного Совета СССР, подготовленный в редакции газеты «Правда». Он поступил на письмо, в котором советский немец Гебель просил восстановить справедливость в отношении своего народа, в том числе и республику в Поволжье:

«Уважаемый товарищ Гебель! Вы ставите вопрос абсолютно неправильно. Все нации в СССР действительно равны, и это даже не требует особых доказательств. Это сама жизнь! Но нельзя рассматривать немцев, проживающих в СССР, как обособленную нацию, имеющую к тому же право на свою государственность.

У нас живет немало поляков (западные области), есть и греки, венгры, цыгане, но никто из них не требует создания своего автономного государства. Да и смешно было бы это требовать.

Вам, видимо, хорошо известна и история создания немецких колоний в Поволжье: российские императоры немецкого происхождения силой отнимали у русского мужика лучшие, плодороднейшие земли и щедро раздаривали их преимущественно немецкому кулачю.

Поэтому претендовать на возвращение этих земель, по меньшей мере, бесперспективно. Республика немцев Поволжья, возможно, и сохранилась бы, как и все другие республики, но за то, что ее нет, следует упрекать, прежде всего, маньяка Гитлера, немецко-фашистских захватчиков, напавших на нашу страну, а не Советское правительство. Пора бы это понять.

С уважением, член редколлегии «Правды» А.Блашин».

Но немцы продолжали стучаться даже и в закрытые двери. Удалось кое-чего добиться: в 1972 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», в нем немцам, грекам, болгарам, армянам и членам их семей давалось право «избирать место жительства на всей территории СССР...»

Еще четыре делегации наших немцев встречались с руководством страны, им обещали восстановить справедливость, создавались комиссии.

Всегда государственные мужи не знали, что делать с немцами и, возможно, для них было бы лучше, если бы такого народа вообще не было. Поэтому большинство мер, которые власти только планировали реализовать, не решали проблему, а лишь еще больше обостряли межнациональные отношения. Чего стоит только план по организации немецкой области в Казахстане. Уже даже были подготовлены проекты Указов Верховного Совета СССР и Казахской ССР об образовании Немецкой автономной области. Но начались демонстрации протеста казахской молодежи в Целинограде (ныне Астана) под лозунгами «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Отобрать у них все дома и машины». Естественно, Указы не были реализованы.

Самое удивительное, что все документы принимались в строгой секретности. Власть стремилась снизить социальную напряженность в области национальных отношений, но менять ничего не собиралась. Что касается немцев, то в 70-80 годы прошлого века такой национальности среди советских народов как бы не было. Об их вкладе в экономику, искусство, культуру страны не говорили, а о вкладе в Победу над фашизмом вообще молчали.

Апофеозом советского лицемерия в «немецком вопросе» стала речь секретаря ЦК КПСС М. Зимятина на совещании руководящих

работников ЦК союзных республик, обкомов партии и КГБ от 2 декабря 1985 года: «Многие немцы жалуются, что их подвиги во время войны не отмечены. Советская власть проявила высочайший гуманизм по отношению к немцам. Наша совесть перед ними чиста... Как и среди других наций и народностей идет ассимиляция. Это один из элементов интернационализации населения...»

Впервые с высокой трибуны поблагодарил советских немцев за труд на благо Родины Ю.В. Андропов, когда стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Это было сделано в докладе на торжественном собрании, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции. Больше об этом никто не вспоминал.

Перестройка дала надежду на то, что наконец-то будут приняты взвешенные решения. И, главное, власть сделает все возможное, чтобы подготовить граждан страны к восприятию решительных мер по справедливому решению немецкой проблемы, в первую очередь, восстановит республику на Волге. Показательна в этом отношении записка Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова. В ней отмечается, что «умышленное многолетнее замалчивание вопроса об автономии, его нерешенность дискредитирует двухмиллионный немецкий народ, порождает недоверие в равноправие наций и народностей, создает почву для эмиграционных настроений... Желательно решить и комплекс вопросов о дальнейшем развитии национальной культуры, максимальном удовлетворении духовных запросов и потребностей немецкого населения в местах компактного проживания».

Все эти благоразумные желания остались только на бумаге. В результате не государственный подход к решению острой национальной проблемы привел к нанесению стране непоправимого экономического ущерба. В записке «Об экономических последствиях эмиграции из СССР граждан немецкой национальности» от 20 сентября 1989 года заместителя председателя Госплана СССР С.А. Ситаряна отмечается, что «из-за их (немцев) выезда экономические потери народного хозяйства страны могут быть приблизительно оценены в сумме около 200 млн. рублей произведенного национального дохода в год, а за период, в течение которого выехавшие будут находиться в трудоспособном возрасте – около 4 млрд. рублей».

В период перестройки проблемы немцев рассматривались со всех сторон. Были предложены интересные варианты ее решения, но главный недостаток заключался в том, что в процесс реабилитации не был вовлечен весь советский народ. Это не стало предметом обсуждения в СМИ, не издавалась массовыми тиражами книги по истории народов СССР, и тому же решению немецкой проблемы не рассматривалось в цепи решения важнейших социально-политических проблем страны.

Но, несмотря на все недостатки, удалось

решить одну из главных проблем для советских немцев: признали жертвы трудармейцев в годы Великой Отечественной войны. Президент СССР М.С. Горбачев подписал Указ «О награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны». Эту запоздалую награду получили немцы и другие народы, подвергшиеся незаконному насильственному переселению, и внесшие своим добросовестным трудом вклад в достижение Победы.

Но все же полной реабилитации немцы не дождались.

Что же делать с немцами? Этот вопрос неизбежно возникает перед каждым новым руководителем нашей страны. Встал он и перед первым Президентом России Б.Н. Ельциным. И ее он решил в свойственной себе манере. 8 января 1992 года на встрече перед жителями совхоза «Осиновский» Саратовской области Президент заявил: «Там, где нет компактного проживания немецкого населения, населения немцев Поволжья, т.е. чтобы их было подавляющее большинство, никакой автономии не будет! Я как президент это гарантирую. Другое дело, скажем, в Волгоградской области военный полигон 300 тысяч гектаров, пустой, и маршал Шапошников его отдает. И там они будут заселены, допустим. И пусть эту землю, которая снарядами начинена, пусть они ее, значит обрабатывают».

После такого «государственного» заявления количество выезжающих резко возросло.

Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, 21 февраля 1992 года принимается Указ Президента РФ «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев», в котором есть такой пункт: «В качестве первого этапа, не ущемляя интересов местного населения, с учетом опыта создания немецких национальных районов в Алтайском крае и Омской области считать целесообразным, образовать немецкий национальный округ на территории Волгоградской области, немецкий национальный район на территории Саратовской области». К сожалению, и этот Указ, как и многие другие документы, остался только на бумаге.

У каждого из нас возникает вопрос. Почему же осознавая, что в наших сегодняшних условиях воссоздать республику в Поволжье невозможно, все равно в первую очередь российские немцы говорят о ее возрождении. Во-первых, для этого есть юридический аспект, она законодательно не ликвидирована. Во-вторых, в нашей стране народ имеет шанс для своего национального существования только тогда, когда у него есть система образования на родном языке от детского сада до университета, учреждения культуры и искусства, где развиваются национальные традиции и существует экономическая основа для поддержания национального развития. Это может дать только национальное территориальное образование.

Возможно, я не прав. Но история учит, что в нашем многонациональном государстве власть неспособна решать проблемы конкретного народа. Эта горькая правда. Легче говорить о национальных проблемах вообще. Если проблема только возникает, начинаются разговоры о том, что сразу принимать решения нельзя, надо послушать мнение всех сторон, чтобы не ущемить чьих-то прав. Будто ожидают, что со временем страсти улягутся и проблема рассосется. В итоге, стране наносится колоссальный вред, но виновных нет. Чиновник ни за что не отвечает.

Теперь можно услышать такое суждение: появление новых национальных образований способствует возникновению новых Чечней, надо бы вообще ликвидировать все национальные республики. Но почему-то никто не говорит о том, что же станет с народами. Сменим вывеску и вместо Чечни появится Кавказская область, на месте, к примеру, Башкортостана - Приуральская область, но чеченцы и башкиры останутся. Что с ними собираются делать наши горе реформаторы?

Приход к управлению государством нового лидера всегда дает надежду то, что на кровные чаяния граждан наконец-то обратят внимания. Хотя существовали опасения, что ожидания напрасны: во-первых, наш президент слишком молод, чтобы кожей воспринимать национальные проблемы, во-вторых, Чечня сейчас занимает наипервейшее место, сейчас тем более не до немцев. К сожалению, мои опасения оправдались. В первую очередь это подтверждает ситуация вокруг министерства по делам национальностей. Постоянные реорганизации, смена названий и в итоге получено министерство из десятка чиновников, не способных ничего решить. И это происходит в государстве, где проживает более 130 национальностей и народностей. Такое возможно только в России.

В результате в ноябре 2002 года министр национальностей А.В. Блохин заявил, что отдельного решения по немцам не будет, тем более что они были реабилитированы вместе с другими репрессированными народами на основании закона, принятого в 1991 году. В этой связи можно сказать только одно: повезло только российским финнам. В июне 1993 года было принято Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов». До остальных народов руки не дошли.

Но в статье 13 Закона «О реабилитации репрессированных народов» отмечено: «Осо-

бенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу». Было бы полезно для министра, теперь уже бывшего, начиная рабочий день, перечитывать один из основных законов, реализация которого его первейшая должностная обязанность. Но у нас такие министры, которых мы достойны.

Другой основной документ нашего государства, положив руку на который президент произносит клятву. Конституция в статье второй говорит: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»; в статье третьей: «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». Так не главная ли цель государства сохранять многонациональность нашего государства.

Народы всегда мудрее своих правителей. И в самые трудные времена казахские, киргизские, русские семьи спасали наших немцев от голодной смерти, хотя власть за это наказывала. Дружба народов нашей страны сохранялась самими народами, власти своими действиями чаще сталкивали народы. Сейчас чиновники разного уровня научились обходить острые углы, и они так явно и публично не обнаруживают своего невежества, непонимание и нежелание исправлять исторические ошибки. Но результат все тот же – за последние десятилетия наша власть не смогла решить в стране ни одной национальной проблемы.

Годы идут, и кому-то покажется, что национальные проблемы народов, в том числе и немцев, решаются сами по себе. Но это большее заблуждение.

Меня часто спрашивают. Чего немцам не хватает? Да ничего особенного: мне хочется, чтобы мои дети знали язык и историю своих предков, их традиции, чтобы они впитали в себя культуру двух народов, немецкого и русского. У меня такой возможности не было, нет сейчас ее у моих детей. Как гражданин я хочу жить на своей Родине и не искать счастье за бугром. Мне горько, что эти простые желания, под которыми могут подписаться и русские, и татары, и башкиры, не могут воплотиться в нашей стране. А желание народа оставаться самим собой почему-то считается покусением на чьи-то права.

11.03.1952г.

Без публикации

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

«О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей, которых находят на спецпоселении»

Президиум Верховного Совета СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Отбывших наказание за разные преступления в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР карачаевцев, ингушей,

чеченцев, калмыков, балкарцев, немцев, крымских татар, греков, иранцев, турок, кулаков – жителей западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской ССР и Прибалтики, участников и пособников националистическо-бандитского подполья, иеговистов и других лиц, члены семей которых выселены по специальным постановлениям Правительства СССР на вечное поселение, – по истечении срока наказания направлять этапом на спецпоселение, под надзор органов Министерства государственной безопасности СССР, по месту жительства их семей.

2. Распространить на лиц, перечисленных в статье 1, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.Шверник
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль

11 марта 1952 г., д. № 68/10

ОТСЛУЖИЛА В ТРУДАРМИИ 12 ЛЕТ

Совет ветеранов Багаряка поздравил Пияду Яковлевну Моор с 80-летним юбилеем.

В селе Барсучье Челябинской области она закончила 4 класса. В 18 лет Пияду Яковлевну отправили в трудовую армию в Чкаловский район города Челябинска. Жили в общежитии, домой не отпускали. Отслужила в трудармии 12 лет. Получила профессию штукатура. Затем жизнь ее изменилась, она стала работать в геологоразведке и попала в село Ларино. В 1957 году вышла замуж за Александра Васильевича Кнауса. В 1958 году родилась дочь Мина, а в 1962 году появился на свет сын Виктор. С 1969 года по 1981 год трудилась телятницей на ферме. Она награждена медалью «За доблестный труд в

Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и всеми юбилейными медалями. Она труженик тыла. В 2001 году вместе с сыном Виктором переехали в Багаряк. Сын трудится водителем в ЖКХ, невестка — в соццентре.

У Пияды Яковлевны отдельная комната, живет в чистоте, ее любят и сын, и внуки, и сноха. Для нее созданы все условия для счастливого, спокойного отдыха. Пожелаем ей долгих лет жизни.

М. КАДОЧНИКОВА
с. Багаряк

Ирина Шашель

СВЯЗАНЫ С ПРОШЛЫМ

Встреча российских немцев состоялась на прошлой неделе в Доме детского творчества. Большинство собравшихся - потомки тех самых немцев, которые обосновались когда-то в России. Родом они, в основном, из Саратовской области. В начале Великой Отечественной их родители, бабушки и дедушки были подвергнуты репрессиям и сосланы в Сибирь. Подробности о судьбе предков и собственной родословной нашим землякам немецкого происхождения стали известны совсем недавно, в период перестройки...

Новая родина

Жительница с. Ювала Кожевниковского района Нина Шторк приехала в Сибирь в 1941-ом году вместе с матерью, отцом и четырехлетним братишкой. Месяц их везли сначала в «скотских» вагонах, потом на барже по Оби. Нине было всего полгода. «Мама рассказывала, что отца нашего почти сразу же забрали в трудармию, больше его никогда не видели, а я и вовсе его не знала, - говорит Нина Михайловна, - из детских лет запомнились только голод и холод. Мама бралась за любую работу: и кладкой печей занималась, и молотобойцем трудилась... Жили вместе с родственниками, в общей сложности нас двенадцать ребятешек было. Бегали осенью на поля выкапывать мерзлую картошку. А нас, помню, гнали оттуда, называли фашистами, вообще жестокое отношение было, даже к детям... Позже многие немцы уехали кто куда, в основном в Германию. А мы остались. Ювала, хотя и поневоле, стала для нас Родиной...»

Спустя годы

В семейной истории жителя Новоюгино Валерия Ермакова свои подробности. Его бабушка и дедушка были сосланы на север Томской области в 30-е годы из Алтайского края. Дедушку расстреляли, как кулака, бабушка умерла от малярии. Двоих сыновей (один из которых - отец Валерия, Вильгельм Вебер), отправили на воспитание в Усть-Чижапский детский дом. Потом получилось так, что ребят разлучили, и встретились они только спустя 35 лет... «Отец нашел своего младшего брата Андрея на Сахалине, - рассказывает Валерий, - вы даже не представляете, какая это была встреча!»

Трагедия поколения

Не менее жестко обошлась в свое время судьба с Розой Сергеевой, семью которой выслали в начале войны из Саратовской области в Новосибирскую. Отца забрали в трудармию на работу в шахты Копейска, расположенные в районе Челябинска, когда Розе было пять лет. Они с сестренкой, совсем еще малышкой, остались в далекой Сибири с мачехой, которая ни слова не понимала по-русски, не могла даже объяснить там, где работала, что дома у нее на руках грудной ребенок... В 1952 году приехали к отцу в Копейск.. И там было не легче. Образование у Розы - три класса, работать пошла на стройку. Выучилась на мотористку, устроилась на завод в бетонный узел, потом к отцу - в шахту, затем - на термолинию кузнечно-прессового завода...

«Всю жизнь, получается, я то на вредных

работах, то на тяжелом производстве, то по горячей сетке трудилась,- вспоминает Роза Иоганнесовна.

- В Каргасокский район приехала к дочери, одиннадцать лет прожила в Большой Гриве, а сейчас в Каргаске квартиру дали...» Розе Сергеевой 77 лет. Пенсию она себе заработала в размере одиннадцати тысяч. «Так и живу, - смеется, - еще и детям помогаю...» «То, что пришлось пережить нашим родителям, стало трагедией для целого поколения, - продолжает разговор Нина Фатеева, приехавшая на встречу вместе с мужем Владимиром из Лозунги, - моих родителей сослали, у мужа та же история. Я - эстонка, он - немец. В свое время репрессиям подверглись десятки тысяч людей разных национальностей. Теперь уже ничего изменить нельзя, надо просто помнить прошлое и делать все для того, чтобы наши дети обязательно знали свои корни...»

Звенья одной цепи

Так за разговорами время пролетело незаметно. Посидели, поговорили, вспомнили свои семейные традиции, немецкие праздники, национальные блюда, песни, которые пели мамы и бабушки. С большим интересом гости слушали выступление руководителя Центра этно-культурного образования ДДТ Валентины Зарубиной, которая рассказывала о проекте «Прощение и память», о том, как обрастает все новыми историями, сюжетами и откликами начатая несколько лет назад работа. «Только тем и ценна наша жизнь, что она - звено в цепи, где до нас - наши прадеды, а после - наши дети и внуки. Узнавая судьбу своих предков, люди лучше понимают себя и других, меняют отношение и к прошлому, и к настоящему, - убеждена Валентина Михайловна, - такие мероприятия имеют большую значимость, поскольку современной России как воздух нужен урок великой науки - памяти».

Справка «СП»

В мероприятии приняли участие жители Каргаска, Лозунги, Новоюгино и Кожевниково. Оно проходило в рамках проекта «В кругу семьи», подготовленного Каргасокским Центром немецкой культуры (рук. Ольга Кербер) при поддержке МВД Германии, Международного Союза немецкой культуры и Российско-Немецкого Дома города Томска. Встречу посвятили памятной дате: 250 лет назад был издан Манифест Екатерины Великой, ставший началом и основой истории немецких колонистов в России.

**Источник: Газета «Северная правда»
Томская область**

КОПЕЙСКИЕ ТРУДАРМЕЙЦЫ: ДЕПОРТАЦИЯ НЕ СЛОМИЛА

В истории российских немцев особенной датой является 28 августа. Именно в этот день в 1941 году вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации поволжских немцев. В целом после начала Великой Отечественной войны было депортировано более 1,2 млн. российских немцев.

В 2011 году отмечается 70-летие со дня этой скорбной даты. Накануне ее в правлении городской немецкой культурной автономии состоялось собрание копейских трудармейцев, состоялась встреча трех поколений. Среди тех, кто принял участие — трудармейка Мина Давыдовна Гюбнер, дочери трудармейцев Ольга Ордуханова и Людмила Меркель, внучка трудармейцев Алена Бауэр. Игорь Винк взял у них интервью.

Корреспондент: «Когда вы узнали о высылке из родных мест?»

М. Д. Гюбнер: «Наша семья проживала в Саратовской области, в Добринском районе. Однажды к нам в село прибыл уполномоченный из района и приказал: «Всем немцам собраться на высылку. На сборы – двое суток. Лишних вещей с собой не брать». И с тем уехал. О содержании Указа узнала лишь в начале 90-х годов. Это была настоящая трагедия для народа. В считанные дни российских немцев сорвали с малой родины, заставили бросить нажитое имущество, дома, хозяйство и с малыми детьми одних отправили в Казахстан, других — в Западную Сибирь и на Алтай. К примеру, нашу семью выслали в Тюменскую область, село Ишим.

Весной 1943 года меня, 16-летнюю девушку, мобилизовали в трудармию и 1 мая привезли в Челябинск, где я работала на Танкограде фрезеровщицей. Выпускали мины для фронта. И первую рабочую смену на Танкограде я отстояла 12 мая 1943 года.

Проживали мы в бараках, разбитых на секции, с оборудованными в них двухъярусными сплошными нарами. Так, только в секции, где жили, ютились 90 девчат. Конечно же, было очень тесно, в зимнее время холодно, условия быта наихудшие. Но это представлялось гораздо лучшим, чем жить в зоне или в лагере под вооруженной охраной.

Корреспондент: «Что вам известно о судьбе своих родителей-трудармейцев?»

Л. Ю. Меркель: «Мой папа Юрий Федорович родился еще до войны и проживал в Саратове. Был женат на Анастасии Петровне, в девичестве Грицук. К сожалению, родителей в живых уже нет, но судьба им досталась очень нелегкая.

Накануне войны отца призвали в Красную Армию, и службу он проходил на Дальнем Востоке. Осенью 1941-го года, как и все российские немцы-красноармейцы, был демоби-

лизован. С Дальнего Востока вместе со своими соотечественниками ехал в вагонах-«теплушках» целый месяц. Хорошо помню, как он не раз рассказывал мне, насколько тяжелой оказалась эта дальняя дорога. В их вагоне стояла бочка с соленой рыбой иваси, и более никакого питания не было. Даже питьевой воды. Немногие тогда из бывших красноармейцев доехали до пункта назначения трудармии – Копейска. Здесь отец много лет работал на шахте № 201 (позднее шахте «Центральной») и День Победы 9 мая 1945 года встретил глубоко под землей, на рабочем месте.

Со своей женой Анастасией Петровной впервые встретился на танцплощадке Дворца культуры угольщиков. Когда поженились, а произошло это в День шахтера, родные маму укоряли, что в мужа взяла немца.

Я всегда к своим родителям относилась с большой любовью и уважением. И сегодня, продолжая их дело, активно участвую в деятельности правления городской немецкой культурной автономии, являюсь преподавателем воскресной школы».

О. С. Ордуханова: «Мои папа Самуил Фридрихович Фреймут и мама Мария Кондратьевна (в девичестве Карис) – поволжские российские немцы. Оба были призваны в трудармию, с той разницей, что отец – весной 42-го года, а мама – спустя шесть месяцев. Оба работали на кирпичном комбинате в пос. Потанино, продукция которого в основном шла на строительство Челябинского металлургического комбината. Здесь преобладал ручной труд, механизация процессов, в том числе и малая, отсутствовала. Трудармейцы, содержащиеся в лагере, рассказывал отец, питались по принципу «котловки»: строго дозированный паек, в зависимости от ежедневной выработки.

Папа часто рассказывал о тяжелейших условиях быта в лагере. Вспоминал, что немногие смогли вынести тяготы и лишения, 12-ти часовой рабочий день, чувство непроходящего голода, содержание в лагере под вооруженной охраной.

Что касается меня, их единственной дочери, то, обучаясь в школе, я порой все же чувствовала настороженное отношение к себе ровесников.

А. Бауэр: «Скажу откровенно, мое поколение немного знает и об Указе от 28 августа

1941 года, и о том, какой бедой он стал для российских немцев. Но мне была интересна эта тема, и потому я часто общалась со своей бабушкой Розой Яковлевной Бауэр, на долю которой выпало немало испытаний в годы войны.

Она уроженка Украины, осенью 41-го года была привезена в Копейск, где на машзаводе им. Кирова многие годы работала фрезеровщицей, в военную пору выпускала снаряды для фронта. Мне очень нравился ее мягкий,

добрый, отзывчивый характер, она была общительным человеком.

Что касается меня, то, обучаясь в средней школе № 6, я последние годы серьезно занимаюсь изучением немецкого и английского языков. Попытаюсь добиться того, чтобы знать их в совершенстве. Мне интересно бывать на мероприятиях, проводимых правлением городской немецкой культурной автономии, руководителем которой является Ирина Анастольевна Вейс».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
«О СНЯТИИ НЕКОТОРЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ»**

г. Москва, Кремль

5 июля 1954 г.

В результате дальнейшего упрочения советского общественного строя и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев, выселенных в районы Казахской, Киргизской и Таджикской ССР, Коми, Башкирской и Якутской АССР, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Свердловской и других областей, будучи трудоустроена в сельском хозяйстве, в промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, и, считая, что в связи с этим, применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Предоставить лицам, состоящим на учете спецпоселений, занимающихся общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Не распространять это право на лиц из числа спецпоселенцев, которые не занимаются общественно полезным трудом, нарушают режим и общественный порядок в местах поселения.

2. Во изменение существующего порядка установить для спецпереселенцев личную явку на регистрацию в органы Министерства внутренних дел СССР один раз в год. Лица, меняющие постоянное место жительства, обязаны сняться с учета в спецкомендатурах и встать на учет по новому месту жительства в органах Министерства внутренних дел СССР.

3. Снять с учета в органах Министерства внутренних дел СССР детей спецпереселенцев до 16-летнего возраста включительно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним в дальнейшем ограничений, установленных для спецпереселенцев.

4. Снять с учета спецпоселений детей старше 16 лет, принятых и направленных в учебные заведения, разрешить им выезд к месту учебы в любой пункт страны.

5. Отменить применение штрафа и ареста, как административных мер наказания к спецпереселенцам, за нарушение режима в местах поселения.

6. Обязать Совет Министров союзных автономных республик, исполком краевых и областных Советов депутатов трудящихся усилить политическую работу среди спецпоселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь. Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские организации, а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью.

7. Настоящее постановление не распространяется на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания, а также на категории спецпоселенцев, указанные в Приложении.

**Председатель Совета Министров СССР Г. Маленков
Управляющий Делами Совета Министров СССР А. Коробов**

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спец поселении.

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев, и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев-граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Москва, Кремль,

13 декабря 1955 года

Александр Нахтигаль

«ОДНА НА ВСЕХ, МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ»

Наша цель: знать и помнить

В 2010 году мы, как полагается, с размахом отметили 65-летие Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Эта дата и форма ее празднования, как всегда, навеивает немало мыслей и ассоциаций. Особенно часто они приходят, когда мы, граждане России, начинаем отмечать даты связанные с Великой Отечественной войной. И всегда, я думаю, не только у меня возникает вопрос: а всех ли героев мы вспоминаем в эти праздничные дни, не забываем ли мы ветеранов, которые на фронте и в тылу приближали Победу? И до сегодняшнего дня дня я отвечаю себе на этот вопрос однозначно: не всех вспоминаем и не обо всем помним.

Я хочу обратить ваше внимание на тех безымянных героев, которые строили заводы, шахты, фабрики, которые производили оружие, обмундирование для фронта, для Победы, но жили за колючей проволокой, ходили строем на работу в окружении сторожевых собак и вооруженной охраны, ведь их считали врагами. Таких было сотни тысяч, они умирали сотнями от голода и холода, от издевательств охранников, от непосильного труда. Их хоронили в общих ямах-могилах, над ними не ставили ни памятников, ни крестов.

Прочитать и узнать об этом страшном времени для нынешней молодежи негде. Эта страница Великой Отечественной войны до сих пор остается самой темной и не вспоминаемой. С одной стороны все признают, что это было и сами трудармейцы могут об этом без опасения рассказывать, не опасаясь быть арестованными, а наше общество от этой истории надежно отгорожено и как следствие его не интересует.

Российские немцы той поры от 15 до 60 лет

прошли через мясорубку трудармии. Сейчас им уже далеко за 80 лет. Они давно уже не ждут справедливости и признания своего трудового подвига. Устали ждать! Но российский немецкий народ, пока он остается на земле, в глубине души всегда будет ждать справедливой оценки своей роли в Великой Отечественной войны.

В преддверии 65-ой годовщины по телеканалу «Россия» показали передачу о том, в каком состоянии находятся памятники советским воинам на Украине. Один из сюжетов касался Крыма. Показали разваливающийся и заросший травой памятник. Взяли интервью у представителя местной власти, который сделал такой вывод: «Я по национальности крымский татарин и не считаю День Победы праздником, поэтому состояние памятников меня не волнует». Вот такая история, которая и сейчас разделяет наше общество.

В отличие от представителя репрессированного народа крымских татар советские немцы всегда считали День Победы своим праздником. Быть может они лучше понимали, что такое немецкий фашизм и если бы он победил, в том обществе не было бы места ни крымским татарам, ни многим другим народам. Поэтому несмотря на несправедливые обвинения, на выкрики в спину «фашист», они сжав зубы работали и терпели. Они верили, что время все расставит по своим местам.

День Памяти

Каждый год 28 августа российские немцы приходят к памятникам, если они есть или дома, чтобы помянуть тех, кто погиб в годы репрессий во время Великой Отечественной войны или чествовать тех, кто смог выжить в этой страшной мясорубке. Одно уточнение, сделают это только те, кто знает что за дата

28 августа 1941 года. День, когда был принят Указ Верховного Совета СССР «О выселении немцев из Республики немцев Поволжья». Это единственный открытый документ, с которого начались официальные репрессии против советских немцев. А знают об этой дате, все меньше немцев, а остальные граждане России вообще понятия не имеют.

В 2010 году группа активистов Челябинских немецких общественных организаций в день этой печальной даты пришла на субботник и облагородила памятник трудармейцам за шлакоотвалами коксохимического производства Челябинского металлургического комбината. Скосили вокруг его траву, убрали сухостой, обсыпали памятник отсевом. Он принял ухоженный вид. Уходили под капли дождя — хорошая примета. Вечером я специально посмотрел новости основных телеканалов. Без особой надежды, но думал чем черт не шутит, вдруг кто-нибудь вспомнит. В новостях было все, были и воспоминания о событиях Великой Отечественной войны. Но только о выселении в 24 часа сотен тысяч советских граждан, из которых до мест назначения не доехали десятки тысяч, никто не вспомнил. Такова логика нашей жизни.

Война против своего народа

Почему так получается, что голоса желающие, чтобы о реабилитации репрессированных народов заговорила нынешняя российская власть разного уровня, как бы громко они не звучали, власть не слышит? Чтобы не делали общественные организации — в ответ молчание или обобщающие признания важности проблемы, которые не влекут за собой никаких действий. Почему это происходит?

Попробую высказать свою личную точку зрения. В нашем государстве у политиков идет мучительный процесс поиска идеологии, которую можно было бы предложить обществу. Эта идеология должна общество скрепить и направить для решительного движения вперед. Поиски эти пока ни к чему определенному не привели.

Но при этом власть очень опасается совершать поступки, которые могут, на ее взгляд, внести в общество какой-то дисбаланс. В этих условиях тема репрессий и реабилитации стала именно такой и никак не способствует, по мнению наших идеологов, консолидации общества. Ведь придется слишком глубоко погружаться в историю, многие факты переосмысливать, власть это не любит.

При исторической неспособности нашей власти разговаривать с народом, еще неизвестно сможет ли ныне властвующая элита завоевать при этом какой-то политический капитал. А тогда зачем рисковать, зачем признавать, что фактически с 1936 по 1953 годы, в нашей стране власть воевала со своим народом и жертвы были понесены немалые. Проще вычеркнуть эти события из истории страны. Фактически это уже произошло. Старика уйдут, а молодежи неоткуда будет об

этом узнать.

Но от суда истории не уйти. Придет время и каждый получит свое: и тот кто посылал народы в лагерь, и тот кто скрывал эту правду от народа.

Правда – разная, а справедливость - одна

Но может быть я неправильно рассуждаю, переживая за судьбу своего народа, перегибаю палку и слишком многого требую от власти?

Совсем недавно произошла трагедия, которая вновь привлекла внимание к событиям Второй мировой войны. Я имею в виду гибель президента Польши под Смоленском и торжества на месте Катынской трагедии. И вновь события недалекой истории, их оценки стали в центре взаимоотношений России и Польши, коснулось это и трагедии советских народов.

Почему в Польше начиная от домохозяек до президента с таким упорством стремятся узнать ПРАВДУ о событиях, которые затрагивают историю их народа? Ответ я услышал от Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Польша в РФ Ежи Бара, который он дал Владимиру Познеру.

Отвечая на вопрос, кто виноват в катынской трагедии: только ли сталинский режим, или и советский народ, поддерживавший этот режим, Е. Бар заметил: «Люди могут быть виноваты только тогда, когда они сами забывают. Если кто-то не хочет знать, или отвергает знания, в этом смысле есть и его вина».

«Мы такой народ, который не может строить будущего без памяти, - отметил посол. – Я уверен, что прошлое нужно, чтобы жить с поднятой головой в будущем».

Е.Бар заметил, что, по его мнению, русский народ также приближается к такому отношению к собственной истории, но выразил желание, чтобы этот процесс шел интенсивнее. «Я хотел бы как человек, из глубины сердца желающий русским всего самого лучшего, чтобы ваша память была бы также многогранна, как и ваша история, - сказал посол. – Ведь люди будут богаче, если будут помнить независимо от того, какого цвета эта память – красная как кровь, или даже черная».

В России отношение к истории тоже разное, для одних это застывшее прошлое, которое надо в прошлом оставить, к сожалению, среди них большинство современных политиков. Для других живой процесс, который влияет на наше настоящее и будущее. Среди них крупнейший российский историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор Наталия Ивановна Басовская. Она считает: «Всё, что происходит в истории, касается каждого. История – это мы с вами...По-настоящему – прошлого нет. Оно в нас, а мы – в нём, и те, кто это понимает, правильно чувствует суть человечества. Гигантский автопортрет его – это и есть история».

И наши политики демонстрируют понимание того, что разобраться в событиях истории

и сейчас наша важнейшая задача. В приветственном слове читателям сборника статей, посвященном 70-летию начала Второй мировой войны президент России Дмитрий Медведев написал: «Уроки Второй мировой войны не имеют срока давности. Мы должны их знать и жестко реагировать на любые попытки исказить историю: оболгать истинных героев и обелить преступников».

Уверен, с этим никто не поспорит, а именно этого мы и хотим.

Недавно я узнал удивительный факт, Как известно, в годы Великой Отечественной войны были репрессированы многие народы, в том числе и калмыки. И вот президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова в одном из интервью спросили:

- Дмитрий Медведев недавно публично назвал Сталина «преступником» и «диктатором». Калмыки при Сталине в 1930-е гг. были депортированы, вы делаете что-нибудь, чтобы люди не забывали этого преступления?

- Я еще в 1993 г. собрал несколько тысяч наших стариков, посадил в поезд и отправил в Сибирь эшелон памяти. На нем было написано: «Народ Калмыкии — с благодарностью народам Сибири». Потому что люди простые не дали нам тогда погибнуть. Мне мама рассказывала — их в тайге выкинули без теплой одежды, еды.

Им старушки приносили картошку, брали к себе домой. С тех пор каждый год отправляем такие поезда. Мне как-то позволив сотрудничать Кремля: «Ты чего, Кирсан, это национализм!» Я говорю: «Наоборот, интернационализм, ну был Берия, но народ тут при чем, мы же едем с благодарностью народу». 2 октября 2009 года министр культуры Александр Авдеев открывал у нас музей с экспозицией, посвященной этой странице истории: 60 процентов калмыков погибли при депортации...

Уверен, что и советские немцы могли бы обратиться с такой же благодарностью к народам, которые спасли их от голода и холода.

Вместо заключения

Для меня самое печальное, что наша немецкая молодежь начинает воспринимать репрессию как что-то инородное не связанное с их теперешней судьбой. Как-то я прочитал в одной из статей молодого автора: «28 августа мы не стали лить слезы». А ветераны-трудоармейцы никогда не лили слезы, и никогда не призывали с кем-то сводить счеты. Они хотели только, чтобы правду о их судьбе узнал российский народ и, чтобы о тех годах никогда не забыли.

Это желание мы обязаны выполнить.

УКАЗАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

№13/132с

20 июля 1954 г.

Совет Министров СССР 5 июля 1954 года принял Постановление за №1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», в котором отметил, что в результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев, будучи трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывает необходимости.

В связи с этим Совет Министров СССР постановил:

1. Предоставить лицам, состоящим на учете спецпоселений, занимающимся общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам — право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Не распространять этого права на лиц из числа спецпоселенцев, которые не занимаются общественно-полезным трудом, нарушают режим и общественный порядок в местах поселения.

2. Во изменение существующего порядка установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы Министерства внутренних дел СССР один раз в год. Лица, меняющие постоянное место жительства, обязаны сняться с учета в спецкомендатурах и встать на учет по новому месту жительства в органах Министерства внутренних дел СССР.

3. Снять с учета в органах Министерства внутренних дел СССР детей спецпоселенцев до 16-летнего возраста включительно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним в дальнейшем ограничений, установленных для спецпоселенцев.

4. Снять с учета спецпоселений детей старше 16 лет, принятых и направленных в учебные заведения, разрешить им выезд к месту учебы в любой пункт страны.

5. Отменить применение штрафа и ареста как административных мер наказания к спецпоселенцам за нарушение режима в местах поселений.

6. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполкомы краевых и областных Советов депутатов трудящихся усилить политическую работу среди спецпоселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь. Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские орга-

низации, а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью.

7. Настоящее постановление не распространяется на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания, а также на категории спецпоселенцев, указанные в приложении.

В приложении указаны следующие спецпоселенцы, на которых не распространяется постановление Совета Министров СССР:

Украинские националисты, бандиты «ОУН-УПА», бандпособники и члены их семей, выселенные из западных областей Украины в 1944–1952 годах.

«Андерсовцы» и члены их семей, выселенные из Литовской ССР, западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году.

Иеговисты, выселенные из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР, а также западных областей Украины и Белоруссии в 1951 году.

Члены семей бандитов, бандпособников и кулаки с семьями, выселенные из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также западных областей Украины, Белоруссии и Псковской области в 1945–1952 годах.

Виктор Чигинцев

КРЫЛО «ЧЕРНОГО ВОРОНА»

Вот рабочий поселок, некогда вставший на берегу озера, богатого рыбой и дичью. Но привязкой к местности послужило не озеро, а шахта. Озеро выкачали, а в его осушенную впадину вонзили глубокий ствол, чтобы брать угольную залежь под его древним дном.

Вот двухэтажный дом послевоенной постройки. Сложен, как и соседние дома, из шлакоблочного кирпича. В войну и какое-то время после ее такой кирпич пекли из буро-красного горелика, добываемого из потухших, но еще огнедышащих внутри вулканов-терриконов.

Вот трехкомнатная квартира на первом, вросшем в землю этаже. Есть свой погребок. Из крана бежит холодная вода. Есть туалет и ванная комната с титаном. На кухне стоит печка, отопляемая обогащенным углем. Запас топлива – в стайке на улице.

Здесь живет обычная российская семья, каких миллионы. Хозяева – Иосиф Андреевич и Ирина Гергардовна Романчак – шахтеры-пенсионеры. В силу возрастного статуса давно живут за чертой бедности. Но христианских заповедей не забывают: обогреют замерзшего, подадут нехитрую снедь нищему и голодному. Их милосердию учатся дети – сын, сноха, трое внучат. Все живут с ними.

Старый забойщик Иосиф Андреевич, ломаный-переломанный в шахте, не раз бывавший в завалах, из западных украинцев. Ирина Гергардовна, всю жизнь проработавшая в ламповой шахты «Подозерная» - из поволжских немцев. А потому в детстве злые языки звали их не иначе как «бандеровцем» и «фашисткой». Было обидно и горько. Но перед свадьбой своей шутили: «Вот такой «вражеский» брачный союз!»

Урал для них – полудобровольная ссылка, ставшая второй родиной. Вначале их заставили здесь жить, а потом они сами остались

здесь жить.

Что делают простые, добрые люди, когда в их дом приходят гости? Угощают горячим чаем с вареньем, показывают семейные альбомы, рассказывают о житье-бытье. Пока хозяйка хлопотала на кухне, а хозяин спускался в погребок, я рассматривал семейные альбомы и слушал передачу «Маяка». Из радиоточки ненавязчиво, мужским и женским голосом, барды пели под гитару: «Ну-ка парень, подними повыше ворот. Подними повыше ворот и держись. Черный ворон, черный ворон, черный ворон – переехал мою маленькую жизнь...»

Что было в альбомах? Известно, что – семейные застолья, свадьбы, именины, похороны, рожденья – любительские снимки. Но один из альбомов поразил богатством, роскошью, экзотикой эпизодов, запечатленных на цветных фотографиях. Ну, совсем не наша, а чужая была эта жизнь: коттеджи, замки, горы, водопады, леса, сады, реки, лимузины, рождественские елки, сытые нарядные младенцы, их счастливые мамы, папы, бабушки и дедушки. Много еще чего – великолепие цветочных клумб перед фасадами домов, корзинки с яркой клубникой на голубом снегу, веселые пикники под сенью вековых сосен! Еще – яркие поздравительные открытки, испещренные вязью английского и немецкого языков. И совсем редко – почтовые тексты на русском, со многими ошибками в языке.

Слезы у Ирины Гергардовны совсем близко. Она рассказывала и плакала. Плакала и рассказывала. О своей жизни. О своей «маленькой жизни», которую безжалостно переехал «черный ворон».

Когда началась война, ее мама, учительница начальных классов Элла Петровна Гардер, гостила в Аркадаке – маленьком городке на Волге – у родной сестры. С ней были трое ее

детей – шести, четырех и двух лет. Ирина была старшей, старше двух своих братишек. Отец, учитель и директор школы Гергард Яковлевич Дик, оставался дома, принимал выпускные экзамены. С началом летних каникул собирался встретиться с семьей в Аркадаке. Был он молод, еще не дожил до возраста Иисуса Христа. Но больше они не встретились. Никогда. Вместе с переселенцами были угнаны на Урал, а потом дальше – в Сибирь. Мужа забрали в трудармию.

Дорожные мытарства не прошли бесследно: заболел дифтерией двухлетний Артур. Лечить его местные врачи не стали – младенец был немцем. Вернувшись из больницы, а это 25 лет спустя, мать взяла у печки березовое полено и всю ночь убаюкивала его на своих руках. Было страшно. Наутро сама сколотила ящичек, уложила в него холодное тельце сына и захоронила в снегу, в огороде. Могилу копать было некому. Весной, когда стали оседать снега, попрощалась с сыном еще раз: замороженный, он лежал в своей деревянной обители, словно спал. Могилу помогли выкопать добрые люди. К тому времени не было в живых и мужа. Известие о его смерти в трудармии пришло через две недели после смерти его младшего сынишки Артура. Всю долгую зиму, уходя в лес за хворостом, мать обнимала березу и подолгу плакала, разговаривая с любимым.

Когда Ирина с братом Рудольфом уже совсем опухли от голода, в их дом пришел дед с белой бородой. Он был старше мамы на 25 лет, и у него было с собой несколько килограммов гороха. Звали его Петр Петрович Буляр. Он спас остатки семьи от голодной смерти, став их кормильцем.

Судьба Буляра была еще ужасней и непоправимей. На удивление этот мудрый человек прожил долгую жизнь, умерев в возрасте 106 лет, только на два месяца пережив свою третью жену – маму Ирины Гергардовны. Мама умерла восьмидесятилетней.

Крыло «черного ворона» только опажнуло Петра Петровича, но не лишило его жизни. Часто думал – лучше бы лишило. До войны он руководил на Украине маслозаводом. Первая жена умерла молодой, оставив ему двоих детей. Вторично женился на ее родной сестре. Она очень любила своих племянников, и они стали для нее родными. Вместе они нажили еще шестерых детей.

Свою семью Буляр потерял в первое военное лето. Под частыми бомбежками копали противотанковые рвы, но натиск врага был так силен, что пришлось отступить. Дальше трудармия. Семья осталась в оккупации. Ни жены, ни детей он больше никогда не увидел. Нет, все же увидел! Через много лет, на цветных фотографиях, присылаемых... из Канады. Вот куда занесла их судьба! Семью искал всю войну. И только в конце 1946-го пришел в дом к бедствующей немке-учительнице с опухшими от голода детьми. Возможно, он генетически был создан для долголетия: родился в 1887

году, прожив 106 лет. Ему было уже 60, когда в новой семье родилась девочка. Он назвал ее Аней, в честь младшей дочери, которую, как и всю свою семью, считал погибшей. Аня была уже школьницей, ей исполнилось десять лет, когда в конце пятидесятых село Волчанку, что в Омской области, облетело необычное и радостное известие: семья белобородого деда Буляра проживает в Канаде. Живы все, за исключением одного из сыновей, смытого океанской волной с корабельной палубы, когда судно шло к берегам другого континента.

Мама Ириши, пряча слезы, умоляла мужа, чтобы он хлопотал о поездке в Канаду. Говорила, что до конца своих дней будет благодарна ему за спасение от голодной смерти детей, за дочку Анечку. Все было напрасно. Старый Буляр разменял восьмой десяток лет и уже не находил в себе сил, чтобы разбить седой головой «железный занавес», разделявший два материка, два государства, два образа жизни. А в село Волчанку, немецкое село с русским названием, нескончаемым потоком шли посылки, письма, поздравления. В те годы почтальоны редко проходили мимо дома умного и печального Буляра. Посылки, как правило, разворачивались в пути, а в письмах и поздравлениях часто встречались недоуменные вопросы: почему их, русских канадцев, не пускают в Россию, чтобы встретиться с родным отцом? Не потому ли, что не совсем они русские, а русские немцы, живущие к тому же в Канаде? На что уж старшая дочь Лотти, работавшая ученым-цветоводом при Белом Доме и объехавшая полсвета, стучалась во все двери. Но и она, Лотти, не могла попасть в Советский Союз, а тем более – в Сибирь!

В конце 60-х случилось чудо! В Москву приехала младшая дочь Буляра – канадская Аня. На встречу с ней выехала другая дочь Буляра – российская Аня, коренная сибирячка, студентка пединститута. Самому же Буляру перевалило за 80 лет, но не годы не позволили ему слетать в Москву, а свалившаяся неожиданно болезнь. Единокровные сестры, две Анны, встретившиеся в Москве, оказались разительно похожи. Мне показали две фотографии – сестер Аннушек. Это было одно лицо, с очками ученой дамы, водруженными на нос. За стеклами очков – насмешливые васильковые глаза. Канадская Аня передала сердечный привет от многочисленной родовой ветви отца – детей, зятьев, невесток, внуков и даже правнуков старого Буляра. Очень сожалела о порядках: в Сибирь ее категорически не пускали. Расставаясь, горько плакала, что так и не довелось увидеть родного батюшку.

Три года назад Анна Петровна, оставив в Волчанке родные могилы, уехала с семьей в Германию. К тому времени, распродав по дешевке добротные дома, туда уехали все немцы-сельчане. Там, на юге Германии, среди гор и сосен, откуда берет свое начало Дунай, Анна Петровна уже дважды встречалась с канадскими сестрами Аней и Лотти. Она рассказала им о последних днях жизни

отца. После смерти матери он потерял сон. Однажды, уложив его в постель и уйдя в свою комнату, Анна долго лежала, вслушиваясь в завывания жгучего сибирского ветра. Вдруг в окно постучали. Откинув занавеску, она увидела за оконными узорами отца – белого, как лунь, старца. Выскочив на улицу, завела его, полуголого и босого, в дом. Налила в тазик горячей воды, стала греть ему ноги. Он не противился, а тихим уставшим голосом рассказывал: «Анечка, за мной пришла мама. Мы вышли с ней на улицу. Нам было так хорошо вместе. Потом она исчезла, а я все никак не мог попасть домой. Вот и постучал в твою спальню...» Больше отец с постели не поднялся, как-то быстро ослаб и умер.

На одной из страниц семейного альбома, в самом центре, помещена фотография 100-летнего Петра Петровича Буляра. На снимке он с раскладистой белой бородой, в очках – сидит за столом и читает газету «Правда». А вокруг наклеены фотографии его канадских

детей, внуков, правнуков и праправнуков. Внизу – снимок жены, спасшей от гибели его детей. Все дети получили высшее образование. Там, в Канаде, она больше не выходила замуж. Умирая, молилась о муже, оставшемся в России. Над этой страницей семейного альбома сестры Ирина Гергардовна и Анна Петровна поработали вместе. Тогда они сказали отцу: «Хоть здесь, в альбоме, побудь в окружении своей семьи!» Он ответил: «Вы – тоже моя семья».

«Черный ворон, черный ворон, черный ворон – переехал мою маленькую жизнь!» Прощаясь с шахтерской семьей Романчаков, я спрашивал себя. Кто сделал их жизнь – маленькой? Кто способствовал пути не духовному, но социальному упадку? На пышном дереве жизни засохла только одна ветка. Та, на которой отдыхал в вековом полете «черный ворон»!

Пос. Бажово

**РАСПОРЯЖЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
О ПРИЗЫВЕ В АРМИЮ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ**

23 марта 1955 г.

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР и Министерства обороны СССР:

а) о призыве, начиная с 1955 года, на действительную военную службу в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности граждан СССР из числа спецпереселенцев, родившихся в 1936 г., и о призыве в дальнейшем на общих основаниях лиц, родившихся после 1936 г., с которых согласно Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г № 1439-649 сняты некоторые ограничения в правовом положении;

б) о снятии с учета спецпоселения призванных на действительную военную службу и направлении их для прохождения службы в воинских частях по указанию Генерального штаба.

2. Обязать Министерство обороны СССР и Министерство внутренних дел СССР провести необходимую разъяснительную работу среди молодежи из числа спецпоселенцев, призываемых в Советскую Армию.

**Председатель Совета Министров СССР Н. Булганин
ЦГА КБР. ф.774. Оп.1. Д. 19. Л.9**

Юлия Скорина

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Сегодня в России отмечается День памяти жертв политических репрессий, которые проходили в стране с конца 20-х до начала 50-х годов прошлого века. На протяжении 30 лет уничтожались целые слои и сословия советского народа. Было практически ликвидировано казачество, «раскулачено» и обескровлено крестьянство, политическим преследованиям подверглись и интеллигенция, и рабочие, и военные. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий. «Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время. Количество непосредственных жертв репрессий – тех, кого приговорили за политические преступления к смертной казни или лишению свободы, исчисляется десятками миллионов.

При подготовке этого материала корреспонденты «Вашей газеты» обзвонили несколько десятков нижекамцев, которые когда-то были репрессированы, либо которые являются

детьми репрессированных и родились в лагерях. Всего в этом списке 184 фамилии. Один нижекамец провёл восемь с половиной лет в ГУЛаге, другие были сосланы как немцы

Поволжья, третьих заточили в лагеря из-за доносов. Практически все отказывались от интервью – кто-то был болен, кто-то в силу возраста уже плохо слышал или плохо видел, кто-то вовсе не мог разговаривать. И практически все в один голос твердили: «Я не хочу говорить об этом. Много воды утекло, многие умерли, не нужно об этом...» Рассказать о своей семье, которая пережила многолетние гонения, голод и, наконец, радость, когда стало известно о смерти Сталина, решился Яков Шульц.

– Яков Иванович, расскажите, из-за чего ваших родителей репрессировали?

– Из-за того, что они были немцами, это был национальный вопрос. Мои дед с бабушкой приехали из Германии. Они жили в Украине в Припяти. Когда начался страшный голодомор, кто-то из немцев съездил в Курганскую область, вернулся и сказал, что там дают земли. Все переехали туда. Там получили наделы, освоились, дед женился на бабушке. Когда умер дедушка, моему отцу, Ивану Францевичу, было всего 16. Он остался старшим в семье. Чтобы прокормить девятерых человек, пошёл работать. Устроился механизатором в колхозе, перед самой войной был бригадиром тракторной бригады.

Потом познакомился с мамой, Марией Филипповной, они поженились в 38 году. До войны родились два сына. В 41 году отца призывали на фронт. Он поехал, но в Челябинской области его сняли с поезда. И всех остальных немцев тоже. Отправили в трудовую армию, в Златоуст. Отец написал письмо Молотову (Вячеслав Михайлович Молотов, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939-1949 – прим. автора), чтобы его отправили на фронт. Пришёл положительный ответ. Но военком перевёл отца в Челябинск

на механический завод и сказал: «Больше никаких писем». Отец говорил, что лучше бы воевал, там хоть кормили. Он видел, как во-круг умирают люди. Умирало больше, чем на фронте.

Отец получал пайку – хлеб и махорку. Он не курил и всегда говорил нам: «Не курите, только за счёт этого я и выжил». Махорку он менял на хлеб, а кто курил, обменивали хлеб на махорку, недоедали и гибли один за другим.

В 1945-м отцу определили поселение в колхоз села Сураково и тогда из Курганской области приехали мама с детьми. Жить было негде, и отец выкопал землянку, накрыл её, поставили дверь, буржуйку. То есть люди привезли и сказали: «Если хотите жить, живите здесь». И люди своими силами обустроивались. Четыре года они жили в этой землянке вчетвером, потом, в 49-м, переехали в один колхоз, сейчас это посёлок Лазурный, а до этого там было молочно-животноводческое хозяйство, которое относилось к закрытому городу Челябинск-40. Каждой семье было выделено по комнатке, ютились и по три, и по пять, и по десять человек, всего в бараке жили 10 семей. Я родился в 51 году, нас было девять детей. Так до 57 года и жили там.

Во время войны отец работал на заводе в Златоусте, а затем на строительстве металлургического завода в Челябинске. Смена была по 12 часов, люди толком не ели, не пили, умирали от голода и холода прямо у станков. Трупы уносили и бросали в огромные ямы...

Помню, родители постоянно приходили отмечаться в спецкомендатуру, что они не сбежали, а живут здесь и работают. Я этого коменданта хорошо помню, учился с его сыном. Очень не любили его, всегда был жёсткий. Мать говорила, что он постоянно

цеплялся и ругался. Не каждый раз получалось прийти вовремя, чтобы отметить – дети-то маленькие совсем.

– Наверняка на заводах отец подорвал здоровье?

– Да. Физически он был очень сильным человеком. Я помню, он жаловался на желудок и у него сильно болели руки. Тогда не было выбора – либо делаешь, что нужно, либо умираешь. В бараках спали на деревянных нарах, которые были застелены матрасами и подушками с соломой. В комнатках стояли буржуйки. А бельё можно было поменять только единственным способом – вывернуть наизнанку. Воды горячей не было, туалет – на улице, условия очень суровые были.

– В то время люди боялись сказать что-то лишнее, даже у стен были уши...

– В то время вообще разговаривать было сложно. Если донесёшь на кого-нибудь – неважно, сосед твой, учитель, коллега, то хорошо, может, сам ещё день проживёшь, да и то не факт. Мой дед так и получил 10 лет лагерей. В 37 году на него донесли, мол, что-то сказал. И его сослали. Даже маленькие дети понимали, что нужно держать язык за зубами. Сталин вообще не обсуждался, даже фамилия его не произносилась.

– Заключённые долго не знали о смерти Сталина. Кто-то из писателей написал так: «Наконец, на общем построении начальник лагеря сказал: «Умер вождь народов товарищ Сталин. Шапки снять и молчанием почтить память умершего». Заключённые сняли шапки и молча подбросили их в воздух». В этих трёх предложениях показано, что испытывали тогда невинно осуждённые, загнанные люди. А что почувствовали ваши родители, когда узнали, что Сталина больше нет?

– Радость. Да, они обрадовались. Но ничего нельзя было показывать, потому что спецкомендатура ещё работала, было страшно. Реабилитировали родителей только в 55-м,

хотя приказ об этом был дан в сентябре 54-го. Все получили компенсацию только в 90-х годах. У родителей появились удостоверения, у нас – справки.

– Вы читали произведения репрессированных писателей – Солженицына, Бергольц, Шаламова, других авторов?

– Нет. В то время было запрещено, а сейчас уже нет времени, внуками занимаемся. Да и желания, если честно, тоже нет.

– Общаетесь с другими репрессированными?

– В 1984-м году я пришёл работать на ТЭЦ, там познакомился с Юрием Адольфовичем Экгардтом. Его родителей тогда сослали в Оренбургскую область в Орск. Они были немцы Поволжья. До сих пор с ним дружим.

– Ваши родители не любили вспоминать эти годы?

– Очень не любили. Боялись, что скажут что-то лишнее и всё, конец – за ними придут.

– А вы? Боялись?

– Нет, я жпацаном совсем был. Потом всё равно легче стало. В 58-м году разрешили выезжать, тогда почти все уехали – кто в Украину, кто в Поволжье, кто на Кубань. А родители там и остались, прожили всю жизнь в Челябинске. Отец говорил, что родился здесь, его родители и жёны, братья и сёстры похоронены здесь. Несмотря на все ужасы, он любил страну и поэтому остался здесь. Даже после смерти мамы – она умерла в 96-м – отец остался. А я получил диплом инженера-электрика с отличием и по распределению уехал в Татарстан. Моя супруга родом из Нижнекамска, поэтому выбрали Казань. А уже оттуда меня отправили в Нижнекамск в пуско-наладочное управление. Запускали и «химию», и сажевый завод, и «КамАЗ». Я очень жалею, что не записывал рассказы отца. Вроде помню, но с годами какие-то вещи забываются, а людям стоит знать свою историю – без прошлого нет будущего. Это было очень страшное время.

**ШИФРОТЕЛЕГРАММА № 3760 МВД СССР
«О СНЯТИИ С УЧЕТА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ
В ЧЛЕНЫ КПСС И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ»**

Министрам внутренних дел республик,
начальникам УМВД краев и областей (по списку)

10 мая 1955 г.

Снимите с учета спецпоселения и освободите из-под административного надзора органов МВД членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей.

Исполнение доложите.

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С. Круглов

«Ссылка калмыков: как это было». Элиста. 1993. С. 234.

УНИЖЕНИЕ

День стоял осенний, но еще знойный. По небосклону своим извечным маршрутом катилось беспристрастное солнце, иссушая взгорки, прогревая низины, обогревая и сырых, и палачей. По матушке-земле туда-сюда сновали люди. Пути их пересекались, сталкивались, расходились, выходили на простор, заходили в тупики. Одним довелось упиваться властью, другим – безропотно повиноваться, третьи делали попытки противиться насилию и получали увесистые оплеухи, четвертые самоотверженно вставали на пути беззакония и безвременно уходили в небытие.

Шёл уже пятый год трудного мира после большой и кровавой войны. Люди жили все вместе, но каждый по-своему, кто как умел или как вынуждали обстоятельства. Редкая светлая радость переплеталась с нередкой тогда серой грустью и черным горем. Впереди у всех была огромная НАДЕЖДА.

Комендант, не очень высокий чин НКВД, сидит за квадратным, сколоченным из обструганных некрашенных досок столом, на единственном на всю контору стуле с прямой спинкой. Для остальных – лавки и табуретки. На лавке вдоль стены сидят посетители: и вызванные к Нему, и пришедшие по своим делам к управляющему отделением совхоза – контора маленькая и отдельного помещения для Него нет. Но Ему и не надо отдельного кабинета, так даже лучше – пусть смотрят все, слушают и видят: Он – представитель Власти. Власти неограниченной, непостижимой для этих забитых людей, страшной для них. Но, тем не менее, им любопытно всё, происходящее здесь, лестно быть свидетелем чужого унижения – еще большего, чем твое, все они – как кролики перед удавом. Они даже счастливы по-своему.

Он чувствует все это по их реакции, ощущает по той чуткой, оглушительной тишине, что стоит в конторе. Даже управляющий, этот выдавший виды мужик из фронтовиков, сидя на табурете, уткнулся в какую-то бумажку и уже полчаса никак не может осилить ее содержание. Видимо, тоже не все у него чисто в анкете или за душой. Но этот не из Его контингента, пусть о нем у других голова болит...

Напротив коменданта, в трех шагах, к сожалению, дальше нельзя – помещение не позволяет, стоит очередная его посетительница и, вроде безразлично, смотрит куда-то сквозь него, ожидает его вопросов. Рядом с ней замер трехлетний курносый мальчишка.

Он внимательно, стальными, как он сам себе это представляет, глазами, бесцеремонно ощупывает ее фигуру – старовата, морщины, седина. Хотя... – он глянул в список, – ей нет еще и тридцати пяти. В этом списке четким красивым почерком его жены записаны все сведения о ней, как и обо всех этих людях, сосланных сюда, в это селение много лет назад, еще в начале войны, после того, как была ликвидирована их немецкая республика в Поволжье. Он всех их знает лучше, чем они друг друга и даже самих себя. У него на каждого заведено «Дело», куда

заносятся все сведения, все изменения или новые данные.

Регулярно, уже несколько лет, он наведывается сюда к ним, делает свою архиважную, государственную работу. И с большим удовольствием делает, не то, что некоторые, например, его предшественник – чистоплюй, не чаявший как бы перебраться, куда подальше от этих смиренных с виду людей. А Ему нравится его работа.

– Фамилия? – произносит он строгим голосом.

– Райфмайер, – отвечает она.

– Как-как? – словно не поняв или не услышав, повысив голос, переспрашивает он и проводит по списку, как бы ища, красивым, остро отточенным карандашом.

Она повторяет фамилию по слогам. Стоящий рядом сынишка, это наш Виталик, втягивает, будто предчувствуя удар, голову в плечи (звучание родной фамилии будет для него пыткой всю оставшуюся, только начавшуюся тогда, жизнь). Комендант наблюдает за ребёнком и ему доставляет удовольствие та неуютность, которую осязаемо ощущает мальчишка.

Он видит, что в его списке её фамилия написана не совсем так, как она её произносит вслух. Ну и черт с ним! Ошибки он замечает каждый раз, но не исправлять же, не портить такую красивую тетрадь, и, тем более, не переписывать же весь список из-за какой-то ерунды, из-за одной-двух не туда проставленных букв в этой никчёмной, никому не нужной фамилии. Ее телятам (она телятница) все равно, как тут написано, а этому глазастому фриценку навряд ли захочется быть немцем тогда, когда он вырастет, если вырастет. Отречется от всего – и от нации, и от фамилии, и от своей упёртой матери.

– Имя? – продолжает он деловито.

– Мария.

Ответ её звучит, как всегда спокойно. Слишком спокойно! И откуда в ней столько самообладания и гордости? Неужели мало десяти лет унижений, чтобы вытравить эту блажь. Удивительно!... Но с именем всё в порядке. Имя как имя, даже слишком красивое

для крестьянки, хотя крестьянкой она стала уже здесь, в ссылке, а до войны она была мастером на швейно-трикотажной фабрике. Правда, имя у нее было когда-то какое-то странное, двойное – Мария-Катарина. Надо же, какая блажь! Но вторая половинка отпала как-то безболезненно. Но зато – отчество...

– Отчество? – настороженно спрашивает он, предчувствуя предстоящий неравный бой и предвкушая свою неминуемую, как всегда, победу над этой строптивой бабой.

– Иоганнесовна, – говорит она своим усталым голосом. Ей уже надоела эта долготелая, так опрометчиво начатая ею война с этим ограниченным человеком, когда он сам, или по указанию своих начальников, переменял все трудные для него имена и отчества. А может быть – не трудные. Просто неприятные в звучании.

– Та-ак! – еще больше оживляется он и подается вперед. – Я тебе уже тысячу раз говорил, нет такого отчества, давно отменили. Ты – Ивановна. Гордись! Можно сделать фрицевной (ему очень нравится это слово, услышанное от фронтовиков). Но пока нет такого указания, – как бы сожалея, разводит он руками и горно добавляет, – будешь упрямыми, – рапорт напишу на тебя. Докладную! Там разберутся, – ткнул он пальцем в потолок и сам глянул туда, но ничего кроме копоши и паутины вокруг лампочки не увидел и поморщился.

Все остальные вопросы не вызвали сомнений, кроме места рождения.

– Бальцер, – тоже устало говорит она.

– Где находится такой город? – зловеще вопрошал он, – в какой стране?

– На Волге.

– Нет там такого города, я по карте смотрел. Энгельс и Маркс – есть, а такого – нету. А вот тут записано... – он читает новое название ее родного города, который переименовали уже во время войны, после их выселения, – запомни на всю свою оставшуюся жизнь.

Она ничего не имеет против такого названия какого-то города, даже звучное и гордое – Красноармейск, но она-то родилась в городе с другим названием, в Бальцере и прожила в нем целую четверть века. Она родилась перед самой революцией и такого названия, какое произносит этот человек, тогда просто не могло быть, независимо от его или её желаний. И в документах о рождении у неё и её старшего сына то название значится. К тому же, написаны они, те документы, и на русском, и на немецком языке.

Вопросы и ответы о детях начались скороговоркой, но в конце он, как всегда, задал неанкетный, обидный вопрос, на который она никогда не отвечает ему, но он настойчиво его задает:

– От кого у тебя вот этот? – ухмыляясь, показывает он на Виталика, заставляя того еще глубже втянуть голову в плечи, хотя и так уже она по уши в них.

Обычно, поухмылявшись и покрякав, он от-

пускал её, он, конечно же, знал уже, что это не афишируемый побочный отпрыск бывшего управляющего, у которого был с ней какой-то романчик. Но сегодня он не спешил прощаться, изучая её внешность более внимательно. Нюхом ищейки он чувствовал, что сегодня ему есть ещё над чем покочевряжиться.

– Повернись.

Она повернулась, уже ничему не удивляясь.

– А эт-то тебе кто заделал? – с искренним любопытством, непроизвольно сглотив похотливую слюну, произнес он, показывая подрагивающим карандашом на ее чуть увеличившийся живот. Удастся же кому-то уломать такую строптивицу. Глаза у него забегали и недобро засияли, он привстал даже, – Что, опять у тебя теленок сдох? А это расплата за укрывательство? Ну, я разберусь!

Она стояла посреди конторы и своими красивыми, чуть повлажневшими глазами смотрела на засиженную мухами раму, висевшего на серой от копоши стене портрета вождя и молчала. Что она могла сказать? Признать его догадку? Распустить нюни? Нет, она ему ничего не скажет, его инструкций она не нарушает, даже в сельсовет или в фельдшерский пункт в соседнее село без разрешения не ходила ни разу за все эти годы. А ее дети – это ее дети. И больше никому до этого дела нет, какой бы ценой они ей не достались.

Заметив ропот и прочитав готовность дать ему отпор, в глазах некоторых присутствующих механизаторов из не подопечных ему пока граждан, он сменил гнев на милость:

– Ладно, иди пока. И смотри у меня! – погрозил он ей карандашом.

Она резко повернулась к нему спиной (как бы ему хотелось, чтобы эта спина согнулась) и, бережно ведя за руку насупившегося ребенка, вышла из конторы.

Он поправил ремень, скрипнув им, и фуражку; переложил с места на место тетрадь и карандаш, удовлетворенно прокашлялся и продолжил свою ответственную работу.

* * *

Она после той проверки у коменданта устало шла мимо разбросанных там и сям домишек этого, уже ставшего почти родным, селения, где она давно знала всех и все знала её. Люди по заслугам уважали её за трудолюбие и спокойный характер. У неё тоже не было оснований ненавидеть здесь кого-то, – большинство из них жили в этом селении тоже не по своей доброй воле, даже сельские специалисты и начальники, как, например, зоотехник, которому его жена-немка выговаривала недавно, насмешив всю деревню:

– Пауль, Пауль, тшто ты тумайшь – вся звинии бес оптах стоят, – это по поводу навеса над загонем для свиней. Павел Иванович только отмахивался от нее, как от назойливой мухи.

Люди у нас в те тяжелейшие времена любили пошутить, посмеяться по любому, пусть и не-

значительному, а то и – совсем ужсомнительному поводу. И здесь покатывались со смеху: «Тшто ты тумайшь – звинии бес оптах стоят», – ухохатывались они, проходя мимо совхозного свинарника, продолжающего, как ни в чем, ни бывало, стоять под худой крышей.

Но в такие дни, как сегодня, свет для Марии был не мил, горечь обиды разъедала всю душу. Потом, в будничных заботах, эта горечь обычно рассасывалась. Но вскоре наступал очередной день переключки, – и все повторялось снова. В такие дни односельчане не задавали ей никаких вопросов, а при встречах только здоровались и быстро отводили глаза или делали вид, что очень заняты. Тем более что многие из них так же являлись подопечными коменданта.

Горько и обидно было ей и тогда, когда комендантом был другой – человек, по всему видно, порядочный, сочувствующий людям, бывший фронтовик со шрамом на лице. Он не задавал никаких вопросов, просто сам называл фамилию, делал отметку и отпускал. Обижал сам процесс, огорчало само положение.

Уже десять лет она задается одним и тем же вопросом: за что? И не находит ответа. За что в начале осени 41-го отняли все нажитое: дом, хозяйство, любимую работу, все – даже детскую одежду, и повезли неведомо куда, через Среднюю Азию, где долго мурыжили голодом на станции Туркестан, на Алтай, а потом на Урал? За что в начале 42-го отняли мужа, увезли навсегда от нее и ребенка в неизвестность? За что еще через полгода оторвали от ее подола ревущего шестилетнего ребенка, бросили на окраине степного алтайского села, а ее в строю увели на станцию и повезли за тридевять земель в душном «телятнике»?

Сколько же еще этих – «почему» и «за что»... Но никто и никогда не то, что не может, даже не попытается хоть как-то ответить на ее немой вопрос. Видимо и не было у властей никогда никакого вразумительного ответа. Вот и молчали.

Жить ей, как и другим ее соплеменникам, приходилось в сараях, бараках, овощехранилищах, землянках. Вот и этот, плетущийся рядом с ней насупившись, второй сынишка родился в закутке в бывшем овощехранилище, где в ту зиму спасали от холодов телят.

Она и теперь, много лет спустя, все еще ютится с двумя детьми в избушке, по окошечки врытой в землю, – экономней так-то, меньше топлива на обогрев уходит в землянке.

Война на далёком западе давным-давно закончилась, люди уже залечили свои фронтовые раны, а она и другие её земляки до сих пор остаются в ссылке, лишённые всех гражданских прав, кроме права хорошо работать. Это единственное удовольствие, которого и её не лишали никогда, разве что подтрунивают иногда над «аккуратисткой». Приходится не показывать открыто эту свою привычку, а отдаваться ей потихонечку, пока нет сторонних глаз. Но так хочется, чтобы всё было чисто, ровно, на своем месте.

Начальники любят захаживать к ней в телятник, – здесь все сияет известковой белизной, как положено «по гигиене». Но лекарств мало, а телята иногда болеют, и случается даже падеж. Она делает все возможное, чтобы этого не случилось, – готовит отвары и настои из вишенника, полыни и других трав. Многих вылечивает. Особенно удачно удается исцелять их от поноса и простуды. Однако даже врачи не всеильны, тем более – ее травки, но падеж, тем не менее, недопустим, ни под каким предлогом – такое невыполнимое условие поставлено перед животноводами, – не должно умереть ни одного теленка. Вот и выкручивайся, если не хочешь угодить в тюрьму «за вредительство». А в тюрьму ей никак нельзя! Она уже однажды пережила разлуку с ребенком.

Здесь хоть и ограниченная, но – свобода все-таки, и есть и надежда, что когда-нибудь этот ужасный, далёкий от благоразумия сон закончится, и она сможет вернуться к себе домой, в Поволжье. Правда, большинство её близких уже не вернутся туда никогда, она знает на собственном опыте и из писем родных, что очень многие родные и знакомые ей люди трагически погибли в местах своей подневольной изнурительной работы на голодный желудок.

Особенно мало в это лихолетье осталось в живых ее сверстников-мужчин. Побольше выжило женщин, детей и стариков, над ними все-таки не так издевались.

Ей до боли в сердце хочется вернуться домой – в свой родной дом – вырастить своих детей хорошими людьми. Ее беспокоит их судьба, особенно старшего, пережившего многолетнюю разлуку с ней, скитавшегося, побиравшегося и повидавшего за свои недолгие, но длинные годы столько, что не всякому старику привелось. Да, сильно он изменился за эти тяжелые годы разлуки.

* * *

Всякие мысли и воспоминания стремглав пролетали в её рано седеющей голове, много пробуждалось разнообразных воспоминаний за те минуты, что она стремительно удалялась от конторы с этим отвратительным важным человеком, наделенным властью людьми над людьми, но обделенным Богом человечностью.

Виталик, уже позабывший, где он только что был, держась за ее ладошку, еле поспевал за нею вприпрыжку, умудряясь, однако углядеть все попадающееся на пути: от одуванчика, растущего у тропинки, до племенного бугая, привязанного за ошейник и кольцо в носу к столбу в загоне, но продолжающего буйнить.

Вернувшись в телятник, они занялись каждый своим привычным делом: она – мытьем ведер и бидонов, а сынишка – выгребанием из клеток сырой подстилки. Совковая лопата скрывала его по пояс, черенок возвышался над ним в три его роста. Он только недавно освоил эту ответственную работу, но управ-

лялся довольно ловко – хороший получится скотник!

Так потекли для них дальше дни ожиданий и надежды, радостей и разочарований. В редкие минуты отдыха мама выходила из телятника на волю: подышать свежим воздухом, погреться на солнышке, или, если было особенно жарко, – посидеть на мягкой травке в тени развесистых березок, стоявших небольшой гурьбой в нескольких шагах от телятника. Березки те сгрудились на непривычном для берез месте – на взгорке, откуда далеко видно и где всегда дует ветерок и где можно повспоминать прошлое и помечтать о будущем.

А вспомнить Марии, несмотря на её молодость, было уже что: жизнь ведь так разнообразна, и непредсказуема, а ужс ней-то судьба оказалась особенно щедрой на сюрпризы. Прошлое в сознании представало перед ней как две жизни. Одна – сплошная цепочка светлых дней, нанизанных на нить ее предвоенной жизни, семья, любимая работа, светлые надежды. Вторая – нагромождение

событий, одно другого абсурдней и нелепее, отчего хочется иногда ущипнуть себя, – не сон ли это? Просто удивительно, что она до сих пор не лишилась рассудка от этого кошмара. Только седина посеребрила ее тридцатилетнюю голову....

И все же в этой ужасной обстановке лишений и унижений были и для неё проблески света – как она, например, радовалась, когда нашелся, наконец-то, человек, согласившийся взять ее небольшие сбережения и истратить их на поездку в далекую Сибирь за ее первенцем! Дни трепетного ожидания слились для неё в неповторимый каскад чувств, когда всё делалось легко и бездумно, всё было подчинено одному чувству – ожиданию! Пять с лишним лет разлуки и, наконец, возможность скорого свидания со своим ребенком, своей кровиночкой, в котором она души не чаяла, но которого оторвали от ее сердца в самое трудное, голодное и холодное время, в самый разгар той ужасной войны, развязанной какими-то извергами.

НЕМНОГО СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Полистал списки имен жертв политического террора, невинно осужденных и убитых, собранных на ресурсе «Мемориала»: <http://lists.memo.ru/index.htm>. Искал своих родственников, но не нашел почти никого.

И потянуло меня на воспоминания, составленные по рассказам уже ушедших в лучший мир моих близких, свидетелей тех страшных лет.

На этом снимке семья моего деда Николая Николаевича в 1914 году, бывшего матроса, участника Цусимского сражения, видевшего адмирала Макарова (бабушка любила об этом рассказывать и про 10 рублей золотых, которые он получил за службу). Снимок плохой, но это то, что осталось, а «вытянуть» его в фотопрограмме я не умею, хотя говорят, что это возможно. Но для последующего изложения надо только, чтобы сложилось представление о социальном положении этой семьи. Мой дед сидит справа от своих родителей, стоит бабушка – Пелагея Ивановна, справа – мой будущий отец Михаил (10 лет), слева – Алексей (8 лет), сидит в ногах сидит кто-то из трех дочек бабушки, Алевтина, Клавдия или

Августа (они все умерли маленькими, остались только их имена), родившихся между Алексеем и Леонидом, который родился в 13 году и видимо во время этой съемки еще качался в люльке. До революции у них еще родился сын Василий в 1916 г., а в 1919 – дочь Фаина. Жили они в большом селе Каракулино на реке Каме под Сарапулом (сейчас это Удмуртия). Село большое, было три церкви, две в селе и одна на кладбище.

Село славилось своими ежегодными осенними ярмарками. Жить после революции они лучше не стали. Не бедняки, все-таки один дом на двоих с братом Василием, так середняки по достатку. Но в 1919 они все были выселены и отправлены на лесоповал в Пермьлаг.

Отец мой уже с 14 лет где-то работал на почте или телеграфе и под выселение не попал. Время было холодное, поздняя осень, шли они вдоль реки или это был обоз с выселенными, сейчас установить невозможно. Есть только страшное свидетельство дяди Леонида, что в этом вынужденном путешествии Фаина часто и сильно плакала (она была еще совсем маленькая), и Алексей, ему уже было 13 лет, предлагал матери: «Мам, ну что она мучается, давай ее утопим, все равно мы все погибнем». Они вернулись в 30-х, не все (Алексей вскоре после выселения умер), но деда я так и не увидел. Он умер в 37 или 38 – здоровье было сильно подорвано непосильным трудом и жуткими условиями. Все участники этих со-

бытий должны были бы быть в списке, но их там нет. Что не вызывает у меня претензий к составителям, а говорит о том, что списки далеко не полны, и нам надо их по возможности дополнять. И по маминой линии тоже никого не нашел. Эта линия немецкая, они все из НемПоволжья (Автономная республика немцев Поволжья). Ее отец, Морланг Иоганн Иоганнович (Иван Иванович) до революции работал кондитером в Саратове у фабриканта Стружкина. На снимке он стоит с справа.

На этой фабрике (неофициально продолжавшей среди населения носить имя Стружкина, даже я, когда учился в Саратове в 50-е годы, любил с друзьями забежать в Булочную

Стружкина) он работал и позже, а в 1936 по навету его осудили за умышленно причиненный ущерб, считай та же 58-я, и он умер в тюрьме в 1937. А бабушка, Мария-Беата Давыдовна, и три маминх брата (года рождения: Александр - 23, Эдуард - 27 и Иван - 29), как немцы, были выселены в 1941 году в Омскую область.

Маму не тронули, потому что она была замужем за русским, а отец был на фронте. У бабушки было семь сестер и три брата, и все их семьи были разбросаны по Сибири, Уралу и Казахстану. Многих я не знаю. Но мама нашла, встречалась и передала мне часть сведений о

трех сестрах бабушки Алинды Гартман, Терезы Кесслер и Эммы Шпиндлер. С дочерью и сыном Алинды - Ольгой и Владимиром Гартман, я хорошо знаком. Владимир уже умер, а Ольга Фридриховна жива, живет в Челябинске, который и строила, будучи в трудармии.

У нее один сын, Владимир Гартман, мой троюродный брат, с которым у меня постоянная связь, его дочка сама может рассказать о себе. Из Кесслеров я никого не видел и ничего о них уже не знаю. О Шпиндлерах знаю больше. Видел даже сестру бабушки, бабу Эмму, она жила с дочерью Ольгой в Копейске под Челябинском, хорошо пела и была прилежной лютеранкой. У меня от бабушки осталась Библия (семейная Морлангов), напечатанная готическим шрифтом с иллюстрациями Юлиуса Карольсфельда, так я давал ее бабе Эмме, пока она была жива. У нее было еще два сына: Александр жил в Караганде (его я не видел) и Эвальд, жил в Свердловске (сейчас Екатеринбург), преподавал в Политехническом, с ним я встречался, но он уже умер. А дочь Ольга сейчас живет в Германии, я с ней созваниваюсь, ей уже 72, семьи своей у нее не было. Так вот в списках я никого из выселенных и родственников мне немцев не нашел, кроме мужа бабы Эммы и отца Ольги Шпиндлер. Вот эти сведения:

Шпиндлер Леопольд Богданович. Родился в 1907 г., АССР немцев Поволжья, Маркштадтский р-н, Райнгардт.; немцы; образование начальное; бригадир, поселка N16 артель. Проживал: Карагандинская обл. Караганда.. Арестован 22 марта 1938 г. УНКВД по Карагандинской обл. Приговорен: УНКВД по Карагандинской обл. 13 октября 1938 г., обв.: 58-1, 58-2, 58-9, 58-11 УК РСФСР.. Приговор: ВМН Реабилитирован 6 апреля 1960 г. Трибунал Туркестанского ВО. за отсутствием состава преступления Источник: Сведения ДКНБ РК по Карагандинской обл. Статья 58 Уголовного Кодекса РСФСР УК принят 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 года. Все данные сверил с Ольгой, все точно. Я удивился - бригадир артели поселка 16 обвинялся и осужден сразу по статьям: 58-1, 58-2, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Читаю содержание статей (см.

ниже) и оторопь берет, отец троих малолетних детей (Ольге тогда не было и года), кроме прочего вреда, готовил «вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть» и где - в Караганде??

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
О СНЯТИИ С УЧЕТА НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

г. Москва, Кремль

24 ноября 1955 г.

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Снять с учета и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР:

— участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, членов семей погибших на фронтах Отечественной войны и преподавателей учебных заведений;

- женщин, вступивших после выдворения их на спецпоселение в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами;

- женщин русской, украинской, белорусской и других национальностей, не подлежащих выселению, но выселенных вместе с немцами, крымскими татарами, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, калмыками, турками, курдами и хемшинами по признакам их супружеских отношений, которые в настоящее время прекратились;

- одиноких инвалидов и лиц, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование, нуждаются в полном уходе за ними.

2. Установить, что лица, снятые с учета и освобожденные из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР, могут проживать в любом пункте страны, кроме той области (края, автономной республики), где они проживали до выселения. Жилые дома и другие помещения, принадлежавшие освобожденным из спецпоселения по прежнему местожительству до выселения, возвращению не подлежат.

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР обеспечить строгое соблюдение па-спортного режима лицами, освобожденными из спецпоселения.

4. Разрешить Министерству внутренних дел СССР впредь снимать с учета и освобождать из-под административного надзора Министерства внутренних дел СССР лиц, подпадающих под действие пункта первого настоящего постановления.

4. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик и исполкомы местных Советов депутатов трудящихся провести среди спецпоселенцев необходимую разъяснительную работу в связи с настоящим постановлением.

Зам. председателя Совета Министров СССР М. Сабуров
Управляющий делами Совета Министров СССР А. Коробов
ЦГА КБР. ф.774. Оп.1. Д. 19. Л.6.

Гельмут Полле

ТАК БЫЛО!

Из жизни советских (русских) немцев

Предисловие

В этих кратких воспоминаниях желаю дать некоторые представления о моей жизни и деятельности в разные периоды, в разных регионах СССР: чаще жили и работали там, где блестела колючая проволока и резко ограничивались права человека. Везде тяжелым грузом национальная принадлежность — немцы. Мои далёкие предки приехали в Россию из Германии (Эльзас) в период 1740–1762 гг.

Эти записки должны сохраниться у правнука Михаила Полле (сын Игоря) и быть доступными каждому для ознакомления. Сведения о нашем родовом древе прилагаю.

Особое удовлетворение в моей жизни дала мне моя хирургическая деятельность и уверен, что многие спасённые меня вспоминают. Благодарю всех, кто вспоминает добром и глубоко сочувствую тем, кому моя помощь оказалась недостаточной.

Война была смертельным ударом по советским немцам.

В сентябре 1992 г. переехали на родину далёких предков — в Германию.

Папенбург, Papenburg, Niedersachsen, BRD.

Ноябрь-декабрь 1994 г. Г.Х.Полле.

Крым, Украина, Казахстан

Родился 22 апреля 1914 года в деревне Сарыбаш в Крыму, в крестьянской семье. Нас было 7 братьев, сестрёнка умерла в годовалом возрасте. Моя мать — Доротея Полле умерла, когда мне было 7 месяцев, кроме меня были братья Фридеберт (4 года) и Эдгар (2 года). Отец и мать были дальние родственники. Никогда не чувствовал, что меня воспитывает мачеха, но старшие братья это понимали, особенно Эдгар. Появились ещё братья: Артур — 1916 г.; Теодор — 1917 г.; Роберт — 1922 г. и Отто — 1926 год.

Семья жила дружно, мы никогда не слы-

шали ссоры родителей. Материально жили скудно, помню были у нас лошадь, корова и некоторое количество овец. Жили в большом доме с огородом и садом. Дом принадлежал дедушке, которого я с трудом помню. О смерти дедушки и бабушки (отца и матери) не помню, их облик помню смутно. В саду были яблони, груши, вишня, абрикосы, урюк и очень много шелковицы. Последнюю особенно любили и мама готовила разные блюда.

У отца было 3 брата и сестра. Все они жили лучше нас, имели свои дома и хозяйства. Несмотря на это, требовали раздела родитель-

ского дома. В один осенний день (год не помню) крыша нашего дома рухнула и мы оказались в маленькой летней кухне на дворе. О ремонте не могло быть и речи, так и жили.

Сарыбаш — была небольшая деревня, примерно, в 40 дворов, расположенная в степной части Крыма, где основная проблема — вода. Колодцы были глубиной в 90-100 метров. Воду из колодцев поднимали бочонками, прикреплёнными канатом к деревянному барабану диаметром в 7 метров, который вертелся конной тягой. Одна бочка опускалась, другая поднималась. К колодцу была пристроена ёмкость, куда вода сливалась. Для освобождения бочонков от воды, надо было опираться на деревянную оградку, которая отделяла человека от колодца. Жители деревни везли воду в больших бочках, закреплённых на телегах. Во всей деревне было 2 колодца и качали воду по очереди. Плодородной земли в округе было мало, местность гористая, но хорошие пастбища. В 2–3 км от деревни был небольшой пруд, наполнявшийся весенними водами, а к осени почти высыхал. На этом пруду жило много птиц, особенно серый журавль и поэтому у всех жителей деревни жили дома вместе с домашней птицей журавли. Круглый год они не улетали.

Сарыбаш находился в 60-ти км от Симферополя и 50-ти км от Евпатории. Эти два города были местами сбыта продукции деревни и приобретения всего необходимого для хозяйства. В нескольких километрах от Сарыбаша была большая татарская деревня. Люди двух деревень хорошо друг друга знали. Особо хорошие отношения были у нас, у ребят. Мы бегали друг к другу, играли. Я хорошо знал татарский язык, но всё забыл.

В Сарыбаше в 1922 году пошёл в 1-й класс. Школа — отдельное большое здание. Две классные комнаты: одна для зимы, другая для осенне-весеннего периода. Было четыре класса. Занимались все в одной комнате. Учитель был один — Кусмауль, очень хороший учитель и человек, но строгий. Для наказания применял деревянную четырёхгранную линейку. Преимущественно бил по ладоням (Tatzen), редко по спине. Один раз получил я линейкой по спине за двоюродного брата — Гильдеберта потому, что во время перемены на доске было написано: H.Polle (Hildebert), а потом выяснилось, что произошла ошибка.

В надежде найти лучшую жизнь родители переехали в село Эйгенфельд Мелитопольского района на юг Украины. Это было большое богатое село с церковью, с двумя школами, с врачебным участком, аптекой... Здесь окончил начальную и семилетнюю школу. Мечтал стать врачом...

В 1930 году поступил в Молочанский (Запорожская область) медицинский техникум на отделение «Лекпом» (помощник врача). Время было крайне тяжёлое и голод. Бросил учёбу и вернулся домой. Родители в это время уже опять вернулись в Крым: деревня Майфельд — колхоз, примерно, 15 дворов. Как и раньше у

нас не было своего дома, часто переезжали в арендованные дома. Решил чем-то помочь семье и, по предложению председателя, устроился секретарём сельсовета в деревне Коржамбак в 40 км от нас (это был наш сельсовет). Работа оказалась очень сложной, мой возраст, знания и малый жизненный опыт не дали мне возможности плодотворно работать, и я решил вернуться в техникум, что не так уж просто для «дезертира».

Условия жизни и учёбы были довольно сложные, но я быстро втянулся и стал даже председателем студкома (студенческий комитет техникума). Техникум имел 2 здания: одно 2-х этажное, где занимались студенты леккома и одноэтажное для студентов акушерского отделения. Техникум имел 3 хорошо оборудованных общежития. Я жил в общежитии №2, а Эльза в общежитии №1. При втором общежитии была студенческая кухня и столовая. Питание было неважное. Помню повара Камила, так часто кормившего нас морковным супом и мамалыгой; пища была однообразной, но и ей были рады.

У меня было трудно с одеждой, имел одну рубашку серого цвета. На одном из занятий по химии облился случайным химикатом и получил на груди большое жёлтое пятно. Умолял преподавателя химии Фреза помочь избавиться от этого жёлтого пятна. Он относился ко мне с пониманием, но в успехе сомневался и, действительно, после обработки рубашки жёлтое пятно превратилось в красное. Так и ходил меченый...

Эпизод. Чтобы немного бороться с голодом с группой ребят пошёл на железнодорожную станцию, каждый вытащил из склада по кочану кукурузы. И съели в сыром виде. При второй попытке достать кукурузу попали в милицию, но всё окончилось довольно спокойно, не считая выговора директора техникума. Больше не шли на такой риск.

В техникуме познакомился со студенткой акушерского отделения — Эльзой Вельк. Стали дружить и в 1937 году она стала моей спутницей и самым близким и дорогим мне человеком. Эльза была отличная спортсменка, что нельзя сказать обо мне. Наша дружная жизнь дала возможность в 1987 году отметить нашу золотую свадьбу!

В 1935 году благополучно с хорошими оценками окончили техникум и получили право поступления в институт без предварительной отработки 3-х лет. Итак, в 1935 году 10 выпускников Молочанского медтехникума поступили на немецкий сектор Одесского медицинского института. Институт — один из старейших в Союзе. Отличные старые типичные здания, прекрасные аудитории (лекционные залы) и кафедры. Хорошие музеи по анатомии, патологической анатомии и судебной медицине. Никогда не забудем свою Alma Mater. Немцев — преподавателей было мало: завкафедрой патанатомии профессор Тизенхаузен, гроза всех студентов; завкафедрой ортопедии профессор Кефер; ассистенты на кафедрах химии,

физики и госпитальной хирургии. Основная масса преподавателей свой еврейский язык считали немецким и это смешение двух языков часто доводило до смеха.

В 1937 г. немецкий сектор института, как и все немецкие учебные заведения Союза были закрыты. Нас перевели на украинский сектор и объединили с вечерним факультетом — одни одесситы. Так на нашем курсе в институте образовался третий поток. Наша группа была №14, в неё входило и несколько вечерников.

В 1938 г. у нас родился сын (Эрвин) и умер через 11 месяцев и 10 дней.

Жили в небольшой комнате в студенческом общежитии, рядом с институтом. Питались в студенческой столовой. Жить на стипендию было трудно, и я устроился фельдшером в психиатрическую клинику на ночные дежурства. Работа была не только сложной, но и опасной. Эту работу выполнял в течение 3-х лет. А как тяжело после ночного дежурства днём сидеть на занятиях. Эльза обычно толкала локтем, не давая заснуть.

Институт окончили в 1940 году — 41-й выпуск.

Помню, в день сдачи последнего госэкзамена 25 июня ночью был вызван в штаб гражданской обороны города Одессы на дежурство, это был день вступления Красной Армии в Бессарабию (Молдавию).

Эльза сразу после окончания института получила направление на работу на железную дорогу: станция Уштобе, Туркестано-Сибирской магистрали. Моё направление задержал военкомат до призыва в армию осенью. Поэтому 2 месяца работал врачом на сельском врачебном участке и жил у Эльзиной матери. В сентябре вернулся в Одессу, призывная комиссия признала к службе в армии годным, но отправка человека немецкой национальности была задержана «до особого распоряжения». Выезд из города был запрещён, жил нелегально в общежитии у друзей. Устроился на работу дежурным врачом поликлиники завода «Январского восстания» (производство подъёмных кранов). Только в декабре 1940 года военкомат разрешил выезд, но требовал работать в одном из районов Одесской области. От этого я отказался, т. к. жена работала в Казахстане. В министерстве здравоохранения СССР в Москве сразу дали направление на Туркестано-Сибирскую дорогу. В Уштобе прибыл 21.01.41 г., шёл сильный дождь, хотя в течение всего пути были крепкие морозы.

В институте у меня была мечта — стать психиатром, даже на госэкзамене дал честное слово не быть хирургом, но судьба решила иначе. На Турксибе должности психиатра не было и назначили врачом железнодорожной больницы станции Уштобе. Больница была хорошая, 2-х этажное кирпичное здание. Хирургическое отделение располагалось на 2-м этаже. Зав. отделением была врач Полле Эльза Корнеевна, а я был ординатором, где и получил азы хирургии. Работа была интересная, хорошая и дружная. Первую мою операцию при

геморрое поручила мне зав. отделением.

В марте (11.03.41 г.) родился сын — Эрвин.

Параллельно с хирургической работой мне поручили временно вести больных детей с скарлатиной в детском инфекционном отделении на первом этаже.

Был один месяц на специализации по хирургии в центральной железнодорожной больнице Алма-Аты у врача Щербины.

В дальнейшем (много позже) каждые пять лет мы ездили в Одессу на встречу с одноклассниками. Встречи были интересными и весёлыми.

Спокойная жизнь прекратилась, началась война.

Трудно забыть события осени 1941 г., когда по Туркестан-Сибирской железной дороге шли эшелон за эшелонами с людьми — приволжскими немцами, принудительно выселенными за короткое время из своих родных мест. Мы видели горе и слёзы этих невинных людей. Из вагонов снимали много трупов, родные их оплакивали, но хоронить не имели возможности. Эти люди не знали за что и куда их везут и что их ожидает на новых для них местах — казахстанских и сибирских просторах. Приближалась зима первого года войны. Весь мужской состав был собран в трудармию.

Кратко о судьбе моих родных и братьев.

19 августа 1934 г. трагически погиб отец, провалился в колодец глубиной в 90 метров, когда его подняли, он уже был мёртвый. Это был дождливый августовский день и ограждение колодца обломилось и с ней вместе в глубину ушёл отец...

В 1951 г. умерла мама от сердечной недостаточности, она жила у Отто в городе Кизел (угольный регион Урала).

Фридеберт — старший брат, 1910 г. рождения. Работал трактористом в колхозе, семьи не имел. Во время обмолота хлеба после обеденного перерыва подгонял трактор к молотилке, упал назад и через 3 дня в 1933 г. скончался. Помню, у него быстро увеличился живот, медпомощь не получал. Вероятно, это было внутреннее кровотечение.

Эдгар, 1912 г. рождения. Работал счетоводом в колхозе, потом секретарём сельсовета. Имел семью: жена и двое детей. В 1937 г. репрессирован и исчез бесследно вместе с семьёй.

Артур, 1916 г. рождения. Исчез бесследно в 1941 г. вместе с семьёй.

Теодор, 1917 г. рождения. Умер в 1951 г. По профессии был фельдшер (окончил Молочанский медтехникум). Служил в действующей армии до начала и во время войны.

В феврале 1942 г. был демобилизован как немец. Немцев из армии удаляли ещё в 1941 г., он как мастер по ремонту вооружения сохранился в своей части значительно дольше. Теодор был мастером на все руки: фельдшер, учитель, художник, портной и слесарь. Его жена — Катя и сын Зигмунд (1938 г.р.) к концу войны попали

в Канаду, где живут и сейчас. После демобилизации Тео был отправлен в трудармию (Молотовская, сейчас Пермская область) и вскоре был осуждён на 5 лет. Отбыл срок «от и до» в шахте Воркуты. Там и умер, якобы от воспаления поджелудочной железы.

Роберт, 1922 г. рождения. Умер в 1966 г. от туберкулёза лёгких и сердечной недостаточности. Роберт работал начальником цеха связи на литерном заводе (пороховой) в Пермской области. Завод, построенный трудармейцами — немцами. Семья Роберта: жена Мария, дочери Люда и Таня, сын Василий живут там же (в Соликамске).

Отец Эльзы репрессирован в 1937 г. и исчез.

Мать Эльзы умерла в 1962 г.

Эльза имеет 4 сестры: старшая из них — Вельда (1914 г.р.) — живёт в Канаде; младшие

сёстры — Мария, Марта и Луиза *живут в нашем городе; мужа Вельды, Марии и Марты умерли. Луиза живёт со своим мужем Отто Ремпель.

Итак, от большой семьи нас осталось двое: я и Отто. Жизнь Отто была крайне сложной. В семилетнем возрасте потерял при баловстве зрение на левом глазу. В 15-летнем возрасте попал в трудармию на шахту города Кизел Пермской области. Работал коногоном, мотористом, электрослесарем. Имеет жену Таню и трёх детей: Слава, Нина и Валерий. У Нины 6 детей. Отто с семьёй живёт в Казахстане, город Акмола. В последние годы Отто работал на форфоровом заводе электриком. Из всех нас самая тяжёлая судьба была у Отто. Сейчас положение немного поправилось; живут более или менее благополучно с учётом общей ситуации в Казахстане.

Трудармия (концлагерь)

3 мая 1942 г. во время работы в операционной звонок из военкомата, где ещё недавно работал в призывной комиссии: срочно явиться, продолжение операции поручить жене. В военкомате предписание: через 3 часа явиться для отправки по мобилизации. Сборы были недолгие и к вечеру был отправлен на сборный пункт на следующей железнодорожной станции. В поле под открытым небом ожидали до 5 мая, затем нас погрузили в поезд — спецсостав с пассажирскими вагонами. Каждый имел своё место, у меня была верхняя полка, а нижнюю занимал сопровождавший нас милиционер. Поезд двигался медленно с частыми остановками, чувствовали себя довольно свободно, на остановках могли выходить из вагонов. Тревожило всех одно — куда везут, ведь мы были все немцы (советские немцы).

14 мая 1942 г. в 7 часов утра остановка на станции Бакал (Южный Урал). Это и была конечная остановка. Выход из вагонов был запрещён, состав был окружён вооружённой охраной и находился между угольными складами. Проход был узкий, выход только по одному, разгрузка длилась довольно долго и по счёту. вывели на болотистый участок леса в 3-х — 4-х километрах от станции. Кончилась свобода!

Вечером отправили нас под усиленным контролем, точнее конвоем, на гору в старую церковь, временное наше жильё. Дорога к церкви вела через посёлок, население которого встретило нас враждебно, кидали камни, брызгалки, палки и выкрикивали: «Фашисты идут, бей их!»

В церкви были трёхярусные сплошные нары. Началась жизнь советских немцев в типичном концлагере. На следующее утро подъём в 5.30 и отправка пешком 4 км на строительную площадку — будущая агломерационная фабрика (обогащение железной руды) и лагеря для трудмобилизованных. Вся жизнь в трудармии началась с отпечатков пальцев. За короткое время было построено более 40 землянок —

барачков с двухъярусными сплошными нарами. Вокруг лагеря проволочное (колючее) ограждение с вышками для охраны и проволока для бега сторожевых собак. Одновременно шла очистка территории под фабрику. Меня зачислили в бригаду «интеллигенции» — вручили ломы, кувалды, лопаты и заставили дробить и убирать камни, а их было огромное количество. Группа более старших врачей была сразу устроена на медработу. В нашем отряде (N14) было 12 врачей, из них 1 — доцент и 2 кандидата медицинских наук. 3 недели дробил камни... Это был изнурительный труд.

Очень скоро у жителей лагеря начались отёки от солёной пищи, климатических условий (верхушка Урала). Одежда быстро изнашивалась, особенно обувь. Начали выдавать казённую одежду и обувь, бывшую в употреблении. Вместо обуви выдавали «бурки» — голенище из ватной ткани, а низ из автопокрышек. Телогрейки тоже быстро сносились. Колонна людей в таком обмундировании была похожа на бездомных попрошайек или даже чучел.

Питание трёхразовое, хлеба 300–800 грамм, в зависимости от выработки дневного задания. Чаще супс селёдкой и стеблями крапивы.

Особо тяжёлый труд был — подготовка фундамента под фабрику, большая площадь и глубина 17 метров. Никакой техники, только лом, лопата, тачка и мышечная сила. Для подачи грунта на поверхность строили перекидные площадки. Грунт перекидывали с площадки на площадку и отвозили на 200–300 метров.

Первая партия трудармейцев прибыла несколько раньше нас. Не знаю, где они размещались. Знаю, что они уже были «доходяги» (истощённые), уже не в состоянии к физическому труду. Особенно быстро выходили из строя немцы с Кавказа и не занимавшиеся ранее физическим трудом.

Через 3 недели меня перевели на медработу, врачом амбулатории, в чём особенно благодарен врачу Т/М Фибихь Г. Начальником амбулатории была женщина 30–35 лет, Тоня

Иванова, крайне враждебно к нам настроенная, вредная, малограмотная, а медицинского образования вероятно вообще не имевшая, зато имела административную власть. Она сидела за столом и командовала: «Этому ложите жёлтую мазь, а этому чёрную... этого можно от работы освободить, а этого нет...» Группа освобождённых людей была не велика — считалось, что люди прибыли на работу, а не на отдых. Летом 1942 г. в лагере открыли стационар, но без операционного блока, наши больные в операционной помощи якобы не нуждались. Учитывая быстрое и резкое ухудшение состояния людей (отёки, поносы, исхудания, сыпи на коже, утолщённый с отпечатками зубов язык и психическая деградация) начали всех поить настоем хвои. Говорили о цинге, а фактически это был авитаминоз «Б» (пеллагра). Все наши врачи с этим заболеванием не были знакомы. Меры против пеллагры не применялись и люди гибли десятками в день. Наш основной медикамент — марганцовка. Начальник санчасти Ефимов (бывший з/к) нас врачей держал специально в неведении о пеллагре.

В нашем 14-ом стройотряде было более 4.5 тысяч человек, по всем 16 отрядам Челябинского металлургского завода около 100 тысяч. (мнение автора — А.Н.) В 1946 г. осталось около 18 тысяч. В середине 1942 г. на станцию Челябинск прибыл очередной эшелон с трудмобилизованными немцами, в эшелоне обнаружился сыпной тиф и весь состав исчез.

Режим в отряде был крайне жестокий, широко применялись избиения, мучения. Особо свирепствовал начальник 87-й колонны, избивавший людей до смерти. Видел несколько раз, когда на разводе люди вели под руку уже ослабевшего товарища, этот начальник подбегал и избивал людей, после чего оставались трупы. Этот начальник пользовался большим авторитетом у руководства лагеря, значит у него была такая установка.

Крайне неприятное впечатление оставило обращение с трупами людей, отдавших жизнь на работе. Каждый труп имел только деревянную бирку, прикрученную железной проволокой к большому пальцу стопы. Трупы складывались штабелями на сани, вывозились из лагеря и выбрасывались в обрыв, даже не прикрытые землёй. Закапывание трупов считалось роскошью. Весной 1943 г., когда стаял снег, трупы начали разлагаться, жители окружающих поселений выражали возмущение и тогда по требованию Челябинской областной санэпидстанции трупы были засыпаны землёй, даже нашёлся бульдозер...

Людские потери были огромны, так обращались с «золотым рабочим фондом» (выражение Круглова, НКВД СССР, апрель 1943 г.). Несмотря на громадные людские потери Челябинский металлургический комбинат, построенный на костях советских немцев, в 1944 г. выдал первую плавку электростали.

В своей работе освоился и смог людям оказывать помощь. Мой труд начали признавать и даже уважать, но не забывали, что я немец.

Осенью 1942 г. начальник отряда попросил осмотреть тяжёлого больного в поселковой больнице, у них в это время не было хирурга. Я согласился. Два вооружённых охранника с овчаркой повели меня в больницу. При осмотре больного установил прободную язву желудка и согласился прооперировать. Во время операции у дверей операционной стоял охранник с ружьём. Операция ушивания язвы прошла хорошо и больной быстро поправился. Через 3–4 недели у меня заболел зуб, образовался гнойник. В лагере в это время не было зубного врача. Меня с высокой температурой и опухшим лицом отвезли в поликлинику поселковой больницы, но меня даже не пустили в коридор — «мы немцев не обслуживаем». Гнойник мне пришлось вскрывать самому.

Когда уже функционировала аглофабрика в бункер дробильной установки упал человек, ему раздробило всё, включая часть таза. Пострадавшего вытащить не удалось, меня попросили помочь. Привязанный за верёвку спущен в бункер и я простым ножом отрезал всё мёртвое и ущемлённое, пострадавшего спасти не удалось. Это была первая жертва действующей аглофабрики.

В нашем отряде были люди разных профессий и прошлого: командующий среднеазиатским танковым корпусом А.Я. Диц; крупные инженеры Мецгер, Думлер, Майер; бывший командир авиаотрядом и другие перенесли те же притеснения и унижения. Нас рассматривали только как рабочий скот. О правах человека не было и речи, на каждом шагу показывали, что мы люди низшего сорта и обречены на гибель.

Нельзя забыть ночь с 6 на 7 ноября 1942 г., по всей проволочной зоне установили дополнительные посты охраны с овчарками. В 22.00 над всей зоной открыли перекрёстный огонь с выкриками: «Мы вас всех уничтожим!» Люди прятались в бараках, никто не осмелился выйти... Это была тяжёлая психическая травма.

В том же 1942 г. в один из дней после работы весь состав трудармейцев был выстроен на площади, каждому вручили листовку, написанную И.Эренбургем «Убей немца!» Заставляли хором громко читать. По каким-то причинам один трудмобилизованный не читал громко, к нему подбежал начальник 87-й колонны и ударил кулаком в лицо, пострадавший оказался со сломанной челюстью и лишился всех зубов.

Осенью 1942 г. в 5 км от лагеря в поселковой школе был открыт лазарет для трудармейцев. В этом лазарете многие трудмобилизованные были освидетельствованы, составлены акты о негодности к труду и часть была отпущена домой для поправки. Все акты были написаны мной, но без моей подписи.

В 1943 г. 14-й стройотряд был расформирован, остатки были переведены на жительство в старую церковь в посёлке, многие были расконвоированы, но без права отлучения, строго следила охрана на проходной. В наш бывший лагерь привезли з/к с разных регионов

страны, основной контингент — рецидивисты. Зона была разделена на 2 части, в меньшей разместили женщин, в большей мужчин.

В июне 1943 г. меня перевели на работу в лагерь заключённых. Для меня начался новый этап жизни и работы, новый институт. Первые встречи с больными з/к привели меня в шок-овое состояние, я обратился к начальнику лагеря с просьбой освободить меня от этой работы. Но меня успокоили, мол всё наладится, привыкнешь, приспособишься. Так я стал работать с з/к, единственный врач без юридического срока.

Несколько эпизодов первого дня работы в амбулатории з/к. Молодая женщина (19–20 лет) обратилась по поводу ожога тыльной поверхности кисти. Осмотрев, я дал указания, что делать. Больная внезапно повернулась ко мне спиной, подняла юбку и показала голую попу. Ожог был вызван лютиком (цветок) с целью отклонения от работы и попадания в мужскую зону, где как раз и находилась амбулатория.

В этот же день оперуполномоченный лагеря привёл для обследования двух больных з/к из изолятора. Первый: боли в спине, резкий отёк и краснота стопы, повышенная температура тела. Для меня диагноз был не ясен. Оперуполномоченный обратил моё внимание на маленький пузырёк на коже стопы и попросил его снять. Выделился гной с крайне неприятным запахом. Оказалось, больной протянул под кожей нитку, предварительно протянув её между зубами. Инфекция ротовой полости очень опасна.

Второй больной: высокая температура, голень и стопа резко отёчны, покраснение, болезненность. Я подозревал тромбоз (закупорка вен). При детальном осмотре обнаружил гнойный пузырёк, вскрыл, обильные гнойные выделения с резким запахом бензина. Бензин даёт обширные омертвления тканей. В обоих случаях искусственно вызваны болезни с целью отклонения от работы. Оказалось эти два случая мне были специально подброшены для проверки моих знаний в области членовредительства («мастырки»). К концу дня вызвали в штаб к начальнику лагеря, где присутствовало несколько человек. Дали мне ряд добрых советов по мастырке, за что я был им благодарен.

В этот первый тяжёлый день работы с з/к узнал новое понятие — «мастырка». В дальнейшей работе это мне много помогло. Стал изучать разные виды членовредительства, а их большое количество и все они подлежат судебному наказанию (раздувание щеки воздухом, ввод бензина под кожу, ожоги, мелкие травмы, особенно часто использовалась инфекция ротовой полости). Ещё до работы с з/к среди трудмобилизованных встречались случаи мелких травм, рубленые раны, ожоги и другие, но не встречал гнойных процессов. В трудармии все эти случаи, независимо, сознательно или нет, квалифицировались как саботаж и по ст.58 УК и осуждались строго, вплоть до расстрела. Приговоры приводились

в исполнение в день их вынесения. Расстрел в 3–4 км от лагеря. Трудно себе представить, на работе случайно отрубил себе кончик пальца и за это отдашь жизнь. Всё было дозволено, чем больше уничтожено советских немцев, тем лучше, хотя эти люди не имели отношения к Германии, кроме далёких, далёких предков.

В 1944 г. был переведён в центральный лазарет трудармии в Челябинске. Заболел ведущий хирург, бывший зав. кафедрой госпитальной хирургии Самаркандского мединститута профессор А.А.Руш (инфаркт миокарда), лежал в палате хирургического отделения. Лазарет находился в центре стройки ЧМС (Челябметаллургстрой) в зданиях барачного типа и имел 4 отделения: терапевтическое, хирургическое, туберкулёзное и инфекционное. Лазарет граничил с 6-м стройотрядом. В первое время работать в отделении было трудно, больных много, шеф болел, заведовала отделением пожилая женщина К.Спектор — акушер-гинеколог без оперативных навыков. Зав. отделением мог быть только вольнонаёмный, но не немец. По возвращении шефа работа стала ещё интенсивней. Одна деталь: в сентябре часть уже истощённых и голодных людей были направлены на уборку картофеля и в результате в день поступало до 22 человек по поводу кишечной непроходимости, все оперированы, но выживали единицы. Этот результат крайне беспокоил начальника сануправления стройки и он решил участвовать в двух операциях в один день, оба больных погибли. После этого он поменял своё мнение, но оснащение отделения не улучшилось.

Шеф был человек весёлый, грубоватый, много кричал и бил по рукам. Мои руки часто были в синяках, не бить же по рукам женщину (ещё и заведующую). Он был левша с прекрасной техникой, оперировал быстро, к примеру, резекцию желудка делал за 45–50 минут.

Жили мы (6 врачей) в одной комнате (18 кв. м) при лазарете.

В дальнейшем лазарет перевели на окраину Челябинска. Несколько месяцев до этого был построен в срочном порядке эпидемиологический изолятор по дифтерии для лагеря №68 (военнопленные). В лазарете было 8 зданий. Хирургическое отделение имело 2 корпуса, один чисто хирургия с операционным блоком и гнойная хирургия с большой перевязочной. Территория лазарета была не благоустроена, т. к. строилась в зимнее время и в благоустройстве нам помогала бригада военнопленных, в основном медики, не привлекавшиеся к физическому труду в лагере. Мы с ними наладили контакты, они удивлялись нашим успехам при таком скудном оснащении. С жизнью лагеря №68 немного ознакомился при его посещении с шефом, который там иногда консультировал больных. Условия жизни и работы военнопленных были намного лучше, чем условия советских немцев. Наши колонны рядом с ними выглядели как колонны оборванцев.

Ночью (не помню дату) был доставлен в отделение тяжелобольной с прободной язвой

желудка, требовалась срочная операция, шефа не смогли найти и я решил сам оперировать с дежурным фельдшером. На операционном столе перфорированная язва желудка, сделал резекцию по Бильрот 1, операция прошла гладко. Утром на обходе больных шеф обнаружил нового прооперированного больного, прекратил обход и начался разнос по всем швам. Я и сам понял, что резекция при прободной язве очень рискованное вмешательство. Больной быстро и хорошо поправился. После этой операции шеф стал больше доверять и весь груз работы в отделении лёг на мои плечи. Это было тяжело, но зато отличная школа. По количеству операций в год это был один из богатейших периодов моей жизни.

Память: на одной из операций резекции желудка уже закрыли брюшную полость, а операционная сестра не досчиталась одного зажима, обыскали всё, повторно вскрыли брюшную полость — тоже нет. Шеф свирепствовал. В предоперационной шеф бросил свой халат на пол и тут стук, проверили и зажим оказался в кармане его халата. Сразу последовала команда: со всех халатов операционной снять карманы. Во время операции зажим случайно сполз со стола и попал в карман.

Челябинск-40

В ноябре 1946 г. без нашего желания отправлен на новостройку — Челябинск -40 — СУ 859 (сейчас Маяк) — учреждение Курчатова и Берия. В начале было трудно с жильём, нас поселили к одинокому мужчине в комнату 18 кв.м., но скоро получили отдельную аналогичную комнату, а через некоторое время двухкомнатную квартиру. На новом месте новые назначения. Эльза — заведующая хирургическим отделением для вольнонаёмных, я — заведующий хирургическим отделением межлагерной больницы для з/к на территории лагучастка №1 (начальник — Чупров).

Объём работы предстоял огромный, сам организационный период требовал больших усилий. Оба отделения были размещены в приспособленных помещениях. В устройстве моего отделения много помогал мой завхоз (из з/к), очень порядочный человек. Был случай, когда за одну ночь перекрасили всё отделение, не затратив на это ни копейки. Может быть иногда тарелка супа, всё приносили с производства.

Жизнь з/к в этом лагере и во всей зоне существенно отличались от других лагерей з/к. За свою работу на производстве з/к получали зарплату, что повышало производительность труда. Заработанные деньги вносились на личный счёт з/к и он имел право 1 раз в месяц снять со своего счёта определённую сумму для улучшения питания. В лагере была организована платная столовая по ресторанному типу (конечно, без алкогольных напитков).

Медицинским персоналом отделение обеспечено хорошо. Со мной работала одна молодая врач. В амбулатории трудился врач — з/к с Донбасса, возивший всюду с собой проект

В этот день в предоперационной меня угостили витамином РР. Через несколько минут никотиновая кислота дала резкую реакцию — я весь покраснел, страшный зуд. А все окружающие подняли дикий хохот — к чему приводит жадность к сладостям.

В июне 1946 г. разрешили привезти семью, для этого съездил в Уштобе. Получить разрешение на выезд из Казахстана было не просто. По прибытии на ЧМС Эльза сразу была устроена врачом-хирургом лагучастка №3 (з/к), быстро приспособилась к работе. Консультантом её был мой шеф. Жили в маленькой комнате при центральном лазарете. Эльзе, как и мне, быстро пришлось ознакомиться с мастыркой. Первый случай — раздувание щеки воздухом. Второй — один з/к симулировал паралич лучевого нерва, кулак сжат, на ладони отпечатки ногтей; в прошлом никаких травм и болезней, надо выяснить причину состояния. Собралась комиссия из санотдела, лагеря и прокуратуры. Эльза попросила эфир и маску, «больного» положили на стол и при первых каплях эфира, моментально сорвал маску и показал «больной» рукой комбинацию из трёх пальцев.

функциональной шины для лечения переломов. Младший персонал отделения были з/к. Помню, какой хороший санитар был в операционной — Освальд Шик — молодой парень, трудолюбивый, аккуратный.

Отделение было рассчитано на 80 коек и палаты для выздоравливающих на 120 коек, ведь после операции сразу на работу не выпишешь. Работа в отделении была интенсивная, требовала много времени и энергии. Мне пришлось в отделении основательно заниматься мастыркой, установить причину болезни не так просто. Человеческие отношения и ряд других приёмов давали мне возможность почти у всех з/к установить причину болезни. Стал вроде эксперта по мастырке, из всех лагучастков доставляли з/к, больных мастыркой для экспертизы. З/к были хорошо информированы о моих знаниях по мастырке. Все больные этой категории, находившиеся на лечении, выписывались в хорошем состоянии и с благодарностью. Не помню случая суда над ними.

Каждому человеку свойственно делать ошибки и такую ошибку допустил я, стоившую мне много нервных переживаний и прогулов. Об этой ошибке ниже.

В наше отделение больные госпитализировались только по моему разрешению. Както позвонил знакомый майор медслужбы из санчасти лаг-участка №4 (особо режимный участок) и попросил утвердить акты на двух з/к с мастыркой, заверяя, что всё досконально расследовано и проверено. Я эти акты подписал, доверяя коллеге, не осмотрев больных и не подозревая, что этим устроил себе ловушку. В жизни этого не забуду.

Однажды ночью на вахту нашего лагучастка был доставлен под усиленным конвоем из участка №4 больной з/к А.Марков. Меня предупредили: з/к крайне опасный и в наш лагерь попасть не должен. При осмотре: острый аппендицит — для меня это был больной, срочная госпитализация и операция, прободной аппендицит. Операция прошла нормально под местной анестезией. Марков из простого солдата охраны превратился в злостного убийцу: за 2 года 4 убийства. Во время операции я ему сказал: «Саша, я тебе сегодня спасаю жизнь, а ты меня тоже завтра зарежешь ножовкой». Ответ: «Доктор, не беспокойся, никто тебя никогда не тронет».

З/к к врачам относятся хорошо, с доверием, ведь врач — это единственный человек, у которого з/к может получить помощь и поддержку. Если врач перед з/к провинился, сразу попадает в неловкое положение, ему грозит расправа.

На следующий день после операции в наше отделение прибыл начальник санотдела стройки для проверки правильности госпитализации з/к Маркова. Предъявление препарата [все препараты (органы) хранились в формалине] меня полностью оправдало. На 6-й день после операции Марков попросил перевод в палату выздоравливающих, я долго не соглашался, но уступил просьбе после получения заверения о корректном поведении; больного перевели... О последствиях я не подумал. Буквально на следующее утро меня на вахте попросили осмотреть больного и, на моё удивление, это оказался Марков. Он ночью устроил разбой, достал себе приличную одежду и обувь. Марков сразу был отправлен в «БУР» («бетонный мешок» без окон и кровати). Через три дня Маркова опять доставили на вахту нашего лагеря, при осмотре больной без сознания, высокая температура, тяжёлая флегмона брюшной стенки и правого бедра — анаэробная инфекция (газовая гангрена). Оказалось, в «БУРе» сорвал повязку и швы и внёс в рану содержимое параша. Срочная госпитализация и интенсивная борьба с инфекцией — длинные разрезы поражённых участков, удаление омертвевшей ткани. Отделяемое из раны с омерзительным запахом. Медленно удалось больного вывести из тяжёлого состояния, но он был обречён на длительное стационарное лечение, что было ему выгодно: не попасть в дальний этапна Колыму.

В эти дни в наш лагерь поступили два з/к их лагучастка №4 — это оказались те, на которых я подписал акты без осмотра (??). О их прибытии я узнал позже. Через много лет я узнал, что прибытие этих двух не имело отношения к последующим событиям.

Через несколько дней был ночью вызван в лагерь, куда ездил часто при необходимости, всегда возила карета скорой помощи. Выходя из автомашины заметил у вахты лагеря в зоне стоящего человека, машущего рукой: «Назад!» Ко мне подошли два охранника и провели в штаб к дежурному по лагерю. Он предупредил:

«В зону не входить! Готовится покушение двух з/к». Сигнал из зоны дал мой завхоз. Из штаба вернулся с указанием: на работу не выходить! Много времени спустя узнал, что вызов был подстроен, но не знаю кем. Три дня не работал. Потом из штаба сообщили: выйти на работу с гарантией безопасности за счёт личной охраны. Несколько дней работал: один охранник у входных дверей, второй всё время со мной, прикрывал как квочка цыплят. Через 7 дней охрана была снята — якобы отпала надобность, подозреваемые из лагеря удалены. Вышел на работу. На обходе больных в последней палате лежал Марков, он мне шепнул: «Доктор, все в зоне!» По этому сигналу я покинул отделение и сидел 7 дней дома. Когда вышел, начальство сообщило, что никакой опасности нет и я стал работать, как и раньше. Через много лет узнал, что опасность для меня якобы составлял з/к Марков (?!).

Помню другой случай. В отделении находился з/к, тяжёлый рецидивист, у него кроме основного заболевания был дефект твёрдого нёба и правого крыла носа. Дефект твёрдого нёба удачно закрыл пластикой — больной был очень доволен. Он попросил устранить дефект носа. Я согласился. Пластика итальянским способом, стебель выкроил из кожи правого плеча и наложил гипсовую повязку. Всё шло, как надо. Прошло несколько дней и больного вызвали в штаб для освобождения (конец срока). Больной меня неправильно информировал о сроках освобождения. С гипсовой повязкой освободить не могли, время шло. Снял гипсовую повязку, отсёк стебель от плеча и осталось только окончательно оформить крыло носа. И снова вызов на освобождение, но в штабе сразу заметили отсутствие особой приметы: дефекта крыла носа, отмеченного в личном деле. Для меня начались неприятности, не имел право устранять особые приметы у з/к без предварительного согласования с администрацией лагеря. После долгой волокиты з/к всё же был освобождён после сделанных фотоснимков и свидетельских показаний. Для меня это был урок.

Рядом с нашим лагерем размещался лагерь для з/к — женщин. Там имелся свой стационар, но без операционного блока. В случаях необходимости хирургического вмешательства возникали крайние сложности и было решено: в нашем отделении открыть палату для женщин (решётки на окнах, металлическая дверь с наружным замком). Поступать стали больные женщины, основная группа с мастырькой: зашивание губ рта, пришивание пуговиц к грудным железам, зашивание половой щели и др. Всё это делалось для отклонения от работы, от этапирования в дальние места и стремления попасть в мужскую зону.

Больного Маркова многократно пытались отправить по этапу на Колыму, но с такими обширными раневыми поверхностями я не давал согласие на этап. Уже не помню как, но когда меня 3 дня не было в отделении (отпуск) Маркова отправили на Колыму.

В 1947 г. через начальника строительства нам удалось вызвать к себе на жительство из Котласа (Архангельская область) мать Эльзы — Елизавету Дитриховну Вельк. Удалось получить разрешение на выезд из Котласа (лесоповал) в Новосибирск двух сестёр Эльзы: Марты и Луизы. Мать жила у нас 17 лет и умерла в 1962 году от лимфолейкоза (рак крови).

В 1949 г. родилась Вельда. При выдаче свидетельства о рождении была допущена ошибка на один месяц (вместо 18.01–18.02). Я протестовал, но меня заверили, что она всё равно не будет жить, но глубоко ошиблись.

Высшее начальство стройки относилось к нам хорошо. Эльза была доверенным врачом

семьи начальника всех лагерей. Я был доверенным у начальника особого отдела. Он лично обращался ко мне, но сообщил, что не имеет право доверять своих сотрудников немцу. Такой пример.

Сотрудник особого отдела страдал туберкулёзом лёгких, предстояла операция. Его оперировала врач из отделения Эльзы. При проверке результат операции оказался отрицательный. При моей консультации больной сказал: «Я был уверен, что Вы меня будете оперировать». Страшно возмутился и его пришлось отправить в Свердловск (подтверждение слов начальника особого отдела).

ВАЙЦЕЛЬ-ЛЕЙМАН ТАМАРА ДАВЫДОВНА (Из воспоминаний)

«Родилась 3 июня 1932 г. в с. Гуссенбах, Медведиценского района, Сталинградской области. Утром в августе 1941 г. надо было идти в школу, а нас стали выселять. Как я помню, на лошадях нас вывезли на станцию за 100 километров. Шел дождь. Нас было 6 маленьких детей, младшему – 10 месяцев. Привезли нас в Тобольск, а потом за 25 километров в деревню отвезли тоже на лошадях. Привезли в тайгу, кругом лес и несколько домов, непригодных к жилью. Нас никто не спросил, хотим ли мы в этих домах жить, поселили.

Отца в 1942 году взяли в трудармию в Свердловскую область, на лесоповал. Потом

он умер. В каком году, не знаем до сих пор. Мы писали туда, но ответа не получили. Мама умерла в 1947 году, осталось четверо детей. Троиخ взяли в детдом, а меня не взяли, потому что мне было уже 14 лет. Осталась одна и уехала в Златоуст, у меня там была сестра. Устроилась на работу на завод им. Ленина и проработала до пенсии 48 лет. Сейчас не работаю, живу на пенсию одна. Приходится трудно, но что поделаешь».

«Не может быть забвения...» Статьи, воспоминания, биографии. Златоуст, 2013

Раиса Гайдарова

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Немало тихих дней этого лета в небольшом, кажущимся красивым осколком готического средневековья германском городе Эшвеге, прошли под знаком российской культуры. В эти недели культурная жизнь горожан была сосредоточена в центре города - древнем соборе святого Дионисия, где на двух этажах разместились экспозиция работ смоленской художницы Инессы Гарвардт. Очень многие пришли на открытие вернисажа. И в будние дни народу не убывало. Торжественно и возвышающе звучал соборный орган, скрипка и фортепиано на специальных, проходящих по этому случаю концертах европейской и русской классической музыки.

Однако встречи с творчеством Инессы подарили горожанам не только изысканность эстетических переживаний, но и посеяли не-

которое душевное смятение: в чем тайна этого художника? Жизнерадостный свет ее полотен, восторг перед красотой мира - с одной стороны. И зловещие тени недавней истории страны, накрывшие самые солнечные годы этой женщины, - с другой. Жители Эшвеге изучали ее биографию, подробно изложенную в материалах на стендах - они были установлены перед зданием собора.

Были многочисленные встречи, были приемы. Но всякий раз за словами восхищения и признания оставалось неудовлетворенное любопытство к загадкам русской души. Вот только ли русской? Может, русско-немецко-украинской? Ведь все эти ментальности питали ее родные корни. Родилась она в семье сельских учителей - российского немца и украинки - в Крыму, в 3,5 года была депортирована с

началом войны в 1941 году, с родителями и младшей сестрой в Казахстан, где и выросла. Выучилась и работала в Узбекистане, а последние полтора десятилетия живет в Смоленске. Пространство ее биографии - от Азии до Европы, в странах которой - Германии, Швеции, Финляндии, Норвегии, Хорватии - ей повезло побывать. Кем же надо себя ощущать, какой быть, чтобы так «зацепить» своим творчеством, своей личностью благополучных немцев - с их незыблемыми бытовыми устоями, чьи души веками не знали ностальгии, не рвались ввысь и не срывались в пропасть нравственных исканий? Ответ один - быть человеком мира.

Как бы глобально и высокопарно это не звучало, суть предельно приближена к жизни, к ее самой горькой горечи, к мукам голода, холода, одиночества и отверженности... Их выгрузили из товарняка прямо в снег Кокчетавской степи: «Там дальше, отсюда не видно, казахские юрты. Идите...»

Казашки, сами жившие в нищете, поделились последним, дали соломы вместо постели. По соломе, по телу заболевшей матери ползали девочки, голодные и замерзающие. Мама потом бралась за любую самую грязную работу. Отца почти сразу забрали в трудовую армию под Челябинске, где заключили, как и других российских немцев, рвущихся на фронт, чтобы защищать свою социалистическую родину, за колючую проволоку. За что их, законопослушных тружеников и по большей части искренних патриотов социалистического отечества? Как и сотни тысяч, отец, этот могучий почти двухметровый спортсмен, интеллект и добряк, сгинул в мясорубке сталинских репрессий и похоронен в общей могиле вместе с другими трудовыми армейцами, надорвавшимися от непосильного труда и голода. На окраине Челябинска и ныне высятся эти горы сцементированного шлака, которым засыпали рвы с трупами граждан СССР не титульной национальности.

...Семья жила по деревням, по углам, не было теплой одежды и обуви. Обмороженные ноги и руки Инессы долго по весне мучили болью, отеками «как сосиска». Для сосланных не было ни кино, ни электричества. И только не зависящая от воли «отца народов» благосклонность природы - казахская степь - весной пылающая маками, а осенью - серебристая ковылем. Здесь и родился художник, о котором будут писать: «удивительна чистота цвета, чистота чувств в полотнах Инессы Гарвардт. В ее мироздании пахнут цветы, живет небо, сосредоточены в своем величии горы...». Вот только одно порождение матушки-природы смущало душу - несущиеся по степи осенью большие шары травы «перекати-поле»... Куда их гонит ветер по этому степному раздолью, куда прибивает? - думала Инесса. Этот образ, как символ, преследовал ее долгие-долгие годы. Символ ее неприкаянности, отторженности...

Когда отпала необходимость отмечаться в спецкомендатуре, семья переехала в Узбекистан, где удивили яркие краски и душевная щедрость простых узбеков. Их, заморышей,

жалели, открывали и двери, и сердца. В Ташкенте Инесса закончила художественное училище, редко, кстати, наедаясь досыта. А был парень вообще ходивший на лекции босняком. Но жизнь была прекрасна! Усваивала азы русской реалистической школы, впитывала волшебный воздух бескорыстного служения искусству. И плакала счастливыми слезами перед Коровиным, Саврасовым, перед левитановским «Над вечным покоем»... Потом был Андижан, работа в художественном фонде, участие в республиканских выставках, где заявила о себе как своеобразный с собственным стилем живописец. Душой и сердцем она чувствовала эту землю, ее краски, ее людей. Это были то ярко декоративные красочные натюрморты с дарами узбекской земли, то пейзажи Средней Азии с цветущими долинами и бурными реками, то пленяющие теплотой, возвышенные образы узбекских мадонн.

Но вот чего она не писала, так это портреты, генсеков, героев труда, ожиревших на хлопковых поставках, политических деятелей. В знак протеста против жестокости режима, расправившегося с семьей. С каким-то упоением она выписывала сирень, розы, лилии, хризантемы, астры и, конечно, скромные полевые цветы, памятуя, что и четыре тысячелетия назад в древнем Египте они были символом любви и доброты: ведь кто-то же положил на саркофаг юного фараона Тутанхамона букетик полевых цветов. Вечное время сохранило их до наших дней, как и блеск холодного золота. Отмечали тогда в прессе: «живопись И.Гарвардт - тонкая, свежая, чувственная, светлая. Добротный почерк мастера». Работы демонстрировались на персональных и зональных выставках в Узбекистане, в выставочных залах Москвы. Увозились за рубеж - в США, Германию, Швейцарию, Израиль, Японию, Болгарию. Но все это не помогло, когда встал вопрос о ее приеме в Союз художников Узбекистана. Ее не приняли. Она была «иной». Как написала в своей книге об И.Гарвардт ведущий научный сотрудник Третьяковской галереи, кандидат искусствоведения И.Гофман: «Немецкие гены Гарвардт, ее внешний и внутренний облик, свойственная ей восторженная романтичность, особая деликатность и душевная хрупкость обнаруживают в художнице иную ментальность и связь с европейской культурой».

Надо было бы сказать и о ностальгии. «Мое стремление к красоте, - говорит Инесса Фридебертовна, - это, наверное, ностальгия по красивой, уютной, хорошей жизни». Чувство оседлости, стабильности, что вот она на месте, на своей земле, - не пришло в Узбекистане, где прошли молодость, годы учебы и творчества, пришла творческая зрелость. Ей думалось, что с переездом в Россию это чувство перестанет быть острым. В Смоленске, куда она переехала, была зима. Снег, дым над крышами, тишина. Остались далеко в Средней Азии картины, сжимающие сердце своей жестокостью: она была свидетелем разгула шовинизма в 90-х годах, видела то, что осталось

после погромов и поджогов домов живших в Андигане евреев и армян. В Смоленске стало легче. По крупицам, как старая скряга, она копила все, что укрепляло душевную глубинную связь с Россией. Появились новые работы, вполне «левитанистые», где на полотнах жила среднерусская природа. Прошли персональные выставки, появились поклонники ее живописного таланта. И все-таки, и все-таки... Ушла из жизни любимая мама. Трагически погиб сын. Судьба плела свой узор...

- Но счастливым потрясением стало первое (а я уже была там трижды) посещение Германии, - рассказывает Инесса Фридебертовна. - Я столько о ней читала и слышала! У меня все время в голове кружилась фраза - она есть у Бунина в его переводе Лонгфелло «Песнь о Гайавате»: «...тебя узнала душа моя!»

... Подумать только - родиться в России, выжить в казахских степях, отогреться всяческим теплом в Узбекистане, обрести дом в Смоленске и внезапно и всепоглощающе попасть в плен ностальгии по исторической родине, где живет суровый опыт немецких предков, рвется в небеса готика... Ее мир стал таким объемным. Еще и еще раз она стремилась к этим ощущениям. С большой радостью вновь поехала в 2007 году. Ее персональную выставку «Взгляд на мир» в Эшвеге, близ Касселя, организовал и спонсировал Русско-немецкий дом в Москве. Ее страхи, что жители Эшвеге воспримут ее произведения в реалистической манере как архаику, развеялись сразу. Зрители оценили мастерство, с каким были написаны пейзажи России, Крыма, Финляндии, Хорватии, Норвегии...

Пространственный диапазон был очень большой. На холстах художница передавала широкий простор полей, высокого неба, движение света и воздуха... И вместе с тем особую энергетику каждого места. В последних же работах - пейзажах Норвегии, в которых она поднялась на значительную ступеньку живописного мастерства, было нечто новое... Природа не казалась прирученной и приспособленной для зрителя, обожающего живописность и колорит. Она была величественна в своей скрытой, до предела сконцентрированной мощи и силе...

- Нет, не «Человек и природа» - мыслилось мне... Как в той же Германии, - говорит Инесса Фридебертовна, - где леса потрясающе прекрасны и так же ухожены, т.е. приспособлены к человеку.

А Природа и человек... Все перевернули во

мне те минуты, которые я провела на Нордкапе в Норвегии - самом выдающимся на север в Баренцевом море мысе Европы... Дальше, за Баренцевым морем, были океан, Арктика. Стою на краю ровного как стол высокого берега. Далеко внизу кипит вода, содрогаются камни. Все дикое, необузданное. То ли туман, то ли дождь. Все меняется каждое мгновение: наплывают тучи, сгущается тьма. А то луч солнца... И все движется, мощно и - независимо от человека! - живет... Я почувствовала, что природа - огромный мощный, даже, кажется, мыслящий организм. И я - маленькая частичка на этой земле. За этими потрясающими космическими ощущениями стоило ехать на самый край земли. И знаете, что произошло со мной? Что меня удивило и обрадовало? Я освободилась от комплекса «перекати-поле». Меня перестала волновать эта ностальгическая ущербность, когда я не пойми кто - русская, украинка, немка, когда нигде я не чувствовала себя своей. А тут я просто гражданка этого мира, нашей земли. Удивительно, да? Но я теперь живу с этим чувством. И когда жители Эшвеге задавали мне так интересовавший их вопрос - как можно с таким тяжелым грузом биографии так светло смотреть на мир? Так жизнерадостно проживать каждое мгновение и отдавать это холсту... Возможно, мой ответ и не был так уж оригинален (наверное, больше за меня говорили мои работы). Но он, думается, кого-то удивил, кого-то навел на размышления: «Надо воспитывать в себе чувство радости...» Благополучные и очень обустроенные в этой жизни мои зрители из Эшвеге поняли - каково было и есть добывать нам крупинцы радости из нашего бытия. А уж какое оно было, какое есть - известно каждому из нас...

...Так что же привозит с собой человек, из дальних странствий возвратясь? Себя. Обновленного энергетикой иного мира, общением с людьми иного менталитета, красками других широт... Хотя Гете утверждал: «Чтобы понять, что небо везде синее, не надо совершать кругосветное путешествие». Художнику — необходимо.

- Мыслишь по-другому, - говорит Инесса Фридебертовна, - не только пространственные ощущения другие - восприятие мира иное. Мир расширяется еще и качественно. Глубже воспринимаешь, как-то значительнее - все хорошее. И страшнее - все плохое. Контрастнее... Душа всю работу. А сколько замыслов! Хватило бы жизни воплотить их на полотне...

Журнал «Смоленск» 08.08

ТРИЖДЫ ПОСТРАДАВШИЕ

Поезд мчит нас домой. Меня – в Сарепту, а у моих сестёр по вере Надежды Лиджиевой и Веры Лебедевой дорога лежит дальше, в г. Элисту (Калмыкия). За окнами несущегося поезда мирный тёплый майский день. Мы возвращаемся с Христианского семинара из Самары. В поезде, под стук колёс, идёт неспешный разговор о прошлом, о далёких днях непростой истории российской семьи Лорен. Своими воспоминаниями делится Надежда Давыдовна.

- Откуда родом ваш дед?

- Мой дед Давид Лорен (1884г.р.) – немец, родом из Саратовской области. Сейчас эта местность относится к Волгоградской области – деревня Ромашки Палассовского района. Российские семьи в большинстве своём были многодетными. Так же и немецкая семья Лорен, в которой было 5 братьев и сестра. Дед занимался сельским хозяйством, тем и жили.

- А про бабушку что Вы знаете?

- Бабушка была тоже немкой и звали её Анной. В их семьях было 6 детей (Александр, Мария, Давид, Яков, Михаил, Юлия). Моя мама Мария 1907 г.р., когда ей было 7 лет, помнила отдельные события начавшейся Первой Мировой войны и иногда рассказывала нам, как 10 немецких семей по приказу погрузили свои небольшие пожитки из минимального набора одежды и питания на телеги и весь этот обоз следовал под конвоем в Караганду. Там, в степи, российские немцы были оставлены на выживание. Сначала они строили землянки, а спустя некоторое время им разрешили строить дома из тёса. Так были построены две аккуратные деревенские улицы длиной по два километра. Трудностей было море, но мужчин, привыкших работать и умеющих это делать, трудности не пугали. Это была первая депортация российских немцев.

Через три года все эти семьи были депортированы на 50 км. вглубь степи, и это было уже второе насильственное переселение семейств российских немцев. Началось строительство нового посёлка под названием «Knamenreich». Вновь возникло много трудностей в этой обстановке. Нужно было заново начинать строительство жилья, искать источник годной для питья воды, что было жизненно необходимо в условиях бескрайней степи. И вот они, эти трудолюбивые немцы, нашли-таки источники с прозрачной водой, устроили бассейн для накопления воды и жизнь опять обрела смысл.

Деда Давида забрали в ряды Красной армии, после этого бабушку стали называть «красноармейкой». Дед не вернулся с фронта, не дожидая встречи со своей семьёй, об этом сообщили бабушке (Надежда Давыдовна вытирает слёзы). Семья осталась на попечение дяди и бабушки. Очень много горя свалилось на бабушкины плечи. Живя в разлуке с мужем, она теряет сына Александра, который трагически погиб от лошади на сельхозработах,

другой брат Яша умирает, заболев корью. И вскоре умирает сама бабушка Анна.

- Расскажите о судьбе Вашей матери.

- Маме было 19 лет, когда она вышла замуж за Александра Руша, русского немца. Она прожила с ним много лет. Александр был равнодушен к технике, работал кузнецом на сахарном заводе в г. Фрунзе, куда они с семьёй переехали. Муж был в почёте, его смекалкой дорожили на производстве.

1941 год. Грянула война и начиналась третья депортация для этого семейства. Однажды они опоздали на 5 минут на работу и их уволили. Семья переезжает в село Вольное, но и там их застает насильственное переселение с обжитых мест. Александра Руша забирают в трудовую армию в Челябинск. Через полтора года он, совсем измождённый, возвращается домой, и его выхаживают сестра мужа и мама. Как только улучшилось состояние здоровья, его тут же забирают вновь в трудовую армию в Челябинск, а маму ссылают в трудовую армию в Таджикистан.

В 1943 году Александр Руш, как и многие российские немцы, умер от непосильного труда и тяжёлых условий жизни. Нормы выработки были жёсткие. Он работал как штукатур и маляр и ему нужно было выработать 4 кубометра раствора, чтобы получить 1 кг. хлеба. Так молодые, раньше здоровые парни, теряли свою единственную, Богом данную жизнь.

- Как дальше сложилась жизнь Вашей мамы?

- Мама в трудовой армии встретила депортированных калмыков из Элисты, один из них Ност Шакиров защищал и оберегал Марию. Так, в трудовой армии, они и подружались – русская немка, оторванная от родных берегов, и сосланный со своей Родины калмык. Они были не зарегистрированы, но полюбили друг друга и остались вместе. Вот один из примеров, как сложно складывалась жизнь российских немцев, а они продолжали любить жизнь, какой бы горькой она не была.

От автора: Две дочери – Вера (1947г.р.) и Надежда (1951г.р.) испытали большие трудности и лишения в своём детстве. Не было одежды и хорошей еды. Немного спасало то, что родная тётя работала дояркой, и, когда приближались часы дойки коров, Надежда прибегала ко времени и получала свою кружку молока. Будучи совсем маленькими девочками,

Вера и Надежда повторяли каждый вечер за мамой молитвы. Наверное, эти зёрна веры закладывались в детские души матерью с большой любовью к Господу. Сейчас Надежда Давыдовна – проповедница в Евангелическо-лютеранской общине г. Элисты, а её дочь Елена является пастором этой общины. Это

что касается души, а ещё у сестёр Надежды и Веры золотые руки. Они не расстаются с крючком и нитками, создавая очень интересные ручные работы из бисера, пряжи и мулине, украсившие выставки в Волгограде. Хочется пожелать им здоровья и творческих успехов.

russdeutsch.ru

Петр Биттер, пенсионер

«БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА Я ОСЛАБЕЛ НАСТОЛЬКО, ЧТО ПУСТУЮ ЛОПАТУ ЕЛЕ ПОДНИМАЛ»

В трудовых лагерях люди гибли, даже не понимая, за что.

Я постоянный читатель «Нашей Газеты». Не оставляю без внимания материалы о прошлом. Решился написать и о своей жизни, ведь она - та капля, в которой отражена наша история.

Нас называли кулаками

Я родился в немецком Поволжье, в деревне Лаувей Саратовской области в 1921 году. Отец мой одним из первых вступил в колхоз: отвел корову, двух лошадей, больше у нас скота не было.

Бывший участник Гражданской войны, раненый, отец стал работать бригадиром, сестра и брат тоже работали в колхозе, мама пекла хлеб для колхоза. Мне не было и 10 лет, но я тоже работал: переносил горячий хлеб в погреб, чтобы скорее остывал. Не работали у нас трое: 78-летние дедушка и бабушка и брат старший - калека.

Как-то ночью к нам пришел мужчина с ружьем и сказал отцу, что его вызывают в сельсовет. А там отца посадили. Через несколько дней заехала во двор подвода, чужие люди вынесли дедушку в бессознательном состоянии. Нас с мамой не было дома, мы ездили, чтобы получить сведения об отце. Когда приехали, наши скудные вещички были уже в другом месте, а куда делись бабушка и дедушка - неизвестно. Через день нас пятерых увезли на хутор за 25 км от деревни. Поместили еще с одной семьей в конюшне. Охраняли нас комсомольцы. Когда темнело, они в окошко, через которое выкидывают навоз, давали нам что-нибудь поесть, даже предлагали убежать. Но 20-летний брат не двигался самостоятельно.

Через неделю нас погрузили на пароход. Не разрешили взять самую необходимую для брата вещь - стул на колесах. Брату пришлось все время лежать, у него образовались пролежни и 1 января 1931 года он умер.

Нас доставили в город Энгельс, поместили в большое кирпичное здание складского типа, где собралось уже много народа. Называли кулаками. Условий для жизни - никаких. Ночью 2 августа 1930 года погрузили в вагоны. А

17 августа мы вышли на станции Караганда. До Майкудука, сказали, добирайтесь, как можете.

Умершие лежали, как куча дров

Недалеко от насыпи будущей дороги на Балхаш образовался тогда целый лагерь из шалашей. Мама сшила три простыни, и мы тоже такой соорудили. Всех, кто мог что-нибудь делать, гоняли на работу. Здесь нас нашел отец. Степь голая, а надо было строить дома: дело шло к осени.

Из самана построили дом. В нем поместилось 52 человека. Вместо коек - насыпь из земли и дерна, прикрытая травой. Сложили две плиты. Давали нам паек - 200 г хлеба и немного других продуктов. Отец копал траншею для водопровода из Майкудука в Караганду.

В январе 1930 года при спуске в траншею он упал, расшибся, и через 10 дней его не стало. Врачебной помощи не было никакой.

Через полтора года нас осталось в этом доме 11 человек. Остальных увезли в зеленую балку - в братскую могилу. Пришлось нам с сестрой как-то везти туда 17-летнюю девушку. Мы видели, что умершие были сброшены, как куча дров.

В 1933 году мама устроилась работать в коммунальный отдел уборщицей, сторожем, истопником и еще курьером одновременно. При конторе нам дали комнату. Точно не помню, но в 1935 или 1936 году маму восстановили за хорошую работу в правах, выдали паспорт. Очень немногим тогда выдавали паспорта.

За колючей проволокой

Когда началась война, я жил в селе Русско-Ивановка в Осакаровском районе. Оттуда 9 апреля 1942 года меня мобилизовали в трудовую. Оказался я в Челябинске. 9-ый строительный отряд - так именовалось место назначения. А когда разглядели утром - это лагерь для заключенных, обтянутый множеством рядов колючей проволоки, по углам вышки, на которых стояли часовые с винтовками.

Нашему заезду еще повезло: для нас уже были построены бараки на 250 человек. Мы смели с нар снег и только легли, как вдруг команда: «На выход!» - и начался шмон. Перешарили все наши вещички и нас самих, отбирали деньги, бритвы, перочинные ножи. Я деньги спрятал во дворе, оставил 38 рублей, но и их забрали. Такие шмоны устраивали в течение трех ночей подряд.

Наутро в барак пришли исхудалые, опухшие трудармейцы. Каждый или почти каждый что-то принес из вещей для обмена на съестное. Это были те несчастные, которые прибыли сюда еще в январе, жили в палатках, строили бараки сначала для себя, а потом и для нас. Первые 2-3 месяца мы получали по пачке махорки в месяц, она стоила 300 рублей. Одна маленькая самокрутка - 5 рублей, а 280 г хлеба - 60 рублей. Надо было выбрать: курить или изредка покупать хлеб. Я выбрал второе. И по сей день не курю. Многие из-за этого курева не вернулись домой, умерли от голода.

Барак назывался стахановским

Лагерь был многонациональным: немцы, поляки, румыны, евреи, финны. На работу ходили под конвоем. Выходили из ворот строем побригадно, прямо в объятия конвоиров с винтовками, примкнутыми штыками. Краткий инструктаж: при попытке к побегу применяется оружие. Наша бригада попала на рытье котлована под сталеплавильную печь. Потом нас переквалифицировали в арматурщиков. Работа была легче, и котловка стала лучше, хлеба давали по 800 г, появились второе и премблюда (премиальные - «НГ»).

К октябрьским открыли в лагере стаханов-

ский барак, туда попал и я. В общих бараках лежали на голых нарах. Ну, а в стахановском - комфорт: матрац, одеяло, простыни, подушки и нары одноярусные.

Но перезимовать мне там было не суждено: отморозил пальцы на ногах. Обувь нам шили из автопокрышек. Их расслаивали: часть, что с нитками, шла на перед и задник, а протектор на подошву, голенища строчили из трофейных шинелей. И такая обувь меня подвела. Но освобождений не давали. Сделают перевязку - и иди на работу. Ногти с пальцев слезли, пальцы гнили.

Как-то ночью нашу бригаду построили и подвели к вахте для отправки в Копейск в шахту. Ждем машину, а ее нет и нет. Вдруг к вахте из лагеря подъезжают двое саней, нагруженные мертвыми трудармейцами. Лежали они штабелями высотой в человеческий рост, и все совершенно голые. Вот они-то были без охраны. Можно себе представить, сколько за эти годы было вывезено и брошено в общую могилу людей.

Кто-то, может, скажет, что на войне тоже гибли люди. Все верно, но там знали, за что умирают...

Как-то мы убрали территорию хлебозавода. Приехала машина из нашего 9-го стройотряда за дрожжами. (Нам давали каждый день по 100 г пивных дрожжей против цинги, а взамен удерживали с вечерней пайки хлеба 20 г.) Меня попросили помочь. Полез я наверх, стал принимать ведра с дрожжами. Мне говорят снизу: «В ведре оставь немного попить». Я слил остатки в котелок, думал, и мне оставят немного. Слез, а в котелке пусто: про меня забыли. А я до сих не забыл.

А под «грибком» - часовой

На другое утро радость - нам выдавали круглосуточный пропуск. Выходишь из зоны - получаешь, возвращаешься - отдаешь.

Стал я работать геодезистом с вольнонаемниками. Котловка поднялась: хлеба 900 г, первое, второе, да еще и дополнительные премблюда. Сначала трудно было ходить от слабости, но потом я свободно преодолевал 15 км до пункта назначения и обратно, да и вся работа была на ногах.

В конце апреля 1945 года меня и еще 25 человек, все комсомольцы, послали копать саженцы. Когда вернулись, нам объявили, чтобы завтра к 11 часам пришли с вещами. Всю ночь я не спал, думал, зачем зовут. А утром сказали, что с этого дня мы самоохранники - охраняем себя сами.

На строительной площадке за колючей проволокой работало множество заключенных. Люди, не привыкшие к голоду, гибли и мало могли делать пользы стране. Вся стройплощадка охранялась: через 50 - 60 м стоял часовой с винтовкой под грибком, а у следующего грибка - самоохранник. Если увидит бегущего через зону, должен кричать, а сосед с винтовкой должен стрелять. Вот так и жили.

В 1946 году я женился на украинке, рас-

тили трех сыновей. В 1958 году переехали в Казахстан, сейчас живу в Маршаловке Карасукского района.

«В санях мертвые трудармейцы лежали шта-

белями высотой в человеческий рост. Совершенно голые. Вот они-то были без охраны».

**«Наша газета»,
Костанайский областной еженедельник**

Рафаил Аскарров

ОТЛУЧЕННЫЙ ОТ НЕБА

Летчик Константин Вегелин был отправлен в 1941 году не на фронт, а в трудармию

«Ты знаешь, что он немец?»

Бывает так, что при воспоминании о каком-то человеке возникает в твоей душе непонятное чувство стыда. Прекрасно знаешь, что лично ему нечего не должен. Но жестокая несправедливость, совершенная по отношению к этому человеку государственной системой, как бы и тебя делает ебе соучастником, будоража совесть.

Я работал тогда уже в железнодорожном цехе ЧМК. В сентябре 1959 года наш паровоз 9П-13246 оставили на подъемочный ремонт, а меня перевели на другой локомотив. Тогда моим новым машинистом оказался Костя Вегелин. Вроде бы ничего примечательного: крупный, немногословный мужчина, не чурющийся, когда надо, и помочь своему помощнику. Таких у нас много. Но что-то невысказанное, таившееся в его невеселых глазах, я уловил только тогда, когда кто-то спросил меня: «А ты знаешь, что он немец? Он же был военным летчиком, имел звание капитана». Вот тогда в несколько ином свете увидел я чуть заметную сутуловатость его широких плеч и неспешную выверенность произносимых слов.

«Калининские» часы

Мальчик рос без отца. С семи лет помогал в работе дяде, качая кузнечные мехи. С двенадцати лет караулил бахчу. Добрые люди подкармливали. Учился. После окончания восьмого класса в 1929 году увязался за такими же детьми немцев Поволжья, собравшихся поступать в летную школу. Из всей группы приняли только его одного. Первый год учебы проходил в Вольской военно-теоретической школе летчиков и авиатехников. Потом учился летать на самолетах в 3-й Оренбургской военной школе летчиков. Старшиной их учебной роты был Иван Полбин, успешно овладевший техникой управления самолетом. Константина Ивановича Вегелина оставили здесь в должности летчика-инструктора. В общежитии рядом с его кроватью стояла кровать летчика-инструктора Энделя Пусепа.

В 1934 году Вегелина назначается командиром звена, а в январе 1937 года – командиром отряда (два отряда составляли эскадрилью). Со слов его родственников,

в ту пору Константин Иванович за отличную службу получил именные золотые часы из рук самого М.И. Калинина. На фотографиях того времени на летных петлицах Вегелина видна «шпала», знак воинского звания «капитан». И счастливая улыбка «сталинского сокола» в кругу таких же молодых и уверенных в себе военных летчиков.

В 1938 году его уволили в запас: обнаружилась болезнь легких. Перед этим был допрос «с пристрастием» об одном из его знакомых, служившим на военном аэродроме. Оказавшись пенсионером, поехал в Цхалтубо. После курса лечения ему сказали: не пей, не кури. Год работал мотористом электростанции на Черноморском побережье, и от болезни не осталось и следа.

Выселение

С июля 1940 года Константин Вегелин работает в Орехово-Зуевском аэроклубе Московской области начальником учебно-летного отдела. Здесь женился. С началом войны подал заявление с просьбой направить его на фронт, указав свою национальность: немец Поволжья. Отказ. А 12 сентября 1941 года он был уволен «в связи с переездом на новое место жительства» - так скромно обозначили выселение немцев с Поволжья. По пути в Казахстан на станции Куйбышева его жену сняли с поезда, поместили в больницу: приближались роды. Костя оставил ей свои именные часы. Здесь родилась дочь. А встреча его с женой и дочерью состоялась только через несколько десятилетий.

В Казахстане Вегелин был принят на работу в качестве военрука и преподавателя физкультуры. Но уже 17 апреля 1942 года по трудовой мобилизации он прибыл в Челябинск на строительство нашего завода.

Друзья – в небе, он – в шестом отряде

...Май 1942 года. Майор Эндель Карлович Пуссен на бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8) доставил правительственную делегацию во главе с В.М. Молотовым в США и обратно. Радисты с самолета передают в Москву: «Прошли линию фронта. Высота 8500. Скорость 550. Все в

порядке». Распоряжение: «Посадку произвести на Центральном аэродроме». Э.К. Пуссен закончил войну гвардии полковником имея звание Героя Советского Союза, семь орденов и четыре медали.

... 11 февраля 1945 года командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса Герой Советского Союза, генерал-майор Иван Семенович Полбин вел десятку пикирующих бомбардировщиков Пе-2 на штурм Бреслау. Снаряд Эрликона взорвался в кабине его самолета. Остальные самолеты вернулись на свой аэродром, израсходовав весь боезапас. 6 апреля 1945 года Полбину Ивану Семеновичу во второй раз было присвоено звание Героя Советского Союза.

... Голова закружилось, слабость разлилась по всему телу, и Костя Вегелин потерял сознание от истощения в каменном карьере «Челябметаллургстроя». Диагноз – дистрофия. Шестой отряд потерял на время еще одного трудармейца. В лазарете выжил. Назначили бригадиром. Сразу же после войны Константин Ивановичи зачислили в штат оперативной группы, восстановив ему воинское звание старшего лейтенанта: работал переводчиком с немецкими военнопленными. За эти годы ему удалось узнать, что его жену, родившую в Куйбышеве дочь, тогда же «прибрал» майор НКВД.

Позже Костя женился второй раз, у него родились сын и две дочери.

На перекрестках судьбы

По расформированию лагеря военнопленных в 1948 году Вегелин был уволен из ЧМС. Теперь возникли проблемы с жильем в бараках, располагавшимся на территории коксохима. Тогда он устроился в железнодорожный цех ЧМЗ. Здесь полгода работал экспедитором, затем два с половиной года был помощником машиниста паровоза и четырнадцать лет – машинистом. Первоначально дважды подавал заявления о вступлении в партию. Оба раза отказали. В третий раз ему уже предложили вступить. Но теперь уже он отказался. В те же годы однажды съездил к той, первой жене. Объяснился с уже ставшей взрослой дочерью. Она его поняла. В 1966 году уйдя на пенсию, Вегелин еще девятнадцать лет работал дежурным по депо. Он ушел с завода в 1985 году в возрасте 74 года, имея стаж работы 52 года.

Знаменитое училище

Мое общение с Константином Ивановичем сводилось, скорее всего, к желанным, но случайным встречам. Дело в том, что моя

служба в армии проходила в Оренбурге рядом с военно-авиационным училищем, где Вегелин учился и служил. А в 1961 году, после полета Юрия Гагарина, стало известно, что космонавт № 1 закончил это же училище. И весьма примечательно, что, несмотря на это, через несколько лет Оренбургскому летному училищу было присвоено имя дважды Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Семеновича Полбина. Прочитав книгу «Тревожное небо», написанную Героем Советского Союза полковником Энделем Карловичем Пусепом, я, конечно, поспешил рассказать о ней Вегелину. Не зная, как правильно выговорить эту эстонскую фамилию, я сделал ударение на первом слоге. И Константин Иванович тут же меня поправил: ПусеЕударение на втором слоге. Вообще наши разговоры шли только на авиационную тему. В последний раз мы с ним виделись весной 1990 года, месяца за три-четыре до его смерти. Явно погрузневший, опираясь на трость, он медленно шел из поликлиники. Я, бывший на автомобиле, предложил подвезти его до дома. От моего предложения помочь ему дойти до квартиры Константин Иванович решительно отказался. И, поблагодарив, пошел один.

Русский Иванович

Через несколько лет я побывал в квартире Константина Ивановича. Но встретился уже только с его женой. Мария Семеновна тоже много лет работала в депо железнодорожного цеха № 2 ЧМК, и мы с ней были немного знакомы. Поэтому и две состоявшиеся беседы прошли легко. Его жена, теперь сама неходячая, больная, говорила о нем как об исключительно порядочном и неизменно уравновешенном человеке. С ее слов, за все эти годы их совместной жизни он ни разу не дал повода для недовольства им.

Рассказала, что как-то Константин Иванович узнал, что в челябинской гостинице «Южный Урал» находится его знакомый по довоенной службе, летчик, Герой Советского Союза, полковник. Она его не пустила, отговорила от встречи со старым товарищем. Возможно, это был Э.К. Пусеп. Теперь жалеет об этом...

А меня заинтересовало вот что: почему у немца по национальности имя, отчество и фамилия оказались русскими. Ну, имя – понятно. А отчество его родного брата, называется, Иоганович. Понятно: изменить было не сложно. А фамилия же Вегелин, его исконная, была с ударением на третий слог, на букву «и». Вот так немецкая фамилия стала русской.

ВАЙЦЕЛЬ-ПИМЕНОВА МАРИЯ ДАВЫДОВНА

(Из воспоминаний)

«Родилась 16 октября 1927 г. в с. Гуссенбах, Медведиценовского (Жирновского) района Сталинградской области. Нас выселили 1 сентября 1941 года. Как помню, привезли в пригород Тобольска, в дер. Кремлева. Кругом лес, несколько недостроенных домов без печки. Отец во дворе выкопал яму, разжег костер и что-то там варил. Спали на полу. В 1942 году отца взяли в трудармию, где он и умер.

В декабре 1942 года нас с сестрой Лидой привезли в Златоуст, работали на заводе им. Ленина, тогда он назывался № 259. Жили в общежитии, под охраной ходили каждый день отмечаться в райотдел НКВД. Я два раза опоздала, и меня заставляли мыть полы у ко-

менданта. Работала я в 14 цехе, в 1947 году меня отправили на лесоучасток в Веселовку. Там я пилила, валила и сплавляла лес. Жила я там один год. В НКВД меня потеряли, меня не имели права посылать на эту работу, и за это меня посадили в КПЗ. В это время был хороший комендант, он меня выпустил.

В 1947 году умерла мама, осталось четверо детей. В 1949 вышла замуж. 56 лет прожила то в бараке, то в коммуналке. На пенсию я пошла с часового завода, ветеран труда».

**«Не может быть забвения...»
Статьи, воспоминания, биографии.
Златоуст, 2013**

Генрих Шнейдер

НА БАКАЛСТРОЕ

Записки трудармейца

Откликнулось болью в душе...

Я вернулся из трудармии в конце 1953 года. Это значит, что мне довелось побыть в ней вдвое дольше большинства моих товарищей по несчастью. Кроме, разумеется, тех, кого она поглотила навеки. Еще несколько лет назад и представить нельзя было, что оставшиеся в живых будут иметь возможность публично вспоминать эти кошмарные годы. Не мог подумать об этом и я, который был заброшен по воле трудармейской судьбы в такие места, само название которых хранилось в строжайшем секрете.

Прочитав в «Нойес лебен» в конце 1989 года статью Рихарда Бланка «Боли наши канули в лету?!» и потерял покой и сон. Трудармейская эпопея на челябинской земле вновь, как наяву, предстало передо мной. Тогда же я увидел в телепередаче, как демонстрировали Челябинск-40 американской делегации. В мою бытность это было наглухо закрытое место, там мы строили столь же закрытый город, чему мне пришлось отдать 7 долгих лет жизни. И я решился рассказать о них, хотя владею инструментами куда лучше, чем пером.

Трудармия врезалась в мою память прежде всего постоянным унижением человеческого достоинства, вопиющей несправедливостью по отношению к нам, ее безвинным узникам. Российские немцы, согнанные сюда, даже не знали, за что они страдают и гибнут. Мы ощущали себя жалкими букашками, которых

мог прижать к ногтю, а то и стереть в лагерную пыль любой начальник.

... А поманили доверием

Нестандартный, как увидит читатель, была лишь вторая часть моей трудармейской биографии. А ее предыстория и начало, напротив, вполне типичны. В 1941 году мне исполнилось 18 лет. Я жил в селе Шталь (Звонаревка) Красноярского кантона Республики немцев Поволжья, учился в плодоовощном техникуме, (Кстати говоря, в 7 километрах от нас находилось село Розенгайм, упомянутое в скандальной публикации члена Союза писателей СССР Виляя Рудина от 5 августа 1987 года в газете «Кузбасс» «Что помнят о себе немцы?» В ней он распространял клевету на российских немцах о том, что они якобы во время войны играли в СССР роль пятой колонны, рассказывал басню о немецких диверсантах и парашютистах, якобы сброшенных на территорию Республики немцев Поволжья и там радушно принятых немцами, об отравлении немцами колодцев в своих деревнях (!?), о складах оружия в подвалах у них. В этой статье В.Рудин упоминает деревню Розенгайм в качестве одного из мест мифической подрывной деятельности немцев Поволжья. Могу засвидетельствовать: при выселении я лично помогал вывозить из этого села немецкие семьи. Мы пили воду из колодцев и, разумеется, никто из нас не отравился).

После депортации я попал в село Казанка Володаровского района, в то время входившего в Северо-Казахстанскую область. В начале 1942

меня и моих немецких сверстников вызвали в райцентр, сказав, что направляют в действующую армию. Мы поверили этому – ведь наши русские сверстники давно находились на фронте, а мы не имели понятия, что все российские немцы, служившие в Красной Армии, уже к началу осени 1941 года были из нее удалены. Мы обрадовались, что к нам, немцам. Тоже отнеслись как к равноправным гражданам! Русские, люди других национальностей, проводившие своих близких на войну, сразу стали смотреть на нас более дружелюбно. Смягчилось сердце даже у свирепого председателя колхоза, Он поручил мне, когда я поеду в военкомат, сдать туда несколько молодых лошадей.

Зарядила сильнейшая пурга, глаз не откроешь. Председатель запряг старую лошадь: она, мол, никуда с дороги не свернет. Трехлеток мы привязали сзади. До райцентра было 40 километров. Я ни разу там не бывал, но преодолел этот незнакомый мне путь шутя, как на крыльях. Лошадей в военкомате взяли. А мы, немцы, оказались там не нужны. Нас неизвестно для чего продержали неделю в райцентре и затем отправили назад. После нашего возвращения к нам, так и не удостоенным доверия властей, стали относиться по-старому. Но мне не пришлось долго сокрушаться об этой неожиданной смене милости на гнев – вскоре меня забрали в трудармию.

Вместо фронта – «рабочие колонны»

Согласно постановлению Государственного Комитета Оборона СССР от 10 января 1942 года, почти треть немцев, «мобилизованных» в «рабочие колонны» НКВД (так на самом деле называлось то, что потом получило название трудармии) на все время войны, направлялась на строительство Бакальского металлургического комбината и Богословского алюминиевого завода. Попав на первый из них, который намечалось построить возле Челябинска, я и не подозревал, что участвую в возведении крупнейшего промышленного объекта, сооружаемого подневольным трудом моих несчастных соплеменников. Тем более невозможно было представить, какое несметное множество российских немцев погибнет на этой стройке, унеся в безымянные могилы чудовищное клеймо прислужников врага. А комбинат, возведенный на их костях, уже через год и четыре месяца выдаст металл, из которого станут делать танки Т-34.

9 февраля Челябинск встретил нас лаем сторожевых собак и площадной бранью охранников, плотными шеренгами окаймлявшими нашу колоннами. Я попал в 15-й строительный отряд. Его предстояло разместить в лесу, на совершенно пустом месте. В пургу и мороз мы разбили на снегу брезентовые палатки, в которых и прожили до весны. Единственным источником воды был растопленный снег. Лишь весной нас первый раз сводили в баню. Мы прошагали 15 километров и только к утру вернулись назад.

Вначале я был на земляных работах, мы рыли фундаменты под прокатное производство. Затем меня направили в 6-й отряд, на каменный карьер. Здесь было так невыносимо тяжело, что некоторые мои земляки сходили с ума. Я уже не говорю о катастрофически высокой смертности. В конце концов, я оказался в 1-м отряде, где и находился до конца пребывания в Челябинске. Мы строили двухэтажные жилые дома в, так называемом, соцгороде, иначе говоря в поселке металлургического завода. Тут я впервые стал работать маляром. Это дело, которое мне пришлось осваивать в тяжелейших нечеловеческих условиях, стало, как ни парадоксально, моим любимым на всю жизнь. Независимо от ситуации, я всегда был рад нести добро людям. Если им нравится твоя работа, то ты этим и живешь.

Исключение лишь подтверждает правило...

Вдруг мы стали замечать своеобразную «заботу» о себе начальства. Видно, ему стала очень нужна здоровая крепкая рабочая сила. Увы, эта начальственная «забота» нередко оборачивалась для нас новыми мытарствами. Когда мы возвращались вечером с работы, все первым делом устремлялись в столовую. Здесь на стали выдавать по 20 граммов жидких дрожжей и заставляли пить горький желтый настой из сосновой хвои: витамины должны были придать здоровья, энергии. Лишь после этого каждый из нас получал причитающуюся ему порцию супа. Помнится, однажды в морозный зимний день трудармейцы, не в силах справиться с омерзением от этого отвратительного похлебки, стали выплескивать его на ступеньки столовой. Из-за замерзшего настоя образовалась наледь. Заведующий кухней, наш же немец, бывший офицер, отправленный в трудармию с фронта, решил восстановить порядок и вывести нарушителей на чистую воду. Я стоял в очереди первым и, отхлебнув для видимости немного настоя, быстро вылил остаток, а затем протянул котелок за супом. Неожиданно этот молодой, крепкий и здоровый человек, еще носивший офицерскую форму, схватил меня за шиворот и с криком потащил к начальнику отряда, угрожая отправить на 20 дней в штрафники.

Мало кто оставался в живых, побывав в штрафниках. Я пояснил, что не мог больше пить настой и выплеснул его на ступеньки, не найдя второпях более подходящего места. Начальник 1-го отряда, еврей с русской фамилией Логинов, спросил у заведующего, предусмотрел ли он емкости, куда можно было вылить излишнюю жидкость. Тот отчеканил по-военному: «Никак нет!» «Тогда сделайте, как положено, и на крыльце будет чисто», - скомандовал начальник и велел ему удалиться. Поскольку меня никто не отпускал, я продолжал стоять. И вдруг начальник, оставшись со мной наедине, спрашивает меня по-немецки: «Hab ich richtig gemacht?» Я ему: «Ganz richtig» - «Du bist frei», - двусмысленно сказал он мне на прощание.

Позднее судьба еще раз свела меня с этим своеобразным, отнюдь не типичным для тех условий руководителем. После победы под Сталинградом питание трудармейцев несколько улучшилось, и мы уже могли надеяться остаться в живых. Нашу бригаду поставили на самый обильный «котел» (всего их было 3). Тех, кто выполнял норму на 130 процентов, получал килограмм хлеба. Но нашим бригадиром был молодой, хамоватый и не сочувствующий нам человек. Однажды. Когда мы выполняли особенно тяжелые погрузочно-разгрузочные работы, в бригаде несколько дней подряд выдавали всем по положенному килограмму, а мне, самому безответному, оставшийся довесок – 800 граммов. Я не раз пытался выяснить у бригадира, в чем дело, но он лишь грубил мне в ответ. Узнать причину в табельном бюро он не захотел или побоялся. Пришлось жаловаться начальнику колонны. Тот в отсутствие бригадира выяснил у звеньевого, как я работаю, тот ответил: «Добросовестно», и начальник обещал помочь мне. Но прошло 5 дней, и ничего не изменилось. В отчаянии я решил обратиться в последнюю инстанцию – к Логинову.

Узнав, что я выполняю норму на 137 процентов, начальник послал меня за бригадиром. Тот лежал на нарах и поначалу стал тянуть волюнку, но затем, осознав причину вызова, вскочил как ошпаренный. Начальника отряда все боялись из-за его строгости. Сходу выяснив у бригадира, что я сказал правду, Логинов объявил ему ледяным тоном: «Завтра утром отдадите свой паек Шнайдеру, а сами будете получать по 800 граммов, пока не выясните причину, почему ему давали столько. И вернете ему через табельное бюро весь хлеб, недоданный за пять дней! Ясно?» Бригадира как ветром сдуло, а мы с Логиновым обменялись теми же немецкими фразами, что и в прошлый раз. И радостно мне стало от того, что правда взяла, наконец, верх и горько: ведь справедливый начальник в трудармии был лишь исключением, подтверждающий правило...

Эти, на первый взгляд, незначительные эпизоды из моей челябинской жизни по-своему примечательны. Думаю, они наглядно свидетельствуют, какой призыв царил в трудармии, несмотря на строжайшую регламентацию всей нашей жизни. И самое обидное – над трудармейцами издевались порой и некоторые наши соплеменники, сумевшие чуть-чуть возвыситься. Пытаясь добиться справедливости, мы не раз вынуждены были обращаться к высокому начальству. Но эти демарши. Разумеется, далеко не всегда оканчивались благополучно, как в описанных случаях.

Помню начальника снабжения нашего отряда Зильбермана, тоже, как и Логинов, еврея. Мы замерзали в резиновых бурках, жаловались, что не можем работать. Выяснилось: этот хапуга получил положенные нам по наряду валенки и продал их на челябинском базаре.

В 1-м отряде наша бригада из 15 человек производила все работы, начиная от закладки фундамента, кирпичной кладки и вплоть до

отделки, побелки, установки окон, дверей, плитусов. Мы не занимались лишь покраской полов. Масса времени уходила на выгрузку леса, цемента, извести. Когда требовалось, мы работали днем и ночью, мороз не мороз, давая по 2-3 нормы. Откуда только брались силы у голодных, изможденных людей?..

Я несколько раз стоял на «стахановской вахте» и выполнял норму на 300-400 процентов. Однако, кроме лозунгов, которые торжественно вывешивались по данному поводу под звуки духового оркестра, ничего за это не имел. Спасибо, что меня подкармливал мой школьный товарищ Давид Рихтер. Он работал на свиноферме и приносил мне макуху (подсолнечный жмых), который я поглощал так же охотно, как и четвероногие. Однажды меня послали для поправки в отдельную команду нашего отряда. Чуть живые люди занимали там целый барак. Начальник команды сжалился надо мной и отправил в самое заветное место – на хлебрезку. Здесь я за месяц прибавил в весе аж 11 килограммов. После столь продолжительного отдыха (единственного за время нахождения в Челябинске) я вернулся к нашим малярам.

Товарищи по несчастью

В первые месяцы трудармии я за 2-3 дня легко запоминал основные данные всех членов бригады примерно в 50 человек, с которыми меня сводила судьба: фамилию, имя, отчество, год рождения. А всего спустя полгода из-за физической слабости память моя стала никудышной. К тому же нас очень часто перебрасывали из бригады в бригаду.

И все же попытаюсь назвать своих товарищей поименно: Ваня Фелькер из Симферополя, Франц Ремер из Керчи, Богдан Келлер из Ташкента, Роберт Есске из Северного Казахстана, Кишлер из Румынии (бригадир), Эдуард Доос из Энгельса, мой двоюродный брат и земляк Давид Шнайдер, Федя Боссерт, Давид Юстус, Андрей Бишель, Карл Гинсбург из Иркутска, Володя Гоппе, Саша Унгефуг, Федя Штольцер, Рисс. Особенно запомнился наш учитель Оскар Арнольд из Симферополя. Он закончил художественное училище в Одессе и сделал там роспись вокзала, который потом, во время войны, был разрушен. Благодаря Арнольду мы научились выполнять высококвалифицированные малярные работы. Овладев ими, мы в 1945 и весной 1946 года отделяли «особо важные» - генеральские дачи на курорте Каштак под Челябинском.

С окончанием войны начали отпускать из трудармии людей с незаконченным высшим образованием. Мы тоже стали требовать, чтобы нас освободили, и были уверены, что осенью поедем по домам. Но нам сказали: «Вернетесь еще раньше, если поскорее выполните одну работу». Дали сопровождающего, посадили нас на поезд, и мы поехали. Мог ли кто-нибудь предположить, насколько отдалит наше возвращение к близким эта неожиданная поездка?..

Нас ждал Челябинск-40.

КАЛАЧЕВО

В 1941 году совхоз был реорганизован. За ним были прикреплены подшефные заводы: к Калачёвскому отделению завод №254, к Заозёрному завод №114, к Коркинскому №12...

Жители села сыграли большую роль в обеспечении рабочих городов продуктами питания. Рабочие, в свою очередь, помогали коллективу совхоза в их нелёгком труде.

Более 100 калачёвцев ушли воевать на фронт. Среди героев отдавших жизни за спасение Отчизны Тарасов Алексей Иванович-директор школы, штурман, погибший в бою с вражескими самолётами.

Андросенко Иван Васильевич награждён орденом «Красной Звезды», Рудниченко Виктор Ильич медалью «За отвагу», Шумаков В.И. награждён медалями: «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За взятие Будапешта». Попов Н.А. награждён орденом «Боевого Красного Знамени», «За Победу над Японией»...Среди мужчин, защищавших нашу Родину от фашизма, была Львова Мария Ивановна,

имеющая многочисленные награды за участие в войне.

В честь георев- калачёвцев, защищавших Родину и не вернувшихся с войны, в честь тех, кто проявил мужество и не жалея сил приближал долгожданную Победу, в 1975 году по инициативе директора совхоза Винтер А.Ф., был установлен памятник на центральной площади села.

Большой вклад в развитие нашего села внесли те, кто был репрессирован и переселён для проживания и работы в Калачёво. Позднее ими было организовано ещё одно из отделений Калачёвского совхоза - Заозёрное. Трагические и драматические страницы истории нашего села рассказывают о судьбах этих людей, сумевших в столь сложное для них время не потерять силу духа и желание приносить стране пользу. Честь и слава, низкий поклон этим «безмолвным героям Родины»: Штабель Ф.Ф, Иваницкому Д.А., Цюцик Е.П., Габуда П.М., Юрий А.Г., Кругловой Е.А., Титер М.Е., Дзиман Е.Н., Федино М.М. и многим другим.

Геня Джаваршян

«РАСКУЛАЧИЛИ... ЗА ОДНОГО БАТРАКА»

(Из тени ГУЛАГа)

Житель Эжвинского района, почетный ветеран Коми Александр Вольф в этом году отметил 93-летие. На Север ветеран-долгожитель попал 12летним подростком. Семья поволжских немцев одной из первых пострадала от раскулачивания в 1929-ом году. О нелегкой судьбе своей семьи Александр Христианович рассказал «Красному знамени Севера» (Республика Коми).

По навету завистников

Родители Александра Вольфа – Христиан Христианович и Амалия Ивановна проживали в деревне Орловская Марксовского кантона Саратовской области. Их предки осели в Поволжье еще при Екатерине II – откликнулись на призыв императрицы осваивать пустующие земли. Многодетная семья Вольф (детей было восемь душ) слыла зажиточной. Помимо дома имели свой хутор – участок земли под посев зерновых в 30ти километрах от деревни.

Тогда все желающие могли приобрести землю у государства. Деревня немцев распланирована на современный лад: «Она была возведена строго по плану. Продольные улицы пересекались с поперечными. На каждой улице – по четыре дома с приусадебными участками».

В 1929 году Вольфов раскулачили. Сотрудники НКВД загнали семью в одну комнату, а сами вынесли все имущество на улицу и тут же распродали по сходной цене. Отوبرали и 3х комнатный дом, где впоследствии открыли

школу. Лишенная крова семья перебралась к родственникам. Вместе с ними в деревне Орловской пострадали еще три семьи.

– Отцу позже сказали, что нас раскулачили из-за наемного работника, – говорит ветеран. – Хозяйство было большое, он один не справлялся, наемный работник у нас действительно был. Что говорить, завистников в то время хватало...

В январе 1930го года главу семьи куда-то неожиданно забрали. Ночью в дом, где оставались жена с детьми, постучались. Милиция приказала женщине собирать вещи. В спешке дети, самым старшим из которых было 13 и 12 лет, хватали, что могли. Отвезли их в город Энгельс – столицу АССР немцев Поволжья, там трое младших деток заболели корью.

Без мужа – ни шагу!

Оттуда семье предстояло ехать на Север, однако женщина сообразила, что без мужа хорошим дело не закончится. Уперлась, мол, пока не увижу мужа, никуда не поеду.

Сдвинулась с места только после того, как сотрудники НКВД написали ей расписку, что супруг присоединится к ним через сутки. «Мать согласилась, и нас погрузили в телячьи вагоны, – рассказывает Александр Вольф. – Спустя сутки отец действительно к нам присоединился, а с ним и другие мужчины. Потом мы сообразили, что их отрывали от семей не случайно. Женщин с детьми было бы проще выслать на Север: что они смогут возразить?».

На Север ссыльные ехали на поезде. В пути от кори умерла самая младшая сестренка. Сопровождающие забрали тело ребенка, а где похоронили – никто не знает. Сначала раскулаченных привезли в Котлас, там они недолгое время жили в бывшей лошадиной конюшне. После немцев доставили в Сольвычегодск.

В Архангельской области умер младший братишка. Через десять дней после приезда в Сольвычегодск открылась навигация. Ссылных пароходами доставляли по реке Луза в одноименный поселок Кировской области. Оттуда их путь следовал в поселок Опарино, а конечным пунктом стал Прилузский район Коми.

Спецпереселенцев расселяли по поселкам с цифровыми наименованиями. Семья Вольф попала в поселок № 8, впоследствии его переименовали в Прилузский. Привезли их на голое место. Матерей с детьми оставили в Верхолузье, а трудоспособных мужчин и бездетных женщин от 16ти лет направили на строительство поселка.

В глухом лесу они вырыли землянки, а к осени построили четыре дома по четыре квартиры. В каждую селили по несколько семей, зиму немцы встретили уже в домах. Года два в поселке пытались открыть школу, все-таки детей надо было обучить русскому языку – 12-летний Александр Вольф разговаривал исключительно на родном языке, русский освоил только в Коми.

Быт в многодетной семье наладился только спустя несколько лет, первые годы досыта не ели. Отец работал столяром, время от времени подрабатывал в соседних деревнях: кому стол соорудит, кому – табуретку. В 1937 году Александр поступил в ульяновский сельскохозяйственный техникум. В январе 1942 года его выпуск экстренно сдал экзамены, а после ребят отправили на фронт. Не доезжая до Москвы, попали под бомбардировку, Сашу отправили на лечение в госпиталь в Кургане. А в ноябре немцев Прилузского района мобилизовали в трудовую армию. В Челябинске, где трудовая армия строила бараки и завод имени Ленина, Александр встретился с отцом и тремя братьями.

Паспорт – под замком

Через пять лет молодой человек поехал на побывку домой. Первый секретарь райкома партии Прилузского района вызвал его к себе и спросил: «Хочешь остаться?».

– А как я мог остаться, если у меня не было даже паспорта! – вспоминает репрессированный. – Мне в КГБ дали бумажку, что разрешают выехать на побывку сроком на 17 дней. Я числился в трудовой армии и обязан был вернуться в Челябинск. Объяснил, что если райком КПСС получит согласие из органов Челябинска, останусь. Они этот вопрос решили меньше чем за неделю.

Молодой агроном первое время курировал Ношульский сельсовет, в феврале 1952 года его назначили председателем колхоза «Лихачевский». К тому моменту отец с младшим братом вернулись в Прилузье, двое старших братьев остались в Челябинске.

В 1973 году Александр Христианович переехал в Сыктывкар, работал на деревообрабатывающем заводе, оттуда его пригласили учителем труда в среднюю школу № 39. Там он трудился вплоть до выхода на пенсию. На заслуженном отдыхе ветерана попросили заменить отсутствующего учителя, и он вернулся к преподаванию еще на шесть лет.

Александр Христианович возглавлял районное отделение общества инвалидов. На 80-летний юбилей власти республики присвоили ему звание почетного ветерана Коми.

Вспоминая о послевоенных годах, Александр Вольф рассказывает, что притеснения немцев ощущались в основном до 1953го года. Проблему репрессий спецпереселенцы При-

лузского района предпочитали не обсуждать: людей повсеместно сажали за доносы.

Об отношении коми народа к ссыльным мой собеседник вспоминал с особой теплотой: «Наше появление коми восприняли тепло.

Местные жители просили нас, мальчишек, наколоть дрова, а после обязательно заводили в дом и досыта кормили».

Фото Дениса Шулепова (15.12.2011)

Вячеслав Лютов

НЕЛАЗУРНЫЕ ИСТОКИ ЛАЗУРНОГО

О происхождении поселка Лазурный Интернет угрюмо умалчивает: Красноармейский район – не Краснодарский край, не Черноморское побережье, и писать, стало быть, не о чем.

Вдобавок, поселок зародился в недрах НКВД – малоприятной организации в историческом отношении. Как свидетельствуют источники, здесь, накануне войны, осенью 1940 года был организован молочно-овощной совхоз при Челябинской исправительно-трудовой колонии. В годы Великой Отечественной войны поселок стал местом высылки немцев. Вообще, немецкий колорит будет сохранен в Лазурном надолго, равно как и слава «выселок».

«Меня привезли в Лазурный когда мне было четыре года из Сибири, где мои родители были в ссылке, - вспоминает его жительница Анна Клейманн. - Лазурный тоже был когда-то трудовармией для российских немцев, высланных из Украины. В 1958 году, когда мы туда приехали, были почти одни бараки. Финские домики в срочном порядке построили солдаты, чтобы переселить в них пострадавших из зоны взрыва 1957 года...»

«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕТРАДИ».

Исторические путевые заметки: Вокруг Сугояка

Р.В. Чернышёв

АЛЕКСАНДР БРЕТТМАН

Это рассказ ещё об одном уроженце Бальцерской округи.

Он родился в 1918-ом году в селе Моор (Ключи) в пяти километрах от Бальцера в семье ремесленника. После окончания в 1935-ом году Бальцерской школы – девятилетки он продолжил учёбу в Энгельсе, в Немецком педагогическом институте.

Сразу после окончания института Бреттман был призван в армию. Он служил сначала в Ливнах (Орловский военный округ), потом был отправлен на Финскую войну. В 1941-ом году он был переброшен вместе со своей частью в Одесский военный округ, где и застало его начало война с Германией. В то время был он командиром расчёта крупнокалиберного зенитного пулемёта. В бою на реке Прут он был ранен и отправлен в госпиталь в город Николаев.

После излечения в сентябре 1941-го года в действующую армию его уже не возвратили, недолго продержали в одной из тыловых частей, а потом отправили на высылку. Сначала он попал в один из колхозов Чимкентской области (это в Южном Казахстане), где пришлось ему выполнять разную чисто крестьянскую работу. В начале 1942-го года, как и все советские немцы-мужчины в возрасте от 17 до 50 лет (спустя несколько месяцев дойдёт очередь и до немецких женщин и девушек), он

был мобилизован в «трудоармию». Он попал в Челябинск, на строительство металлургического комбината, которое вела организация, носившая тогда название Бакалстрой НКВД (позже – Челябинметаллургстрой). Там было собрано около 30 тысяч немцев-трудоармейцев.

Бреттмана отправили на кирпичный завод обжигальщиком кирпича.

Небольшое отвлечение. Руководство Бакалстроем было поручено чекистскому генералу-«строителю» А.Н. Комаровскому, который был переброшен в Челябинск из Сталинграда вместе с чекистской верхушкой (400 человек) расформированной 5-ой сапёрной армии и шестью тысячами подневольных «армейцев». Комаровский этот руководил таким контингентом строителей много лет и до и после Челябинска (канал Москва – Волга, оборонительные укрепления под Сталинградом, оказавшиеся полностью бесполезными, теперь Бакалстрой, потом металлургический завод в Рустави, Московский университет, город Ангарск). Он был у советской власти в большом почёте: стал генерал-полковником, Героем социалистического труда, лауреатом Сталинской и Ленинской премий, был награждён семью орденами Ленина и ещё множеством других наград.

Но вернёмся к Бреттману. В 1946-ом году из «трудоармии» он был «демобилизован» и

отправлен в село Рузаевку, районный центр Кокчетавской области, где на высылке жили его родители. Там его вскоре приняли в школу учителем математики. В этой школе он проработал 38 лет, став со временем её директором, получил звания «Заслуженный учитель Казахской ССР» и «Отличник просвещения Казахстана». В 1985-ом году в возрасте 67-ми лет он стал пенсионером.

Во время войны пропали все его документы, в том числе и о его службе в армии, участии в финской кампании, в боях 1941-го года и о ранении. Только в 1975-ом году рузаевский райвоенком на торжественном собрании в

школе вручил её директору удостоверение участника войны и сразу 6 медалей.

Александр Бреттман был поэтом, писал стихи – лирические, публицистические и детские, печатался в различных немецко-язычных изданиях с 1961-го года. Написал он и воспоминания о своей жизни, небольшой отрывок из которых был напечатан в 1985-ом году в альманахе «Родные просторы». В 1990-ом году он уехал в Германию, и там ему удалось опубликовать многие свои сочинения, в том числе и свои мемуары.

(24.07.2011)

Андрей Флейман

ВОСПОМИНАНИЯ ДЯДИ АЛЕКСАНДРА

Одна биография – часть истории народа

История – это не только глобальные общественные изменения, но и частная жизнь отдельных людей, которые, собственно говоря, и делают эту историю. А потому судьба одного человека для вдумчивого современника представляет интерес. Это и понятно, так как свидетельства очевидца и участника событий прошлого становятся историческим источником.

Имея дело в рамках своих профессиональных занятий с архивными документами, среди которых встречаются мемуары и другие материалы генеалогического характера, я все более убеждаюсь, что люди не выбирают себе биографию. Формируется она во многом под воздействием внешних обстоятельств. Вот и получается, что личная жизнь – это не только личная история, но и история целой страны.

Чаще всего к воспоминаниям обращаются люди самого старшего возраста, чтобы вызвать в памяти имена близких и друзей молодости. К этому поколению относится и мой отец Флейман Александр Юлиусович, 1918 года рождения, проживающий в Челябинске. Приступая уже в преклонном возрасте к запискам (и преодолевая при этом вполне понятные сомнения по поводу обнародования своего жизненного опыта), он рассуждал примерно так: «Я не был знаком с выдающимися писателями, да и сам не писатель, не известный ученый и не видный общественный деятель. Я не держал в руках руль истории страны при резких ее поворотах. Однако моя жизнь запечатлела крутые ее переломы, а потому моя биография – часть истории моего народа».

Уважаемый математик среди своих учеников и коллег, он прослужил почти сорок лет в одной из школ города Челябинске, а, выйдя на пенсию, приступил к запискам. Не через короткое время представил домашним несколько тетрадей, на обложках которых написал, что предназначаются они «детям и внукам».

В «записках», несмотря на их личный и семейный характер, невольно обнаруживаются, однако, характерные признаки прошедшей эпохи. Отец сожалел, что не смог упомянуть всех друзей и хороших знакомых своей молодости, а потому приписал в конце: «Мои лучшие друзья детства и юности – Дитрих Классен, Яков Альбрехт, Эвальд Пеннер, Гейнрих Ризен, Василий Агапов, Роберт Реш».

Публикуя этот материал с согласия автора, оговорюсь, что в основу его положена та часть «записок», которая связана с жизнью в родной немецкой колонии и событиями 1940-х годов. Воспоминания подготовлены мною для публикации с несущественными поправками, главным образом, литературного характера.

Флейман Е.А., доктор исторических наук, профессор.
156013, Кострома, 13, а/я 74
E-mail: jul13365@kmt.ru

По семейному преданию наши предки были выходцами из Царства Польского, а точнее, из города Лодзь. Тогда Царство Польское входило в состав Российской империи. Это была та часть Польши, которая отошла России в ходе наполеоновских войн по Венскому конгрессу 1814-1815 годов.

В Царство Польское входил город Лодзь и его округа, то есть, то территориальное пространство, откуда и началось в 1863 году движение немцев в Самарскую губернию. В этом году в Польше произошло восстание с антинемецкой и антирусской направленностью. Дело в том, что в Лодзинском текстильном

регионе, да и в других промышленных центрах, доминировало немецкое население: - предприниматели, ткачи и суконщики, которые, собственно говоря, и организовали крупное текстильное производство. Лодзь называли «Манчестером Востока». (В становлении и развитии Лодзинского фабричного региона огромную роль сыграли русские императоры Александр I и Николай I. Расчет был прежде всего на квалифицированных специалистов – ткачей и суконщиков, приглашаемых из глубинных территорий Германии).

Но молодая польская буржуазия требовала создания самостоятельной национальной экономики, которая не зависела бы от немцев и русских властей. В 1864 году царь Александр II вынужден был провести серьезные аграрные реформы, которые сильно осложнили положение немцев не только в сельском хозяйстве, но и в текстильной промышленности.

В таких условиях часть немецкого населения пришла к убеждению, что перспектив на производительный труд в Царстве Польском нет или они слишком отдаленные. Сильная миграция немцев началась в Воынь (сегодня Украина). Значительно меньшая часть немцев выехала в Самарскую губернию. И там и здесь российское правительство долго переселенцам свободу в выборе форм хозяйствования, культурную и религиозную самостоятельность.

В 1864 году рядом с Альт – Самарой и другими колониями немцев – меннонитов из Западной Пруссии (а они были основаны несколькими годами ранее), стали учреждаться первые поселения немцев – лютеран, католиков и баптистов из Царства Польского. Одну из таких колоний первопоселенцы назвали Константинов (уверен, что по имени немецкого текстильного города Константинов близ Лодзи).

Одним из основателей этой колонии был мой прадед Флейман Готлиб (Flehmenn Gottlieb). Он говорил своим потомкам, что прибыл в Самарскую губернию с семьей «из под Лодзи». Впрочем, сообщил без указания конкретного населенного пункта.

Внести ясность помог мой сын Евгений. Профессиональный историк, он, в свою очередь, обратился к исследователям из Германии. По сведениям Ирмгард Мюллер (Irmgard Mueller), которая использовала материалы польских архивов, лютеранин Готлиб Флейман и его супруга Розалия Шмидт (Rosalie Schmidt) проживали со своими детьми Фердинандом (1849), Иоганном Августом (1847) и Эмилией (1851) в немецкой колонии ткачей Лутка (Lutka) близ Лодзи. (Ныне - почти центр современного города). Выяснилось, что Готлиб родился в 1819 году, но не в лодзинской Лутке, а в колонии Штейнерсдорф (Steinersdorf), что в Силезии. Он, его отец Фридрих Флейман и мать Аполлония Грейслер (Greisler) переселились в окрестности Лодзи в период организации здесь текстильного производства.

После переселения немцев в Самарскую губернию здесь учредили две территориаль-

но - административные единицы: Константиновскую волость, в состав которой вошли поселения немцев из Царства Польского, и Александртальскую волость из колоний немцев Западной Пруссии.

Немцы из Царства Польского организовали колонии Константинов, Романов, Гофенталь, Розенталь, Фюрстенштейн, Бергталь, Рейнсфельд, Петергоф, Кайзерсгнаде, Штрасбург, Ретунгсталь, Владимиров, Николаев, Георгиев, а также несколько хуторов и дочерних колоний, например, хутор Кицман или колония Фриденваль.

В начале XX века Флейманы из колонии Большой Константинов (рядом был и Малый Константинов) переехали в колонию Либенталь, основанную в 1867 году. Рядом уже существовали другие немецкие колонии, самой ранней из которых была колония Александрталь. Ее жителями, как и Нейгофнунг, Орлов, Гротсфельд, Муравьев, Мариенталь и других близлежащих, были в основном немцы-меннониты из Западной Пруссии. Либенталь же была самой молодой колонией из всей этой округи. Это было небольшое поселение из 8 – 10 дворов, обитатели которого были меннониты, но Флейманы были лютеранами. В этом поселении кроме нас, то есть, нашего семейства из 12 человек во главе с отцом Юлиусом, семей дедушки Августа и дяди Рудольфа, жили еще Пеннеры, Францы, Ризены и Бергманы.

Это было ухоженное поселение, чистое и аккуратное, улица прямая, а около каждого дома сад и огород. Немногочисленное, в общем – то, население Либенталья занималось преимущественно хлебопашеством, возделыванием земли, выращиванием и сбором зерновых, картофеля и других овощей, фруктов и ягод. Практиковался 3-х польный севооборот. На втором месте, конечно, было животноводство.

По совету сына я обратился к книге « Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии», изданной в Самаре в 1909 году местным земством. Здесь есть таблицы на 1909 год по каждому единоличному владению Александртальской волости. Есть и статистические данные о селе Либенталь, где я и родился в 1918 году. В таблице за 1909 год указаны хозяйства 4 – х здешних семей, в том числе, хозяйство Флейманов.

Эти книжные сведения почти полностью соответствуют моим подсчетам и представлениям : около 50 казенных десятин пахотной земли (1 казенная десятина – не много более 1 га), свыше 10 десятин земли для выгона скота, по 10 голов лошадей и коров (не считая молодняка) и т. д. Тогда семья состояла из 9 человек. Всю работу по хозяйству делали сами. Правда, в сезон уборки урожая приглашали сезонных наемных рабочих и платили им неплохо.

Впрочем, в колонии были и более состоятельные крестьяне. Например, Бергманы владели 136 десятинами только удобной земли и куда большим количеством скота. В хозяйстве

трудились и постоянные наемные рабочие.

Что касается сельхозинвентаря (то есть, плуги, сеялки, лобогрейки, сноповязки и др.) то эта техника появилась в основном уже после 1909 года. Чтобы привести в движение сеялку или сноповязку американского производства нужно было запрягать 5 лошадей. Помню в нашем хозяйстве сенокосилку, конную сеялку, конную молотилку, бороны, плуги 2-х лемешные. Но это уже в 1920-х годах.

Жила наша семья в большом доме, но в начале 1920-х годов он сгорел, а мы – дети на время постройки нового дома вынуждены были жить у родственников в близлежащих немецких колониях, однако, папа и мама с грудным Генрихом, а также с моими братьями Теодором и сестрой Эмилией все же остались жить в доме у дедушки Августа в Либентале.

Недавно отстроенный дом был достаточно просторным: гостиная, столовая, спальня, детская, кухня. Жилые комнаты и помещения для скота размещались под единой крышей. А во дворе стояли рига, амбар, баня и летняя кухня. Возле дома – сад и огород. Имели и коптилку для выделки всевозможных колбас.

Внутри помещения для скота отводилось и место для кур с выгоном с песком и травой. Жилось курам, как видно, неплохо, так как сбор яиц ежедневно составлял по 2 ведра. Я это помню очень хорошо – работа возлагалась на меня.

Все дети в семье обязательно вовлекались в работу по хозяйству, но особенно летом во время школьных каникул, что было не прихотью родителей, а необходимостью – большое хозяйство требовало посильного участия каждого. Урожай собирали всегда своими силами, однако, для уборки картофеля и обмолота зерновых наш отец пригласил вольнонаемных работников из татар. Это были честные и трудолюбивые работники. Платил отец им очень хорошо, и они почти одни и те же нанимались к нам ежегодно.

В зимнее время отец ремонтировал сельхозинвентарь, заготавливал дрова для будущей зимы, ремонтировал обувь. Вообще говоря, он был мастеровым: столяр, животновод, механик и хлебороб. И уважаемым человеком. И не только среди односельчан, но и жителей соседних колоний. К нему часто обращались за помощью, и одно время он был старостой в Либентале.

Конечно, и свободное от хозяйственных работ было время. Специально для выезда в гости по праздникам, а также на богослужение, держали пару лошадей. Каждое Воскресение по лютеранским обычаям родители и дети ездили в лютеранскую кирху в колонию Гофенталь (Hofental), что в 3-х километрах с небольшим от нас.

Особенно запомнилась начальная школа в соседней колонии Муравьев (Муравьевке, как называли ее на русский лад) – здесь учились дети из близлежащих немецких поселений. Здание школы, построенное на деньги колонистов было просторным. Здесь размещались

несколько классных комнат, а в каждой по 11 – 12 ученических парт. Рядом со школой располагалась большая фруктовый сад. Неподдалеку стоял и учительский сад. Неподальше были Фаст Мартын Мартынович (знал наизусть произведения Шиллера, Лессинга и Гете) и его дочери Анна и Елизавета. Они преподавали нам грамматику немецкого языка, арифметику, чистописание, географию, рисование, элементы черчения, природоведение и историю религии. Уроки пения сопровождались игрой на пианино, а песни исполнялись в основном на христианские темы. Праздновали Новый год, Пасху, а на Рождество пели «Stille Nacht, Heilige Nacht», «O Tannenbaum, wie gruen sind deine Blaetter» и другие. Все школьные предметы до 1930 года велись на немецком языке. Выписывали наглядные пособия, особенно по географии и природоведению, составляли сами гербарии растений и коллекции насекомых. Помню, что на уроках арифметики давались задания, например, по вычислению площади поверхности земли квадратной, прямоугольной или треугольной формы. Благодаря учителям (я их вспоминаю с благодарностью) из нашей начальной школы выходили достаточно грамотные люди.

Действовал школьный совет (Schulrat) для хозяйственного обустройства школы (заготовка топлива, ремонт здания и учебного оборудования), был и финансовый фонд для покупки учебников, тетрадей и подарков к праздникам. В фонд деньги вносили только состоятельные родители – Бергманы, Ризены, Классены, Дридгеры, Флейманы, Мартенсы и другие. На Рождество, Пасху, Новый год и Троицу все школьники и дети, приезжавшие с родителями на эти праздники, получали подарки. Каждый получал что – то и в свой день рождения.

Учебный год начинался с октября, что зависело от сельхозработ, а в 1 класс поступали с 9 лет. Начальную школу в Муравьевке окончили все мои братья от старшего Теодора до младшего Генриха.

Так учились мы в Муравьевке, а жили в Либентале. Взаимоотношения между жителями этой маленькой колонии были уважительными и добропорядочными.

Между тем, со временем обстановка изменилась. В наше маленькое село, в окрестные немецкие поселения, как и во всю обширную российскую провинцию пришла коллективизация, а в месте с ней и борьба против, так называемого, кулачества. Многие опасались всякого рода неприятных неожиданностей, покидали семьи, бросали имущество и уезжали в город. Приведу один пример. В колонии Орлов, что в километре с небольшим от колонии Либенталь, действовала паровая мельница, хозяином которой был Дридгер. Не дожидаясь репрессий покинул он свое хозяйство и переселился с семьей в Самару, где устроился на какой – то завод. Мельница же перешла в собственность государства. А заведующим поставили человека, которой не имел никакого представления о мельничном

деле. Вскоре мельница перестала работать, а потом и вовсе сгорела.

Происходили серьезные изменения в школе и в судьбах учителей. Уже упоминаемых мною Мартына Фаста и его дочерей заменили русскими учителями. В последние годы своей жизни талантливый педагог Фаст проработал пастухом в колонии Нейгофнунг. Анна уехала в Самару и стала работать преподавателем немецкого языка в местном пединституте, а Елизавета из Муравьевки переселилась в Александрталь. Мужа ее Нельднера в 1929 году репрессировали и он уже не вернулся в родные места.

Из колонии Либенталь в архангельскую тайгу выслали наших соседей Францев, Бергманов и Ризенов. Но я то знаю, что это были замечательные крестьяне, трудившиеся, что называется, с раннего утра до позднего вечера. Для нас это было какой – то страшной неожиданностью. Высылаемые некоторое время вообще не могли понять, что же все – таки происходит, не в состоянии были даже собрать какие – то вещи в дорогу. Мой отец Юлиус, как только возможно в такой непростой ситуации стал помогать им – упаковал продукты, проводил до железнодорожной станции «Погрузная», что примерно в 18 километрах от нашего селения, посадил в товарный вагон. А через несколько месяцев получил письмо от Францев (а они были наши ближайшими соседями) с благодарностью за последнюю помощь в нашей соседской жизни.

А чуть раньше один из сыновей семейства Францев Герман после свадьбы направился с молодой женой в Москву, чтобы попытаться решить вопрос возможности эмиграции в Канаду, однако, насильно был отправлен с женой обратно в Либенталь, а затем уже в архангельскую тайгу.

Таких случаев было много и в других немецких колониях. Наш родственник со стороны нашей матери Иды Генке (Henke) после революции 1917 года сумели выехать в Канаду. Фамилия их была Мейстер (Meister). Некоторое время мы с ними переписывались, но уже в начале 1920-х годов получать какие – либо известия или посылки из – за границы было небезопасно, а потому родители в последнем ответном письме как можно вежливее попросили наших канадских родственников более не писать. Писем мы уже не получали и связи наши навсегда прервались.

И еще несколько слов о последних годах в родной колонии. Как я уже говорил, здесь кроме нашей семьи жил еще наш дед Август со второй женой и ее дочерью Ольгой, которая вышла замуж за нашего односельчанина Оскара Зейберлиха (Seiberlich). Он мне запомнился тем, что не один раз публично высказывался против обобществления и колхозного устройства. В 1937 году его репрессировали.

Да и мой дядя Рудольф Августович, когда началась коллективизация, уехал из селения и больше никогда в родных местах не появлялся. Уже по прошествии многих лет говорили, что

кто – то видел его среди заключенных в Омске. Другой дядя Александр Августович с женой и тремя дочерьми жил в Александртале, а дядя Адольф с семьей в Розентале. Последние предположительно уехали в Оренбургскую губернию во вновь основанную немецкую колонию, однако, через несколько лет Адольфа арестовали, так как был лютеранским проповедником.

Впрочем, и нам более не пришлось жить в Либентале. В 1930 году жителям Либенталь, Муравьев, Шенау, Линденау и Орлов власти приказали переселиться в соседние колонии Александрталь, Мариенталь, Нейгофнунг, Красновку и другие. Трудолюбивые колонисты, к тому же умевшие правильно вести свое хозяйство из года в год получали хорошие для этих мест урожаи зерновых (твердые сорта пшеницы, рожь, овес, просо, гречиха). Власти же видя это, решили организовать здесь образцовый зерноводческий совхоз (названный позднее именем партийного руководителя Молотова)

Жителям ликвидируемых колоний предложили два варианта на выбор. В первом случае, остаться и быть рабочими учреждаемого совхоза при обязательной передаче своего имущества (дом, скот, усадебные постройки) в его пользу, то есть отказаться от своей собственности. Во втором, разобрать свои дома и переселиться в другие окрестные колонии.

Конечно, люди выбрали второе. Мои родители переехали в Муравьев (сейчас этого селения нет на карте, как, впрочем, и Либенталь). Взамен нашего только что отстроенного дома, который жалко было разбирать, нам предложили дом раскулаченного колониста Кеттлера. При доме этого бережливого и трудолюбивого хозяина был прекрасный сад, приусадебные постройки, кухня. Перевозили свое имущество на повозках. Управлять лошадьми поручили мне, а отец Юлиус сел ко мне спиной и горько заплакал. Тогда мне было не так много лет, но состояние его я хорошо понимал.

После переезда в Муравьев отец стал работать здесь ремонтником сельхозтехники. А как – то ночью в 1930 году в доме объявились сотрудники НКВД, забрали его и старших сыновей Теодора и Роберта, а затем переправили в тюрьму в Ульяновск. Мать же с остальными детьми стала готовиться к высылке. Обвиняли в том, что до коллективизации в нашем хозяйстве использовался наемный работник. Да, действительно, у нас жил чувашский крестьянин Степан Прокопьев. Он был большим от рождения, остался без родителей и воспитывался у своего деда. Перед смертью дед попросил нашего деда Августа взять внука двенадцати лет. И Степан перешел к нам, став по сути членом семьи.

Однако, убедить сотрудников НКВД в этом было трудно, и потребовалось множество свидетелей. Все – таки, отец и братья через некоторое время были освобождены.

Степан был очень добрым человеком, в нашем хозяйстве, а затем и в колхозе работал па-

стухом. А зимой ухаживал за скотом. Это была его любимая работа. В 1941 году он вместе с нашей семьей отправился в ссылку, хотя и мог остаться как не немец. Погиб он в трудармии в Казахстане, а точнее, его комиссовали по состоянию здоровья, а потом он умер, кое – как добравшись до Жана – Арка.

В 1932 году, живя уже в Муравьевке, я поступил в Александртальскую семилетнюю школу, которую в разное время окончили все мои братья. Жили в интернате. Директором был Экк Андрей Андреевич, историю и географию преподавал Гасс, химию и естествознание Яков Яковлевич Фаст, немецкий и русский языки Герц, теорию и практику сельхозмашин Егор Андреевич Бальцер. Школу окончил в 1935 году. До 1937 года обучение велось на немецком языке. Потом всех учителей – немцев заменили на русских, а директора А.А.Экка и завуча Е.А.Бальцера репрессировали.

Но и в Муравьевке нам недолго пришлось жить. В 1934 году снова предложили (а возражать по поводу таких «предложений» было бесполезно) поменять место жительства. На этот раз обширный дом Кеттлера потребовался колхозу для полевого стана. И снова мы вынуждены были переехать. На этот раз в Красновку, что в 2-3 километрах от Муравьевки в дом знаменитого сыровара Гейнриха Янца. «Раскулачив», его выслали еще в 1929 году в архангельскую тайгу. Хорошо знаю, что он был известным человеком, управлял сырным заводом и обеспечивал сыром и маслом всю округу.

Мои родители работали в колхозе, братья Роберт, Юлиус и Герберт учились в Энгельсском пединституте, а я с 1935 по 1939 год - в школе в районном центре Кошки. Из немецких деревень здесь учились многие мои сверстники, например, Реймер, Пеннер, Изаак. Все мы получали от школы стипендию ежемесячно по 8 рублей, что было достаточно для уплаты за квартиру и покупку учебников. Все предметы уже тогда велись на русском языке, что для нас представляло трудность. На вопросы учителей нередко отвечали на немецком языке, а потом уже при помощи учителей, отвечали на русском. Но учителя относились к нашим проблемам с пониманием, я никогда не слышал грубого слова. Географию преподавал Косиор, химию Ильинский, историю Львов, немецкий язык Реймер.

Во время учебы в Кошкинской средней школе я некоторое время жил у Альберта Луисовича Мантая (Mantei, Manthey) – брата моей второй матери Агаты Мантай (моя родная мать - Ида Генке умерла, когда мне было совсем мало лет). Расскажу немного об этой семье и попутно о тех событиях в немецких поселениях, очевидцем которых я был.

Дядя Альберт работал инструктором райкома партии, а после окончания комвуза в Москве его назначили одним из руководителей пединститута в Энгельсе, где одновременно преподавал историю ВКП (б). Через некоторое время его арестовали, но через полгода отпустили

и назначили начальником политотдела в один из кантонов Автономной республики Немцев Поволжья. Впрочем и здесь прослужил он недолго – последовал арест. После освобождения вернулся в родные края (а он, как и все Мантаи был уроженцем колонии Гофенталь) и стал работать инструктором местного райкома партии. В 1937 году накануне 8 марта ему поручили сделать доклад по поводу праздничной даты. Как помню, доклад он прочитал, однако, через несколько дней снова был арестован. После очередного освобождения Альберт уехал в Пензу, где работал учителем немецкого языка в школе. Тогда ему было немного за 30 лет. У него были дочери Валя, Зина и сын.

Другой мой дядя из семьи Мантаев Герман Луисович был одним из руководителей Александртальского сельсовета, в состав которого входили в основном колонии из немцев – меннонитов, например, Александрталь, Мариенталь, Красновка, Муравьевка, Нейгофнунг, Визенталь. Селения эти отстояли от центрального Александрталя на расстоянии от 3 до 10 километров, что составляло достаточно большую территорию. Здесь организовали колхоз «Прогресс», потом назвали его в честь Энгельса, а в Штрасбурге организовали другой колхоз. В первый входили бывшие немецкие колонии Александрталь, Красновка, часть Муравьевки, Мариенталь, Нейгофнунг и Визенталь. Колхоз был крепким с председателем Шнейдером из 25 – тысячников, делегатом одного из съездов ВКП(б). Хозяйство состояло из 7 бригад – две на центральной усадьбе в Александртале и по одной в Красновке, Муравьевке Нейгофнунге, Виизентале и Мариентале. Этот немецкий колхоз считался добротным по сравнению с окружающими и держал 2 сырозавода, элеватор, маслозавод, конезавод и животноводческие фермы. Да и сельхозтехника была неплохая: тракторы «Фордзон», сноповязалки, сеялки, плуги, сенокосилки, молотилки с приводом от трактора. И урожаи зерновых были очень приличными – 50-60 центнеров с гектара. На базе колхоза в Александртале устроили сельхозтехникум с учащимися из выпускников школ Кошкинского района и даже области. Короче говоря, колхоз по партийным меркам считался передовым (кстати, как все другие немецкие колхозы района), планы по заготовке сельхозпродукции выполнял вовремя.

Но не все было вокруг благополучно. Где-то в 1934-1935 годах на землях между Красновкой и Штрасбургом учредили коммуны «Красный пахарь» из вербованных крестьян – неудачников ближних русских деревень. Коммунары жили в бараках, питались в общей столовой, работали (как и провозглашал коммунистический принцип!) по возможности, а жили по потребности. От государства получали комбайны, тракторы, сеялки, посевной материал, но планы заготовке продукции все равно не выполняли. Короче говоря, «Красный пахарь» в ближайшие годы окончательно развалился, а земли присоединили немецкому совхозу им.

Молотова.

Власти следовали нехитрой политики. Чтобы свести концы с концами, требовали сверхплановых поставок зерна, картофеля и сыра с немецких колхозов. Такая практика вызывала вначале удивление, а затем и недовольство руководителей немецких хозяйств. В поддержку их и выступил один из руководителей Александртальского сельсовета Герман Мантай. За это он был обвинен в национализме, а потом и репрессирован.

Дальнейшая судьба братьев Мантай мне неизвестна. Но знаю одно, что все они были репрессированы в разное время и из мест заключения не вернулись. Добавлю, что Герберт Мантай – муж моей родной сестры Эмилии Флейман, умершей в 1997 году в Казахстане, находился в лагере в южноуральском Копейске, что рядом с Челябинском.

В 1936 году после окончания средней школы в Кошках я уехал поступать в пединститут в Энгельс – столицу Автономной республики немцев Поволжья. Этот вуз готовил учителей для школ немецкой республики, а также школ в немецких колониях Украины, Кавказа, Прибалтики, Сибири, Урала и Алтая. Студенты обучались на физико – математическом, историческом, филологическом, химическом и других факультетах.

В здании вуза размещался учительский институт, готовивший учителей для школ – семилеток, а также рабфак, принимавший слушателей с 7 – летним образованием. Кстати, этот рабфак после окончания 7-летней школы в Александртале закончили мои родные братья Юлиус, Герберт и Генрих.

В 1939- 1940 -х годах в пединституте преподавание велось уже на русском языке, хотя было и немецкое отделение. Но я знал, что в перспективе мне придется все же преподавать на русском языке, а потому поступил на русский физико – математический факультет. Студенты получали стипендию на 1 курсе по 90 , а на 4 уже по 175 рублей.

Из дома от родителей я и мои братья никогда ничего не получали, да и не просили. Жили, что называется, по средствам. Иногда удавалось устроиться на временную работу, например, в местную вечернюю школу, как я.

В институте я проучился с 1938 по 1940 год, то есть, 2 курса, а с 3 пришлось уйти. Дело в том, что в 1940 году в начале учебного года вышло правительственное постановление об уплате за обучение и отмене стипендий, что было связано с русско -финской войной.

Вообще, я помню, что в институте в это время витала тревога. Вместо того, чтобы, сидеть на занятиях, бегали по городу с надеждой купить хлеб. Магазины пустовали, ни продуктов, ни одежды. В это время большинство студентов оставили учебу. Пришлось сделать это и мне. Решил на этот шаг тяжело. Но другого выхода не видел.

В поисках работы с другом Робертом Решем решил поехать в Ставропольский край.

Тамошний отдел народного образования направил нас в среднюю школу в село Солуно – Дмитриевское Ногутского района, что в 40 километрах от Минеральных Вод. Приехали уже к ночи, разыскали директора школы, представились и переночевали в здании школы. Наутро же выяснилось, что школа нуждается только в одном учителе. Мне в этом случае больше повезло, а Роберту пришлось возвращаться снова в краевой отдел народного образования. Потом я узнал, что он получил направление в другую школу.

В Солуно – Дмитриевской школе я стал работать в старших классах учителем математики, физики и немецкого языка. Часть заработанных денег отсылал брату Юлиусу, который учился на 4 курсе Ставропольского пединститута. Получал неплохие деньги, но в магазинах все – равно нечего было купить. Хлеб мы учителя получали по списку в школьном буфете, а чтобы приобрести что – либо из одежды приходилось ехать за 40 километров на рынок в Минеральные Воды.

Но в школе работалось с удовольствием, ученики старались, а на уроках вопрос о дисциплине вообще не поднимался. Обстановка в учительском коллективе была дружелюбная и спокойная, а ко мне 22-летнему человеку относились с уважением и вниманием.

А с Робертом Решем я продолжал переписываться и договорился о встрече в Ставрополе во время летних каникул 1940 года. (Вторая мировая война была уже в разгаре). Свидание с другом состоялось, однако, вскоре я узнал, что в школу он больше не вернулся. Впрочем, учительствовать и мне пришлось недолго. В начале октября 1941 года меня вызвали с урока, председатель сельсовета в кабинете директора зачитал мне постановление Совнаркома о выселении немцев. Немедленно был уволен и получил денежный расчет. Но это для меня не было неожиданностью, так как я знал о ликвидации Волжско – немецкой республики, слышал о переселении жителей немецкой колонии Николаевки неподалеку от Минеральных Вод.

Тогда председатель сельсовета, женщина средних лет, зачитав постановление в присутствии директора школы, все – таки нашла простые человеческие слова и извинилась предо мной. Вообще, учителя, ученики и жители Солуно - Дмитриевского с сочувствием и пониманием отнеслись к моему положению. Я же в свою очередь старался избегать со всеми встреч и разговоров, понимая, что у них могут быть неприятности с властями.

С момента объявления о высылке прошло несколько дней. О невыезде из села меня предупредили. В противном случае – военный трибунал. И это не было пустой угрозой, за поведением следили сотрудники НКВД. На пункте сбора в селе собрали всех немцев Ногутского района, среди которых оказался и директор районной средней школы Аркадий Евграфович Деринг. В целом оказалось нас немного – чуть больше десяти. На открытой

машине отправили в Курсавку для погрузки в железнодорожные вагоны. Всю дорогу сопровождали люди из НКВД.

В Курсавке я неожиданно (впрочем, такая ли уж эта была случайность?) встретился с братом Юлиусом. Меня, Юлиуса, его друга Эдуарда Шолля, директора Деринга и других поместили в вагон поезда, который направлялся на станцию Новомысскую. Здесь вагон присоединили к поезду с немцами из Кавказа. И вскоре весь эшелон, охраняемый вооруженными людьми, держал путь на восток.

В голой степи неподалеку от станции Рузаевка в Мордовии поезд неожиданно остановился из-за сильного толчка. Наш поезд наехал на состав с промышленным оборудованием. Тогда погибло много людей, но несколько вагонов, в том числе и наш уцелели. Быстро состав оцепила вооруженная охрана - власти боялись непредвиденных действий со стороны оставшихся в живых. Несколько молодых мужчин из нашего вагона начали помогать убирать трупы, их грузили в машину, а потом охранники куда-то отвозили. В этом мрачном действе участвовали и местные жители, среди которых были и те, кто просто занимался мародерством - снимали часы и одежду, растаскивали чемоданы.

С большим трудом и только через месяц добрались мы до сибирского Томска, а потом последовали в село Пышкино Троицкого района. Деринга определили учителем географии в районную среднюю школу, а меня с Юлиусом в семилетку в село Пролетарку, что в 120 километрах от райцентра. Переправлялись на санях и через каждые 25-30 километров останавливались на заимках, где можно было отдохнуть, где хранились запасы воды и дров. Так мы добирались несколько дней, а по прибытию назначили меня учителем математики, а Юлиуса физики.

Пролетарка - поселение староверов, основанное еще в XVII веке, всего 30-40 домов, но все добротные и очень ухоженные. Мы поселились у хозяина Мещерякова. Неподалеку от села был колхоз с начала 1930-х годов из раскулаченных. И однажды директор этого хозяйства (сын одного из таких ссыльных) случайно обмолвился мне, что в глубине тайги можно найти человеческие кости. Я тогда поинтересовался - откуда? Он мне поведал историю.

В первые годы коллективизации власти решили приучить цыган к оседлому образу жизни, организовали для них колхоз, наделили землей, снабдили посевматериалом, сельхозинвентарем и рабочим скотом. Но недолго действовало такое хозяйство. То, что цыгане не успели продать и прожить, забрали с собой и подались в кочевье. Погоня настигла беглецов уже в далеких краях - под южным Ростовом. Цыган погрузили в вагон и отправили «исправляться» как раз в то таежное место, где то и дело местные жители и охотники находили страшные находки.

В начале февраля 1942 года через военкомат

нас призвали в трудовую армию, а повестку о мобилизации вручил нам председатель сельсовета Царев. Прибыли в районный центр на санях, где собралась уже достаточно большая группа немцев. Выстроили в ряд. Недостаточно одетых для зимы отправили обратно, а из остальных работники Пышкинско - Троицкого военкомата составили рабочий батальон. Куда определили и меня. Юлиуса же за неимением теплой одежды вернули в Пролетарку, оставив до весны. Уже потом я узнал, что он оказался в Ульяновске на строительстве железной дороги, а затем в Воркуте в угольных шахтах.

Наш же батальон переместили в Томск, а затем в Абакан, поселив в бараках. Поначалу работали в городском хозяйстве, убирали улицы от снега и мусора, а некоторые трудились в мастерской по изготовлению рабочего инвентаря. Я попал в литейный цех учеником формовщика, помогал готовить формы для отливки утюгов и сковородок. Какое - то время наша бригада - Деринг, Функ, Дубе, Швиндт, Кизнер, Гамм и я работали на мясокомбинате, отвозили на санях мясные туши на железнодорожную станцию для отправки на фронт. Вскоре перебросили на строительство железной дороги Абакан - Сталинск (ныне Абакан - Кузнецк), где расквартировали в хакасской деревне Хазыл - Ал. Она отстояла от трассы на полтора - два километра. В этой деревне проживало уже несколько польских семей, высланных в 1939 году из Западной Украины.

Однажды, а это было летом 1942 года, мы стали свидетелями страшной картины. Через деревню вразброд, но при усиленной охране шли исхудавшие и оборванные люди. Это были немцы - трудармейцы, работавшие выше в горах Хакасии на строительстве железной дороги, а теперь погнанные на работы, очевидно, в другие места. Среди изможденных людей я с трудом узнал Эдуарда Шолля, учителя и физики и коллегу Юлиуса по ставропольской школе. Окликнув, я попытался с ним заговорить, но в ответ - никакой реакции, затем вынес хлеба, но снова полное безразличие и непонимание всего происходившего вокруг. Я сомневаюсь, что Эдуарду удалось добраться до Абакана. Позднее я слышал, что многие из этого конвоя погибли в пути.

Нам же в Хызал - Ал несмотря на тяжелые земляные работы, жилось легче, за помощь по дому хозяева давали кое - какие продукты, а вскоре рядом с трассой построили бараки и столовую. Однако, уже в октябре 1942 года перевели для постройки узкоколейки на станцию «Клюквенная» Красноярской железной дороги. Работа была организована плохо изначально - ни тачек, ни лопат. Когда же дело более ли менее наладилось, последовал новый приказ, перебросить наш рабочий батальон в Тулу для восстановления разрушенных в ходе военных действий тамошних угольных шахт.

25 ноября мы с огромными трудностями прибыли в Щекино Тульской области. И уже на следующую ночь (а все похожие переме-

щения проходили под покровом темноты и с вооруженной охраной) часть трудармейцев оказалась в рабочем поселке Шахты № 19, что в 40 километрах от Щекина. Поместили в каких – то полуразрушенных домах в особой зоне, где не было ни воды, ни света, ни тепла, а зима холодная – 35 - 40 градусов.

Слово «трудармия» означает «рабочая армия» для помощи фронту, но в действительности это был лагерь для принудительных работ со всеми атрибутами уголовной зоны: колючий забор, вышки, вооруженная охрана. В первый день выстроили и заявили, что мы изменники родины, пособники фашизму и только тяжелой работой сможем хоть как-то сгладить вину. По пути на работу и обратно сопровождал конвой, с правом стрелять при малейшем подозрении на бегство, за нарушение режима в лагере – гауптвахта, за побег – 20 лет заключения на каторжных работах.

Через пару дней отправили на работу в шахту, но без обучения и инструкций по технике безопасности, что приводило особенно на первых порах к гибели людей. Я трудился на подготовительном участке, где в основном работали местные мужчины из близлежащих деревень. Им объяснили, что немцы опасные люди, от которых всего можно ожидать, а потому вначале они нас сторонились. Но вскоре мы слаженно работали, так как взаимоотношения наладились. Мы не испытывали к друг другу неприязни. И вообще простые люди, местное население, несмотря на то, что эта территория была под оккупацией относились к нам не враждебно.

Но были и другие ситуации. Начальником был у нас некий Харитонов Тимофей Иванович, малограмотный, грубый, но член партии. Его любимым занятием было издеваться над

подчиненными. Вот один случай. Вместе с нами работал 18-летний юноша по фамилии Дитлер. Так вот только из-за его фамилии (а Харитонов всегда называл его, коверкая язык, не иначе как «Гитлер») он отправлял мальчика да еще физически некрепкого на самые опасные и тяжелые работы. Вскоре он умер от туберкулеза.

Особенно невыносимо жилось в 1942 – 1944 годах, но уже в начале 1945 года стало полегче. Отвели участок земли для подсобного хозяйства, выращивали картофель и свеклу, разрешали в выходные дни отлучаться в деревню для покупки съестного, а за выполнение производственного плана выдавали продуктовые талоны.

В 1945 году после окончания войны зона была ликвидирована, и всех нас зачислили в постоянные кадры угольной промышленности. Перевели на положение спецпоселенцев, поставили на учет в МВД с обязательной и регулярной отметкой в спецкомендатуре. За посещение соседнего села без разрешения полагался 10-дневный арест, за поездку за пределы области – 20 лет тюрьмы.

Несколько лет я ничего не знал о своих родственниках, но в 1947 году неожиданно получил письмо от Юлиуса из Воркуты, узнавшего через кого – то о моем местонахождении. В октябре 1948 года получил от МВД разрешение на выезд в Казахстан в Карагандинскую область, однако, билет взял до Челябинска. С большими сложностями мне удалось встать на учет в местную спецкомендатуру, а затем устроиться (что также было совсем не просто) учителем математики в одну из школ, где я проработал вплоть до ухода на пенсию в 1978 году. Но это уже другие времена и иные люди.

ЛАУБАХ ЯКОВ ИВАНОВИЧ

(Из воспоминаний)

Автобиография Я. И. Лаубаха

«Я, Лаубах Яков Иванович, родился 1 октября 1910 г. в селе Мессер Саратовской губернии Камышинского уезда (СССГНП кантон Бальцер, село Мессер). Родители до Октябрьской революции и после занимались кустарничеством, работали в одиночестве ткачами. В 1922 году отец и мать умерли, остался я и брат Александр Иванович, 1914 г. р. С 1922 г. до начала 1926 г. был на иждивении у дяди, который был ткачем-одиночкой. За границей никого нет, связь не имею. С 15 января 1926 г. начал самостоятельно работать, поступил на фабрику «Борьба и труд» учеником сшивальщика. С 1928 по 1931 г.г. работал сшивальщиком. В 1925 году окончил семилетку в селе Мессер. В ноябре 1930 г. вступил в члены ВЛКСМ, в августе 1931 г. вступил в кандидаты члена ВКП(б), а в марте 1933 стал членом ВКП(б).

В ноябре 1931 г. вступил добровольно в ряды РККА. 15 июня 1932 г. был досрочно выпущен командиром отделения. С января 1935 г. был аттестован на старшину роты. В июле 1936 года командованием Забайкальского военного округа был утвержден в и.д. командира взвода, где и работал командиром взвода до сентября 1937 года. В июне 1940 года часть была переброшена на станцию Даурия, Забайкальского военного округа и переименована в 205 о.а.п.б., где служил в должности командира артиллерийско - пулеметного взвода до сентября 1941 года».

В 1943-35 Г. Яков Иванович знакомится со своей будущей женой – Вильмой Теодоровной Шмидт. Во время войны служил в Читинской области на станции Борзя в звании младшего лейтенанта. Затем всех немцев из армии убра-

ли и отправили в трудармию в Бугуруслан. Там он вступил в партию и был в КПСС и пробыл в ней более 50 лет (есть даже знак «50 лет пребывания в КПСС»). Работал столяром в строительно-монтажной конторе.

В 1941 году на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс от 12 сентября 1941 г. выселен в Красноярский край Минусинский район, в 1942 году мобилизован в трудармию и направлен в г. Бугуруслан, Оренбургской области. Снят с учета спецпоселения 21 мая 1955 года.

Сын – Виктор Яковлевич (род. 1939 г.) приехал в Златоуст к невесте, с которой по-

знакомился в поезде. Вскоре молодые поженились. С Галиной Никитичной живут вместе уже 50 лет (золотую свадьбу отпраздновали 12 мая 2012 года). У них растут сын и дочь.

Виктор Яковлевич проработал в паросиловом цехе металлургического цеха вплоть до выхода на пенсию в 1994 году.

Еще один сын – Леонид Яковлевич (род. 1948 г.) живет в Германии, дочь – Ирина Яковлевича (род. 1941 г.) живет в Новочеркасске, Ростовской области.

«Не может быть забвения...»

**Статьи, воспоминания, биографии.
Златоуст, 2013**

Виктор Кириллов

ИТЛ ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЯ: СОЗДАНИЕ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ И КАТЕГОРИИ СПЕЦКОНТИНГЕНТА. * [1]

Постановлением СНК № 00158 от 17.11.1941 г. было принято решение о строительстве Ново-Тагильского и Бакальского металлургических заводов. На основании этого постановления был организован Бакалстрой – Бакаллаг НКВД. Начальником ИТЛ назначен ст. майор госбезопасности А.П. Лепилов[2].

От Управления особого строительства НКВД СССР на имя зам. председателя исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся Гольдберга 10.12.1941 г. пришла директива за № 507. Из нее следовало, что по решению правительства и в соответствии с приказом по Наркомстрою СССР и Наркомвнуделу СССР за № 345-Н/342-Н от 24.11.1941 г. строительство Бакальского металлургического завода (СБМК) возложено на НКВД СССР и осуществляется Управлением Особого строительства НКВД СССР. На площадку Бакалметаллургстроя перемещается строительный коллектив инженеров, техников и рабочая сила исправительно-трудовых лагерей. Одновременно с этим распоряжением начали прибывать первые эшелоны с людьми[3].

В развитие постановления СНК и ЦК ВКП(б), в конце месяца – 27.12.1941 г. - Совет Народных Комиссаров принял окончательное решение о передаче строительства СБМК от Наркомстроя в ведение НКВД [4].

Согласно решению областного Совета депутатов от 11.12.1941 г., для размещения аппарата Управления особого строительства НКВД СССР Бакалстрой в Челябинске было приказано передать здание неполной средней школы № 29 Сталинского района (ныне это школа по ул. Черкасская, д.1), отвести поселки Першино, Казанцево Сосновского района и хутор Миасс, Сталинского района для расселения рабочих и служащих строительства [5].

Лагконтингент начал прибывать в лагерь с

12.12.1941 г.: из Безымянского ИТЛ – 2420 чел., Алма-Аты – 502, Горького – 872, ИТК и тюрем Челябинской области – 1604. На 03.02.1942 г. в ИТЛ СБМК насчитывалось 5081 чел. (мужчин – 5054, женщин – 27). В докладной записке по лагерю отмечалось: «Физическое состояние этапов Безымянского лагеря удовлетворительное. Прибывшие же этапы из Алма-Аты, Горького и Златоуста по своему физическому состоянию неудовлетворительны. Из числа заключенных этих этапов истощенных от 25 до 50%. Имеются малолетки и больные, которые были госпитализированы».

На этот момент в состав лагеря входили три отдельных участка со следующим списочным составом: 1-й ЛУ - 3. 197 чел.; 2-й ЛУ - 1.008 чел.; 3-й ЛУ - 876 чел. [6].

В соответствии с телеграфным сообщением ГУЛАГа НКВД СССР за № 42/25032 в ИТЛ должны были направить заключенных из Горького – 1000 чел., Ташкента – 1000, Челябинска – 2000, Безымянского лагеря – 4000, а также 30.000 чел. спецконтингента (немцев и корейцев). Этапиз Горького прибыл 1 февраля в количестве 872 человек. Вскоре поступило распоряжение ГУЛАГа о том, что Горьковский и Ташкентский этапы по прибытии нужно переадресовать в Нижний Тагил.

Получение заключенных из ИТК и тюрем Челябинской области было приостановлено в связи с отсутствием жилфонда для размещения заключенных. В отношении 30.000 чел. спецконтингента «никаких сведений о том, откуда, когда и сколько его должно поступить не имеется. Также, отсутствуют какие либо указания о порядке содержания и использования в лагере этой новой рабсилы»[7].

Постепенно в состав ИТЛ и строительства Бакальского металлургического комбината вовлекаются новые предприятия и производства.

В начале января 1942 г. начинается вырубка леса в Каштакском бору и Ильменском заповеднике; СБМК передается Потанинский кирпичный завод № 1, Баландинский совхоз; для заготовки продуктов питания выделяется Шадринский район Челябинской области и 6 районов в Башкирской АССР[8].

По приказу от 25.01.1942 г. решено переподчинить БМК от Особстроя к Главному управлению лагерей промышленного строительства (ГУЛПС). Передача строительства БМК от уполномоченного начальника отдела Особого строительства НКВД СССР С.Г. Финкельштейна зам. нач. Управления строительства БМК М.М. Кузнецову произошла 04.02.1942 г.[9].

Первоначально начальником Управления строительства БМК НКВД СССР был М.М. Кузнецов, а затем бригадный инженер А.Н. Комаровский (по приказу ИТЛ от 03.02.1942 г. М.М. Кузнецов – начальник, а по приказу от 04.02.1942 г. проходит уже как заместитель А.Н. Комаровского, в приказе от 19.02.1942 г. значится новый начальник УС БМК – А.Н. Комаровский)[10].

7 февраля 1942 г. в распоряжение СБМК переходит бывший Каштакский дом отдыха и санаторий, 21.03.1942 г. - Багарякский алебастровый и Федоровский известковый заводы[11].

По данным сводок о движении контингентов лагеря мы установили, что первый крупный этап трудармейцев поступил в ИТЛ

Бакалстрой-Челябметаллургстрой в период с 11 по 20.02.1942 года: 11 741 человек (из них убыло за этот же месяц 33, в том числе умерло 7 и бежало 24). Начинается создание стройотрядов из трудмобилизованных советских немцев: 11.02.1942 г. организуется лагучасток и первый стройотряд (СО) в поселке Бакалстрой; 27 февраля СО 12 при тресте «Коркинуголь» из спецконтингента в составе 1000 чел. В конце марта 1942 г. устанавливается порядок производства расходов по организации отрядов немцев, мобилизованных в рабочие колонны, в том числе по зарплате. 31.03.1942 г. для строительства ИТЛ «Предзаводстрой» организуется СО 13, в состав которого вошла 5 колонна стройотряда 1[12].

К 05.04.1942 г. в основном было завершено оборудование зон ИТЛ, а 07.05.1942 г. принят приказ «Об удалении посторонних лиц из зоны строительства, в условиях круглосуточного оцепления и введения пропусков для прохода»[13].

По состоянию на 01.05.1942 г. на учете состояло 22659 мобилизованных немцев, которые были рассредоточены в 13 строительных отрядах, Рудбакалстрое и совхозе. Отряды распределены по колоннам, а последние по бригадам. Колонны и бригады построены по производственному признаку, причем по мере производственной необходимости бригады разукрупнялись и комплектовались по специальностям (плотники, каменщики, слесаря и т.д.).

Табл. 1.

Дислокация и численность трудмобилизованных на 01.05.1942 г.*

№№ п/п	№№ отрядов и производственные объекты, к которым прикреплены отряды.	Кол-во лиц в отряде	Кол-во колонн в отряде	Примечание
1.	Жилстрой. СО № 1.	2746	8	
2.	СО № 2.	1144	3	Погрузочно-разгрузочные работы
3.	Подсобстрой. СО № 3.	1627	4	
4.	Кирпичный завод. СО № 4.	2513	8	
5.	СО № 5.	1670	4	Разные объекты работ
6.	СО № 6.	2838	7	На каменном карьере
7.	Доменстрой. СО № 7.	2843	6	
8.	Коксохимстрой. СО № 8.	674	2	
9.	Стальстрой. СО № 9.	1438	5	
10.	Прокатстрой. СО № 10.	1223	4	
11.	СО № 11.	690	2	На лесоразработках (110 км. от Челябинска)
12.	СО № 12.	1009	5	На угледобыче /шахта/ 50 клм.
13.	Предзаводстрой. СО № 2.	1161	2	
14.	Рудбакалстрой.	1076	сведений нет	Только что принятый - 200 клм.
15.	Совхоз Баландино.	113	1	
	Итого:	22659	61	

* Источник: ОГАЧО. – Ф.1619. - Оп.1.- Д.134. – Л.137-138

На начальном этапе строительства БМК пересыльный пункт не был создан. Трудмобилизованные прибывали на станцию Челябинск и 11 км. до строительства преодолевали пешком,

а затем более 6 часов простаивали на открытом воздухе в ожидании санобработки.

Как свидетельствуют документы, «Для оперативного и персонального учета мобилизо-

ванных немцев, 2-м Отделом лагеря были выработаны новые формы учетных документов, применительно к существующим формам на заключенных, с внесением необходимых изменений и дополнений в соответствии с требованиями учета данного контингента (анкета, формуляр, строевые записки отрядов и колонн, бригадные карты, ф. № 2, ф. № 4, ф. № 8, и т.д.). Бланки этих документов были заказаны и изготовлены в типографии... Алфавитная картотека по форме № 2, как в стройотрядах, так и в Управлении лагеря на начало мая 1942 г. еще не была создана. Проводилось дактилоскопирование. Из-за отсутствия фотографов и необходимых материалов фотография не производилось»[14].

По состоянию на 01.05.1942 г. в Бакальском лагере состояло на учете 2419 человек заключенных. Из них на 1 лагерном участке 1324 человека, 1095 чел. размещены в центральном лазарете[15].

В начале мая 1942 г. была организована отдельная колонна № 2 из трудмобилизованных при Тавдинском лесокомбинате из 500 трудармейцев 4-го стройотряда. В середине мая 1942 г. создан ИТЛ при Каштакском каменном карьере. 20.05.1942 г. стройотряды № 2, 5, 6 прикрепляются к Управлению Бакаллага[16].

К 05.06.1942 г. контингент трудмобилизованных составлял 26 314 чел., которые располагались на 17 лагучастках, кроме того, насчитывалось 1647 заключенных на 2-х лагерных пунктах. На это момент зона ограждения и предупредительные знаки все еще отсутствовали, охрана немцев на производстве не упорядочена, документы (паспорта, военные билеты и т.п.) у мобилизованных немцев не были изъяты. По мнению руководства ИТЛ, «изоляция и охрана немцев в Бакаллага НКВД не на должной высоте, что подтверждается большим количеством случаев дезертирства таковых. В мае месяце дезертировало 132 человека, из них 61 чел., т.е. 46,2% не задержано»[17].

Развитие инфраструктуры ИТЛ продолжается. В начале июня 1942 г. ликвидируется 1-й ЛУ и на его месте создается 15-й СО из трудмобилизованных; 15 июня организуется 16-й СО и выходит приказ о подчинении 15 и 16 стройотрядов Управлению Коксохимстроя. В середине и конце июня создаются Единоверская отдельная колонна № 3 (400 чел.) и Саткинская отдельная колонна № 4 (300 чел.)[18].

В конце июня завершается строительство овощехранилищ СБМК. На 30.06.1942 г. структура лагеря выглядит следующим образом: Жилстрой – СО 1; Подсобстрой – СО 2,3,5,6; Потанинский киркомбинат – СО 4; Стальстрой – СО 9; Прокатстрой – СО 10; Ильменский лесозаготовительный район – СО 11, Предзаводстрой – СО 13; Рудбакалстрой – СО 14; Коксострой – СО 15, 16; база Отдела общего снабжения; Каштакский жилкомбинат. Кроме того, в начале июля в лагерь добавляются Баландинское и Каштакское подсобные

хозяйства; Кунашакский производственный участок[19].

В середине июля 1942 г. происходит переименование Строительства Бакальского металлургического комбината в Челябинский металлургстрой. Согласно приказу № 501 от 13.06.1942 г. следовало за пять дней переделать все штампы, печати, вывески. По мнению авторов справочника по ИТЛ, Бакальский ИТЛ в конце 1942 – начале 1943 гг. был закрыт и на его месте организован новый лагерь - ИТЛ Челябинский металлургстрой. При этом начальник лагеря остался прежний – А.Н.Комаровский. ИТЛ СБМК выполнял следующие производственные задачи: подготовка к разработке Бакальского железорудного месторождения, строительство обогатительной и агломерационной фабрик, строительство Бакальского металлургического завода, коксохимического завода, лесозаготовки, подсобные сельскохозяйственные работы, обслуживание кирпичных заводов, работы на заводе № 46 Наркомата вооружений в Златоусте, строительство ремонтного и модельного цехов[20].

Лагерь обеспечивал работы по вводу в действие шахт № 1, 2 в Копейском районе. Согласно приказу от 26.06.1942 г. здесь началось создание ИТЛ в составе ЧМС НКВД. То же самое произошло в связи организацией работ на Федоровском песчано-известковом хозяйстве. Здесь строительство ИТЛ началось по приказу от 27 июня.[21].

По приказу от 03.08.1942 г. был организован Саткинский лесозаготовительный район с использованием рабочей силы трудмобилизованных СО 16. В это же время приступили к обследованию Першинского каменного карьера. Согласно приказу от 12.12.1942 г. организуется Уфалейский лесной район на базе Нижне - Уфалейского лесничества. В конце декабря создана отдельная колонна (ОК) 2 при подсобном хозяйстве № 2 станции Баландино; ОК 3 для обеспечения рабочей силой шахт № 1, 3 на станции Потанино; ОК 4 при станции Чебаркуль (Ильменский заготовительный район)[22].

Строгость режима охраны трудармейцев до конца 1942 г. была явно недостаточна. Об этом свидетельствует число побегов: всего за год их было 678, задержано из бежавших 408 чел.[23]

Согласно сведениям приказа по ИТЛ от 23.01.1943 г., «строительство СБМК, начатое в апреле 1942 г., закончено за 9 месяцев. Построены 22 лагерных городка на 40 тыс. чел. со всеми коммунально-бытовыми устройствами и жилфонд для эвакуированных сталинградских рабочих в 13 тыс. кв. м. площади»[24].

В начале 1943 г. прослеживается явная тенденция превращения ИТЛ ЧМС в лагерь для трудармейцев, количество заключенных резко уменьшается. Например, на 01.01.1943 г. заключенных всего 38 человек, а трудармейцев 27 783, на 1 мая число заключенных снижается до максимально низкой цифры – 11 человек и только со следующего месяца их числен-

ность начинает неуклонно увеличиваться (на 01.06.43 г. – 2706 чел.). Затем к контингентам лагеря добавляются новые категории: трудмобилизованные из Средне-Азиатского военного округа, военнопленные (прибытие тех и других отразилось в сводках движения контингентов за июль 1943 г.).

Происходят новые изменения в структуре ИТЛ. По приказу от 04.01.1943 г. создается СО 12 в поселке Нижний Уфалей для обеспечения рабочей силой лесозаготовительного района. По приказу от 15.05.1943 г. организуется лагучасток Стройуправления № 2 на основной строительной площадке. Стройотряд 3 расформирован, на его базе создан лагучасток №1 для заключенных с подчинением СУ-2 [25].

Численность трудармейцев, в связи с высокой смертностью и физическим истощением, демобилизацией по инвалидности, этапированием большого количества людей, сокращается (достигнув пика в декабре 1942 г. – 28632 человека и снизившись к декабрю 1943 г. до 20810 человек). С мая 1943 г. начинается подготовка лагеря к приему новых контингентов. Согласно приказу от 21.05.1943 г., к прибытию нового контингента во всех стройотрядах и других подразделениях решено строить, «в первую очередь, землянки и лишь затем необходимый минимум бытовых зданий». Появился СО 17 в бывшем городке ТЭЦ. Построен поселок № 4 - новый городок. Утвержден титульный список строительства бараков-землянок с нарами вагонной системы. В структуру ИТЛ входили: СО 5, СО 11 (Ильмень), СО 15, подсобное хозяйство, сельхоз, СО 3, СО 14 (Рудбакалстрой), СО 13 (Техстрой), СО 17 (ТЭЦ - городок), бывший СО 10 – отдельный ЛП, СО 12 (Н.Уфалей), поселок Нижне-Увельская, поселок Тургояк, поселок № 4 (для вольнонаемных рабочих на 7000 чел.). Началось строительство ИТЛ № 17 на 2600 чел. (бывший городок ТЭЦ), дополнительное строительство в СО 14 (Рудбакалстрой). Еще несколько подразделений ИТЛ ЧМС располагались в следующих местах: СО 1 на станции Баландино, СО 2 на станции Потанино, Каштакский жилгородок, поселок № 3, жилгородок ТЭЦстроля - поселок № 2, Бакал - поселок №1[26].

С середины года количество заключенных вновь неуклонно возрастает: в июне их насчитывается 2706 человек, а в июле уже 12 679 человек. По приказу от 02.06.1943 г. расформировывается СО 13 и на его месте организуется 2-й лагучасток, укомплектованный заключенными-женщинами; по приказу от 07 июня ликвидируется СО 5, на его месте создается 3-й ЛУ, укомплектованный заключенными-мужчинами[27].

По приказу от 8 июня организовано Стройуправление № 8 в пос. Тургояк. В связи с развитием Нижне-Увельского месторождения огнеупорных глиен создан ЛУ № 7 для заключенных[28].

В первой половине июня образован Тургояк-

ский стройучасток при Ильменском лесозаготовительном районе. В Тургояк были направлены 2 бригады рабочих из трудмобилизованных и 200 заключенных. Сформированный ЛУ подчинен стройотряду № 11. Замена рабочей силы трудармейцев на заключенных продолжалась. По приказу от 15.07.1943 г. в бывшем городке ТЭЦ создан ЛУ 5 из заключенных, вместо СО 14 образован ЛУ 4 (з/к); по приказу от 16 июля организован ЛУ 6 (з/к), вместо СО 13 (трудмобилизованных распределили в другие стройотряды). Создан 3-й ЛУ на Першинском каменном карьере. По приказу от 20 июля, в связи с окончанием демонтажа Ново-Липецкого завода, Особый район ИТЛ ЧМС в г. Липецке реорганизован в прорабский участок[29].

В приказе от 16.08.1943 г. говорится о переходе на вагонную систему и строительстве в связи с этим. Структура ИТЛ выглядит к этому времени следующим образом: СО 1-Жилстрой, СО 2 -Киркомбинат, СО 3, СО 6, сельхозотдел, СО 7 – Доменстрой, СО 15 – Коксострой, ЛУ 1 СУ 2, ЛУ 2, ЛУ 3, ЛУ 4 Рудбакалстрой, ЛУ 5 при СУ 5 (Н.-Увельское месторождение огнеупорных глиен)[30].

По приказу от 23 октября ликвидирован 8-й Кисигачский ЛУ и организован ЛУ 8 в пос. Тургояк. В этот же день вновь выходит приказ об организации Н.-Уфалейского СО 12 (первый приказ появился еще в начале января 1943г.). На этот раз говорится о его комплектации трудмобилизованными за счет СО 11. По приказу от 16 ноября СУ 8 ЧМС переводится из Катав-Ивановска (реконструкция Катав-Ивановского ЦМЗ) в Тургояк на строительство рудника. В конце года расформирован СО 11, в связи с окончанием лесозаготовительных работ в районе озера Ильмень. Весь состав трудармейцев передан СО 12. Одновременно был расформирован ЛУ 6 Уфалейского лесозаготовительного района с переводом заключенных на 1-й ЛУ. В этом районе остался СО 12[31].

Наступает 1944 год. Грядут новые изменения. По приказу от 07.01.1944 г., в связи с уменьшением численности трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа, на базе 1-го национального района организован СО 6 из трудармейцев-немцев[32].

Начальником ИТЛ с 29.04.1944 г. по октябрь 1946 г. становится генерал-майор инженерно-технической службы Я.Д.Рапопорт, переведенный сюда из Тагиллага[33].

ИТЛ ЧМС включает в себя лагподразделения основной строительной площадки и периферии.

Значительным событием для ИТЛ стало создание в начале мая 1944 г. Управления восстановительных работ НКВД в г. Чапаевске. Здесь произошел сильнейший взрыв на заводе боеприпасов, и для ликвидации его последствий пришлось создать специальную лагерную структуру, которая включала в себя: отряды № 1, 2, 3 (всего в них этапировали 1630 заключенных); колонны № 1, 2, 3 (всего: 1284 трудмобилизованных). По приказу от 4 ноября произошла передача ИТЛ УВР НКВД

(г. Чапаевск, Куйбышевской области) в ведение ЧМС НКВД. В состав ИТЛ ЧМС вошли: заключенные - 2108 чел.; трудмобилизованные - 1237 (45 командированные из состава ЧМС); ЛУ 1 - 2110 чел. (в черте города), ЛУ 2 - 1064 чел. трудмобилизованных (на окраине). Спецконтингент лагеря, кроме восстановительных работ, вел строительство второй очереди завода № 15 Наркомата боеприпасов[34].

Согласно приказу от 21.06.1944 г. организована отдельная Кунашакская колонна № 3 (для сенозаготовок) в деревне Муслюмово, Кунашакского района, Челябинской области. В начале июля принято решение о ликвидации СО 5, с переводом трудармейцев в другие подразделения[35].

По состоянию на 21.08.1944 г. лимиты некоторых лагподразделений составили: СО 1 - 2622 чел.; СО 2 - 1694; СО 3 - 1898; СО 6 - 2551; СО 7 - 3821; СО 12 - 1076; СО 15 - 3397; СО 16 - 919; ЛУ 1 - 3552; ЛУ 2 - 2029; ЛУ 3 - 1469; ЛУ 4 - 3752; ЛУ 5 - 197; ЛУ 8 - 945; ОК 5 - 197; ОК 2 - 403; Центральный лазарет - 400[36].

В начале сентября 1944 г. подразделения ИТЛ ЧМС созданы в совхозе Смолино - командировка ЛУ 1; совхозе Томино - командировка ЛУ 1; отдельная колонна № 2 - на станции Баландино[37].

По состоянию на начало сентября в структуре ИТЛ ЧМС числились: Яланский зерносовхоз - командировка СО 1; Завод № 100 - командировка СО 1; зерносовхоз завода им. Кирова - командировка СО 6; СО 12 - станция Верхний Уфалей; совхоз УНКВД Челябинской области - командировка СО 15; Магнитогорск, киркомбинат - командировка СО 15; совхоз «Каясан» - командировка СО 15; СО 16 - станция Сатка; отдельная колонна № 1 - станция Харино[38].

В конце года, в связи с репатриацией российских немцев из ранее оккупированных территорий, вышел приказ об их концентрации в СО 15 и переводе его в статус режимного отряда. Штрафколону трудмобилизованных было решено дислоцировать в СО 1[39].

В следующем, 1945 году, в связи с коренным изменением ситуации на фронте в пользу СССР, смягчается режим охраны в ИТЛ. Согласно приказу по лагерю от 04.01.1945 г. «Об изменениях в режиме содержания и охране трудмобилизованных», принято следующее решение: «Вооруженную охрану трудмобилизованных в зонах расселения и на местах работ оставить в следующих случаях: а) для прибывших из оккупации и размещенных в СО № 1 и 15 и колонне «Федоровка» - 6 ЛУ; б) зачисленных в штрафколону при 1-м СО. 2. Вооруженную охрану трудмобилизованных всех остальных стройотрядов и колонн снять: а) организовать надзирательскую службу; б) создать самоохрану из трудмобилизованных без оружия и подчинить надзирательской службе; в) ответственность за дезертирство возложить на начальников колонн, бригад...; г) пропускную систему оставить в действии[40].

В январе организован отдельный лагерный участок № 7 (Каштак). В его состав ввели спецколону заключенных 1-го лагучастка и трудмобилизованных бывшей 22-й колонны 6 стройотряда. В середине месяца лагерь принял новые контингенты, для размещения которых освобождены помещения СО 2 и ЛУ 3. Трудмобилизованных из этих подразделений разместили в: 1,3,6,7,15 и 16 стройотрядах за счет уплотнения; заключенных в 1,2,6 и 7 ЛУ (подсобное хоз.-во № 2 и 3)[41].

По состоянию на 06.03.1945 г. в ИТЛ находились следующие контингенты: в 1-м СО: «западников» (т.е. прибывших из оккупации) 206, «режимников» - 140; в 15-м СО - «западников» - 681, «режимников» - 196; в колонне «Федоровка» 6-го ЛУ - 240 «западников». В 1-м и 15-м стройотрядах созданы режимные и штрафные колонны[42].

Из приказа по ИТЛ от 08.05.1945 г. мы узнаем о существовании 4-го лаграйона ИТЛ ЧМС на Закавказьезметаллургстрое НКВД (г. Рустави). Таким образом, создание нового металлургического завода на юге страны возлагается на оперчеккистский состав и инженерно-технический персонал одного из крупнейших лагерей Урала[43].

По приказу от 20.08.1945 г. организуется рабочий батальон численностью до 1800 чел. из интернированных лаготделения № 8 лагеря военнопленных № 68, его придают Потанинскому киркомбинату. В ноябре организуется строительный район № 11 для лесозаготовок на разъезде Тюбук Южно-Уральской железной дороги из состава трудмобилизованных тяжелого и среднего труда[44].

В начале 1946 года в ИТЛ ЧМС организовано Управление военно-строительных батальонов. Положение подневольных спецконтингентов смягчалось. В приказе по ИТЛ от 29 января 1946 г. «Об изменении режима содержания трудмобилизованных» говорится о кардинальных преобразованиях: «Охрану трудмобилизованных снять, надзирательскую службу упразднить, проволоку заменить штакетником, караульные вышки, грибки снять, внутренний распорядок оставить прежний...»[45].

В конце месяца происходит приемка от Тагилстроя строительства № 859. Это строительство было связано с созданием завода по производству плутония для ядерных бомб и в дальнейшем привело к созданию закрытого города Челябинск-40 (1954-1966 гг.), Челябинск-65 (1966-1994 гг.), с 1994 г. известного как Озерск.[46] По приказу № 61 к. 11 стройрайон ЧМС переименован в строительное управление №859 с 20.02.1946 г. Начинается организация строительно-монтажных работ на площадке СУ № 859 (г. Кыштым, поселок и река Теча). Контингент - военно-строительные батальоны[47].

В январе ликвидационная комиссия (г. Чапаевск, УВР) закончила свою работу, а оставшиеся трудмобилизованные немцы переведены на основную стройплощадку в Челябинск.

Распоряжением СНК СССР от 15.02.1946 г.

на базе санатория «Сунгуль»[48] был создан секретный объект системы советского атомного проекта – лаборатория «Б» Главными задачами лаборатории являлись исследования воздействия радиоактивности на живые организмы, разработка способов ослабления ее вредных последствий и методов очистки радиоактивных сбросных вод.[49] В приказе по ИТЛ от 11.05.1946 г. сообщается о прибытии научных контингентов в санаторий Сунгуль (под городом Касли) к 25 мая. В соответствии с приказом от 27 мая в составе ИТЛ ЧМС организован ЛУ 9 при СУ № 859 для заключенных на 3000 чел. По данным авторов справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», 04.06.1946 г. в составе ИТЛ ЧМС организован отдельный лагерный район для обслуживания строительства № 859[50].

В приказе по Управлению ИТЛ ЧМС НКВД СССР № 232 от 22.04.1946 г. «О мероприятиях в связи с директивой № 68» фиксируется перевод трудмобилизованных немцев на положение спецпереселенцев. В составе 2-го отделения ЧМС организовано отделение спецпоселения и комендатуры по следующей схеме: райкомендатура (РК) в поселке № 2 ЖКО (быв. СО 6); РК в поселке № 4 ЖКО (СО 1); РК в поселке № 5 ЖКО (СО 2); РК в поселке № 6 (СО 3); РК в гор. Верхнем Уфалее (СО 4); РК в поселке Баландино, совхоз № 1; РК в поселке Баландино, подсобное хозяйство № 2; РК в поселке Потанино (Кирпичный комбинат); РК Рудбакал; РК поселка Тюбук; РК поселка Каштак, подсобное хозяйство № 8; РК поселка Тургояк. С июля 1946 г. начинается перевод спецпереселенцев в СУ № 859. Он осуществляется из следующих подразделений ИТЛ: ЖКО – 300 чел., Торгпит – 200, Отдел общего снабжения – 200, ГАТК – 300, Стальконструкция – 200, Электромонтаж – 100, ЧИМК-1 – 700, СХО-500, Теплострой – 50, ОСУ-5 (Тургояк) – 400, САНО-100[51].

В соответствии с директивой МВД СССР № 155 от 13.06.1946 г. происходит снятие с учета спецпоселенцев немецкой национальности. В приказе по ИТЛ от 19.09.1946 г. констатируется «Все бывшие трудмобилизованные в рабочие колонны немецкой национальности с 1 апреля 1946 переведены на положение спецпоселенцев и закреплены на предприятиях ЧМС и СУ 859, как вольнонаемные, с вытекающими отсюда правами и обязанностями». Другие национальности, кроме немецкой, ... переведены на вольнонаемное положение и... не должны числиться спецпоселенцами. Правовое положение спецпоселенцев определено постановлением СНК СССР от 08.01.45 № 35»[52].

По приказу по ИТЛ ЧМС от 10.08.1946 г. при СУ № 859 организован ЛУ 12 для заключенных на 3000 чел.[53] [50]. Согласно справочнику «Система исправительно-трудовых лагерей СССР» ИТЛ строительства № 859 был организован 03.10.1946 г. А уже 11.10.1946 г. Челябинметаллургстрой оказался разделен на 2 самостоятельных строитель-

ства: строительство 859 и Челябинметаллургстрой. С этого момента по 12.07.1947 г. его начальником был генерал-майор инженерно-технической службы Я.Д.Рапопорт, затем его сменил М.М.Царевский. ИТЛ строительства 859 закрыли 31.01.1949 г. и переименовали в Строительство №247 и ИТЛ. Сфера производственной деятельности лагеря заключалась в обслуживании строительства 859 МВД, жилищном и коммунально-бытовом строительстве, строительстве завода № 817 по производству оружейного плутония, деятельности 2-х подсобных хозяйств. Из ИТЛ ЧМС сюда передали 2 кирпичных завода, угольную шахту, известковый карьер на станции Федоровка и дерево-обделочный комбинат, добычу мрамора на Прохорово-Баландинском месторождении. Численность контингентов лагеря достигла пика к началу 1948 г. – 20376 чел.[54].

Во второй половине 1946 г. в структуре и распределении контингентов ИТЛ ЧМС произошли многие изменения: заменена рабочая сила спецпереселенцев на заключенных в ОСУ-5, организованы ЛУ 10 на территории лагеря военнопленных № 68 (1-е ЛО); ЛУ 11(численность 700 чел. з/к) в селе Мелентьевка Миасского района (Тургояк) ОСУ-5, в связи с перемещением контингента спецпереселенцев в другие районы; ЛУ 7 и расформирована райспецкомендатура № 6 жилпоселка 6 (бывший СО 7); организован ЛУ при подсобном хозяйстве № 3 поселка Каштак на 500 заключенных, организована подкомандировка заключенных для строительства базы Главметсбыта с подчинением ЛУ 3 (400 з/к) с окончанием работ на заводе «Калибр» в Челябинске[55].

Согласно приказу по ИТЛ от 06.05.1947 г. «Об организации Управления ИТЛ и его структуры» из ЧМС выделяется Челябинлаг. Фактическое его переименование, по всей вероятности, произошло 22.05.1947 г. Исполняющим обязанности начальника Челябинлага назначен подполковник Люткевич П.И., его заместителем – майор Михайлов М.В. Лагерь включал в себя следующие подразделения: ОЛП (ЛУ) № 1,2,3,4,5,6,7,8,9,10,11; хлебозавод ООС, погрузочная база ООС, типография, лечебные учреждения САНО, подсобное хозяйство Каштак, торговая сеть. Этот лагерь просуществовал до 06.10.1951 г. [56].

Акт приемки-сдачи ЧМС из МВД в Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии согласно постановлению Совмина от 01.04.47г. и приказа министерств от 14.04.47г. состоялся 31.05.1947 года. В нем констатируется, что «строительство шло без проектов и без смет»[57].

В целом в сферу производственной деятельности ИТЛ ЧМС входили следующие объекты: строительство Челябинского металлургического завода, изготовление и монтаж металлоконструкций, монтаж производственного оборудования, сантехнические работы, кладка промышленных печей, строительство ТЭЦ, Челябинская металлобаза Главметаллсбыта, Челябинский завод шлаковых материалов

МПСМ и завод «Калибр», разработка кварцитового карьера, Тургойского известнякового карьера, лесозаготовки (в том числе в Ильменском заповеднике), строительство жилья, дробильно-сортировочной фабрики и паровозного депо на Тургойском руднике, Бакальского рудоподготовительного комбината, работы на Нижне-Увельском карьере огнеупорных глин; обслуживание строительства № 859, строительство дрожжевых установок. В состав ЧМС в 1944-1945 гг. входило Управление восстановительных работ в г. Чапаевске, в том числе, строительство второй очереди завода № 15 Наркомата боеприпасов, строительство дорог, установки грануляции шлаков, жилья, коммунальных и культурно-бытовых объектов (медицинские и детские учреждения, дом культуры), завода контрольно-измерительной аппаратуры «Теплоприбор», обслуживание Рудбакалстроя, карбидное, портняжное, сапожное, пимокатное производство[58].

Ввод основных объектов строительства ЧМС начался в 1943 году. Были построены: электросталеплавильный цех - электропечи № 1,2,3,4 и 5 производительностью 30 тыс. тонн каждая; прокатный цех – стан «800» производительностью 280 тыс. тонн в год и стан «850/450» производительностью 60 тыс. тонн проката; чугуно-медно-литейный цех – 2 вагранки на 3 тонны и 10 тонн; ремонтно-механический цех площадью 8450 кв. м.; ремонтно-кузнечный цех; модельный цех со складом моделей; ТЭЦ 1-я очередь – турбогенератор № 1 мощностью 25 мвт, котел № 1 производительностью 90/110 тонн пара в час; компрессорная – 2 компрессора производительностью по 100 куб. м. в минуту каждый.

В 1944 г. в строй вошли: коксохимический завод – коксовые батареи № 1 и № 2 производительностью 420 тыс. тонн металлургического кокса в год каждая; доменный цех – доменные печи № 1 и № 2 по 300 тыс. тонн чугуна в год каждая; котлы № 2 и № 3 ТЭЦ производительностью по 90/110 тонн пара в час каждый; турбовоздуходувки № 1 и № 2, производительностью по 3100 куб. м. в минуту каждая; аглофабрика Бакальского Рудоуправления в составе 2-х аглолент производительностью по 350 тыс. тонн руды в год каждая.

В 1946 г. закончено строительство: коксохимзавод – бензолное, сульфатное и скрубберное отделения (1-я очередь); кислородная станция – одна установка производительностью 92 куб. м. в час; дробильно-сортировочная фабрика Тургойского известнякового карьера производительностью 500 тыс. тонн известняка в год; карьер огнеупорных глин Увельского рудоуправления, мощностью 500 тонн глины в год[59].

Все вышеперечисленное производит огромное впечатление количеством построенных объектов и объемами их производительности. Однако при этом не стоит забывать, что вся эта грандиозная стройка шла «на глазок», «без проектов и смет», в тяжелейших условиях военного времени и с учетом затратной специфики

социалистического типа хозяйствования. Несответствие запланированного и выполненного демонстрируют данные таблицы 2.

Табл. 2.
Выполнение плана ввода
в эксплуатацию (в тыс. руб.)*

год	план	выполнено	процент
1942	93405	76342	82
1943	136650	111389	82
1944	170500	199215	117
1945	100000	89483	89
1946	115000	51573	45
1947	135000	1584	1,2
1-й квартал 1947	25000	1584	6,4

* **Источник: ОГАЧО.-Ф.1619.-**
Оп.1. –Д.52. – Л.8

Обращение к истории создания одного из крупнейших лагерей принудительного труда на Урале позволило нам ответить на ряд проблемных вопросов. Одним из них является проблема организации строительства крупных промышленных объектов в СССР. Первые попытки создания металлургического производства на базе железорудных запасов Бакальского месторождения были предприняты в сер. 1930-х годов. Еще с тех пор в топонимике Челябинска сохранилось название «Генеральская дача» (или «Жарикова дача»), которое обозначает место расположения служебной дачи первого директора строительства Бакальского металлургического завода. На территории Металлургического района Челябинска располагался ряд объектов этого неудавшегося строительства. Начавшаяся война вынудила советское руководство вплотную заняться вопросами развития опорного промышленного района на Урале и в Западной Сибири. Первоначально строительство БМК было поручено гражданскому ведомству, использовавшему в качестве рабочей силы вольнонаемных рабочих и военно-строительные батальоны.

Однако довольно скоро становится понятно, что на добровольной основе проблему набора рабочей силы для возведения крупного промышленного объекта в стране социализма не решить. Поэтому партия прибегает к традиционному способу решения экономических вопросов – использованию спецконтингента. В начале 1942 г. началась одновременная организация двух лагерей: ИТЛ Рудбакалстроя с дислокацией на ст. Бакал в районе Бакальских железных рудников (рудной базы будущего металлургического завода) и Бакальского ИТЛ с дислокацией в Челябинске. Первый лагерь так и остался на бумаге, а с 17.03.1942г. строительство Бакальских рудников стало задачей Бакальского ИТЛ[60].

Уже в ноябре 1941 г. строительство завода

возложено на НКВД СССР и в конце года поступили первые этапы заключенных. В период с сер. декабря по сер. февраля 1941 г. пополнение рабочей силы лагеря шло за счет заключенных. С февраля 1942 г. руководство ГУЛАГа сделало ставку на иную категорию спецконтингента – «трудмобилизованных немцев». С этого момента времени ИТЛ СБМК превращается в крупнейший лагерь немцев-тудармейцев. Очевидно, первоначально планировалось заменить ими всех заключенных. К маю 1943 г. соотношение з/к и т/м установилось в пропорции 11 к 23.346 чел. К этому времени насчитывалось 13 стройотрядов тудармейцев. К июню 1942 г. стройотрядов стало уже 16, а численность трудмобилизованных составила более 26 000 чел. Начало вводится оцепление и пропуска в зоне строительства. Однако ограждение зон еще не возведено и до конца года проблема охраны трудмобилизованных не решена. С марта 1942 г. по июль 1943 г. проблема дисциплины решалась самым жестоким способом – расстрелами (к высшей мере наказания приговорили более 300 тудармейцев).

В середине июля 1942 г. принимается решение о переименовании ИТЛ СБМК в ИТЛ ЧМС и на рубеже 1942-1943 гг. происходит закрытие первого лагеря и создание второго. К концу 1942 г. было завершено лагерное строительство и окончательно установлен жесткий режим охраны спецконтингента, введен в действие жилой фонд для вольнонаемных строителей. На наш взгляд, трудно отделить существование одного лагеря от второго, т.к. вся структура и руководство ИТЛ остались прежними. Суть этого процесса была в другом – главный акцент был перенесен с подготовки к разработке железорудной базы в Бакале и создания инфраструктуры лагеря на непосредственное строительство Челябинского металлургического завода.

В мае 1943 г. лагерь вновь стал пополняться заключенными. В этом месяце их прибыло на 3000 чел. и на протяжении 1943 г. их средняя численность установилась на уровне 12 000 чел. (в 1944 г. среднесписочное число з/к составляло 10 000 чел., в 1945 г. снизилось с 11 000 до 5 500, в 1946 г. поднялось до 21 000 чел.).

Общая численность основных контингентов лагеря (трудмобилизованные, мобилизованные

из Средне-Азиатского военного округа, заключенные; без военнопленных, интернированных, военно-строительных батальонов) с 1942 по 1946 гг. составила более 94 000 человек. ИТЛ обладал чрезвычайно разветвленной структурой. Всего по городу и области, а также за ее пределами мы насчитали примерно 160 лагерных подразделений (ЛУ, ЛП, СО, ОК, ИТК, ЛР).

Нам удалось установить не только количество трудмобилизованных – 43 000 чел., но и общую численность заключенных ИТЛ БМК-ЧМС – около 47 000 чел. Кроме того, мы смогли назвать количество умерших тудармейцев за период 1942-1946 гг. – 6288 человек (за исключением одного месяца 1945 г. и 7 месяцев 1946 г.); сравнить со смертностью заключенных за тот же период – 2403 человека (без одного месяца 1946 г.). Смертность трудмобилизованных за все время их пребывания в ИТЛ составила 14,6%. Процент смертности заключенных за аналогичный период – 5,15%. Опираясь этими цифрами, следует помнить, что количество персоналий тудармейцев и заключенных, прошедших через ИТЛ, значительно меньше вышеназванного количества. Многие из них этапировались, затем снова возвращались в лагерь и учитывались в прежней учетной картотке. Точную их численность можно установить только после перевода всей учетной картотеки в электронную базу данных. Следовательно, процент смертности может поменяться (в сторону увеличения).

Сравнивая данные о смертности тудармейцев и заключенных, следует учесть, что в 1942-сер. 1943 гг. трудмобилизованных в ИТЛ Челябинска было несравнимо больше, чем заключенных. А это было время наибольшей смертности контингента лагеря. В целом же за 1942-1946 гг. заключенных прошло через ИТЛ больше, чем тудармейцев на 3775 человек (см.: Таблицу 1 в Приложении).

В конце апреля – начале мая 1946 г. немцы-тудармейцы были переведены на положение спецпоселенцев и стали именоваться вольнонаемными. Однако руководство ГУЛАГа сделало все возможное, чтобы эта многочисленная и дисциплинированная рабочая сила осталась в пределах зон промышленного строительства и производства.

(1) Информация по контингентам т/м представлена за период с февраля 1942 (прибытие их в ИТЛ) по конец 1946 г. (т/м с апреля 1946 г. переведены на положение с/п). ЧМС перестал быть лагерем с мая 1947 г. (ИТЛ Челябинск и строительство разделились). Челябинск существовал по октябрь 1951 г., поэтому расчет движения контингентов з/к можно продолжить по 1951 г.

**Разница между прибывшими и убывшими т/м за период 1942-1946 гг. составила 7020 чел. В ИТЛ на конец 1946 г. насчитывалось 7124 бывших т/м. Разница в балансе составляет – 104 чел. Пока есть пробелы в информации, трудно сказать, откуда она возникла. Возможно, это количество прибывших за январь 1945 (за этот месяц нет данных).

**В случае с з/к разница составила (конец 1946 г.: 13915-баланс таблицы 12933) - 982 чел. Возможно, они прибыли в марте 1946 г.

* Опубликовано: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Общественные науки / Отв. Ред. О.В.Рыжкова. Нижний Тагил:НТГСПА, 2011. С.178-189

[1] Лаборатория «Исторической информатики» НТГСПА с 2000 г. участвует в реализации проекта «Gedenkbusch» (Книга памяти российских немцев – жертв политических репрессий). За прошедшее время издано три Книги памяти и увековечены имена около 40 000 немцев-тудармейцев. В 2008 г. коллектив

сотрудников лаборатории начал работу над 4-х томным изданием, посвященным памяти трудмобилизованных ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. Представленная вниманию научной общественности статья является результатом разработки материалов фонда этого лагеря, находящегося в Объединенном государственном архиве Челябинской области

[2] ОГАЧО. – Ф.1619.-Оп.1.-Д.4.-Л.145; Система ИТЛ в СССР, 1923-1960: Справочник/О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б.Смирнов. Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. М.: Звенья, 1998. – 600 с. – С.155.

[3] ОГАЧО. – Ф.1619.-Оп.1.-Д.5.-Л.37.

[4] Там же. – Д.1.-Л.41-65.

[5] Там же. – Оп.2.-Д.2.-Л.1.

[6] Там же. – Оп.1.-Д.134.-Л.1-2.

[7] Там же. – Оп.1 - Д.134 - Л. 1-3.

[8] Там же. – Оп.2.-Д.1.-Л.56, 57, 62.

[9] Там же. – Оп.1.-Д.134.-Л.28.

[10] ОГАЧО. – Оп.1.-Д.134.-Л.1, 21, 27. Относительно даты назначения, есть расхождения между данными фонда ГУЛАГа в ГАРФ и фонда 1619 самого ИТЛ в ОГАЧО. Согласно сведениям справочника, изданного «Мемориалом», новый начальник появляется не ранее 11.09.1942 г., и не позднее 03.01.1943 г. (см.: Система ИТЛ в СССР, 1923-1960: Справочник/О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б.Смирнов. Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. М.: Звенья, 1998. – 600 с. – С.155).

[11] ОГАЧО. – Оп. 2.-Д.2.-Л.3; Оп.1.-Д.7.-Л.17.

[12] Там же. – Оп.1.-Д.6.-Л.1; Д.7.-Л.29; Д.134.-Л.101-104; Д.7.-Л.46.

[13] Там же. – Оп.2.-Д.4.-Л.28-29; Оп.1.-Д.2.-Л.17.

[14] Там же. – Оп.1.-Д.134.-Л.141, 142.

[15] Там же. – Л. 143.

[16] Там же. – Оп.1.-Д.6.-Л.111; Д.8.-Л.126-128; Д.6.-Л.237.

[17] Там же. – Оп.1.-Д.134.-Л.122, 128.

[18] Там же. – Оп.1.-Д.6.-Л.429, 367, 278.

[19] Там же. – Оп.1.-Д.8.-Л.126-128, 145.

[20] Там же. – Оп.1.-Д.9.-Л.6; Система ИТЛ в СССР..., С.155, 276.

[21] Там же. – Оп.1.-Д.8.-Л.233-235.

[22] Там же. – Оп.1.-Д.9.-Л.185, 207; Д.11.-Л.147, 240 – 242.

[23] Там же. – Оп.1. – Д.146.-Л.67-67 об.

[24] Там же. – Оп.1.-Д.146.-Л.39.

[25] Там же. – Оп.1.-Д.18.-Л.9, Д.20.-Л.1.

[26] Там же. – Оп.1.-Д.20.-Л.18, 19, 24, 25, 34.

[27] Там же. – Оп.1.-Д.20.-Л.70, 82.

[28] Там же. – Оп.1.-Д.20.-Л.83

[29] Там же. – Оп.1.-Д.20.-Л.129, Д.21.-Л. 1,2, 6,13, 26.

[30]. Там же. – Оп.1.-Д.21.-Л.110, 123.

[31] Там же. – Оп.1.-Д.22.-Л.62; Д.21.-Л.72, 137; Д.22.-Л.312, 313.

[32] Там же. – Оп.1.-Д.25а.-Л.11.

[33] Система ИТЛ в СССР, С.276.

[34] ОГАЧО. – Оп.2.-Д.57.-Л.18, Д.28.-Л.52-63; Система ИТЛ в СССР, С. 276.

[35] Там же. – Оп.1.-Д.27.-Л.59а, Д.28.-Л.14.

[36] Там же. – Оп.2.-Д.19.-Л.45.

[37] Там же. – Оп.2.-Д.19.-Л.54.

[38] Там же. – Оп.2.-Д.19.-Л.55.

[39] Там же. – Оп.1.-Д.134.-Л.1-3

[40] Там же. – Оп.2.-Д.30.-Л.18.

[41] Там же. – Оп.1.-Д.29а.-Л., 20, 22-22об.

[42] Там же. – Оп.2.-Д.30.-Л.21.

[43] Там же. – Оп.2.-Д.30.-Л.38.

[44] ОГАЧО. – Оп.2.-Д.30.-Л. 53-55, 70-72.

[45] ОГАЧО. – Оп.2.-Д.44.-Л.6-6об; Д.40.-Л.72.

[46] 09.11.1945 г. группа строителей во главе с Д. К. Семичастным, начальником строительного района № 1 Челябинского металлургического завода, выехала на место будущей стройки. Этот день, 9 ноября, и принято считать датой основания Озёрска. 10 ноября Я. Д. Рапопорт, начальник ИТЛ Челябинского металлургического завода, подписал приказ № 26 «Об организации строительного района № 11». 24.11.1945 г. был разработан план и начато строительство будущего комбината и города. Так начала выполняться урановая часть Атомного проекта, или Программа № 1, как называли его в нескретной переписке. Первые строители «района № 11», первые работники завода № 817 положили начало истории ПО «Маяк» и города Озёрска. Генеральный план строительства предприятия по переработке оружейного плутония, принятый в апреле 1946 г., предусматривал сооружение жилого посёлка на 5 тыс. человек. См.: Челябинская область: энциклопедия/Гл. ред. К.Н.Бочкарев – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т.4.- 864 с. – С.175, 706

[47] Там же. – Оп.2.-Д.44.-Л. 5, 20-21.

[48] В 1934 г. на полуострове Мендаркин (северовосточный берег оз. Сунгуль) на базе дома отдыха НКВД создан санаторий, позднее – лаборатория «Б». Место расположения озера – юго-восточная окраина пос. Вишневогорск, Каслинского района Челябинской области. См.: Т.6. – С.342

[49] Научная работа велась в 2 - отделах лаборатории, сформировавшихся к 1948 г.: биофизическом (зав. Н.В.Тимофеев-Ресовский) и радиохимическом (С.А.Вознесенский). Общее количество сотрудников достигало 450. Здесь работали советские специалисты (заклученные и вольнонаемные), иностранные (в основном немцы, интернированные из Германии, а также военнопленные) и спецпоселенцы (поволжские немцы), направленные через трест «Челябметаллургстрой». В группу ведущих научных сотрудников входили работавшие по контрактам немцы (15 чел.) и репрессированные (15 чел.): В.Л.Анохин, Г.И.Борн, Н.В.Горбатюк, А.З.Кач, Н.В.Лучник, В.Г.Мартур, Г.Э.Ортман, В.С.Перов, Н.В.Риль, Д.И.Семенов, С.Р.Царапки, К.Г.Циммер (Болгария), И.П.Шинтльмейстер (Австрия) и др. См.: Энциклопедия Челябинской области. – Т.3.- С.657

[50] Там же. – Оп.2.-Д.43.-Л.90; Д.44.-Л.63; Система ИТЛ в СССР, С.449.

[51] Там же. – Оп.1.-Д.39а.-Л.126-128; Оп.2.-Д.45.-Л.13; Д.43.-Л.67.

[52] Там же. – Оп.2.-Д.44.-Л.86; Оп.1.-Д.39б.-Л.132-133.

[53] Там же. – Оп.2.-Д.44.-Л.92.

[54] Система ИТЛ в СССР, С.449

[55] Там же. – Оп.2.-Д.44.-Л.84,66,83,89 Д.43.-Л.78, 83.

[56] Система ИТЛ в СССР, С.507; ОГАЧО. Там же. Оп.2.-Д.50.-Л.63-64.

[57] Там же. – Оп.1.-Д.52.-Л.3-8.

[58] Система ИТЛ в СССР, С.276.

[59] Там же. – Оп. 1.- Д.52, Л.6-7.

[60] Система ИТЛ в СССР, С.368-369

Надежда Алексеева (Краснодар)

«ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ...»

Я познакомилась с ним год назад, и он произвел на меня огромное впечатление: высок, импозантен, грамотен, интеллигентен. В нем чувствовалась скрытая сила, уверенность в себе и спокойствие. И еще – его готовность помочь, ни о чем не спрашивая.

Мы договорились встретиться у него дома. Без предисловий он начал свой рассказ:

«Я, Штаер Леонтий Иванович, родился 5 декабря 1935 г. в поселке Валентиновка Семиозерного района Кустанайской области Казахской ССР, в простой немецкой семье. Мой отец, Штаер Иван Лаврентьевич, 1897 года рождения, был печником и проживал вместе с семьей: женой Розой Францевной, 1899 года рождения, домохозяйкой, и 3 детьми в г. Берды-Булат Крымской АССР. В 1933 году по неизвестным мне обстоятельствам семья моих родителей оказалась в Кустанайской области. Моя семья уезжала в спешке, без документов, поэтому в Крыму были вынуждены остаться у чужих людей 2 дочери - Роза и Ида, они заканчивали 8 и 9 класс. И только через семь месяцев семья могла воссоединиться.

Позже мне отец рассказал, что он вынужден был уехать, так как в стране проходили бесчинства: грабили, убивали национальные меньшинства. Возможно, положение, сложившееся в ту пору в Крыму, вынудило мою семью покинуть его в поисках спокойствия и возможности накормить семью. В 1937 г. наша семья приехала в совхоз «Комсомольский» Джетыгаринского района Кустанайской области.

Весной 1942 г. отца забрали в трудовую армию, и до конца 1947 г. он находился в г. Челябинске, в знаменитом «Бакалстрое».

В августе 1943г., поскольку мои сестры работали учителями, а школа, где они работали, крайне нуждалась в канцтоварах, они добились в спецкомендатуре разрешения на поездку моей матери в г. Челябинск за этими товарами. В эту поездку мать взяла с собой и меня. Как я помню, моя мать с трудом добилась разрешения на свидание (10-15 минут) с отцом. Свидания проходили на лужайке на территории лагеря. Отца вывели двое конвоиных, и я его не узнал. Выглядел он крайне изможденно. Мать привезла продукты, но прежде чем отдать их, конвоиры штыком перерезали хлеб и сыр для проверки. Чтобы увеличить время свидания, мать давала что-нибудь из продуктов конвоирам: они тоже питались плохо. Отец очень ослаб, и когда он после встречи попытался поднять котомку с продуктами, которые привезла моя мать, то чуть не упал от тяжести примерно в 20-25 кг. Благодаря помощи конвоира, он с этой «тяжелой» ношей справился. Этот страшный эпизод до сих пор стоит у меня перед глазами. Это был самый

настоящий концлагерь: высоченный забор, колючая проволока, вышки для конвоиров, собаки и т.д. Кто содержался в таких условиях и почему? Со слов отца, в этой зоне содержалось несколько десятков тысяч мужчин-немцев, которые сотнями умирали ежедневно от голода и холода. Это была настоящая зона для заключенных».

В глазах Льва Ивановича блеснули слезы, и он на время умолк, как бы собираясь с силами...

«Вскоре в трудовую армию забрали моего 17-летнего брата Антона и отправили его в г. Караганду. Условия в лагере в то время были уже более человечными, «трудоармейцы» имели свободный выход и могли отовариваться в ларьке. Где-то в конце 1943 г. отца перевели в г. Кыштым на объект «Кыштым-60». Как я теперь догадываюсь, наверное, на строительство атомного объекта, известного сегодня всему миру в связи с произошедшей там в 50-х годах трагедией.

В марте 1947г. по ходатайству Карагандинской спецкомендатуры перед спецкомендатурой Кустанайской области брат Антон перевез меня и мать в г. Караганду. А в июне 1947 г. с нами воссоединился, вернувшись из трудовой армии, отец. Не знаю, в силу каких причин, но отец из трудовой армии вернулся на два года позже других. Он рассказал, что строил печи-камины для офицеров.

Казалось бы, война закончилась, семья вместе, но унижения не закончились. В школе детей немецкой национальности называли «фашистами», сверстники сторонились их. Факты, ограничения в правах я, будучи мальчишкой, а потом юношей, на себе испытывал неоднократно. Помню, как в 1949 г., летом, брат Антон отвез меня в пригородный пионерский лагерь (15-20 км от г. Караганды), принадлежавший предприятию, на котором он работал. В связи с этим на отметку в спецкомендатуру, в которой я отмечался каждые 10 дней, я в положенный срок не явился. Органы всполюшили и заставили брата вернуть меня, мальчика с красным галстуком на шее, из лагеря домой и при очередной отметке грозили за самоуправство посадить в карцер. Почему, за что?! Отмечались все члены нашей семьи каждые 10 дней в спецкомендатуре до 1953-1954 гг. В 1953 г. я закончил 10 классов и попытался сдать документы в Карагандинский медицинский институт, но их там просто-напросто не приняли, поскольку доступ к высшему образованию немцам, ингушам,

балкарцам, чеченцам, калмыкам и крымским татарам был закрыт. И только в 1955-1956 гг., после снятия с репрессированных народов всех ограничений, я поступил в Карагандинский государственный медицинский институт. Тем не менее мы должны были отмечаться в спецкомендатуре еще до 1958 года».

Несмотря на то, что, в общем-то, жизнь удалась, этот период не остался бесследным и многие годы омрачал жизнь. Лев Иванович, как и все советские граждане определенного возраста, был пионером, комсомольцем. Но вот в коммунистическую партию не стал вступать. Хотя и была опасность потери рабочего места. Еще учась в институте, он встретил

свою судьбу. Рая училась в том же институте, и после 3-го курса они стали мужем и женой. Молодая семья, как водится, поехала по распределению в село и начала свою профессиональную деятельность. Лев Иванович сразу занял кресло главного врача, с которым не расстанется потом всю жизнь. Сказать, что семья голодала, было нельзя: был выстроен большой дом, была корова, куры. Немцы вообще отличались работоспособностью, стремлением улучшить свое благосостояние. Дома всегда была вкусная еда. Особенно популярны среди немцев были штрудель, шупфнудель, тампфнудель (пампушки)...

Partner-Nord №74 4/2009

СЕЛО ЖДАНОВКА

Село Ждановка находится в 100 километрах севернее Оренбурга. Основные села Девка и Романовка основаны в 1894 году, а после Великой Отечественной войны объединены в Ждановку. Официальные названия немецкие села не имели. Они назывались Деевскими, то Оренбургскими поселениями. А после русские называли немецкие поселения «Деевский участок».

20 марта 1942 года из 14 немецких деревень забрали в трудармию 432 человека мужского пола и их отправили в г. Коркино, Челябинской области.

Анатолий Джапаков

КАК ИСЧЕЗАЛИ ИМЕНА

У каждого времени есть свои герои, свои жертвы и свои судьи. Но мятежный Октябрь пронесся мимо исторической логики, ввергнув огромную страну в трагический хаос, в котором даже судьи оказывались жертвами. Самые верноподданные обретали своих палачей. И с опытом все более совершенствовалась эта, по сути, античеловеческая система.

Во всем этом виделась еще и обреченность искусственно созданного плана общего благоденствия.

Об одной характерной судьбе пламенного коммуниста, победно стоявшего у руля верховной власти, с точностью документа рассказывает уральский журналист Анатолий Джапаков.

Эммануил Ионович Квиринг был расстрелян в 1937 году, после чего, казалось, был забыт напрочь. Его книги, брошюры, газетные и журнальные публикации были изъяты из библиотек и архивов (частью перешли в закрытые секретные фонды, частью были уничтожены). Его имя было вымарано прежде всего из учебников, изъято даже из картотек отделов кадров организаций, в которых он работал. Человек фактически исчез.

Его жизнь оборвалась в 49 лет. Его сын, Виктор Эммануилович Квиринг, потратил три десятка лет, чтобы узнать всю правду об отце. Сам Виктор жил на Урале, сначала в Челябинске, потом в Свердловске до конца жизни. Умер в 1988 году.

Он вел переписку со многими десятками

людей, хорошо знавших его отца лично. Во время отпусков и командировок он по возможности проводил время в архивах Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Киева, Алматы...

Виктор проделал безо всяких преувеличений титаническую работу. Он был инженером, высококлассным специалистом по монтажу автоматизированных систем. Однако в своем архивном поиске проявил себя упорным и предприимчивым исследователем. В результате был собран материал, составивший около 20 томов, частью напечатанных на машинке, частью мелким почерком написанных от руки. Фонд этот ныне хранится в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

Золотым весенним челябинским вечером 1946 года боец 5-й саперной трудовой армии Виктор Квириг выпрыгнул из клуба, как индеец из зарослей. Постоял, обвел глазами омерзевший за годы заключения ландшафт и решил: «В казарму не пойду — черт с ними, с вещами. В столовую не пойду — черт с ним, с ужином. Домой!» И быстро двинулся в сторону соцгорода, где на улице Пожарской, в доме 12, в маленькой двенадцатиметровой комнатке жила его семья — жена и мать.

Он был счастлив. Только что ему объявили, что он больше не трудармеец, а спецпоселенец. Трудовые армии придумал еще Троцкий, а его заклятый личный враг Сталин с успехом их применил на ударных участках социалистического строительства.

С присущей ему непреклонной последовательностью вождь всех народов довел идею своего поверженного врага до воплощения в таких формах, о которых тот и не помышлял. «Служба» в трудармии мало чем отличалась от обычных лагерей, подведомственных ГУЛАГу. Виктор Квириг «прослужил» там больше четырех лет.

О необходимости создания спецпоселений в 1930 году в своей брошюре «Задачи построения социализма в СССР» писал его отец Эммануил Ионович. Он тогда был директором экономического Института красной профессуры, с 1934 года стал доктором экономических наук.

«Сейчас, на 13 году пролетарской революции, человеческий материал состоит из следующих групп: 1) рабочие, 2) служащие, 3) колхозники, 4) единоличники, 5) кулаки, 6) кустари-ремесленники, мелкие торговцы, 7) нэпманы, — педаантично перечислял автор брошюры. — Из всей этой массы 10—15 % нужно отнести к кулакам, нэпманам, всяким бывшим людям, буржуазным интеллигентам и т. п. Эти люди будут содержаться в районах ограниченных прав».

Виктор Квириг, будучи спецпоселенцем, обязан был раз в месяц отмечаться в спецкомендатуре, ему запрещалось выходить за зону проживания и работы, т. е. за пределы «района ограниченных прав». За нарушение полагалось 20 лет каторги. Спецпоселение объявлялось бессрочным, до особого распоряжения. По сравнению с трудармией это семечки. Главное — можно было ходить по улицам не в строю, общаться, жить дома, а не в казарме.

Как вполне законопослушный, благополучный инженер, выпускник Московского института связи оказался в таких условиях? Он разделил участь многих своих сверстников. После ареста октябрьской ночью отца через месяц приговорили к десяти годам лишения свободы без права переписки. Сына тут же выслали из Москвы в Киргизию. Там в 1942 году призвали в армию, но сражаться на фронте не доверили по двум причинам: отец — «враг народа», к тому же немец. Такому дорога в

трудармию.

На строительстве Челябинского металлургического завода Виктор, будучи инженером-связистом, начал с землекопа, потом был учетчиком, маляром, бригадиром, кровельщиком. Наконец, пора случайного заработка миновала. Можно было теперь устроиться по специальности. И вскоре он уже главный инженер, заместитель начальника конторы связи треста «Челябметаллургстрой». Его считали счастливчиком. И впрямь: освободился, есть, где жить. Жена его — работник ЖКХ, приехала из Фрунзе, чтобы быть близко. Сразу получила комнатку. Сюда же из Саратовской области приехала и мать. В 1948-м родился сын, и появилась однокомнатная квартира, через два года ее удалось обменять на двухкомнатную. Не каждому и из «вольных» такая удача!

Но... статус спецпоселенца. Слово «немец» считалось тогда почти бранным. Им кололи глаза, при случае и без него, просто так, походя. В системе связи на многие объекты требовались допуски, у Виктора их, конечно, не было. Связь связана с секретностью.

Запомнился один эпизод. Виктор работал тогда монтажником контрольно-измерительных приборов и средств автоматизации, старшим прорабом участка треста «Проектмонтажприбор». Его с бригадой отправили на строительство знаменитой Магнитки. Туда же приехал начальник участка Н. В. Гудков. Первый начальник, который ни разу не попрекнул прораба его статусом спецпоселенца. Более того, они стали друзьями. И вот тут в пылу спора Гудков вдруг крикнул: «Не немцу здесь решать!» У Виктора потемнело в глазах. Потом он только смутно мог вспомнить, как схватил табурет, бросил его в Гудкова. Не попал, к счастью. Табурет ударился в стену, рассыпался. Никто не видел. Гудков же ни словом потом об этом случае не обмолвился. Но Виктор, обдумав все, через несколько дней подал заявление об увольнении. Гудков отставку не принял, и вскоре они продолжали работать как прежде. Всё по-мужски: без извинений и объяснений.

Нервы были уже ни к черту, а ведь ему было всего 38. Пошел к врачу. Та ахнула: «До чего вы себя довели! Вас в мединституте студентам надо показывать, чтобы кости скелета изучали. Немедленно на курорт». От такой наивности он засмеялся: «Какой курорт! Я спецпоселенец, немец!» Та не сдалась: «Будем лечиться уколами. И не психуйте по пустякам. Ешьте больше!»

И стал он поправляться. Но тут опять обрушились на него несчастья. Сначала умер ребенок. Потом — случай со смертельным исходом на его участке. Первый вопрос следователя:

— И долго вы, немцы, будете убивать советских людей?

Сумел пересилить себя, ответил спокойно: «

— Вам хорошо известно, что я никогда никого не убивал.

Техническая экспертиза установила: причина смерти единственная — неосторожность погибшего. Следствие закончилось оправданием, о чем следователь ему сообщил, не скрывая сожаления. Следом погибли ещё двое. Но сразу стало ясно — были виноваты сами. С третьим происшествием было хуже. Перемерзло колено трубы, его стали отогревать сваркой, что запрещено. Виктора в этот момент не было рядом. Труба раскалилась, взорвалась, и осколками сварщику сильно повредило глаза.

Опять следствие, опять тот же вопрос... Но тут вышел указ об амнистии по ряду статей, и его случай как раз подошел под одну из них. Дело прекратили.

В 1954 году по всей стране ликвидируются спецпоселения. Теперь есть обычные полноправные советские граждане. 8 октября 1954 года Виктор получил паспорт. Можно жить, как хочешь, не надо являться ежемесячно в комендатуру, где каждый раз приходится терпеть idiotские придирки коменданта, грубые окрики, оскорбления.

Они с женой сразу взяли отпуск (для Виктора — первый за 12 лет) и поехали в Москву. Там у Виктора было дело, которое стало смыслом всей его жизни, — поиск отца.

Основатели старинного немецкого крестьянского рода Квиринов и последующие поколения принадлежали к христианской секте менонитов. Основополагающий принцип их вероучения звучал так: «Обязанность верных — претерпевать гонения, не прибегая к мечу». До середины XVIII века они благополучно жили в Пруссии, где феодалы, уважая их покорность и исключительное трудолюбие, заодно уважали и их принципы. Но чрезмерно амбициозный Фридрих II стал гнать их на войну. И тогда они переселились в Россию, в Поволжье, где получили земли и обещание не принуждать их братья за меч. Первым отступником от веры предков стал отец Эммануила и дед Виктора — Иона Ионович. Он женился на лютеранке. Крестьянствовать он тоже не мог по слабости здоровья и стал волостным писарем.

А сын взялся за меч — стал революционером. В 1912-м вступил в партию — в 24 года стал большевиком. Избирался депутатом Государственной Думы, состоял в большевистской фракции под председательством Г. И. Петровского. Всего же во фракции было шесть депутатов. А во всех учебниках числится депутатов-большевиков только пять. Они пофамильно хорошо известны. Отсутствует имя Квиринов и у Ленина. Только в Большой советской энциклопедии упомянут этот революционер в составе фракции.

После роспуска Думы Петровский направил Квиринов в свой родной город — Екатеринослав. В 1926-м именно в честь Петровского он был переименован в Днепропетровск.

Однако активная деятельность Квиринов местным властям не понравилась. И вот... он

оказался в Иркутской губернии. Ссылка! Сюда же, по традиции декабристов, добровольно приехала жена Евдокия Емельяновна с детьми. Один сын от первого брака, второй, маленький Витя, сын Эммануила Ионовича.

А тут — Февральская революция. Помощник исправника уезда объявил себя комиссаром Временного правительства и взялся агитировать за войну до победного конца. В этот уезд входило село Малышевка, в котором жили ссыльные. Теперь они могли уезжать, старшим группы выбрали Квиринов. Ехали торжественно, всюду их встречали оркестрами и митингами.

Заехали в Поволжье к родителям Эммануила. Здесь и осталась жена с детьми. Глава семейства отправился в Санкт-Петербург и там первым делом явился в редакцию «Правды». Он встретился с давними друзьями — М. С. Ольминским, К. Е. Еремеевым, В. В. Шмидтом... Отсюда вчерашнего ссыльного направили опять в Екатеринослав, где тогда большим влиянием пользовались меньшевики. Квиринов встретили как родного, он сразу возглавил городскую парторганизацию. Тут он и познакомился с Серафимой Гопнер — женщиной, позже сыгравшей немалую роль в его жизни. Она — большевичка с 1903 года. Жила в эмиграции, где встречалась с Лениным, Крупской и другими партийцами. В Екатеринославе, несмотря на сильное противодействие меньшевиков, ее выбрали в городской Совет рабочих и солдатских депутатов.

Приезд Квиринов сразу оживил большевистскую работу. Губернский съезд Советов прошел под большевистскими лозунгами. Все это, однако, мало что значило, ибо официальная власть была все-таки у администрации, назначенной Центральной Радой Украины. По предложению Квиринов было решено готовить вооруженное восстание.

Из Тулы прислали десять тысяч винтовок и десять миллионов патронов. В Екатеринослав направились два бронепоезда. В ночь восстания Квиринов с группой товарищей действовал в казармах пулеметного полка, и полк был нейтрализован. Упорное сопротивление оказали гайдамаки. Но их все-таки заставили уйти из города. Власть перешла к большевикам.

А тут — Брестский мир. К городу двинулись немцы, оставив действующее подполье, большевики эвакуировались. Квиринов и Гопнер уезжали в последней группе, когда кругом уже хозяйничали немцы.

Может показаться, что я пересказываю общеизвестные революционные события на Украине. Увы, нет! И события, и активное участие в них Квиринов — все было стерто со страниц истории.

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, кайзер был свергнут. Австро-германские войска, занимавшие Украину, потребовали от командования, чтобы их вернули на родину. Большевики уже мостили дорогу в Германию. В Харьков из Курска выехала солидная немецкая «супружеская» пара. Роль

супруга играл Квириг, а супругу изображала его товарищ по партии Е. Блюменфельд. Они везли с собой несколько слегка потертых, но очень внушительно выглядящих немецких чемоданов. Доехали благополучно, хотя Квириг, за последние дни и ночи вымотанный донельзя, всю дорогу беспробудно спал, что не соответствовало его роли преуспевающего буржуа.

На вокзале их встретили немецкие офицеры, отвезли в лучшую гостиницу, где они и жили под надежной охраной. Они приехали покупать у немцев оружие для харьковских рабочих. Почему-то с «красных» потребовали уплату уже вышедшими из обращения екатерининскими ассигнациями. Их и везли «супруги» в чемоданах.

Торговались на полном серьезе и долго. Переговоры закончились успешно, что и отпраздновали, как положено, роскошным банкетом — с речами и музыкой. По ресторану разгуливали белые и гайдамацкие офицеры и

бросали реплики:

— Вот как немцы продают нас большевикам.

Не таким уж, значит, непроницаемым оказалось инкогнито «торговцев». Но как бы там ни было, а миссию свою Квириг выполнил. Немцы получили пуды никому не нужных бумажек, рабочие — оружие, необходимое им позарез.

Вечером 31 декабря 1918 года началось восстание. Немцы держали нейтралитет. В разгар уличных боев в город вошли части Красной Армии. Вслед за ними из Курска приехали ЦК КП(б)У и Совнарком Украины. Харьков был объявлен «красной» столицей Украины.

А впереди еще были сражения. Были денкиницы, врангелевцы, поляки. Города переходили из рук в руки. И только к 1921 году наступило относительное затишье. Во всех этих событиях, занимая разные должности, активно участвовал Квириг.

2

Незадолго до получения паспорта Виктору Эммануиловичу пришла неожиданная телеграмма от Серафимы Ильиничны Гопнер: «Виктор, если у Вас есть возможность использовать отпуск для приезда в Москву, приезжайте возможно быстрее». Он сразу понял, что скрыто за этими словами. Отец!

Гопнер — давняя соратница Квириг-старшего, несколько лет была его второй женой. Они и после развода остались добрыми друзьями, единомышленниками по партии.

Виктор начал разыскивать следы отца сразу после смерти Сталина в 1953-м. Срок, определенный приговором, — десять лет — давно прошел. В 1953-м отцу было бы всего 65 лет. Может, он жив? Гопнер тоже на это надеялась. Тогда еще не знали, что «десять лет без права переписки» означало расстрел. Серафима Ильинична тоже пыталась разыскать дорогого ее сердцу человека.

Через пару месяцев после смерти Сталина Виктор решил написать письмо самому Берии. Это был поступок! Немец-спецпоселенец хочет узнать о судьбе «врага народа». Пока ехал на вокзал, решил забросить письмо в почтовый вагон, чтобы в местном отделении связи не прочитали.

Вскоре Виктор получает вызов в Челябинское областное управление внутренних дел. И он, и семья понимали, что оттуда можно и не вернуться. На всякий случай попрощались.

Виктор описывает, как он стоял у окошка бюро пропусков, куда отдал вызов. Видел в окошко только объемистый рыхлый живот. Живот начальственным басом сказал:

— О Квириге в МВД никаких сведений нет.

И окно захлопнулось.

После расстрела Берии Виктор писал Председателю Верховного Совета СССР Вороши-

лову, начальнику Центрального управления лагерей Круглову, в Генеральную прокуратуру СССР... И опять несколько вызовов в облуправление, и опять тот же ответ.

В начале 1954-го произошла знаменательная встреча с последней женой отца — Сапиро, племянницей Гопнер. Раиса Владимировна, хотя и не взяла фамилию мужа, но тоже была осуждена на десять лет как ЧСИР (член семьи изменника Родины). Ей повезло — отсидела всего восемь лет. И вдвойне повезло — ни разу не была на общих работах. Высококвалифицированный детский врач, она наблюдала и лечила детей офицеров охраны. Телеграмма Виктору с просьбой прийти к поезду «Москва — Караганда» — первая весточка от нее за много лет. Освободившись, она устроилась в Караганде, в Москву ездила на конференцию детских врачей.

И вот они ходят по перрону, разговаривают. Виктора поразило, что она все время, как плохой шпион, оглядывается, на всех бросает подозрительные взгляды. Говорит едва слышно, вполголоса:

— Перестань писать, Виктор. В Москве слухи, что сейчас начнется расправа над теми, кто хочет знать правду о репрессиях... Ты думаешь, со смертью Сталина все кончилось? Нет, нас ждет новый круг ада. Это никогда не кончится...

И вот встреча с Серафимой Ильиничной. Постарела, но по-прежнему энергична, говорит все тем же митинговым тоном. Всегда такой была — несгибаемым коммунистом. Рыцарь революции без страха и упрека.

— Сантименты потом. Эммануила надо найти. Знаю, ты искал, — бросает она скупые фразы, — будем действовать вместе. Я приложу свое письмо к твоему. «Старик» (Г. М. Кржижановский) тоже будет ходатайствовать. Жив

Петровский — присоединится. Мы разобьем эту стену, воздвигнутую врагами партии!

Позвонила Кржижановскому, и Виктор отправился к нему. «Старик» никогда «стальным» не был. Интеллигентный, мягкий, добродушный академик.

— Что Квиринга арестовали — это так же нелепо, как то, что не арестовали меня, — сказал он, будто извиняясь за то, что его минула участь сия.

Кржижановский написал ходатайство. Там были такие строки: «Лучшего помощника по работе в Госплане у меня не было. Дали бы нам вместе поработать дальше...», «Многолетнее сотрудничество со мною Э. И. Квиринга оставило во мне самые благородные воспоминания». Именно так — «благородные»! Написал на официальном бланке. Там значилось: «Академия наук СССР. Директор энергетического института им. Г. М. Кржижановского». Внизу текста ходатайства подпись — Г. М. Кржижановский.

Потом опять хождения по многочисленным инстанциям. Всюду надо было отстаивать длинные очереди. И всюду — отказ в приеме заявления и приложенных к нему ходатайств. Наконец в приемной Генеральной прокуратуры СССР заявление приняли. Через Гопнер удалось добиться встречи с заведующим приемной Верховного Суда СССР Григорчуком. Он сказал:

— Не положено, но в виде исключения, неофициально... Ваш отец умер в заключении 13 мая 1939 года.

Умер... Несгибаемая Серафима Ильинична потребовала от Виктора начать борьбу за реабилитацию отца.

— Ты сын! — произнесла, как обычно, с напором, твердо глядя ему в глаза.

Слово «реабилитация» он тогда услышал впервые.

В ЦК КПСС реабилитацией занимался секретарь ЦК Н. Н. Шаталин. Он передал дело Э. И. Квиринга в нужные инстанции.

Отпуск Виктора закончился. Потом — долгое ожидание хоть какого-нибудь ответа. И опять переписка. С инстанциями, с Гопнер, с Кржижановским. Ответы из Генеральной и Главной военной прокуратур СССР: «Ваша жалоба проверяется. Результаты будут сообщены дополнительно». Один за другим такие ответы приходили с 1954-го по 1956-й годы. Менялись только фамилии и должности в подписях.

В мае 1955 года Виктор был в Москве в командировке. Ему удалось проникнуть в приемную Главной военной прокуратуры СССР. Работник ее, Г. П. Скреметов, был настроен благодушно:

— Лично я уверен в невиновности вашего отца. Но дело очень сложное и запутанное. Он много на себя наговорил. И его оговорили... около 40 человек.

Тогда же Виктор встретился с Петровским. Большевик старой ленинской гвардии, бывший «всеукраинский староста», чудом избежавший превращения в «лагерную пыль», чего не из-

бежали его сыновья и некоторые родственники, работал заместителем директора Музея революции СССР по хозяйственной части. Он встретил Квиринга и Гопнер у входа. Взглянув на Виктора, чуть покачнулся:

— Ты... Вы... Как...

— Это сын, — резко бросила Гопнер.

Григорий Иванович улыбнулся потерянно:

— Как похож... Мне даже на секунду показалось...

Махнул рукой и повел их к себе в кабинет под лестницей, похожий на нишу, в каких обычно уборщицы хранят швабры, ведра и прочие атрибуты своего ремесла. Там стояли небольшой письменный стол и рядом два стула.

Григорий Иванович уже отправил свое ходатайство, встречался с тем же Скреметовым. Вспомнил, как его однажды вызвали к Сталину, в кабинете которого была проведена очная ставка с С. В. Косиором, членом Политбюро ЦК КПСС.

— Косиор был совсем не похож на себя, какой-то заторможенный, — вспоминал Петровский, — одурманенный будто. Говорил коротко, со всем соглашался. «Станислав, опомнись, что ты несешь?!» — не выдержал я. «Ничего, надо будет — и ты так скажешь», — спокойно ответил он. А Сталин глянул на меня и так медленно, зловеще: «И ты такой же».

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, где, как известно, Хрущев яростно разоблачал сталинские злодеяния. Третьего марта пришла телеграмма от Гопнер: «Решение положительное целую письмом подробности». Это «целую», первое за всю историю взаимоотношений с ней, многое ему сказало. А 27 марта пришло сообщение из Главной военной прокуратуры СССР о прекращении дела Э. И. Квиринга «за отсутствием состава преступления».

Надо думать, что решение в прокуратуре было принято уже давно. Не объявляли о нем потому, что не знали, куда в дальнейшем повернет «дышло» закона. XX съезд показал, куда, теперь можно было решение и обнародовать.

Петровский в письме с поздравлениями посоветовал с просьбой о восстановлении отца в партии обратиться к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. М. Швернику, который, кстати, лично знал Квиринга. И он был восстановлен. В августе 1956 года приняли в партию и Виктора. Еще бы не принять! Его рекомендовали Гопнер, Кржижановский, Петровский.

Узнав о реабилитации, последняя жена Квиринга Раиса Владимировна Сапиро примчалась в Москву хлопотать... о наследстве. Правильно, раз коммунист чист перед законом, конфискованное должно быть возвращено. Понадобилась справка о смерти. И Сапиро обратилась к Виктору. Он ни на какое наследство не претендовал, но обстоятельства смерти отца выяснить посчитал своим долгом.

После многотрудных хлопот, не раз за-

ходивших в тупик, Виктор получил справку, что его отец умер 13 мая 1939 года от рака печени. Место смерти — Челябинск, Металлургический район. Это уже звучало издавательством — не было в 1939 году в Челябинске такого района.

После XXII съезда партии, громко и открыто всему миру рассказавшего о преступлениях Сталина, Виктор написал письмо председателю КГБ СССР А. Н. Шелепину. Ответ получил в областном управлении КГБ: Эммануил Ионович Квиринг был расстрелян 25 ноября 1937 года сразу после вынесения приговора. Но ответ этот был дан устно, в разговоре с работником

КГБ, а Виктор хотел иметь документ. Значит, опять письма. И вот в июне 1962 года из ЗАГСа Бауманского района Москвы пришло настоящее свидетельство о смерти. В графе «место» — Бауманский район, «причина смерти» — прочерк. Даже спустя почти год после XXII съезда КПСС власти «стеснялись» признать, что в 1937 году людей ни за что расстреливали, а не сами они умирали от болезней.

Вот тогда-то и дал себе слово Виктор Квиринг, что он потратит на восстановление всей правды об отце столько сил и времени, сколько на это потребуется.

3

После заключения мирного договора с Польшей Эммануил Квиринг сам изъявил желание работать в Донбассе. На переговорах он представлял Украину и ВСНХ РСФСР. В одном из писем он сказал: «...я хочу на хозяйственную работу и при этом именно в первичную клетку, чтобы снизу вверх просмотреть хозяйственную машину. Надо найти мельчайшие винтики распада — только таким образом можно завинтить расшатавшиеся».

В 1921 году его направляют в Донбасс первым секретарем Донецкого губкома партии. Центром губернии тогда был городок Бахмут (ныне Артемовск) — пыльное, грязное местечко, совсем лишенное зелени. Раньше здесь промышляли солеварением, тяжелые пары от этого производства надолго застоялись в воздухе.

В первую же ночь после приезда Квиринга загорелось здание губкома. Его еле удалось отстоять — подняли по тревоге ЧОН (части особого назначения), коммунистов. Эммануил воспринял это как угрозу ему лично. И был прав.

Округа кишела бандами, в городе — разбои и грабежи. Местные жители были так запуганы, что, когда горел губком, никто из дома и носа не высунул.

Но стране нужен был уголь. Без угля нет металла. Ленин писал тогда, что без скорейшего освоения Донбасса немыслимо строить социализм. Квиринг оказался на ключевом посту.

Второй важный пост в регионе занял Г. Л. Пятаков (расстрелян в 1937 году) — председатель Центрального правления каменноугольной промышленности (ЦККП), тот самый, о котором Ленин позже писал в своем «Письме к съезду»: «...человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе...» Между ним и Квирингом сразу возникли серьезные разногласия. Впрочем, были они и раньше. Оба работали на Украине во время Гражданской войны и сталкивались постоянно. В 1921 году Пятаков

входил во внутрипартийную фракцию так называемых «левых», потом их стали называть «троцкистами».

Квиринг утверждал, что, раз война кончилась, то изжила себя и практика милитаризации труда, трудовая повинность. Пятаков вслед за Троцким настаивал на создании трудовых армий на участках промышленности, армий, где налажена железная воинская дисциплина, малейшее нарушение которой влекло бы за собой суровую кару.

Пятаков требовал направлять все средства и ресурсы только на крупные шахты, а все остальные забросить. А Квиринг заботился и о развитии средних, мелких шахт. На VI конференции КП(б)У и взгляды, и практическая работа Пятакова были подвергнуты резкой критике. Конфликт был отнюдь не локальный. По сути, «левые» сопротивлялись НЭПу. На Украину приехал Серго Орджоникидзе. Вернувшись в Москву, он писал в ЦК: «Пятаков и его окружение действовали недопустимыми методами и вели неправильную политику. Пятаков и группа вокруг него — троцкисты — игнорируют руководство партийной организации Украины, пытаются подмять и полностью подчинить своему влиянию местные партийные организации».

В результате Пятакова отозвали в Москву, его место занял В. Я. Чубарь, будущий член Политбюро ЦК ВКП(б) (расстрелян в 1938 году). С его приходом дела значительно поправились. Однако Пятаков ушел, а его окружение осталось. Все годы работы на Украине Квиринг постоянно сталкивался с жестким сопротивлением. Обвинения сыпались на него со всех сторон, пока ЦК ВКП(б) не прислал в Политбюро ЦККП(б)У указание во всем поддерживать Квиринга.

В 1921—1922 гг. в партии шли острые дискуссии о государственном строительстве. Сталин, на словах отказавшийся от своего проекта автономизации советских республик, на деле не собирался отступать от идеи создания жестко централизованного государства, в котором республики были бы лишены какой-либо самостоятельности. Эту идею он потом и воплотил в реальность. Именно в таком го-

сударстве мы и жили вплоть до начала 1990-х. Именно сталинскому воплощению этой идеи мы во многом обязаны исторической драмой распада СССР.

Квиринг держался ленинской позиции — союз равноправных республик с правом каждой из них на самоопределение. Сталину, давно и лично знавшему Квиринга, это не могло понравиться.

Прямое столкновение произошло, когда Эммануил Ионович был уже Генеральным секретарем Политбюро ЦК КП(б)У (1923—1925 гг.). Секретариат ЦК ВКП(б) рекомендовал первого секретаря Киевского губкома партии выбрать из двух предложенных им кандидатур. Квиринг написал Сталину и его заместителю в секретариате В. М. Молотову, что киевские коммунисты хотят видеть в этой должности П. П. Постышева, будущего кандидата в члены Политбюро ЦК (расстрелян в 1938 году). Он и был избран. Фактический распределитель партийных кадров, Сталин этого простить не мог.

В своих записках Виктор пересказывает личный разговор Квиринга со Сталиным, к сожалению, не указывая источник, из которого этот эпизод ему стал известен. Скорее всего, автору записок рассказал об этом кто-то из старых большевиков. Разговор состоялся после того, как партийной верхушке стала известна характеристика, которую Ленин в «Письме к съезду» дал Сталину. Квиринг говорил о том, что Троцкого и его приверженцев из партии надо гнать, с чем его собеседник был полностью согласен. Но потом Квиринг сказал, что на место Троцкого лучше всего подошел бы Сталин, имеющий богатый военный опыт, а пост генсека надо бы передать кому-то другому. То же самое Квиринг говорил Г. Е. Зиновьеву, и тот был с этим тоже согласен. Тут Сталин промолчал, уже тогда одних «военных вопросов» ему было мало, тем более что полководец он был «никакой». Но разговор этот запомнил — он вообще, как известно, отличался выдающейся памятью.

На заседании Политбюро ЦК КП(б)У весной 1925 года Квиринг был освобожден от обязанностей генсека по «его просьбе». Прямых свидетельств нет, но тут сквозь прозрачную завесу умолчания отчетливо просвечивает воля Сталина.

Внешне, впрочем, ничего особенного не произошло. Квиринг всегда стремился на хозяйственную работу, подальше от внутрипартийных дразг. Вот его и переводят заместителем председателя ВСНХ СССР. Потом он занимал многие должности в высшем эшелоне хозяйственного аппарата партии. Успешно работал заместителем председателя Госплана СССР вместе с Кржижановским. Был и просто замом, и первым замом. Они быстро сдружились, разделяли взгляды на задачи и стратегию развития экономики, на принципы государственного планирования.

Квиринг писал тогда, что основа планирования должна состоять из инициативы местных

республиканских трестов и должна быть согласована с потребностями страны в общем плане развития промышленности. Это шло вразрез с политикой и практикой ЦК, не считающегося ни с инициативой на местах, ни с наличными ресурсами. Решениям ЦК приходилось порой не без борьбы, но подчиняться.

Кржижановский и Квиринг много сил потратили на разработку стратегического плана развития народного хозяйства на 15 лет вперед. Некоторые разделы этого плана использовались позже несколько десятилетий, хотя проект не был принят.

В 1932 году Квиринг, наряду с работой в Госплане, возглавил Экономический институт красной профессуры (затем Институт экономики коммунистической академии, после чего Институт экономики АН СССР). В эти годы он написал много работ по экономической теории, часто выступал с лекциями, редактировал различные издания по вопросам экономики. Все это замалчивалось, потом было и вовсе забыто. Но вот в 1970-х Виктор обнаружил курсовую работу тогда еще студента МГУ Л. Я. Гервица «Проблемы планирования в трудах Э. И. Квиринга». В ней автор утверждал: «Идеи кажутся весьма интересными, весьма правильными и весьма поучительными для наших дней. Большинство проблем, поставленных Квирингом, в некоторой степени лишь сейчас решено, многие решаются по сей день, а часть, видимо, ждет своего решения».

Иногда Квиринг выражал несогласие с «генеральной линией» и в практических вопросах. Он призывал осторожнее подходить к стахановскому движению, развернувшемуся в стране в 1935 году: «Нам не нужны показательные рекорды, необходимо выяснить причины, по которым темпы роста производительности стахановских декад не закрепляются». Здесь он уже покушался на «святое». Партийная верхушка видела важнейший резерв роста производственных объемов именно в стахановском движении.

В действительности же это движение приносило больше вреда, чем пользы. На «рекордистов» безмянно работали целые цеха, а «ударные декады» обеспечивались целым рядом подготовительных мероприятий. Они тратили ресурсы не в ритме общего плана. Так за ударную декаду цех по изготовлению болтов перевыполнил план в сто раз, а цех, делающий гайки для этих болтов, выполнил всего одну полагающуюся по плану норму. Недовольство рабочих вызывало и то, что перевыполнение нормативов влекло за собой снижение расценок.

В эти «тонкости» наверху не вдумывались, а звонкие рапорты о невероятных рекордах и невиданных результатах бурно приветствовались, за них получали награды. Эта показуха благополучно дожила почти до самой перестройки.

Первый «звонок» Квиринг получил еще в январе 1934 года на XVII съезде партии. Тогда впервые он не был избран в ЦК. Внешне

опять ничего тревожного, он ведь давно уже не украинский генсек. В апреле 1934 года Квиринг был назначен первым заместителем Госплана СССР. Тогда же ему была присвоена ученая степень доктора экономических наук.

Второй «звончок» — в 1936 году. В честь 15-летия Госплана Квиринг был награжден первым и единственным орденом — «Знак Почета». Орден этот, далеко не самый значимый, никак не соответствовал действительным заслугам Квиринга. А вот молодой и совсем недавно работавший в Госплане Г. И. Смирнов, которому было еще учиться и учиться, был награжден Орденом Ленина — в ту пору это была высшая награда.

В коллективе Квиринга любили и недоумевали, искренне огорчались такому ходу событий. В этот день сослуживцы сделали ему роскошный подарок — шахматы из слоновой кости тонкой китайской работы. Редкостная роскошь.

После обеда Квиринг на работу не вышел. Сидел дома, играл с сыном в замечательные шахматы. Виктор вспоминает, что это был очень редкий случай, когда он несколько раз

подряд обыграл отца (эти шахматы потом конфисковали при аресте и, конечно, не вернули).

Торжественное заседание проходило 25 февраля в клубе НКВД. Квиринг очень не хотел ехать, еле уговорили. Кржижановский не приехал.

Тем не менее, Квиринг продолжал работать: как всегда спокойно, без срывов, творчески и производительно. Работать до той самой октябрьской ночи 1937 года, когда в дверь требовательно постучали...

Ничего не предвещало его ареста. К этому времени многих работников Госплана уже забрали, многих уволили или перевели куда-то еще, многих «вычистили» из партии. А для семьи арест был полной неожиданностью. С этой ночи жизнь для близких четко разделилась надвое — на «до» и «после». Как, наверное, во всех семьях, где кого-то забрали. От Виктора потребовали, чтобы он на комсомольском собрании публично отрекся от отца. Он сказал, что не верит в его виновность. Его тут же исключили из комсомола.

4

Виктор пишет, что до 1927 года отец для него был больше «мечтой и легендой», чем реальным человеком. Начал он с ним знакомиться лишь когда переехал из Степного Саратовской области, где до того жил с матерью, в Москву. К этому времени он закончил ФЗУ, получил рабочую специальность. Отец посчитал его образование недостаточным и устроил его в опытно-показательную школу-коммуну им. П. Н. Лепешинского.

Это была школа с системой самоуправления. Избирался оргкомитет с председателем из учащихся. Директор в оргкомитете имел, как все, совещательный голос, и только один председатель владел решающим. Дневников, как в обычной школе, где должны были бы расписываться родители, не было. Им посылали два раза в год «сообщения» с учебными показателями. Школа давала обычное среднее образование, но с политехническим уклоном. Ученики много работали в различных мастерских, осваивали навыки разных рабочих специальностей.

В семье Виктор не чувствовал себя одиноким. Был дружен с отцом и старшим братом Александром, который уже поступил в московский ВХУТЕМАС. Александр был хорошим художником, со временем обещал стать архитектором. Но арест отца сломал его судьбу. Он отсидел десятилетний срок и умер от туберкулеза.

Детство Виктора было далеко не легкое. Он вспоминает страшную зиму, когда у них украли сено. Это была трагедия — без коровы было не прожить. Мать работала на фабрике, после смены они вдвоем ходили ломать жесткие стебли камыша, тростника, вообще все, что торчало из под глубокого снега. Стебли резали

ладони, мороз с ветром пробирал до костей, кроме того, было это занятие небезопасно — вдали от поселка, здесь часто шлялось всякое ворье, бывало, и постреливали. Но корову все-таки удалось спасти.

Жизнь в Москве показалась раем. Потом, когда Виктор поступил в институт и приехала мать, они зажили в комнате коммуналки, отдельно от отца и вовсе «как на облаке». Судьба вознаградила их за перенесенные лишения.

Первую благодарность за труд он получил еще будучи спецпоселенцем. Уже тогда был виден его незаурядный талант. Позже, после получения паспорта, а вместе с ним и всех гражданских прав, он быстро шел в гору. Его высоко ценили как инженера. Со временем он стал главным инженером крупного треста, занимающегося монтажом средств автоматики по всей стране. Он — один из авторов метода крупноблочного монтажа. Был награжден орденом «Знак Почета», по иронии судьбы тем же самым, каким когда-то награжден был отец.

Виктор вспоминает, что у его отца никогда не было хобби, просто на это не хватало времени. Виктору тоже было не до увлечений. Он был занят судьбой отца. И его особенно удручало, что в результате его бесконечных хождений и запросов он получал всегда один ответ — Э. И. Квиринг здесь никогда не работал. Лишь единственный раз он встретил человека, помнившего его отца. Это произошло в отделе кадров Института экономики АН СССР. Он уже собирался уходить, когда в дверях появился пожилой человек, это был библиотекарь, видимо, он что-то услышал:

— Квиринг? — переспросил он. — Эммануил Ионович? Конечно, отлично помню! Он

часто и много засиживался в библиотеке. У нас и его трудов было немало. После ареста часть увезли куда-то, часть уничтожили. Попробуйте обратиться в фондovou библиотеку АН СССР.

Там Виктор и нашел первые двенадцать книг отца. В каталоге оказалось еще восемь названий и четыре журнальные статьи. Все найденное он прочитывал и писал аннотации. Так он и собрал библиографию, в которой значится около 300 названий.

Особенно ценной для Виктора была отцовская рукопись... пьесы «В стране коммун». Это был единственный факт его творчества — пьеса-мечта о прекрасном советском будущем. В ней было четыре действия и 25 картин. Объем — свыше сотни печатных страниц. Отец дал ее Виктору, чтобы тот обсудил ее с друзьями. Виктор устроил громкую читку, часто прерываемую аплодисментами:

— Здорово, — восторгались слушатели, — прямо по-мейерхольдовски.

О художественных достоинствах пьесы говорить не приходится. Вот отрывок из страстного монолога героя — директора завода перед дочерью, молоденькой девушкой: «Вот оно, ядовитое наследие прошлого, гнилая зараза старого мира, позорное родимое пятно капитализма! Вот где источник прогулов и аварий! Выжигать и перевоспитывать! Социалистический котел — дело серьезное. Негодное стереть в порошок, старое выбросить за борт — так выковываются коммунары».

Тем не менее, пьеса представляет интерес, и немалый. Она ярко свидетельствует о том, как уверенно жили своими бредовыми идеями в начале 1930-х годов старые большевики.

Действие происходит в середине 1950-х. Уже Европейский Союз Советских Социалистических Республик готовится к последней битве с остатками капиталистического мира, объединенными вокруг США. Общество построено на основе ячеек — индустриально-аграрных коммун, в которых, впрочем, находится место и для научного, и для художественного творчества. После безусловной победы социалистического мира «красное знамя будет развеваться над всей землей». В одной из коммун разрабатывается «сверхсекретная маска», которая позволит человеку находиться в отравленной газами среде длительное время. В эту коммуну прокрадывается вражеский шпион, чтобы вызнать секреты. Его разоблачают.

В этом простеньком сюжете неприкрыто звучит агрессия и жажда завоевания в масштабе всей планеты.

Есть в пьесе такой знаменательный диалог. К герою обращается его собеседник:

— Я все собирался спросить, кто ваша жена?

— Вы хотите спросить, кто мать моего сына?

— Ну да.

— Надя Комарова. Вы видели, как я ее опередил сегодня. Она тоже к сыну прибегала.

— Значит, Надежда Николаевна — ваша жена?

— Не совсем так. Сейчас нет.

— Значит, вы разошлись?

— Все это старые и неточные выражения. Надя уезжала на год и недавно приехала. Ясно, что это время мы не были мужем и женой. А теперь присматриваемся друг к другу. Но, конечно, мы большие друзья.

После Октябрьской революции семью как ячейку общества объявили «буржуазным пережитком», и это была официальная точка зрения. Квиринг ведь и сам был женат три раза. Взгляд на семью тогдашней партийной верхушки в пьесе и прозвучал. Он, кстати сказать, в 1936 году радикально переменялся. Было заявлено, что при социализме семья «не исчезает, а укрепляется». Принудила к этому катастрофическая ситуация, сложившаяся вокруг института семьи. Половина браков быстро распадалась, участились аборты. Уклонение от алиментов было обычным делом. Росла детская преступность.

Борьбу с разрушением семьи повели с той же большевистской прямоотой и лихостью. Аборты запретили категорически. Процедура развода сильно усложнилась. Его объявили проявлением «моральной нечистоплотности». Коммунистов за развод исключали из партии с последующим увольнением. Такая практика полностью исчезла только в 1990-х годах.

Аплодисменты — аплодисментами. Но идея исчезновения семьи у друзей Виктора, слушавших пьесу, энтузиазма не вызвала. А воспитание в интернатах, этаких фабриках по производству социалистических людей, было воспринято в штыки. Виктор сказал об этом отцу.

— Молоды еще, — ответил он, — не выросли. Без совместного воспитания в интернатах трудно будет строить коммунистическое общество.

Пьесу отец послал не куда-нибудь, а в Союзарком, в Комитет по конкурсу на лучшую пьесу. Там это произведение и сгнуло, как казалось, навсегда. Но нет! В 1956 году Виктор написал запрос в бюро секции драматургии Союза писателей СССР. Оттуда порекомендовали обратиться в Министерство культуры. И уже там посоветовали поискать в ЦГАЛИ. И нашлась пьеса в архиве! По просьбе Виктора ему в 1957 году прислали ее машинописную копию.

В 1963 году в Москве, Днепропетровске и Артемовске отмечали 75-летие со дня рождения Эммануила Квиринга. В музеях двух последних городов развернуты были экспозиции, в его честь названы улицы. В 1964 году в Киеве была издана брошюра «Э. И. Квиринг». В 1968 году ее переиздали в Москве. Виктор, перелистывая московское издание, удивлялся: в нем не было ни одного указания на арест и расстрел отца, хотя в киевском об этом говорилось прямо. Виктор связался с Москвой и услышал:

— Таково было указание сверху, иначе брошюру выпускать в свет запрещали.

А ведь к тому времени именно наверху было объявлено о прекращении преступного режима. Тогда-то хотя и медленно, но неотступно начиналась реабилитация.

Не зря Виктор Эммануилович Квиринг большую часть жизни потратил, чтобы узнать правду

о судьбе отца. Его имя осталось в истории, как бы этому ни противились те, кто мнил себя высшими судьями над судьбой целого народа.

«Проталина». Художественно-публицистический журнал (2.2010)

«За время войны все так называемые спецпоселки, где проживали высланные и депортированные, а также рабочие колонны были окутаны густой сетью осведомителей. О ее масштабах говорят следующие данные на 1 октября 1945 г. в 6 союзных, 8 автономных республиках, 5 краях и 27 областях СССР проживало 2 230 570 спецпереселенцев различных национальностей, в том числе 687 300 немцев, включая и находившихся в рабочих колоннах. Всех этих советских граждан «обслуживала» агентурно-осведомительская, включающая в себя 43 280 осведомителей, 2345 агентов, 819 резидентов, всего – 46 444 человека. В среднем на одного резидента приходилось 3 тыс., на одного агента – 1 тыс., на одного осведомителя – 50 человек. В рабочих колоннах приведенные выше показатели подчас были еще выше».

(См.: ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1. Д. 157. Л. 111)

В. И. Бергер

ДЕТСТВО В СПЕЦПОСЕЛКЕ

Мое письмо рассказывает о ни в чем неповинных людях, раскулаченных и высланных в 1930 году в Коми край. Возможно, это будет важно для истории Сысольского района.

Судьба сложилась так, что мы с женой Таисией Дмитриевной долгое время жили в с. Объячеве. У нас был свой дом в п. Сельхозтехника. Переехали мы в Визингу в 1967 году, с тех пор здесь и живем. Оба пенсионеры, я более 30 лет проработал в отрасли связи, супруга 37 лет - в сельском хозяйстве.

Суровый февраль

По рассказам родителей, до 1930 годов наша семья жила в с. Базель Марксовского района Саратовской области, там моя родина.

Мама рассказывала о том дне, когда судьба нашей большой семьи круто изменилась. 13 февраля 1930 года в наш дом ворвались люди с винтовками, во двор въехали конные подводы и сказали дедушке Якову Христионовичу, что, согласно указанию властей, семья подлежит выселению. Время на сборы - два часа. Из вещей ничего брать было нельзя, кроме еды на трое суток. Отца моего дома тогда не было, он в то время находился на усадьбе, от нашего села в 30 километрах. Деда (мы его звали младший дедушка) Ивана Яковлевича арестовали раньше и увезли в с. Покровское.

Нашу семью из десяти человек повезли на двух подводах, дома осталось подворье без присмотра - лошади, коровы, овцы, свиньи. Нас привезли на сборный пункт в г. Энгельс. Когда отец приехал домой, в вооруженных людях, охранявших наш дом, узнал своих знакомых. Это обстоятельство позволило ему договориться с ними и взять с собой кое-что из вещей и продуктов. На помощь пришли его друзья, которые помогли погрузить на подводы все необходимое, и он поехал догонять

нас - свою семью.

Через несколько дней нас погрузили в вагоны, в которых было полно людей разных национальностей, и повезли сначала до станции Котлас, а затем в Сольвычегодск. По приезде разместили в старых холодных конюшнях и разрушенных церквях. Там умерли прадедушка Яков Христионович (мы его звали старый дедушка) и сестра Оля. Всю зиму мы жили в холоде и голоде, а летом нас отправили на станцию Опарино Кировской области, откуда где на подводах, где пешком мы добрались до села Ношуль Прилузского района Коми АССР.

На новом месте

Вскоре всех мужчин отправили на лесоповал в Нулевой поселок Матяшского сельского совета, располагавшийся в 36 км от Ношуля. Женщин и детей разместили в деревне Яковлевской.

Вспоминая о том трудном времени, хочется выразить слова глубокой благодарности коми людям, которые в ущерб себе приютили нас, кормили, по возможности одели. Жили мы вместе, как родные, не чувствовали, что в изгнании.

Тем временем мужчины в п. Нулевой за короткий период построили бараки под жилье, детские учреждения, клуб, мельницу, скотопо-

мещения. Мы всей семьей переехали на новое место жительства - в спецпоселок Нулевой, где организовался колхоз «Велдорья».

Номер вместо названия

На небольшой территории Матяшского сельсовета в радиусе 14 км были расположены четыре поселка: нулевой, Третий, Шестой, Восьмой.

В Третьем поселке (колхоз «Усть-Вель») жили русские, белорусы, в Шестом (колхоз «Сорь-Ель») - в основном русские, в Восьмом (колхоз «Большевик») - люди разных национальностей, но немцев было больше. Все эти посёлки были расположены на берегах реки Лузы, куда по реке можно было доставлять необходимый груз на баржах и т.д.

В самом худшем положении находился Нулевой поселок, он располагался в лесу в четырёх километрах от реки Лузы, на крутом берегу реки Велдорья, где когда-то стояла только охотничья избушка. Дорога к посёлку всегда была труднопроходимой, все необходимое доставлялось с большим трудом.

В этом поселке проживали люди разных национальностей: русские, белорусы, украинцы, татары, немцы, были две семьи армян. Больше всех было немцев, поэтому поселок стал называться немецким.

Жили в больших бараках, вместо кроватей - полаты в два яруса. В каждой квартире проживало несколько семей. Все трудоспособное население работало на лесоповале, корчевало и сжигало пни. На очищенных от леса местах устраивали пашни. Обработывали бородами, сделанными из крепких еловых сучьев, сеяли рожь. Помню, когда мне было шесть лет, мы, играя, прятались во ржи, такая она выросла высокая.

Все работы проводились под присмотром коменданта. Частенько по ночам верхом на лошадях приезжали из НКВД, забирали с собой наших людей, многие из которых так и не вернулись.

Мой отец, Иван Иванович, в 1941 г. был мобилизован в трудармию. Работал на шахтах г. Копейска Челябинской области.

Жизнь в спецпосёлке была очень трудной, особенно когда забрали главу семейства. Нас, детей, в то время было уже четверо, после меня здесь уже, в Коми, родились два брата и сестра. Еще в садике мама меня записала годом младше, чтобы я мог дольше туда ходить. Сама же она работала на лесозаготовках.

В Нулевом поселке я окончил начальную школу. Через несколько лет мы с моим самым близким другом Ваней Кинсфатером, с которым два года вдвоем делили одну койку, поступили в Сорельскую неполную школу, что находилась в 10 км в Шестом посёлке. Проучились два года, жили в общежитии. Окончили 5 и 6 классы, а затем школа была переведена в Восьмой поселок, там мы уже заканчивали семилетку. Кстати, Иван Иванович Кинсфатер проживает в настоящее время в г. Калининграде. оба его сына живы и работают

в с. Объячеве.

Хорошо помню, директором школы в те далёкие времена была Евстолия Семеновна Шулепова (Попова), уроженка с. Объячева. Помню всеми уважаемую и любимую учительницу русского языка и литературы Марию Тимофеевну Малофееву. С нами учились из Третьего поселка братья Рыбочкины - Володя и Миша, Витя Мухин, Витя Самцов.

Было трудно, но постепенно жизнь стала налаживаться. Разрешили держать скотину. У нас была корова, свиньи, овцы. Это было хорошее подспорье для нашей семьи. Работали все, кроме бабушки и нас, детсадовиков. Почти вся работа в сельском хозяйстве велась на лошадях.

Началась война

Когда началась Великая Отечественная война, всех мужчин и с ними лучших лошадей с телегами отправили на фронт. Из мужиков осталось несколько стариков и мы, пацаны.

Началась другая жизнь, лошадей почти не было, всю тяжёлую работу делали с помощью быков. На них пахали, сеяли, привозили сено за 30 километров. Они оказались самыми надежными, не требовали большого ухода, питались одним только сеном.

Никогда не забуду, как моя мама зимой на санках отправилась пешком за десятки километров, чтобы обменять самую лучшую одежду на 1,5-2 ведра картошки, чтобы нам, детям, не умереть с голоду.

Помню, как в первые годы войны мне с другом Виктором Гендерейдером приходилось за семь километров от поселка в местечке Гарь каждое лето пасти стадо телят, которое насчитывало более 60 голов. В тех местах на огромной территории были большие пожары, лес полностью выгорел. Руководством колхоза было решено превратить эти участки в пахотные земли. За несколько лет была проделана большая работа, подготовлены пашни на территории приблизительно 90 га.

Жили рабочие в шалашах, построенных на скорую руку, из еловых и березовых веток. Помню, как вечерами мужики выходили ловить зайцев. Их было очень много, но поймать удавалось редко, так как иметь ружья по тогдашним законам было строго запрещено.

Не могу еще не отметить: на горелых участках было очень много всяких ягод - малины, смородины, земляники - собирали ведрами, корзинами.

90 верст по реке

Наша семья переехала из Нулевого поселка в Третий последней. В 1946 году после мобилизации из трудармии вернулся домой мой отец. Вскоре его вызвали в районный центр с. Объячево к начальнику НКВД, предложили работу конюха в районном отделении милиции, дали однокомнатную квартиру. Мы с мамой - Лидией Карловной (к тому времени нас в семье было четверо) - переехали из

Третьего поселка в райцентр.

В поселке остались жить одни дедушка с бабушкой, мы их навещали. А в 1948 году мой отец поехал забрать их. Там на месте он сколотил из бревен плот, погрузил бабушку и дедушку, вещи (можно сказать, у них почти ничего не было), корову и отправился на плоту всем хозяйством вниз по реке Лузе до пристани с. Обьячево, преодолев расстояние около 90 км. Они оставили поселок последними. Так закончилась наша поселковая жизнь, жизнь на второй родине, где появились на свет мои братья Иван и Оскар, сестра Вильма.

Так хочется иной раз побывать в родном поселке и вспомнить, как это было. Да все опять некогда. В с. Обьячево остались еще родные и близкие Гаеры - Герберт и Виктор с семьями. В Ношуле проживает моя двоюродная сестра Трофимова Алефтина Алексеевна, с ними еще встречаемся.

Когда начинаю вспоминать те далекие годы, до сих пор в голове не укладывается: зачем

нужно было высылать ни в чем неповинных людей со своих исторических мест? Кому это было выгодно? Не только выслать, но и все нажитое несколькими поколениями насильственно отобрать и уничтожить.

Высланные люди работали день и ночь только для того, чтобы выжить, прокормить себя и свою семью. Все, что было ими построено с таким большим трудом, за несколько лет стало никому не нужным. На месте построенных поселков остались останки разваленных домов и зданий, люди вернулись на свою родину, разъехались по всей России, многие остались в Республике Коми.

Сейчас приходится сожалеть, что за всю эту преступную и подлую авантюру по выселению никто не ответил, никого не осудили как преступников, уничтоживших сотни и миллионы людей в 30-х годах XX века.

«Маяк Сысолы».

**Общественно-политическая
газета Сысольского района,
Республики Коми (№ 127 от
29.10.2013)**

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ ТЮБУК КЫШТЫМСКОГО РАЙОНА

Наталья, 17 ноя 2012.

Тюбук Кыштымского района Челябинской области - место спецпоселения моего отца Шмидт Николая Эдуардовича. Туда он попал после того как отбывал в Широкаге (Молотовская область, ст. Половинка), Днепро-дзержинске, Кадорском районе Абхазии (Рица). Знакомая с его Делом, обнаружила запись в анкете, заполненной и подписанной им 3 марта 1949 года.

Пункт 21. Точный адрес выселенца-спецпоселенца в настоящее время - Разъезд Тюбук, Кыштымского района, Челябинской области, барак номер 7.

В другом документе (дополнение к анкете) написано, что ...с августа 1947 года в Тюбукском лесозаготовительном районе, Кыштымского района, Челябинской области.

Начала искать в Интернете какие-то сведения об этом месте.

Прежде всего, поняла, что с этим местом связала судьба очень большого числа россий-

ских немцев, которые там подневольно жили и работали.

А вот отрывок из одной публикации об атомных разработках и испытаниях. Они проходили и там тоже, в Тюбуке.

«... О строительстве атомных объектов в Челябинской области не знал даже Г. Жуков, командующий Уральским военным округом. Не очень были информированы и в Генеральном штабе, а потому в районе городов Кыштым, Касли и станции Тюбук были назначены военные учения. Был отдан приказ о переброске сюда 9 эшелонов с войсками из Челябинска и 10 из Свердловска. Войска предполагалось развернуть рядом с реакторами, на картах эти места значились как абсолютно необжитые. Разведку с воздуха провести было невозможно — полёты над этими районами были категорически запрещены».

http://wsyachina.narod.ru/history/carve_nuclear.html

Наталья, 17 ноя 2012.

Из конспекта урока по краеведению.

**Урок разработан начальником архивного отдела администрации
Озерского городского округа Багиной С.С.**

«В начале ноября на заснеженные поляны и перелески под Кыштымом приехали первые строители, был разработан план и начато строительство будущего комбината и города.

Большую территорию обнесли двухрядным забором из колючей проволоки. Так образовалась запретная зона. В апреле 1946 года были построены первые землянки для воен-

ных строителей, которые вмещали от 50 до 100 человек. Первоначально планировалось строить плутониевый комбинат и поселок для работников этого комбината на 5 тысяч населения. Постоянного жилья для строителей не планировалось, т.к. предполагалось, что после строительства комбината они уедут на другие стройки.

В августе 1946 года начали рыть котлован для реактора – завода «А». К концу 1946 года на строительстве комбината работало свыше 50 тысяч человек:

- более 11 тысяч солдат,
- 21 тыс. заключенных,
- свыше 3-х тысяч возвращенных из Германии советских граждан
- около 15 тысяч спецпереселенцев и трудармейцев (немцы Поволжья);
- около 5 тысяч «указников» (осужденных за мелкое хулиганство);
- около тысячи человек офицеров-фронтовиков,
- 3219 человек вольнонаемных рабочих, инженеров, административно-технических работников.

Первая большая группа – 100 человек эксплуатационников, т.е. будущих работников комбината прибыла в октябре 1946 года.

В августе 1947 года прибыло еще 10 ты-

сяч заключенных и конвойный полк в одну тысячу человек. Всего в 1947 году на стройке трудилось 52 тысячи человек. Приказом Министерства Внутренних дел СССР выезд работающим на Базе-10 за пределы зоны был запрещен, а рабочий день установлен – 10 часов. Строительство велось в обстановке строгой секретности. Из запретной зоны в 10-дневный срок были выселены все неблагонадежные и посторонние люди. По периметру зоны были размещены военные артиллерийские подразделения с зенитными пушками. В дальнейшем в течение 7 лет из города никому не разрешалось выезжать вообще, даже в отпуск, фотографироваться можно было только по специальному разрешению и в присутствии работника оперативного отдела. Приказ о запрете выезда из города был отменен только в 1954 году.

Строители работали в очень тяжелых условиях. Не было строительной техники, основная работа по рытью котлована велась вручную, было очень мало машин, и в основном использовался гужевой транспорт, т.е. повозки, которые везли лошади. С самого начала остро давал знать о себе недостаток хлеба, за которым порой приходилось идти пешком почти 10 километров...»

http://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/hi..._nazv.html

Виктор Чигинцев

«НА ТОМ СВЕТЕ МНЕ НЕЧЕГО СКРЫВАТЬ»

Осень, с деревьев опадают листья. С Натальей Никифоровой, преподавателем истории и граждановедения школы № 132 поселка Железнодорожный мы успешно шагаем по аллее Южного кладбища. Остановились у скромной могилы. За низкой оградкой два памятника: один установлен в «ногах» могилы, другой в «голове». «Бабушка была православной, а дедушка - католиком, - пояснила Наташа, внучка Абрама Яковлевича Фаста. – Но до самой смерти и по всем документам, паспорту и наградным книжкам он оставался... Иваном Ивановичем Корчагиным. Католическую веру принял в последние годы жизни».

Тот факт, что Фаст-Корчагин имеет прямое отношение к древнему немецкому роду Никелей, объясняет изданная в Канаде увесистая книга, повествующая о судьбе немцев в России. Печатью известного рода помечена судьба его мамы Екатерины Яковлевны, выпускницы женской гимназии, умной и образованной женщины. Она была учителем немецкого языка, хотя власть порой низводила ее до уровня технички. Не вдаваясь в подробности генеалогического древа знатного немецкого рода, скажу об одном: в конце ушедшего века в его разветвленной кроне появилась новая веточ-

ка, имя которой – Павел Корчагин! Как такое могло случиться?

...Он вырос в крепкой крестьянской семье, в большом немецком поселении Александровская Долина, что под Самарой. Большинство земляков говорили по-немецки. Став совершеннолетним, и завербовавшись на большую стройку под Москвой, хорошо объяснялся по-русски, но мешал немецкий акцент. Этот акцент, как вскоре выяснилось, делал его чужим среди своих.

Перед войной забрали отца Абрама – Якоба, осудив на десять лет лагерей. Началась война, и семью угнали в казахстанские степи. С первыми военными залпами Абрам Фаст пришел в военкомат по месту прописки и попросил отправить на фронт добровольцем.

- Что, немец? – вскинул злые глаза офицер. – Что делаешь в Москве? Своим помогаешь? Шпион!

Смахнув паспорт в ящик стола, он выгнал мальчишку на улицу. Через несколько дней, преодолев страх, Абрам снова подошел к зданию военкомата. У дверей стоял часовой. Он сказал кратко: «Все ушли на фронт...» Так Абрам остался без паспорта.

Что делать человеку без документов, да

еще в военное время? Вскоре его сняли с поезда, шедшего в восточном направлении. Предприятие, где он работал, эвакуировалось в глубь страны. Сняли и под конвоем отправили в лагерь. Днем заключенных водили на колхозные поля, где убирали овощи, косили горох.

Группа, в которую определили Абрама, сушила скошенную успевшую перестоять траву. Стояли солнечные августовские дни. Воспользовавшись тем, что уснул разморенный полуденной жарой и мягкой травяной подстилкой часовой, Абрам благополучно сбежал. Но куда дальше, без паспорта? Изрядно проголодавшись, прибился к одному из полевых станов, где нанялся в работники. Бригадир объяснил, что идет из-под Воронежа. В пути бомбили фашисты. Документы сгорели в теплушке. Бригадир остался доволен работой парня. В благодарность выхлопотал ему справку с печатью, удостоверяющую личность. Это была большая удача. Круглая печать подтверждала, что он... «Корчагин Иван, 1924 года рождения, проработал в совхозе «Новая заря» с такого-то по такой-то день. Дневные нормы перевыполнял и получил полный расчет». Но почему Иван и почему Корчагин? Иваном его звали и прежде, а фамилию назвал ту, что первой пришла в голову. Риск, конечно, был. Уж больно громкой была фамилия после выхода в свет книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Но так вышло. Вот Абрам Фаст стал Иваном Корчагиным. Эту фамилию он носил более полувека из той жизни, что отмерила ему судьба.

На соседней станции стоял эшелон с красными вагонами. «Плохая маскировка», - подумал Иван, но вагоны были именно красные. Курсом на Запад, раздувая пары, дымил паровоз. Дождавшись, когда из станционного здания вышел командир, подбежал к нему и стал просить, чтобы взяли с собой. Объяснил, что «хочет попасть на фронт, чтобы защищать Родину». Коротко взглянув на справку, удостоверяющую личность и окинув парнишку презрительным взглядом, командир неожиданно зло сказал: «Благодари Бога, что у меня нет ни минуты времени – эшелон отправляется. Иначе бы я тебя, фашистский ублюдок, упрятал туда, где Макар телят не пас. Впрочем, тебе и так скоро свернут шею...» Махнув машинисту рукой, он запрыгнул на подножку.

Чертов акцент. Вполне можно усомниться в человеке, да еще в такое время. После нескольких дней голодных мытарств вышел к большой железнодорожной станции по направлению к Барабинску, где примкнул к рабочим, ремонтировавшим пути. Работал прилежно, но через два дня был вызван в комендатуру. Здесь рассказал старую легенду о Воронеже и попросил отправить на фронт. Выслушав Ивана и не поверив ни единому его слову, лейтенант взял его под арест. На следующий день допрос повторился, и только после этого офицер внес фамилию «Корчагин» в какой-то список. Так Абрам-Иван Фаст-Корчагин ока-

зался в большом военном лагере. Здесь его акцент больше не имел никакого значения. Он стал солдатом, а рядом были многие другие – татары, якуты, эстонцы, литовцы, знавшие русский язык еще хуже, чем он.

Поезд шел на Восток. Осенью, в октябре, он остановился на станции Чаби-Була, в Монголии. Началась военная служба, и только весной часть отправили на Запад. Тяжелые бои за Вязьму, Оршу, Витебск, Сталинград. За форсирование реки и проводку кабельной связи Иван Корчагин был награжден орденом «Славы» третьей степени. Служил в разведке и брал языков. К ордену прибавилась медаль «За отвагу». Был переведен в артиллерию, награды и тут не обошли стороной.

Думая о судьбе Фаста-Корчагина, невольно соглашаешься с тем, что ему повезло. Иначе не воевать бы равным среди равных, а гнить в лагерях трудармии. Подтверждением тому служит «дело Гофмана» в романе К. Симонова «Живые и мертвые»: «Дело, по которому прошел Бастрюков, кроме всех прочих его жалоб на политотдел дивизии заключалось в том, что в III-й разведроты был, оказывается, боец по фамилии Гофман. И был он не еврей, за которого его привычно считали, сталкиваясь с фамилией Гофман, а самый настоящий немец Поволжья. И это в дивизии, по словам Бастрюкова, знали и покрывали, несмотря на то, что был строжайших приказ: немцев Поволжья ни под каким видом во фронтовой полосе не держать. А этот немец воевал в дивизии и не где-нибудь, а в роте разведчиков, и как раз он взял того крайне необходимого «языка», которого в канун наступления приказано было взять на участке дивизии, и получил за это «Отвагу». И еще: «Чтобы завтра этого немца в дивизии духу не было, - сказал Захаров, глядя в глаза Бережному. – Об исполнении донесите». Вот так. Того литературного Гофмана не стало, а реальный Фаст-Корчагин остался. И был в действующей армии до конца войны, до Победы и после нее. Судьба и впрямь улыбнулась нашему герою!

Но и тут – как посмотреть. Да, улыбнулась. Да, воевал, и остался живым, и вернулся победителем! Но грызли сомнения. Он ли это, Абрам Фаст, герой войны? Если не он, то кто – Иван Корчагин? Да ведь это одно и то же лицо, один и тот же человек! Но и знал об этом тоже один-единственный человек – Абрам-Иван Фаст-Корчагин. И более об этом никто не знал, ни одна живая душа. Спасибо маме и братьям. После войны он им все объяснил, и они все поняли. Но как объяснить всем? И надо ли? А коли не надо – решил сменить место жительства, осознанно отдалив себя от большой родни. Ведь братья Корней, Андрей, Яков, Виктор, сестра Эльвира – все оставались Фастами, продолжая жить в Казахстане. Спасибо и жене, матери его детей. Она все поняла и больше никогда не пыталась, не терзала сердце расспросами и сомнениями.

- Мы с братом росли Корчагиными, - гово-

рит дочь Фаста-Корчагина – Татьяна Ивановна Никифорова. – Скажу правду – фамилией своей мы гордились. Правду об отце узнали значительно позже, став взрослыми. И от этого он не стал в наших глазах другим человеком. Мы всегда нежно любили своего отца.

Правду об отце узнали и работники госбезопасности. Лишь однажды, в 1970 году, заинтересовались они его личностью. Да и то в связи с предстоящей работой дочери в уральской «запретке». Вся дальнейшая жизнь Фаста-Корчагина протекала спокойно. Работал в шахте машинистом локомотива, механиком котельной. С годами стало пошаливать сердце. Умирать не собирался, но на всякий случай, будучи мастером на все руки, соорудил себе гроб. Чтобы, значит, лечь на покой не в случайное сооружение, а в усыпальницу, сработанную руками краснодеревщика. Умирать не собирался, но согласно пословице, «уми- рать

собираешься, а рожь сей» вскопал перед смертью свой чудный сад, обиходил землю и плодовые деревья. По весне сад расцвел дивным цветом, но хозяин этого уже не видел. Он ушел из жизни тихо, во сне. В завещании попросил похоронить под фамилией Абрама Фаста, объяснив просьбу словами: «На том свете мне скрывать нечего!» Человек решил умереть тем, кем родился. Не его вина, что более полувека пришлось жить под чужой фамилией, хоть и весьма знаменитой. Факт, что не его вина.

Вырос и узнал правду об отце сын Сергей. Это не помешало ему стать кадровым офицером, закончить академию, вырасти до полковника. А своего сынишку-первенца, как и мечтал, назвал Павлом. Растет парень и уже учится в восьмом классе. Так и появился в древних немецких родах Фастов-Никелей свой... Павка Корчагин.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 13 декабря 1955 года

«О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ С НЕМЦЕВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ»

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев – немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев – граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н.ПЕГОВ

«МНОГИЕ УМЕРЛИ В ПЕРВУЮ ЖЕ ЗИМУ»

Из воспоминаний Эрны Розе (Поповой)

- Жили мои родители в украинском селе Большая Горбаша. Имели мельницу, скот. Всё было. Наверное, из - за мельницы семью и выслали. Я из восьми братьев и сестёр самая младшая. Родилась в один из последних дней декабря 1934 года, а через месяц, в конце января следующего, семью раскулачили. Отца отправили в тюрьму, а нас посадили на две подводы, лошади свои были, и отправили на станцию, а оттуда - поездом в Карелию. Лошадей потом у нас забрали. Привезли в поселок, но его название я не помню, где-то недалеко от Медвежьегорска. Сначала поселили в палатки. Через три месяца отца выпустили, и он приехал к нам. Нас переселили в барак,

спали на нарах. Позднее в поселке появились двухэтажные четырехквартирные дома, и нам дали жилье. Потом построили школу, отец для неё делал парты, окна и вообще все. Мои братья в этой школе учились. Мы жили уже неплохо - был свой огород, сажали картошку, держали корову, кур. Отец был на все руки мастер, столярничал, многим делал мебель, сани, мог починить прохудившуюся кастрюлю.

Когда началась война, нас, в чем были одеты, затолкали в вагоны и отправили в Коми АССР. Ехали на поезде под бомбежками, на одной из платформ стояла пушка и стреляла по вражеским самолетам. В августе 1941 года мы

Розе (Попова в замужестве) Эрнэ Даниловна, 1934 г.р. Её родина – село Большая Горбаша Яренского района Житомирской области Украины. Отец Розе Данил Христофорович (1888 г.р.), мать Витте (в девичестве) Элеонора Адольфовна (1895 г.р.). Братья и сестры: Эргард, Рихард и Бернгард; Ида, Фрида, Ирина и Мария. Семью раскулачили в январе 1935 года и депортировали в Карельскую АССР, а после начала войны – в Коми. Окончила Сыктывкарский кооперативный техникум, работала в системе кооперации Усть - Куломского района в том числе - председателем райсельпо.

прибыли в посёлок Кожва. Посадили на баржу и отправили вниз по Печоре, до поселка Яран-Курья. До нас там находились заключенные, их вывезли в другой лагерь и нас разместили в эти большие бараки. В Яран-Курье отец работал плотником, столяром, делал сани, хомуты чинил - так и жил в мастерской.

Мужчины работали в лесу. Когда в декабре-январе были сильные морозы, спецпоселенцы обмораживали руки и ноги до такой степени, что мясо сходило с костей. Многие умерли в первую же зиму. Немало женщин послали на строительство моста через реку Печора. Они на тачках возили песок для насыпи, жили там рядом в палатках. Мама моя уже болела, и ее на мост не послали. Она работала истопником в бане.

В Яран-Курье построили школу, и я там пошла в первый класс. Нас было 15 детей разного возраста, и мы все учились в одной комнате. Как звали учительницу, не помню, она была из местных. Обучение велось на русском языке. Одежды не было. Мать нашла льняной мешок, покра-сила его красной глиной с Печоры и сшила мне платье. Вот в нем я и по-шла в школу.

Здесь у нас никакого хозяйства не было, как и огорода. В лесу было много грибов, и мы ими питались. В мае собирали сморчки, мать их долго отваривала, чтобы мы не отравились. Грибы сушили, много заса-ливали в больших бочках из-под трески. Ягод собирали вдоволь. Морошку на зиму не заготавливали, а съедали сразу. В Печоре и курье дети ловили рыбу. Сшивали два мешка, делали в них дырку и еще один мешок пришивали к ней. Собирали также дикий лук и чеснок, щавель, даже солили его на зиму в бочке, ели молодые отростки сосны - это ведь какие витамины!

Так мы жили до апреля 1943 года, когда нас перевезли в поселок Дозмер на железной дороге. Его еще не было, люди жили в

землянках, потом уже построили бараки. Дозмер был небольшой – бараков десять. Здесь находились разные люди – не только немцы, но и литовцы, эстонцы, украинцы.

Через год – два после войны отец где-то купил корову, с которой легче жить стало. Папа работал в конюшне где находились двадцать лошадей. Делал сани, волокуши, чинил сбрую, подковывал лошадей, для чего изготовил наковальню с мехами. Сделал жернова из березовых плах. Мы из конюшни брали овес, сушили его и перемалывали. Отец также паял кострюли, кружки, чинил сковородки. Он людям много помогал, и они ему за работу платили.

Мама работала банщицей, сама воду таскала, печку по - чёрному топила. А дети постарше все лето работали, пилили березовые чурки для газогенераторного трактора. Папа рядом с конюшней построил дом. Он был, конечно, небольшой - две комнаты, прихожая, печка из кирпича. Главное - свой дом! У нас был хороший огород, росла картошка, отец из коряги сделал плуг, на нем пахал и окучивал.

Посёлок имел пекарню, магазин, но не было школы, и я два года училась за 12 километров в посёлке Каджером. В Дозмере мы потеряли маму, самую первую из семьи. У неё было большое сердце.

В Каджером семья переехала в 1949 или в следующем году (точно не помню). Здесь я окончила семь классов и уехала в Сыктывкар. Мы с подругой хотели поступить в медицинское училище. Успешно сдали экзамены, но... Директором училища был еврей, и когда он узнал, что мы немки, - отказался принимать. Поэтому мы поступили в кооперативный техникум – там были свободные места, и нас согласились взять. Учились хорошо, зубрили, лишь бы получать стипендию.

После окончания техникума в 1953 году я поехала в Усть-Куломский район, где работала

в системе потребкорпорации до выхода на пенсию. Паспорта не было, поэтому все время приходилось отмечаться в милиции. Документ получила лишь через два или три года.

Теперь о судьбе родственников. Мама умерла в возрасте 52 года в 1947 году. Папа долго жил один, потом женился во второй раз и уехал в Казахстан. Умер в возрасте 88 лет. Старшего брата Эдгара во время войны мобилизовали в трудармию, он работал в Челябинске. В 1946 году отец поехал и забрал его домой. Сестра Мария пропала без вести в 1942 году в Воркуте, где находилась в трудармии. До сих

пор о ней ничего не известно. Ида работала в Корткеросском районе, а Фрида - на лесоповале в Каджероме. Рихард уехал в Воркуту с оленеводами еще из Дозмера, женился в 1947 году. Потом трудился в лесу, женился на русской. Бернгард сначала работал в лесу, а потом - с отцом в поселке. Когда женился - уехал в Омск. Погиб на стройке, у него было девять детей. Сестра

Ирма работала в лесу, потом в Каджероме поваром в детского сада.

http://www.nnka.biz/wp-content/book/oblasti/10/10_00.htm

Татьяна Лоос

ЕСЛИ БЫ МОЙ ДЕД ВСТРЕТИЛ МОЕГО ДЕДА

... что бы они сказали друг другу? Сибиряк с Алтая и немец с Поволжья? Один, погибший в 1943 году под Ленинградом, и другой, трудармеец, сгинувший в казахских степях? Они не были знакомы, но если бы вдруг остались живы в военной мясорубке, о чем бы рассказали, поняли бы друг друга?

Николай

Ах, какой он был красавец! Единственная фотография пожелтела, но не испортила его черты. Все девки и бабы заглядывались на русые кудри и зеленые глаза с прищуром. А он выбрал Татьяну, не красавицу и не дурнушку, с веселым бойким характером. Четверо

детей, три дочери и сын, небольшой дом, конь и корова - вот все их хозяйство. Жили не хуже других. Но в 1938 году помогла Татьяна одной молодой бабенке сделать аборт. Деревня есть деревня, все на виду, а закон строгий. Дали бабушке моей шесть лет и отправили в далекий город Сыктывкар строить дорогу. Была семья - и нет семьи.

Дед сначала запил, потом вроде как взял себя в руки, дети ведь, кто кормить-то будет? Родня большая, да все бедные, но жалели, помогали. Когда началась война, дед Николай бронь сначала получил. Но в 1942 году все-таки забрали на фронт. Перед отъездом, рассказывали, все плакал, говорил: надо мне руку отрубить, тогда с детьми оставят, а ему объясняли, что бесполезно, за членовредительство наказание хуже фронта. Так и ушел.

Некоторое время еще письма приходили, беспокоился, как там ребятишки, советы какие-то писал, чтобы на ночь двери запирали да корову держали в сенах, боялся, что детвора без кормилицы останется. Но в 43-м «похоронка» пришла: мол, пал смертью

храбрых. На Невском пяточке под Ленинградом тогда сибирские дивизии плацдарм держали, полегли почти все, и дед мой среди них. А вот поди, если бы жив остался, смог бы он забыть тот огненный кошмар? Смягчился,

если бы узнал, что после «похоронки»

освободили его жену Татьяну, которая приехала в деревню к обвалившемуся дому и к голодным, разобранному по родне детям? А она-то, лагерная, языкастая, вместо того чтобы молчать, быстровосстановила против себя местное начальство. И когда в колхозной

кошаре, где работала, пропала овца, то никто и разбираться не стал. Три года срока уже на военном заводе в Челябинске, и с 44-го года дети снова одни. Если бы мой дед Николай это знал, как бы он рассказал такое моему другому деду?

Карл

Говорят, что прижимистость и аккуратность - истинно немецкие черты. Что ж, если так, то дед Карл был наделен ими в полной мере. Хотя можно ли его судить, ведь к началу войны в семье было восемь детей? Вот и приберегал Карл со своей женой Альвиной

каждый кусок, все от голода спасался. Но от войны разве уберешься? В июле 41-го в один день велели собраться и повезли семью в Сибирь. Пока был с ними отец, все казалось не так страшно.

Но в Новосибирске собрали всех мужчин состава и увезли, а куда, бог ведает. Альвина как надела тогда траурный платок, так уж больно в светлом не ходила никогда. До маленькой алтайской Малиновки детей довезла, а вот потом всех сберечь не сумела: четверо умерли, по ребенку на каждый год войны.

«Фашисты», так их называли в деревне, жили в землянках на окраине, старались общаться только между собой и хоронили своих отдельно от русского кладбища. Не раз после

очередной «похоронки» деревенские приходили их бить. Альвина все ждала пропавшего мужа.

Одни говорили: на лесоповал отправили, другие - забрали в трудармию котлованы рыть под эвакуированные заводы, а третьи и вовсе шептались: сбежал и по ту сторону фронта воюет. В 1943 году вдруг пришло письмо не по почте, а с оказией, кто-то приехал в Барнаул и через десятые руки передал записочку: «Жив, строю в степях». Уже десятки лет спустя выяснили, что был Карл где-то под Джебказганом. Больше вестей не было. Зато был голод, а еще подозрительность, проверки, злоба и редкая, очень редкая доброта.

Это только к концу войны деревенские призывали, что в списках на выдачу зерна (зарплату не платили) мелькают немецкие фамилии, а ведь поначалу в драку кидались.

Бабка моя однажды какой-то старый немецкий чепец с оборочками надела, так сельсовет всерьез решал, шпионка она после этого или нет. Если бы мой дед Карл об этом знал да свое лагерное житье прибавил, смог бы он по-доброму разговаривать с дедом Николаем?

Боюсь, что был бы не разговор, а ссора с перечислением обид или того хуже. Не поняли бы друг друга тогда, сразу после войны. Но, может быть, разговор получился бы много лет спустя, когда моя мать встретила моего отца?

Валентина

Маме было 15 лет, когда закончилась война. Сирота, она росла как придется и мечтала стать учительницей. Казалось, что жизнь будет теперь всем на зависть. Тянулась, училась, а летом 47-го, когда пришло время поступать в педучилище, моя бабушка Татьяна после небольшой побывки в третий раз оказалась за решеткой.

Попалась на продаже самоварного мыла, и отправили ее, как рецидивистку, уже в Магадан на восемь лет, а получилось - навсегда.

Опять уже повзрослевшие сестры и брат остались одни. Работали, учились, пытались устроить личную жизнь. А Валентина, мама моя, вышла замуж в 27 лет, уже после пединститута. Проще говоря, вытолкнула ее родня за случайного знакомого, сельского пьяницу и скандалиста. Хватило двух лет, чтобы сбежать в город с крошечной

дочкой и, казалось бы, навсегда поставить крест на семейной жизни. Но в 34 года появился поклонник, назойливый и долговязый, младше на 10 лет, с гонором и стремлением во что бы то ни стало выбраться из нищеты.

Александр.

Не сосчитать, сколько раз отец, подвыпив, рассказывал мне, что пошел в первый класс в девчоночьем платье, не было в семье немецких переселенцев другой одежды для самого маленького.

Дразнили, издевались до слез, до истерики, но не идти в школу было нельзя, там

кормили всех, в том числе и «фашистов». Шел 48-й год, погибших не раз оплакали, и чуть потеплели отношения.

Однажды старший брат, обидевшись за младшего, затащил его на огород, разрезал юбку посередине и сшил половинки наподобие штанов.

Получилось черт знает что, но все же не юбка. Ни о чем другом из школьных лет не рассказывал отец. Видно, это платье стало самой тяжелой обидой послевоенного детства. После школы работал в колхозе и все думал, как бы выучиться на инженера. В 1964-м отец уехал в город, устроился работать на котельный завод, поступил на заочное в техникум. Там держался особняком, с девушками не дружил, все искал женщину, которая поняла бы его стремление выбиться в люди и помогла. Такой оказалась его учительница истории Валентина Николаевна, моя мама. Два года отец добивался ее внимания, и она, все еще смеясь и не веря, согласилась выйти за него замуж.

Свадьбы не было, родственники с обеих сторон сидели за одним столом, поджав губы. Недовольны были и те, и другие. Маму втихаря называли «немецкой подстилкой», отцу шептали, что дурак, женился на русской старухе да еще с ребенком, когда среди немецких переселенцев девушек полно. Ясное дело, к вечеру подрались, на следующий день поплевались и разъехались, сказав, что ноги здесь больше не будет, и многие годы слово свое держали. Бабушка Альвина, прожившая после женитьбы младшего сына еще семь лет, приехала в гости только один раз, когда родилась я.

Не знаю, смогли бы мои деды, останься они живы, принять тогда этот брак, поздравить от души молодых, вместе, как положено сватам, выпить и поговорить за жизнь. Наверное, нет. А когда же это все-таки могло случиться? Может быть, сейчас, почти за гранью их человеческого века, через 60 лет после начала войны?

В нашем доме живет ветеран войны, редко-редко достает из шкафа неподъемный от медалей пиджак. В соседней квартире живет бывший трудармеец с немецкой фамилией, медалей у него нет, зато есть несколько удостоверений со словами «репрессированный», «реабилитированный». И ничего, дружат, ключи оставляют, занимают деньги, вместе отмечают День Победы. Говорят, раньше в этот день спорили, обидами считались, а теперь все больше молчат, поминают погибших на фронте и в тылу. Вот я и думаю, может быть, сейчас и не нужен долгий разговор, а просто посидели бы Николай с Карлом

рядом, как близкие. И было бы им хорошо и грустно... если бы мой дед все-таки встретил моего деда.

21.06.2001,
г. Прокопьевск, Кузбасс (Кемерово)
<http://diamt.ru/144/24>

«МЕСТА НЕ ХВАТИЛО»

Так случилось, что мне не раз приходилось записывать для нашей радиопрограммы воспоминания русских немцев. В самом этом названии «русские немцы» выражена самая суть их истории. Самая последняя по времени запись пришлась на декабрь 2011. Я беседовал тогда с отцом моей односельчанки Эдмундом Давидовичем Ридэ. И вот, прошло лишь полтора месяца, как Эдмунда Давидовича не стало. Но осталась запись его рассказа, и для его детей, внуков и правнуков, и для истории. Этот рассказ я хотел бы, с разрешения его семьи, передать более широкому кругу читателей, чтобы не пропала, не забылась эта история, история жизни одного из многих немецких переселенцев. Я привожу его рассказ в сокращении, но практически без изменений, от первого лица и сохраняя стиль рассказчика. Ведь именно этой подлинностью он и цененю.

«Группа немецких переселенцев из Цюрих-таля, среди которых был и мой прапрадед с семьей, прибыла в Крым в 1804 году. Поселились в живописной долине, и своё новое поселение тоже назвали Цюрихталь. До 1936 года у нас была немецкая школа с уроками русского языка. Сейчас Цюрихталь называется Золотое поле, не знаю почему. Земли там небогатые, каменистые.

Переселяли нас дважды. 18 августа 1941г. на Кавказ, в Будённовск, а в октябре того же года в Сибирь, под Петропавловск. С февраля 1942 года я был в трудармии в Челябинске. Вот я пять лет там пробыл, на Бакалстрое. При мне были построены ТЭЦ, коксохим, сталстрой, доменные, прокатстрой. Одни немцы там строили. Я плотничал.

У нас обязательно в неделю раз прочитают указ, такого-то или такого-то на 10 лет посадили, таких-то расстреляли. Всё! Припугивали, чтобы никто не шумел.

Я сам раз чуть не попал. Раз после работы, вечером приказ на построение: указ читать. А кто-то из ребят спрашивает: «И что там будет?» Я говорю: «Да какую-нибудь молитву нам прочитают». А начальник колонны сзади шёл и услышал. «Зайдёшь, - говорит, - ко мне после построения». А я не зашёл, и потом, как построение, я всё сзади, чтобы он меня не увидел, чтобы на глаза не попасться. Он и забыл, а потом его перевели. На меня никто не донёс. А ещё ведь и доносчики были. За тремя проволоками сидели, но были и комсомольцы, были и коммунисты.

Кормили нас очень плохо, многие померли с голоду, особенно те, которые курили - те последний кусок хлеба прокуривали. Там немало полегло. А хоронили так, в траншеи. Траншеи бригада копала. Утром со всех лагерей соберут - а на Бакале было 16 лагерей - свалят, и бригада хоть до ночи работает, чтобы накрыть, чтобы хоть звери не таскали. На другой день та же история. Охраняли нас украинцы в основном. Три ряда проволоки, по углам стрелки.

Утром, при выходе из зоны на работу, считают бригаду, вечером опять считают,

когда приходят. Так было до 1944 года, а в 44-м году, к осени, вышки сняли и проволоку сняли, просто забор сделали. Нас уже потом не охраняли. Кормить стали получше. У нас было 700 грамм хлеба, а приварок-то: три листа капусты, три зёрнышка крупы и кусочек рыбы. 700 грамм, вроде не мало, но при хорошем приварке, а приварок-то был никудышный. Овсяная каша если была на второе - одна ложка. Так и было: кое-как до работы дойдут, а с работы уже кого под ручки тащат, кого везут, идти уже не могли. А то и с утра идут в санчасть, и если пониженная температура, он не сможет уже работать. Из дома шли треугольные письма, как фронтовые. Посылок не получал я. Мои сами едва-едва выживали.

После встречал я людей, кто из трудармии в тюрьму попал, но не по политическим, а по хозяйственным делам. Так они говорили, что в тюрьме лучше было.

После войны, уже в 1947 году, началась карточная система. Я получил карточки, продал их, и уехал домой в 47-м, в начале года. Как, всё равно, сбежал из трудармии. Документов на руках никаких не было, если б в дороге поймали, могли бы посадить. А дома комендант заинтересован был, чтобы я там, на месте, работал.

Младший брат с 14 лет на шахтах в г. Карпинске Свердловской области, тоже в трудармии был. Домой после и не вернулся. Как в Карпинске начались сокращения, все потянулись в Кемерово, опять на шахты. И отец в Челябинске в трудармии был, но не вместе со мной. Потом его отправили в Курганскую область, совхоз Сафакулевский. Он был шофёром. Ещё одного младшего брата уже в 1949-м году забрали по повестке в ФЗО (фабрично-заводское обучение) в Караганду, в шахты. В 1943 года он проработал в шахте».

Вот такой безыскусный рассказ. Но как страшен он бесстрастным свидетельством: «с работы уже кого под ручки тащат, кого везут, идти уже не могли». Как страшен он самим перечислением: я в Челябинске, отец в

Курганской области, младший брат в Свердловской, еще один брат в Караганде

Р.С. Было отослано в Москву для публикации в Книге памяти, но с начала написали (переписали) с ошибками, а

затем и вовсе сослались, что места мол, не хватило (ответственная О. Силантьева).

(9 окт 2013)

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 127–128. Заверенная копия. Машинопись. № 34
ЗАПИСКА КОМИССИИ ЦК КПСС ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ К. Е. ВОРОШИЛОВА Г. М. МАЛЕНКОВУ И Н.С. ХРУЩЕВУ О СНЯТИИ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

24 февраля 1954 г.

Товарищу Маленкову Г.М., товарищу Хрущеву Н. С.

В соответствии с поручением ЦК[47] нами рассмотрен вопрос об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в их правовом положении.

Как видно из имеющихся материалов, большая часть спецпоселенцев, выселенных главным образом во время Отечественной войны и в послевоенный период, прочно осела на жительство в местах поселений, закрепилась в промышленности и сельском хозяйстве, добросовестно относится к своим обязанностям и принимает активное участие в общественной и производственной жизни.

В этих условиях, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в подавляющем своем числе спецпоселенцы лично не совершили никакого преступления перед государством, становится нецелесообразным дальше сохранять некоторые ограничения, установленные для спецпоселенцев.

По действующему положению спецпоселенцы не имеют права отлучаться без разрешения коменданта спецкомендатуры за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой, причем территория, охватываемая спецкомендатурой, меньше сельского и даже городского района. Отсюда невозможность для многих спецпоселенцев устроиться на работу по своей специальности, выехать в командировку, на лечение и по другим личным и служебным делам. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

Спецпоселенцы обязаны ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре, подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур и за нарушение режима и общественного порядка подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

За уклонение от общественно-полезного труда в местах поселений для спецпоселенцев установлена уголовная мера наказания – 8 лет исправительно-трудовых лагерей, а за самовольный выезд (побег) из мест поселения – 20 лет каторжных работ.

Такой излишне строгий режим, установленный для спецпоселенцев, неизбежно приводит к многочисленным случаям его нарушения, порождает факты беззакония в отношении спецпоселенцев со стороны работников спецкомендатур.

Отрицательные стороны установленного режима в местах спецпоселения с особой тяжестью сказываются на детях спецпоселенцев.

По достижении 16 лет дети спецпоселенцев берутся в настоящее время на персональный учет спецпоселения со всеми вытекающими из этого ограничениями, т. е. они становятся также спецпоселенцами. Не имея права передвижения за пределы спецкомендатур, дети спецпоселенцев таким образом лишены часто возможности получить среднее образование, не говоря уже о высшем, не могут принять участие в спортивных соревнованиях, в смотрах художественной самодеятельности, для них крайне ограничены возможности выбора профессии по своим способностям и склонности.

В связи с тем, что на учет спецпоселения берутся все дети спецпоселенцев, общее число спецпоселенцев с каждым годом увеличивается за счет детей. Так, за период с 1945 по 1952 год взято на посемейный учет 360 545 родившихся детей и на персональный учет спецпоселения 332 739 детей, достигших 16-летнего возраста.

В центральные органы от спецпоселенцев поступают многочисленные заявления и жалобы, в которых излагается просьба снять с них чрезмерно стеснительные ограничения, предоставить возможность наравне со всеми советскими гражданами принимать участие в хозяйственном и культурном строительстве.

Комиссия считает необходимым в качестве первоочередных мер, направленных на создание для спецпоселенцев более нормальных условий для их трудовой деятельности и личной бытовой жизни, снять некоторые ограничения в их правовом положении и смягчить ответственность за нарушение режима в местах спецпоселений.

Комиссия предлагает:

а) предоставить право спецпоселенцам свободного передвижения в пределах области, края, автономной республики, а по командировкам, путевкам на курорты, в

дома отдыха и т. д. – в любой пункт страны на срок, указанный в командировочном удостоверении или путевке, обязав их о временном выезде сообщать органам МВД по месту нахождения на учете спецпоселения;

б) разрешить спецпоселенцам беспрепятственно изменять место жительства в пределах административного района, обязав их о новом месте жительства сообщать в районные отделы МВД; изменение места жительства с выездом за пределы административного района производить с разрешения МВД – УМВД;

в) установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы МВД вместо одного раза в месяц – один раз в три месяца;

...Вместе с тем Комиссия считает необходимым совсем снять с учета спецпоселения и с посемейного учета всех детей спецпоселенцев, не достигших 18-летнего возраста, и в дальнейшем детей спецпоселенцев на учет не брать. Является также целесообразным снять с учета спецпоселения членов и кандидатов в члены КПСС, комсомольцев, награжденных орденами и медалями, участников Отечественной войны...

Следует иметь в виду, что основная масса спецпоселенцев расселена в Казахской, Узбекской и Киргизской ССР, в Красноярском и Алтайском краях, Кемеровской, Новосибирской, Молотовской, Свердловской и некоторых других областях Сибири и Урала, т. е. в районах, где ощущается большой недостаток в рабочей силе. Поэтому вопрос о возможности освобождения от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев должен быть разрешен таким образом, чтобы это не вызвало большого ухода рабочей силы из этих районов, а, наоборот, чтобы спецпоселенцы прочно закрепились в местах их настоящего жительства...

С другой стороны, является нежелательным, чтобы выселенные в свое время из Крыма, Кавказа, Поволжья, пограничных районов Украины, Белоруссии, из прибалтийских республик снова вернулись в эти районы... [48].

К. Ворошилов, К. Горшенин, С. Круглов, К. Лунев, А. Дедов, Р. Руденко

«РЕАБИЛИТАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО МАРТ 1953 – ФЕВРАЛЬ 1956 гг.
ДОКУМЕНТЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ»

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО ТРУДАРМЕЙЦА

«Шёл парнишке в ту пору...»

Я много общался с Эвальдом Абрамовичем Федерату по телефону, встречался с ним. И сегодня, несмотря на букет болезней и уже солидный возраст (87 лет), чувствуется в этом человеке внутренняя сила, жесткий стержень. Он из тех, кого жизнь была, но он от этого становился только крепче. Поражает его память: он вспоминает такие детали, что кажется, все это происходило с ним только вчера. Воспоминания свои сопровождает цитированием мудрых мыслей, может неожиданно начать декламировать стихи: то это Сергей Есенин, то Гёте, то вдруг какой-нибудь забытый немецкий поэт 18 века. На русском языке, на немецком... Слова, которые Владимир Высоцкий сказал о себе, могут быть отнесены и к Эвальду Федерату:

«И вкусы и запросы мои – странны,

Я экзотичен, мягко говоря:

Могу одновременно грызть стаканы –

И Шиллера читать без словаря».

Стаканы он сегодня, конечно же, не «грызёт», все больше капли, прописанные врачами, но чувствуется – были времена... Хотя бы и в этом: не могу себе представить, чтобы он когда-нибудь мог потерять контроль над собой. Не из таких.

Он из того поколения российских немцев, которые буквально со школьной скамьи попали в трудармию – в жернова системы ГУЛАГ. Прошёл все круги ада, но они его не сломали. Записывая его воспоминания, я ещё раз убеждался, что мы можем гордиться поколением наших отцов. И, закончив обработку этого текста, понял, как мы должны торопиться записать воспоминания тех из них, кто еще жив, кто еще находится среди нас. Ведь сегодня из них остались единицы, те, кто тогда были практически пацанами. Те, что были старше их, уже ушли... Эти воспоминания – ценнейший исторический источник для потомков. И поэтому мой призыв обращен ко всем, кто может писать: отбросьте все – запишите воспоминания наших стариков! Если мы не сделаем этого, грош нам цена и грош цена нашим клятвенным утверждениям, что мы патриоты, что мы любим наш народ.

Я, Эвальд Абрамович Федерату, родился 31 октября 1923 года в деревне Огуз-Тобе Ленинского района Крымской области (также Огуз-Тебе, Окуз-Тебе, до 1917 – Таврическая губерния, Феодосийский уезд, Владиславская волость. В советский период – Крымская АССР. Меннонитское село, основано в 1884 году. Расположено к северу от Феодосии. Земли 1600 десятин. В 1926 году имелась начальная школа. Жителей: в 1915 году – 91 человек, в 1926 – 185, из них 155 – немцы. Ныне село Красноармейское. Брат Эрих родился 6 апреля 1921 года там же. Советская власть пришла в Крым в 1920 году. В 1927 году родилась сестра Зельма, она сейчас живет в Дармштадте. Огуз-Тобе, несмотря на татарское название, было немецкой деревней. Все ее жители имели свое хозяйство, строили из ракушечника, которого в этих местах много, дома были очень красивые. У каждого сразу за домом был сад, виноградник. Жили хорошо, не бедствовали.

В гражданскую войну в деревне квартировали офицеры-белогвардейцы, которые держали оборону Перекопа. В нашем доме стоял на поселении белогвардейский полковник, который регулярно приезжал привнести себя в порядок. Моим родителям он рассказывал, что там идет не война, а убийство. Потом они все убежали – кто в Керчь, кто в Феодосию, чтобы уплыть на кораблях в Турцию.

С 1930 года началось выселение раскулаченных. В Крыму процесс раскулачивания и выселения начался с греков, имевших подданство Греции. Большинство людей выселяли в основном на Урал. В нашей деревне было приблизительно 20 дворов. После «раскулачивания» сохранились нетронутыми 5 дворов. Мы уехали в Бердянск, где у нас жили родственники Классены. Отец работал там на Первомайском заводе сельхозмашин. В 1930 году я пошел в Бердянске в школу – в 1 класс. Ходил в школу мимо церкви, видел, как ее взрывали. В начале 30 годов было много беспризорников, голодных детей, да и взрослых тоже. Помню, что нам не разрешали ходить в школу мимо базара, где милиция в 1933 году делала облавы, ловили беспризорников, загружали полные машины и увозили в горы и там расстреливали. Там погибли взятые вместе с беспризорниками несколько моих друзей из соседних классов. Помню строчки из песни, которую тогда пели: «Курочек и гусочек мы Франции продали, а конницу Буденного мы сами сожрали...»

В 1937 году посадили отца. Помню, мать плачет, а он говорит ей: «Это недоразумение, я скоро вернусь». Начальником тюрьмы был некто Радзинский, его сын Додик учился со мной в одном классе. Мать ходила в тюрьму с передачами, узнала фамилию следователя, который вел дело отца – Халецкий. Однажды мама пришла домой и плачет: «Он не может кушать». Отцу переломали все пальцы. Ему дали 6 лет, он попал в Соликамск, какое-то время мы получали от него письма, потом

связь потерялась, и мы его больше никогда не видели. Уже в 90-е годы мы получили бумагу, в которой было сказано, что наш отец умер в 1945 году. В ней значилось, что он был невинно осужден. По другим каналам я узнал, что мой отец был расстрелян в 1938 году. Не вернулось и преобладающее большинство остальных немцев, забранных в это время.

Эрих в 1937 году с отличием закончил машиностроительный техникум, в 1938 году он был по 3% квоте для отличников принят в Харьковский машиностроительный институт, а меня с сестрой отправили к бабушке в Огуз-Тобе, там жили еще мои дяди и тети, которые продолжали нас поддерживать.

Сестра училась в школе в 3-4 классах в соседней деревне Акмонай. Эти 5 километров она ходила пешком, а я закончил уже 5 класс, и у меня началась трудовая деятельность – пас коров. В мои обязанности входило также обслуживание 30 волов. Вставал в 4 часа утра, в 6 часов за волами приходили, к этому времени они уже должны были быть напоенными и накормленными. Я обучал волов ходить в упряжке. Там я работал 2 года. Потом пошел в Акмонай в 6 класс и закончил там на «отлично» 7 классов. Председатель колхоза Тресеев давал мне книжки читать, а потом отпустил учиться в Феодосию в гидрометеорологический техникум.

В начале занятий директор вызвал к себе и сказал, что приемная комиссия не пропустит меня из-за того, что я немец и сын врага народа. Тогда я сдал документы в Феодосийский педтехникум, в котором и учился с 1940 по 1941 годы. Учились у нас представители всех народов Крыма: русские, много немцев, греки, крымские татары, болгары.

Техникум и общежитие техникума, в котором я жил, находились в одном здании. В нашем же общежитии жили и студенты пединститута, которые были одновременно курсантами Качинской авиашколы.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года один из наших студентов, Истомин, пошел во двор в туалет, а наше здание находилось у морского порта, напротив него лежит остров Двухякорный. Истомин вернулся и сказал, что над островом (там минный завод!) летают санитарные самолеты, а на минном заводе взрываются мины. Мы выскочили все во двор, слышим гул, прожектора освещают небо, там кружат самолеты, вокруг них вспышки. Кто-то из ребят из авиашколы сказал: «Какой х... – санитарные самолеты!.. Это фашистские самолеты, а по ним бьют наши зенитки. Война началась». Немецкие самолеты бомбили порт и минный завод. На наших глазах один из немецких самолетов был подбит, задымился и упал в море. Так для меня началась война. Шел мне тогда восемнадцатый год.

Утром мы все поехали на вокзал, что напротив музея Айвазовского, чтобы разъехаться по домам. На всю жизнь запомнился мне такой момент: сижу я вместе с нашим студентом по фамилии Пархоменко – был он племянником

того самого героя гражданской войны Александра Пархоменко – и слушаем речь Молотова. Пархоменко мне в этот момент вдруг сказал: «Во всех войнах особенно тяжело было людям, которые принадлежали к тому же народу, что и противник. Я тебе сочувствую. Потому что, как немцу, в этой войне тебе будет нелегко. И тебе и всему твоему народу придется очень тяжело». Умный был парень – как в воду глядел.

Я приехал домой 22 июня. Пошел к бухгалтеру Лукьяненко, который меня не просто уважал, но любил. Он послал меня работать учетчиком-весовщиком. В это время уже шла уборка – убирали ячмень, потом, в июле, пошла уже уборка пшеницы. 17 августа мы уже всюю косили в греческой деревне Джантар. Вдруг на поле прискакали всадники с винтовками наперевес: «Всем домой!». Мы подумали, что будет какое-то торжество. Говорю: «Мы сходим искупаемся сначала». И направились с другом в сторону моря, но один из всадников закричал: «Идите, садитесь в бричку!» Мы не послушались и пошли дальше, он снял с плеча винтовку, щелкнул затвором, нацелился на нас и закричал: «Если не пойдете, сейчас пристрелим!» Мы, конечно, испугались и поняли, что тут что-то не то. С этого и началась наша немецкая военная судьба.

В деревне возле каждого двора уже стояли брички с извозчиками из других немецких деревень. Жителям немцам был отдан приказ за несколько часов собраться и быть готовыми к тому, что их увезут на несколько дней. Никто нам не объявил, что нас увозят надолго. Поэтому мы и не успели прихватить с собой всё необходимое. Я, правда, успел ещё добыть полмешка муки. Мама тоже здесь была, она на лето приехала, а брат Эрих работал учителем математики в еврейской деревне Кенегез. Он к этому времени стал заочником. На станции Семь Колодезей мы с ним встретились.

Дорога следования к станции по всему пути была уже предварительно оцеплена военными. Нам даже не давали за скирдой нужду справиться. Это испытали на себе наши женщины, которые для этого пошли за копны, там они натолкнулись на спрятавшихся с винтовками наизготовку солдатами, которые погнали их обратно. По прибытии на станцию Семь Колодезей, нас вместе с большим количеством привезённых сюда же немцев из других деревень погрузили в товарные вагоны и повезли на север в Мелитополь. Вагоны были забиты битком – в каждом человек по 60. Конвой закрыл двери. Приехали на узловую станцию Мелитополь. Наш поезд поставили в самый дальний угол. Смотрим – все забито и воды нигде добыть.

Все первые пути были забиты пассажирскими поездами, в которых эвакуировали партийно-большевистскую элиту Украины и евреев. Эти поезда пропускали в первую очередь. Тогда же на вокзале я услышал от возмущённых людей: «Драпают на ташкентский фронт». Всё обслуживание вокзала работало

только на них, все продукты везли им, мы же не могли достать не то что кипятка – даже холодной воды!

Наш поезд ехал очень медленно, останавливались только на полустанках, где не было горячей воды. Отправлять нужду разрешали только под вагонами. Доехали до разъезда Чертково, там всего-то один домик стоял. Здесь над нашим эшеленом пролетели 3 немецких самолета. Вдруг они развернулись и начали сбрасывать на наш эшелон бомбы. Женщины бросились с детьми под вагоны, мы с Эрихом легли в воронку от бомбы. Помню, одна из бомб вошла между шпалами и не взорвалась. Женщины стали махать платками пикирующим самолетам и они перестали нас обстреливать. Видел, как наши конвоиры после первого захода стали срывать с себя погоны и побежали к лесу – паника. Наконец самолеты улетели. Конвоиры вернулись, как ни в чем не бывало, сопровождали нас потом дальше. Но мы долго не могли тронуться – из-за бомбы, которая торчала между шпалами. Наконец пришел трактор, бомбу вытащили, и мы смогли ехать дальше.

Нас довели до Буденовска, возле Каспийского моря, там выгрузили. Месяц мы провели в казачей станции Прасковья. Ее жители приняли нас очень приветливо, разобрали всех по своим домам. Запомнилось, что все у них утопало в садах и виноградниках. Потом нас опять погрузили в поезда и повезли дальше на восток. Довезли до станции Мамлютка, что в Казахстане – не доезжая до Петропавловска. Нашу семью повезли в село Белое. Было уже начало октября. Здесь нас люди встретили очень враждебно, они сами жили бедно, к этому времени пришло уже много похоронок с фронта. Нам было запрещено выезжать из деревни.

С 1939 года здесь проживало много ссыльных поляков. Один из них, Врублевский, взял меня помощником в овечью кошару. Я помогал кормить овец и охранять их по ночам. Рядом была молочная ферма. Я на ней грелся, а потом часа в 4 шел в овчарню и уносил родившихся ягнят на молочную ферму. Там же впервые в жизни пришлось познакомиться с волками...

6 февраля 1942 года 18 человек немцев, в том числе и я, были вывезены в Мамлютку, в военкомат. Нас погрузили в вагоны-ледники и в них при температуре минус 30-35 градусов шесть суток везли до Челябинска. А на нас крымская одежда, мы ведь не сибиряки! У моего земляка Дани Пеннера отца посадили еще в 1937 году, на нем было отцовское пальто, на мне тоже, мама перед отправкой меня в трудармию перешила мне его. Шел мне девятнадцатый год. Забегая вперед, скажу, что из этих 17 человек в живых к концу войны осталось только двое: я и Геральд Шперлинг, который умер уже здесь, в Германии, два с половиной года назад.

В Челябинске нас определили в бараки Бакалстроля, народу – полно! На следующий

день выбрали нас, 250 человек, и повели по снегу пешком. Шли гуськом 20 километров, передние протапывали дорогу, остальные шли за ними. Дошли уже в полночь до места назначения, позже узнали – недалеко от станции Баландино. А место назначения такое: среди степи стояли вагоны, с щелями между досок в палец и больше. В вагонах нары. Я каждое утро примерзал к стенке вагона. Работали мы от рассвета до заката, кормили нас овсянкой, но готовить ее было сложно: пищу варили в казане, в открытом поле на костре, на холоде и на ветру. Если ветер был сильный, то пища получалась полусырой. Одежд никаких не было, спали в той же одежде, в которой работали. В середине вагона была печка, которую топили соляркой с того момента, когда нас пригоняли с работы. В поле работали кайлами, ломками. Через короткое время у нас появились вши, мы прокаливали свою одежду над раскаленной печкой. Обувь на нас вначале была своя, когда она снашивалась, мы носили самодельные так называемые ЧТЗ – делали их из покрышек и шинелей. Из медперсонала у нас был фельдшер, был еще доктор Ничке. Недалеко была станция Потанино, где делали кирпичи, о ней написано у Герхарда Вольтера. Там люди на разгрузке-погрузке кирпичей выдерживали 2 недели, потом умирали. Даже самые крепкие изменялись внешне, становились сутулыми, не ходили, а таскали за собой ноги. Весной привезли 200 штук стригальных машинок, и мы друг друга постригли.

Когда насыпь была более или менее готова и началась укладка рельсов, нашему фельдшеру упавшая рельса перебила ногу. Доктор Ничке заставил нас искать дощечки, из которых соорудил шину для переломанной ноги.

Регулярно ночью кого-нибудь забирали, а потом мы читали приказы о приговорах: к 10 годам заключения, к расстрелу... Доктора Ничке тоже однажды забрали.

Даня Пеннер наскреб из ящика полкружки протравленной пшеницы. Я отнял у него половину и съел ее. Взрослый мужчина Даня Пеннер плакал как ребенок. А мне было все равно – я хотел есть! Мы уже были лишены всяческих эмоций – и положительных, и отрицательных. У нас ко всему было полное безразличие. После того как мы съели эту пшеницу, у нас обоих в течение двух дней был кровавый понос. Так я невольно спас Дане жизнь. Но позже он все равно умер.

Потом у меня появился флюс: страшная боль, рот я открывать не мог, не мог и есть. По приказу прораба меня увезли на грузовой машине в 6-й лагерь. Там были врачи из Республики немцев Поволжья. Доктор Сабельфельд скальпелем, но без обезболивающих вскрыл этот флюс и выдавил гной. Он мне сказал, что если бы прошел еще один день, то я умер бы, а теперь все зависит от того, будет ли заражение крови или нет. Но все обошлось.

Вольнонаемные специалисты строительства постоянно ругались с начальниками режима, с лагерным руководством, надзирателями

из-за нашего состояния. С одной стороны, они хотели, чтобы производительность была выше, с другой – мы замечали, что у них было и сочувственное к нам отношение. Они стремились показывать такую производительность, которая позволяла нам получать паек получше. Среди бригадиров помню Ротермеля, из немцев Поволжья, который старался всегда, чтобы мы получили нормальные пайки и выжили. Ротермеля позже приговорили к расстрелу. И еще помню Валендера Александра Ивановича из наших крымских немцев, тоже был хороший человек.

В начале 1943 года я получил письмо от матери, что сестра Зельма тоже забрана в трудовую армию через год после меня и брат Эрих тоже – через 3 месяца после меня. Зельме тогда было 15 лет, Эриху – 22 года. Эрих находился в 7-м лагере в Челябинске, а Зельма в Краснокамске, Молотовской области. Зельме тоже пришлось тяжело. Она вспоминала позже, что когда их гоняли копать траншеи, то вели через поселок, так там жители двухэтажных деревянных домов лили на их головы помои и обзывали «фашистами». Земля там была мерзлая, они, девочки-подростки, пытались кострами разогреть землю, да и сами погреться возле них, но конвоиры все это разбрасывали, а их не отпускали, пока норму не сделают. Когда Зельма совсем обессилела, ее стали водить на строительство зданий. Из-за того, что ноги были опухшие и в ранах, она штукатурила на коленях. Прораб у них был некто Морговский, и когда он это увидел, пнул её из всей силы в бок ногой в сапоге, а после того как она упала, продолжал ее топтать и избивать. Ее подруга Ирма Юстус, рассказывая мне об этом, сказала: «Я думала, она живой не останется».

Нас, несколько сот человек, каждое утро выстраивали на так называемые разводы на плацу и зачитывали приказы начальника Челябинского металлургического генерал-майора Комаровского: столько-то человек приговаривали к расстрелу, столько-то – к разным срокам заключения. Называли и фамилии. На одном из таких разводов в один из ноябрьских дней 1943 года я, уже находясь в 6-м лагере, услышал, что мой брат Эрих приговорен к расстрелу. В возрасте 23 лет он, молодой учитель, стал в сталинском СССР «врагом народа» и не имел больше права жить. Чтобы узнать правду, я после войны писал в разные инстанции, начиная с 1950 года, но мне не отвечали. После того как я написал уже отсюда из Германии, мне в 1989 году ответили. После первого приказа обычно зачитывался второй приказ Комаровского о награждении конвоиров, застреливших мобилизованных немцев «при попытке к бегству». Побегом считалось, если в два плеча высунулся из строя или в карьере сделал шаг за ограждение из колышков, вбитых в землю.

В 6-м лагере, в котором был я, находилась вся элита советских немцев – профессора, академики, артисты, руководство Республики

немцев Поволжья. В нашей бригаде был один артист. Конвой до 1943 года были нерусские, кто – точно не знаю, мы их всех называли «звери». Нас вели колонной, с правой стороны шел этот артист, вдруг он бежит в сторону и кричит: «Три карты, три карты». Раздается выстрел, подходит один из «зверей», перевернул его ногой – глаза открытые, изо рта кровь. На разводе нам сообщают: «За предотвращение побега трудмобилизованного немца наградить такого-то...»

Однажды на разводе был такой случай. Перед строем упал один парень. Руководство лагеря в чистых белых полушубках и яловых сапогах подскочили и все начали его пинать. Парень был эпилептик, и упал он оттого, что случился приступ. Его на наших глазах забили насмерть.

Другой эпизод. В карьере мы должны были долбить лунки, чтобы туда вкладывать взрывчатку. Конвоиры огораживали камнями и колышками для нас «зону», то есть определяли границу, за которую мы не имели права выходить. Карьер находится в углублении, конвой сидит сверху. Один из наших пошел по нужде за другую бровку временной железной дороги. Люди все равно стеснялись друг друга. Сел оправляться, «зверь» сверху, как сидел на бровке карьера, так спокойно, даже не вставая выстрелил в него и убил сразу насмерть. Это один пример из сотен. «Звери» были заинтересованы в таких «подвигах», за них они могли и отпуск получить. И снова на следующий день на разводе звучал приказ Комаровского – наградить за предотвращение побега... А ведь убили парня несмотря на то, что бежать было некуда: вокруг этого конвоя был еще конвой. Если кто-то все же сбежал, то поднимали конвой всего Челябинметаллургстроя. На этих людей конвой был настолько злой, что, как правило, после того как поймают, затаптывали их насмерть.

В конце 1943 года, если мне не изменяет память, в наш лагерь привезли несколько сот советских немцев-офицеров с фронта. Я был свидетелем того, как их, около сотни, заводили, шедших строем, без конвоя. У входа в ворота от них потребовали снять погоны и награды. Офицеры возмутились, стали раздаваться крики: «Не ты нам их давал, нам их Сталин дал». На этот случай вохровцы хорошо подготовились: были заранее заготовлены арматурины, откуда не возьмись повыскакивали они с ними несколько десятков человек и начали ими избивать наших земляков-офицеров и затаскивать по одному в зону.

Еще одна картинка из моих воспоминаний. Была осень 1943 года, уже начал порошить снег. Мне навстречу попался знакомый волынский немец, опухший от голода. Мы встретились с ним на шпалах. «Как я боюсь, что снова наступает зима», – сказал он мне. Я постарался его воодушевить. Тут проходит маневровый поезд, я прошел еще шагов 20, оглянулся, а он лежит – бросился под паровоз, покончил жизнь самоубийством. Андрияша

Горн из нашей деревни тоже был со мной в лагере. Из карьера нас приводят до ворот, вводят – и он сразу бежит бегом к помойке, где отходы от кухни, и выбирает, что еще есть съедобного. На костре это вываривал и ел. Я видел рядом с уборной людей, которые поджаривали собственный кал на палочке и ели. Это делали не все, но некоторые доходили до такого состояния. Это были опустившиеся люди.

Питание у нас было такое: если не выполнял рабочую норму – получал 300 граммов хлеба на день и кипяток, если норму выполнял, то получал 800 граммов. Военнопленные получали до 1 килограмма, заключенных тоже кормили лучше, чем нас. Андрияша Горн перестал выполнять норму, его отчислили из нашей бригады в доходяги. Там они получали 300 граммов хлеба и кипяток. Я пошел его проведать и не узнал совсем. Он уже лежал, достал мне 3 пайки хлеба: «Я не хочу, мне не надо». Откинул одеяло: голени – голая кость на обеих ногах. А выше колена он одной рукой ногу свою обхватывает. Я хлеб у него не взял. А ночью не спал: мучила мысль, надо было взять хлеб – другой кто-то съест. Целый день с этой мыслью жил, а вечером после работы бегом туда, а его и других умерших уже грузят на телегу.

На проходной их всех протыкали три раза специальной пикой. Так и называлась эта штука – «пика». Мертвых вывозили голыми, на ногах бирка с номером, и сгружали штабелями возле шлакоотвала. Специальное задание имел Эмиль Бельский, зубной врач. Он брал меня часто с собой как телохранителя, я никого не боялся, мог подраться с любым. Поскольку лагерь наш был ИТРовский, то была в нем вся элита, как я уже говорил. Поэтому у многих людей были золотые коронки. Эмиль выбивал у мертвых такие зубы и там в камерке отделял золото от кости. Из этого золота он потом всему лагерному начальству зубы золотые сделал.

Сегодня мало кто это знает, но изредка среди немцев-трудармейцев были и евреи. У нас был Арон Гиттенштейн – еврей из Варшавы. Меня он обожал, потому что я его защищал. Когда он сбежал в СССР от наступающих войск вермахта, его обвинили в том, что он немецкий шпион, пытали. Он мне все говорил, что его родители спрятали много золота в укромном месте и что после войны «и нам хватит, и нашим детям». Потом я потерял его из виду. Был еще Мозес Роттенберг, тоже из Варшавы. Он тоже был сначала сослан в Архангельск. Там его пытали так, что у него были искалечены руки. Все «поляки», сосланные в Архангельск были евреи. После войны его сослали в Ташкент, там он женился на сосланной крымской татарке.

В 1943 году наше положение стало очень плохим. В это время была и высшая точка жестокости по отношению к нам. А в конце 1943 года у нас заменили руководство на раненых офицеров-фронтовиков. Они были намного человечнее прежних. В начале 1944

года у нас заменили также и конвой на русских солдат, получивших на фронте ранения, но еще мобильных. Теперь нас конвоировал один солдат с автоматом, а до этого сопровождали 4 «зверя» с винтовками. И после этого в нашей жизни начались послабления. Помню, вывел нас фронтовик за зону, мы идем строем, а дальше лес, и вдоль реки Миасс идет железная дорога. И он нас спрашивает: «Почему вы вас охраняю?» Я ему объяснил, что потому что мы – немцы, нас надо охранять. Он: «А зачем, ведь вы же свои. И бежать вам некуда». На другой стороне реки Миасс деревня Казанцево – там все мужики на фронте. И наш охранник попросил меня его отпустить(!) Он себе там подружек нашел. Стали мы с этого времени в лесу ягоды собирать, траву всякую съедобную, кое-что поворовывать с полей. И мы ожили. А для тех, кто работал на копке котлована для Челябинского металлургического завода и в это время ничего не изменилось.

От голода люди умирали, многих «активировали», то есть, чтобы снизить показатели смертности в лагере, составляли акт о непригодности по здоровью и отпускали домой. Чаще всего просто забрасывали человека в вагон – и он уезжал умирать. Если удавалось добраться, то умирал дома, часто умирали в пути. Мой друг Федя Бергман тоже был активирован. На одной из станций, чувствуя, что никуда он не доедет, вылез из вагона поезда, дополз до базара и лежал там с протянутой рукой. Увидел его один старый казах, положил в свою телегу, помазал ему губы айраном. Федя умолял дать еще, но старик знал, что делал: казахи с голодом знакомы были не понаслышке. Он только мазал ему губы. Потом дома выходил его старик-казах айраном и кумысом. Федор Бергман сегодня тоже живет в ФРГ.

9 мая 1945 года я вообще никак не запомнил. В июне 1945-го умерла моя мама в селе Белом. Об этом я получил телеграмму. Я пошел с ней к начальнику лагеря, попросил отпустить меня на похороны. Он посмотрел на телеграмму и спросил меня: «Какая сволочь тебе ее дала?» Я сказал, что мне её вручили.

Он порвал телеграмму и заорал на меня: «Вон отсюда!» В тот день, когда мама умирала, я неожиданно проснулся в 2 часа ночи и подскочил на нарах. Рядом лежащий товарищ спросил, почему я подскочил? Я ему говорю, что меня мама позвала. Позже я узнал, что она умерла именно в это время.

15 апреля 1947 года мы стали бесконвойными, через проходные для нас с этого времени был свободный проход. Многие местные жители были против этого, они считали нас преступниками. На нас часто нападали, между нами и ими происходили настоящие бои. Мы держались вместе и защищались. Постепенно местные поняли, что мы для них не опасны, и это утихло. Но свобода эта была тоже относительной: хотя вокруг лагерей сняли колючую проволоку, то есть лагеря открыли, мы ежемесячно отмечались в комендатуре. Я продолжал там еще работать как «вольный» до 1949 года. В 1949 году я поехал в Молотовскую область к сестре, которую поселили в совхозе под комендатуру.

После войны еще в Челябинске, находясь в лагере, я выучился на бухгалтера-финансиста. Прямо в лагере были преподаватели из заключенных: доктора и кандидаты наук. Они меня и учили, занимались мы после работы.

Из Кукетского совхоза Молотовской области я переехал в город Гремячинск этой же области, на шахты. Там работал бухгалтером. Постоянно повышал квалификацию. В 1959 году переехал в Алма-Ату, где прожил 30 лет и дослужился до должности номенклатурного работника Министерства энергетики СССР. Вся жизнь я был финансовым работником.

Когда я был ещё подростком, мне отец однажды сказал: «Когда-нибудь откроется возможность уехать в Германию. Ворота откроются ненадолго – торопитесь успеть». Я уехал, бросив все, в декабре 1989 года.

**Со слов Эвальда Федерату
записал Генрих Дауб**

<http://www.rd-zeitung.eu/nachrichten/federau.htm>

КЛАДБИЩА

Кладбища, территория, специально отвед. для захоронения умерших. Типы К. и порядок их содержания определяются как погребальными обрядами, принятыми у тех или иных народов, религий (напр., мусульм. К.), социальных групп (воен., мор., тюремные и т. д.), так и адм. и сан. нормами, устанавливаемыми гос-вом (напр., инфекционные К.). Группы захоронений, относящихся ко времени первобытно-общинного и раннефеод. об-в, принято называть могильниками. Древние К., а также места захоронений знаменитых людей носят назв. некрополей (от греч. nekros — мертвый, polis — город; см., напр., Некрополь у Народного дома); сел. К. в России именуют по-

гостями; захоронения участников рев. событий и воен. действий, производимые в общих, т. н. братских могилах на терр. К. или вне их, называют мемориалами (см.: Мемориальные захоронения; Каслинский мемориальный комплекс).

Отд. братские могилы и мемориалы в честь участников рев. событий, Гражд. войны и воинов, погибших в годы Вел. Отеч. войны, в локальных вооруж. конфликтах и т. п., существуют на мн. К. области. До 1917 К. действовали при монастырях, гор. и сел. церквях. Все К. строго обособлялись по религ. принадлежности умерших. Так, на Семеновской горе в Чел. (ист. район Заречья, ныне — прилегаю-

щая к р. Миасс часть Калининского р-на) на рубеже 19—20 вв. действовали христианское, иудейское и мусульм. К. В 19 в. на христианских К. были обособл. захоронения правосл., старообрядцев, католиков, протестантов; иногда К. делили на правосл. и мусульм. части (Бердяушское К., создано в 1890; Сулеинское К., открыто в 1950); существовали также отд. староверч. К. (см.: Старовер-ческое кладбище, Сунгульский староверческий скит).

В 1930-е гг. число К., раздел. по религ. принципу, значит. уменьшилось. С этого времени стали закладываться общие (гражд.) К. Мусульм. к нач. 2000-х гг. сохранились в Варне, Миассе, Троицке и др. районах компактного проживания мусульман. В кон. 19 — нач. 20 вв. в России в связи с ростом населения и терр. городов мн. К., находившиеся ранее за городом, оказались в гор. черте. По этой причине нек-рые из них были закрыты, др. перемещены на новые места. Так, в Чел. в 1920-е гг. из Заречья в район строившегося электролитного цинк. з-да было перемещено Успенское К. Родственникам покоящихся на этом К. было разрешено перезахоронить их останки на новом месте; оставшиеся могилы были снесены, терр. застроена. Такая же участь постигла К. на ст. Сулея, одно из магнитогорских К., располагавшееся на месте новой застройки на ул. Тру-да. В 1990-е гг. во мн. городах области организованы МУП для оказания населению погребальных услуг («Покой» в Троицке, «Мемориал» и «Память» в Чел. и др.). В 2003 для решения проблем, связ. с погребением, систематизации учета К., могил и отвед. для них терр. создан Всерос. союз похоронных орг-ций и крематориев (рук.— сотрудник чел. МУП «Мемориал» М. В. Генжак).

В Бакале функционируют 4 К. Самое большое действует на г. Макаровской (ориентировочно с 1852). Площадь ок. 10 га, выделены правосл. и мусульм. участки. Здесь похоронены: управитель Бакальского жел. казенного рудника Л. А. Садовский, управитель Симских и Катавских рудников П. В. Огарков, дир. Бакальского рудоуправления А. И. Медведев, Герои Социалист. Труда И. В. Пресняков и К. П. Федченко, почет. гражданин Бакала В. Н. Зозулин и др. Старейшее К. Бакала (пос. Рудничный) действует с 1835. Захоронения 19 в. практически не сохранились. К. ограждено, рядом с ним возведена правосл. часовня. На рудничном К. похоронены: Герой Социалист. Труда Н. Д. Пешляев, краевед П. И. Слепёнов, почет. гражданин Бакала В. Н. Большаков и др. К. в пос. Катавка действует с 1844. Расположено на юго-вост. окраине поселка. В нач. июля 1919 на этом сел. погосте были погребены отец и сын Кутузовы, расстрел. колчаковцами. Здесь похоронен Герой Социалист. Труда Л. И. Бездельников, стахановец Ф. П. Мурзин и мн. др. известные в Бакале люди. К старейшим К. относится погост вблизи Прибуланского и Ивановского рудников, ориентировочно функционировавший с 1771 по

1820. В 19 в. он оказался в зоне горных работ и был уничтожен.

В 1941— 46 рядом с кам. останком Шихан имелось небольшое К., где хоронили умерших заключенных 8-го и 15-го отрядов Бакаллага НКВД СССР, жит. пос. Успенского и трудмобилиз. киргизов и таджиков. К. засыпано отвальными породами. В 1942—46 еще одно К. находилось на участке ниже дороги Бакал — Сатка. В нарушение действующих норм и правил это К. не было нанесено на топограф. карты, хоронили умерших без указания фам., на могилах ставили дерев. номеров. столбики. Здесь похоронены в братских могилах св. 200 солдат и офицеров 4-го румынского корпуса ген. Трая-на Стэнеску, плененных под Сталинградом; останки заключенных Бакаллага (СУ № 7) НКВД СССР, трудармейцев, прибывших в Ба-кал из Ср. Азии, Республики немцев Поволжья, Алтайского края и Новосиб. обл. Рядом с пос. Ельничным функционирует с 1945 небольшое К. (0,5 га). Здесь похоронен Герой Сов. Союза Д. С. Ракшин.

В кон. 1990-х гг. в Златоусте действовали Орловское и 2 уреньгинских К.— христианское и мусульм. Уреньги некое христианское К. заложено в 1937 на г. Уреньга, ныне является гл. в городе. Меньшее по площади христианское К.— Орловское — открыто на берегу р. Орловка в 1940-е гг. Располож. на склоне Уреньги мусульм. К. образовано на рубеже 18—19 вв. С кон. 1920-х гг. сюда привозили хоронить умерших мусульман из вост. районов Башк. АССР. С кон. 18 в. христианские захоронения в Златоусте производились на старом Уреньгинском К., к-рое до самого закрытия (1937) считалось гл. в городе (в народе носило назв. «Березовая роща»). После 1937 могилы постепенно пришли в запустение. Сохранились сведения и о др., ныне не действующих, златоуст. К.: иудейском (закрыто после 1917), Демидовском, Косотурском (Ж.-д., у г. Косотур; 1890—1930-е гг.), К. у поселка Центр. углевыжигат. печей (кон. 19 в.— 1960-е гг.), Сорочьем (зап. склон г. Сорочья, 1935—86).

В Магнитогорске в кон. 1930-х гг. функционировало 5 К.: ныне действующие Левобережное, Правобережное, Сев. и к наст. времени закрытые К. первостроителей Магнитки — у пос. Магнитный и Среднеурал. Левобережное (Центр.) образовано в 1930-е гг., площадь 194 га. На его терр. расположены мемориал «Братские захоронения умерших в госпиталях г. Магнитогорска воинов Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.», мемориальные ансамбли в честь рос. воинов, погибших в вооруж. конфликтах на терр. Афганистана и Чечни. На терр., где захоронены рос. солдаты, проходившие службу в Афганистане и Чечне, 9 мая 2004 открыта часовня во имя Св. великомученика Георгия Победоносца (арх. А. Г. Волобу-ев). На Левобережном К. находятся могилы Героя Сов. Союза П. А. Жувасина, дир. ММК Г. И. Носова,

засл. врача РСФСР Г. И. Дробышева. До 2000 на этом К. было произведено ок. 220 тыс. захоронений. Площадь Правобережного К. 29 га; здесь похоронены мн. почет. граждане города, дир. ММК И. Х. Ромазан и А. Д. Филатов; поэты Н. Г. Кондратковская, М. М. Люгарин, Б. А. Ручьёв; засл. деятель иск-в РСФСР худ. Г. Я. Соловьёв; ученый-металлург П. Э. Зурков; музыкант, дирижер С. Г. Эйдинов; Герои Сов. Союза Н. И. Волков и И. Б. Можиев-ский. К 2000 на Правобережном К. было ок. 50 тыс. могил. Сев. К. открыто в 1931; захоронения велись до 1975, возобновлены в 1993.

Действующие К. Миасса: Сев. (образовано в 1976, площадь 24 га), Юж. (с 1969; 25 га), мусульм. (с кон. 1950-х гг., здесь покоится поэт М. Ак-мулла), Тургоякское (у пос. Тургояк, заложено в кон. 19 в.). На терр. Тургоякского К. находится братская могила парт. деятелей, сов. рук., соратников В. И. Ленина: П. Д. Дмитриевой, А. Х. Митрофанова и др. С 19 в. до 1950-х гг. в старой части Миасса функционировало ста-рообрядч. К. На терр. Центр. К. (кон. 19 в.— 1970-е гг.) в 1887 построена ныне действующая церковь в честь Св. Троицы. На этом К. похоронен Герой Сов. Союза М. П. Кушнов. В горнозаводской зоне сохранилось мн. К., функционировавших с кон. 19 в. В Чел. обл. учтено более 100 захоронений, имеющих статус памятников истории и культуры. Художеств. ценность представляют archit. сооружения гл. каслинского К. На нем установлены многочисл. надгробные памятники, кресты, могильные плиты, беседки каслинского литья. Здесь находится мемориал в честь каслинских мастеров — могилы скульпторов, рук. каслинской школы художеств. литья — П. С. Аникина, Н. Р. Баха, А. С. Гилёва, К. А. Клодта (см. Клодты), В. Ф. Торокина (см. Каслинский мемориальный комплекс). Памятниками истории и культуры являются также надгробия, установл. на К. пос. Увельского [здесь находится братская могила бойцов бригады И. Д. Каширина (см. Каширины), павших в бою в ст-це Увельской в июле 1919], на разных К. могилы с надгробными плитами и обелисками Героев Сов. Союза: И. Т. Глухова (Карабаш), В. А. Колонова (с. Еткуль), В. А. Похвалина и Н. Т. Сириченко (Копейск), И. Н. Колина (Нязепетровск), И. А. Кукарина (Юрюзань); дипкурьера И. А. Махмастала (с. Багаряк, Касл. р-н); польского революционера, горного техника Л. Ф. Гольца (Копейск).

В Сатке и Саткинском р-не до рев-ции было 19 К., в наст. время 28 (общая площадь 52 га). Самое большое К. Сатки (10 га) расположено у пос. М. Запань. Первые захоронения относятся к кон. 19 в. Здесь похоронены бойцы и командиры РККА, умершие от ран в местном госпитале в 1942—45, почет. граждане города К. В. Белобров, Г. М. Нестеров, Я. Г. Гапонов, Т. И. Кошельский, Л. Н. Сказова, К. П. Худякова, полковник милиции А. А. Усков и др. известные люди. Палинихинское К. открыто в 1932. Здесь похоронены почет. граждане Сатки Г. Г. Солдаткин, Ф. С. Маринин, А. Н. Мерз-

ляков, Герои Сов. Союза И. Н. Плохих, М. А. Немчинов. Могилы чл. 1-го Совета деп. Саткинского завода, расстрел. белочехами в июне 1918, составляют часть созд. в сквере «Победа» мемориала. На могиле сооружен гранитный обелиск. В 1759—1830 у церкви в честь Живоначальной Троицы появились первые 8 захоронений; К. эксплуатировалось вплоть до нач. 20 в. В 1957 было закрыто небольшое К. возле церкви во имя Св. Николая Чудотворца. Здесь в 1921 был похоронен прот. Свято-Никольского единоверч. храма А. Я. Мурдасов. Ветлужское К. (2 га) в Сатке действовало с 1845 по 1938. Здесь хоронили в осн. умерших работников Саткинского чугуноплавильного з-да и чл. их семей. В 1958 снесено К. (заложено в 1912), располагавшееся на месте нынешнего ДК строителей. В 2006 закончилось проектирование нового саткинского К.— Запрудного. Первая очередь рассчитана на 5 тыс. могил, площадь 5 га.

В нач. 2000-х гг. в Троицке было 4 К.: Дмитриевское, Южное (в пос. Южном) и 2 мусульм.— старое и новое. На старом мусульм. К., действовавшем с нач. 19 в. до 1996, сохранились многочисл. фамильные захоронения местных купцов, могилы известных мусульм. деятелей, священников, просветителя З. Х. Расулева. Новое мусульм. К. (площадь 1,2 га) было заложено после закрытия старого. Дмитриевское до сер. 1990-х гг. было гл. христианским К. города (после его закрытия захоронения стали производиться на Южном). На Дмитриевском К. похоронены писатель А. М. Климов и ученый-биолог Н. И. Акаевский; на К. в пос. Южном — д-р с.-х. наук П. А. Кормщииков.

Первое документально зафиксир. К. Челябинска — Казанско-Богородицкое — указано в «Плане Уфимского наместничества уездного города Челябинска» (1784). В 1791—93 на его терр. возведена церковь в честь Казанской иконы Божией Матери. В 1923 из-за переполнения К. было закрыто, в 1930-е гг. снесено. В 1837 появилось К. в Заречье (позднее получило назв. Симеоновского; см. выше); в 1838 на его терр. сооружена часовня, в 1883 — Свято-Симеоновская церковь (см. Собор во имя Св. Симеона Верхотурского Чудотворца). В первые годы Сов. власти К., мешавшее развитию Заречного р-на, было закрыто. В 1879 в Чел. открылось Успенское К. (см. выше). Первонач. оно имело площадь 2950 саж², позднее — 5600. В 1906 на средства чел. предпринимателя А. П. Холодова и др. благотворителей здесь построена кам. церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы (Успенская), давшая назв. К. В 1930-е гг. К. перемещено на сев. окраину города. С прокладкой жел. дороги (1892) население Чел. быстро увеличивалось. Появилась необходимость создания новых гор. К. В кон. 1900-х гг. открыто К., известное в народе как Мареновское или Марьянское (по назв. располож. рядом заимок). Оно располагалось между складами таможни и садом гор. общест. собр. (ныне район телецентра и

гор. парка им. А. С. Пушкина), при слиянии станции и города было закрыто, в 1950-е гг. снесено. Одним из первых К. Чел., образов. в сов. время, являлось Сев.-Вост. (возле пос. Планового в Тракторозаводском р-не). На нем захоронены в осн. первостроители и работники ЧТЗ. **В период стр-ва ЧМЗ возникло К. в Металлург. р-не. Здесь находятся многочисл. могилы строителей завода, б. ч. трудармейцев (см. Трудовая армия). Позднее К. было засыпано шлаковыми отвалами. В 1990-е гг. на этом месте бывшие трудармейцы и их потомки установили обелиск.**

В кон. 1930-х гг. полит. репрессиям подверглись тысячи челябинцев и жит. области. Расстрелянных хоронили тайно, мн. места захоронений до сих пор неизв. Одно их таких мест обнаружено в 1989 на Золотой горе. Участников Вел. Отеч. войны, умерших в чел. госпиталях, хоронили на Лесном К. (между совр. пос. Мебельный и АМЗ). К Дню Победы в 1975 К. было благоустроено и преобразовано в мемориал воинской славы. Митрофановское — старейшее из действующих К. Чел. (образовано в 1870-е гг.) — расположено в Центр. р-не, в гор. бору; площадь 40 га. Именуется по кладбищенской часовне во имя Св. Митрофания, закрытой в сов. время. В 1950-е гг. К. пришло в запустение; в 1990-е гг. восстановлено, приведено в порядок. Во 2-й пол. 1990-х гг. сюда перенесен прах первых жит. Чел. креп., захорон. на погосте при церкви во имя Свт. Николая Чудотворца (сквер у театра оперы и балета); на кладбищенской терр. возведен храм во имя Свт. Николая Чудотворца, создан музей погребальной культуры. В числе старейших захоронений этого К.— братская могила борцов, павших за Сов. власть: комиссаров Н. П. Веденеева и В. Ф. Кляева, чекиста-интернационалиста М. Л. Гербанова, командира красно-гвард. отряда М. Ф. Меховова и др. Здесь похоронены Герой Сов. Союза Г. В. Старков, детский поэт В. Н. Кузнецов, тракторостроитель Я. В. Мамин, засл. артисты РСФСР И. Е. Рагозин и В. А. Южаков. Успенское К., перемещ. из Заречья на сев. окраину города, ныне расположено в Курчатовском р-не; в послевоен. годы было гл. К. города. Площадь более 130 га. Именуется по часовне в честь Успения Пресвятой Богородицы. Первые захоронения совершались здесь в 1928. На К. есть т. н. госпитальный квартал — 53 могилы участников Вел. Отеч. войны, над к-рыми возвышается скульптура воина с автоматом (скульптор В. С. Зайков). Здесь похоронены Герои Сов. Союза: П. К. Брякин, И. И. Качалин, Н. Н. Крылов, И. Г. Куперштейн, Н. Ф. Лобырин,

И. П. Салтыков; почет. жит. города: И. С. Белостоцкий, П. Е. Карпенко, П. И. Кулешов, Я. П. Осадчий, Н. Ю. Орлов; ученые, основатели науч.-техн. школ Чел.: М. Ф. ж, А. Г. Бургвиц, И. И. Вибе, В. Н. Выдрин; засл. артисты РСФСР и РФ: Е. И. Агеев, И. Г. Баратова, С. П. Вадова, П. А. Гарянов; писатели: М. П. Аношкин, С. К. Власова, М. С. Гроссман, Л. А. Преображенская; скульптор Л. Н. Головницкий; врач П. М. Тарасов; актер и режиссер, засл. деятель иск-в РСФСР Н. А. Медведев.

В 1980—90-е гг. на Успенском, как и на мн. др. К. области, появились захоронения участников боевых действий в Афганистане и Чечне, открыта Аллея славы. Ныне здесь разрешаются только «семейные» захоронения (на участках, занятых могилами родственников умершего). Самое позднее по времени первых захоронений (1983) и одно из крупнейших чел. К.— Градское (рядом с пос. Градский Прииск). На нем есть мусульм. квартал, на терр. к-рого построена мечеть. С 2004 в связи с переполнением этого К. захоронения на нем запрещены (ныне производятся на Преображенском К. в 4 км от Градского прииска). Площадь Преображенского К. ок. 140 га; названо по располож. рядом храму в честь Преображения Господня. На терр. Сев.-Вост. (Металлург. р-н), Лесного К. и К. в районе пос. ЧКПЗ есть захоронения иностр. военнопленных и интернированных (всего в области таких мест более 30). На 14 чел. гор. К. (ок. 500 га) к нач. 21 в. было захоронено ок. 1,3 млн чел. Системное регулирование захоронений, благоустройство терр., рем.-хоз. работы на чел. К. в постсов. период начало МУП «Мемориал» (создано в 1992, рук. с 2003 Н. Н. Боровик). В 2003 для обслуживания Градского К. организовано МУП «Градское-Мемориал» (Р. А. Ибатулин), Чел.— один из немн. городов-миллионеров, в администрации к-рого создано Управление по организации ритуальных услуг и содержанию мест захоронений (с 2004). В связи с переполненностью ныне действующих К. и угрозой возникновения антисан. условий власти крупных городов Чел. обл. вынуждены повсеместно ограничивать захоронения в гор. черте. Для стр-ва новых К., оборудуемых за городом, уничтожаются лесные массивы, что ведет к нарушению экол. баланса в регионе. Планируется открытие К., на к-рых будут захоронены урны с прахом; такие К. более компактны и просты в эксплуатации. В 2002 в Чел. на терр., примыкающей к Успенскому К., началось стр-во крематория. В сент. 2007 крематорий и колумбарий (структурные подразделения специализир. предпр. ритуальных услуг «Память») открылись.

ВОЛОДЯ МАЛЛЕР И БАЗАР

В конце ноября 1942 года военная лихомань занесла меня со второй волной мобилизации российских немцев в трудармию под Челябинск в шахтёрский городок Копейск в так называемую «Спецконтору по тушению подземных пожаров».

Известную роль и, честно сказать, немалую, в моей судьбе с почти первых же дней моего пребывания там сыграл некто Володя Маллер, латвийский еврей. Он был рижанином и эвакуировался из Риги в 1941 году перед самым захватом её немцами. Володя был плотным мощным мужчиной, работавшим в нашей кузнице молотобойцем. Не знаю почему, но он сразу обратил на меня внимание. Как-то незаметно мы сблизились, хотя он был значительно старше меня, было ему тогда лет сорок.

Пожалел ли он меня - в сущности беспомощного мальчишку двадцати с небольшим лет, подавленного всем случившимся, потерявшим почти всех родных в блокадном Ленинграде, оставшимся фактически одним на белом свете, оказавшимся в среде чужих ему и говоривших на своём диалекте сосланных немцев Поволжья, живущим на грошовую зарплату и скудном пайке военных лет в трудных условиях жестокой уральской зимы, - пожалел ли он меня просто по-человечески, как отец сына - не знаю. Его-то семья погибла там, и жена, и дети.

Конечно, Маллер был добрым и порядочным человеком, хорошо говорил по-немецки, и мы чаще общались с ним именно на немецком. Он говорил на балтийском диалекте, близком к хох-дойч, а значит, на том языке, на котором я разговаривал с детства. Володька как-то сразу раскусил мою порядочность и не боялся откровенно делиться и о своём прошлом, и о сегодняшних делах. А ведь это было тогда признаком огромного доверия. Любое неосторожно брошенное слово могло в ту пору решить судьбу человека.

Так вот именно Володя Маллер и принял глубокое участие в моей судьбе в те страшные годы.

- Послушай меня, - говорил мне он, - ты погибнешь здесь на свой паёк и зарплату. Базаром надо заняться. Подрабатывать надо. Иначе пропадёшь. Я тебе помогу, денег дам для начала. Потом отдашь. И вообще, можешь на меня рассчитывать.

Честному плательщику Володя давал взаимы сколько угодно, но требовал аккуратности возвращения. Я часто брал у него суммы, превышающие тысячи рублей. Я знал, что он давал и больше.

Так Маллер стал помогать мне и обучать премудростям базарных дел - по советской терминологии - спекуляции. Сам он был

дельцом в полном смысле этого слова, видно, с пелёнок. Неудивительно: он же жил в буржуазной Латвии! И там его никто спекулянтом не называл. Он просто был торгашом.

Вот там-то он вершил дела посложнее. Проворачивал не такие сделки. Промышлял чуть ли не контрабандой, продавая краденых лошадей из Литвы. И Бог весть ещё что.

В Союз он ушёл с отступающими войсками, во-первых, как еврей, оставив всё имущество, жену и детей, а во-вторых, как негласный сотрудник НКВД, куда он устроился по знакомству и за деньги для спасения своей жизни. Латвия тогда была уже советской. И Володя нашёл себе здесь, в Копейской Спецконторе, хорошее место для жизни и работы.

Работа его в нашей кузнице в сущности была только формальным местом, прикрытием.

Хотя сразу же оговариваюсь, чтобы не было превратного мнения о личности Маллера - работал он молотобойцем, как зверь! Постоянно был в списках лучших рабочих. Известен был своей добросовестностью. Его любили товарищи по работе и он пользовался большим авторитетом у администрации. Словом, был хорошим человеком во всех отношениях. Ни образования, ни специальности он не имел, но хорошо владел русским, еврейским, немецким и латышским языками.

Однако, основным поприщем его деятельности был базар и другого рода «забазарные» махинации, которые он вершил. Сколько у Маллера было денег - никто, конечно, не знал. Но то, что «карманные деньги» у него были - по нашим понятиям огромные - он и не скрывал.

У Володи был большой круг знакомых среди подобных ему дельцов разного уровня. И сделки были весьма разными. От мелочных, базарных, до крупных поставок товара - чуть ли не ящиками. Надо полагать, что и в обороте у Маллера ходили немалые деньги. Бывали случаи, когда он во время своих махинаций терял огромные по нашим понятиям суммы. Но он не слишком расстраивался, выпивал лишнее поллитра и, засучив рукава, приступал к новым комбинациям. Типично еврейская ловкость и изворотливость всюду выручали его.

Маллер был готов в своих интересах идти против своих же товарищей-деляг и, пожалуй, не дрогнул бы снять последнюю рубашку со своего должника. Однако, от природы он был очень добрым человеком и для друга мог сделать много хорошего.

Если дело касалось пьянки - деловой пьянки! - он не жалел денег ни на вино, ни на заскусу.

Одной из постоянных статей его дохода была торговля хлебом. Кстати, тогда многие выдержанные волевые люди сумели заняться

этим прибыльным делом. Одна из сложностей такого рода торговли заключалась в том, что в голодные годы с мизерным пайком ты вынужден был ворочать массами хлеба, а есть его практически не имел права. Позволить себе такую роскошь можно было только при наличии уже немалого капитала. А его надо было прежде всего создать, зачастую из ничего.

Буханка хлеба стоила тогда сто рублей. А для наглядности это можно сопоставить с моей зарплатой в 310 рублей в месяц, которую я стал получать после травмы руки на буровом станке в 1943 году. Значит, на базаре на месячную зарплату я мог купить три булки хлеба. «Сущность» торговли хлебом заключалась в том, чтобы тут же, на базаре, заранее по сниженным ценам скупить хлебные карточки, приобрести по ним потом хлеб, а продавать его уже «натурой».

Карточки приобретались, как правило, на месяц вперёд, и именно это было выгодно, но, естественно, требовало большого оборотного капитала. В этом-то и была основная сложность для начинающего. Если считать, что наиболее удобным для продажи количеством была, конечно, буханка (весов же не было, попробуй, оцени на глаз «кусок»! - покупатель не шёл на «куски»), то выходит, надо было в худшем случае - минимальном варианте - иметь возможность выкупать ежедневно для продажи килограммовую буханку хлеба, т.е. иметь ежедневный «возврат» около ста рублей. В месяц - круглых три тысячи. Вот и считайте, сколько же надо было иметь оборотного капитала в месяц. В лучшем случае, полторы, а то и две тысячи рублей. Это имеется в виду только на приобретение карточек, что при моих-то заработках в Спецконторе составляло годовой доход! Теперь уже более наглядно можно себе представить, что без посторонней помощи начать свой «гешефт» (дело) я, конечно бы, не смог.

Приобретение хлебных карточек на базаре в конце месяца было проблемой тоже далеко не из лёгких. Надо было в течение нескольких дней - а ведь мы работали! - умудриться найти и приобрести по сходной цене максимум карточек, не попавшись и не нарвавшись на облаву. А карточки продавались разные. Продавали карточки всякие «доходяги», в основном пацаны-ремесленники, которым позарез нужны были деньги сейчас, сегодня, чтобы с ходу купить себе что-нибудь пожрать... Голод доводил людей до этого. Поесть сегодня, сейчас, а завтра - завтра видно будет.

Но чаще всего эти мальчишки потом погибали. Это было началом агонии. Помочь им было нечем. И спасти тоже некому. А бывало, что до такой стадии доходили и взрослые. В нашем кругу спецконторских работников были и такие. Помню забойщика из Донбасса Кольку - фамилию позабыл - вместе с ним на буровой в разные смены работали. Он был чуть старше меня, лет 25-ти, бывший стахановец, значок у него даже был - или медаль. Не помню только, за какие дела он к нам попал, а не на фронт.

Может, по болезни.

Так вот этот Колька - и судьбу-то его дальнейшую почему-то не помню - дошёл до ужаса. Страшный был, смерть ходячая, не умывался, в такой же грязной и драной одежде, всё что можно было из вещей продать - давно было продано. Всё это прошлое, давнее прошлое, и это описать трудно, а тем более сегодня понять. До чего же голод доводил людей!

Я на смену вышел. Сидит Колька на буровой у печки и вшей чешет. Картошку печёт: то ли украл где-то, то ли на ведро угля с буровой по соседству сменял.

- Колька, ты чего домой не идёшь? Сменили ведь.

- А чего я пойду? Тут теплее... В общаге холод. - Николай надрывно кашляет. - До утра тут погрееусь.

Это надо понимать - до его новой смены. Работа же у нас была двухсменная, по 12 часов. Колька шелушит «печёнку» такими же, как она чёрными пальцами и, обжигаясь, хватая губами рассыпчатую мякоть душистой картошки. Грохочет колёсами буровой станок, поливая водой деревянные половицы нашей будки. Сосульки свисают со шлангов. Лёд намерзает на полу. Мороз пролезает сквозь щёлки между щитов нашей «вышки», как профессионально называется наша будка. А в передней-то части наверху и крыши нет. Здесь стоит копёр и на нём блок с канатами, чтобы вытаскивать из скважины «буровой снаряд» - колонну свинчатых труб. А возле печки в брезентовой куртке, скрючившись в плотный комочек, дремлет Николай, довоенный забойщик-стахановец. Нам всё с гордостью медаль свою показывал. Так ведь, видно, и погиб.

Что ужговорить о пацанах-ремесленниках, которым и шестнадцати-то не было...

Вот такие и продавали свои хлебные карточки. Только им обычно карточки выдавались на декаду. Так что приходилось не брезговать и декадными. Потом удавалось в течение месяца «прихватывать» и на следующие декады у людей - даже и у взрослых - уже потерявших всякую надежду, силы, скатившихся до последней степени истощения и потери силы воли.

Продавались и другие карточки - с опаской, из-под полы - надёжным скупщикам, известным или знакомым дельцам и спекулянтам - ворованные. Профессиональные карманники и воры, которых было полно на базаре, промышляли и карточками. Этих воров надо было знать, чувствовать, угадывать. Это было ещё одно звено базарной цепочки.

И базар кипел. Продавали чёрт-те-что и чёрт-те-кто. Мы, штатные «базарники», благо городской базар был под боком, иной раз за день по несколько раз там бывали. Знали в лицо друг друга. И всех этих профессиональных жуликов разного профиля тоже. Тут были и просто «честные» перекупщики: купят у простачка какого-нибудь по дешёвке, а другому такому же простачку всучат в три дорога.

Были и другие. Работали уже группами. Один покупал или продавал, другие подтор-

говывали: это уже были мошенники высокого класса. Продаёт одну вещь, а покупателю подсунет совершенно другую, которой грош цена. Покупает за настоящие деньги, пересчитывает их на глазах продавца, а продавец уйдёт с пачкой чистых бумажек, прикрытых сверху и снизу настоящей денежкой.

Я-то их знаю, этих ребят. Подглядываю и поражаюсь - до чего же ловкачи! Просто фокусники в цирке! Но страховка кругом обязательно капитальная. И опять же я их всех тоже знаю. Знаю, что все из одной компании. Но те, вспомогатели, ходят рядом, вида не подают. Сами вроде что-то покупают, прицениваются. А на самом деле дружка оберегают, страхуют. Надо будет - вступятся, невзначай ножку подставят, дорогу перекроют, горлом брать будут, пока дружок тягу даст, в толпе смешается.

Вот «слепые» поют под гармонь - война кончится, и сразу все прозреют. Я их тоже хорошо знаю. А вот и в игры азартные играют, дурачков заманивают. И опять компания. Сами меж собой играют. Ну и игра! Залюбуешься! Главный игрок - он играет, вроде, один за себя - играет с подставным «из публики», который выходит совершенно «случайно» из толпы. Игра азартная - туда-сюда. То один выигрывает, то другой. А подставной главного-то, ведущего, вроде бы отвлекает. Выигрывает второй «из публики» - второй подставной. Обчешет главного до обалдения. И делается это всё с единственной целью - завлечь какого-нибудь уже подмеченного заранее дурачка. Дурачок «клюёт». А тот, который «выиграл» до этого, незаметно в публику и - смешался. Но тут уже наготове другие. Они работают «на подначке». Главный обычно подпитый, но делает вид, что поддат хорошо.

Сперва простачку дают хорошо выиграть, азарт разгорается, и если бы даже надумал уйти - те, что «на подначке», плотным кольцом окружают - это их задача - и ускользнуть уже не дают. Беднягу обчищают до конца. Должен признаться, хоть я и очень часто заглядывал на эти состязания, секрета этих «фокусников» разгадать я не мог. Всё на виду - ясно, как день - и полнейший обман. Молодцы, ребята! Ну и облапошивали!

Да что там говорить - меня ведь тоже раз на первых порах «купили» на часах. А было это так. Я слонялся по базару в поисках пиджака - неожиданно получил премию к Новому 1947 году. Это было точно 31 декабря. Случайно подошёл к одной группе торгующих. Продавались карманные часы. Продающий часы парень был пьян. Он торговался с мужчиной, довольно прилично одетым, с видом знатока рассматривающим часы «со швейцарским механизмом на шестнадцати камнях».

Часы, видимо, ему очень нравились. Он предлагал за них 425 рублей вместо 500 запрашиваемых. Продавец соглашался отдать их за 450. А за 425 рублей он мог отдать их любому покупателю! А может, вообще его считают пьяным и неспособным разбираться

в часах? Извините, он уж не так пьян, чтоб за бесценок отдать такие часы! Покупатель настаивает, лезет в карман, достаёт пачку денег, начинает их отсчитывать. Но продавец упорствует.

- Тебе не отдам! Вот ему, - говорит он, указывая на оборванного парнишку, у которого по виду и пятёрки-то нет, - ему за сотню отдам! А ему, - он указывает на меня, - за 300 рублей отдам.

«Сегодня возьму за 300, завтра продам за 400», - мелькает у меня в голове.

- Чего зря мелешься? - говорю я вслух.

Меня поддерживают окружающие. Пьяный куражится, злится, потом убеждённо

утверждает, что у меня и денег-то нет. Я достаю бумажник и торжествующе вынимаю деньги. Пьяный поражён. Даже делает вид, что хочет улизнуть. Но публика смеётся и подзадоривает. Мне и невдомёк, что это его «подставные» дружки! Пьяный машет рукой, плюёт, возвращается и отдаёт мне часы.

Боясь какого-нибудь мошенничества, я прячу часы в карман и поспешно ухожу. По дороге домой я даже не решаюсь вынуть часы - краденые, может! Может, кто-то за мной и подглядывает уже? Только подходя к дому, я решаюсь посмотреть на часы и убеждаюсь, что внешне они уж не так прекрасны. И стрелка из жести даже смахивает на самодельную. «Но видно, ценность в механизме», - решаю я. Дома оказывается, что стрелки вообще не движутся и почти сразу же отваливаются. Часы только подозрительно безотказно с хрипом тикали. Естественно, что я их ни продать, ни пользоваться ими не мог. Надули меня ловкие жулики!

Потом уж я знал их всех наперечёт. И, кстати, один из этих «часовщиков» после войны до самой смерти работал настоящим часовщиком в Копейске и со мной всегда здоровался. Значит, запомнил с базара! А один крупный карманник - тоже всегда, до последнего дня жизни, - здоровался со мной, и был он тогда каким-то высоким начальником. Тоже запомнил меня с базарных времён.

Были и ещё другие разновидности хлебных карточек: просачивались эти карточки на базар прямо из карточных бюро, чуть не из типографии. Безадресные и бесфамильные. Значит, находились деятели, умудрявшиеся пускать какую-то долю карточек прямо на чёрный рынок. Понятно дело, цена карточек зависела от способа их поступления на рынок: «честные» карточки ценились дороже. «Подпольные» - дешевле. Но и купить «честные» было сложнее.

Помог мне Маллер, конечно, не только, ссудив деньгами на первых порах, но и введя в какой-то круг базарных делег, кого-то показав, с кем-то познакомив. Обучил начальным тонкостям, подсказал настоящие цены, научил торговаться, находить оптимальное решение. Все мы, подавляющее большинство, торговцы и покупатели, были жуткими оборванцами и внешне трудно было догадаться, что под на-

шими драными пиджаками и промасленными фуфайками скрывались по тогдашним понятиям изрядные суммы денег и иных ценностей (карточки ведь тоже были ценностью!).

Практически почти всё свободное от работы и минимального сна время приходилось проводить на базаре, в огромной тесной толпе всяких оборванцев: горожан, продающих разные шмотки, колхозников с молоком и другими скудными предметами питания и овощами, бабами и мальчишками, торгующими иногда обыкновенной питьевой водой в летнюю жару. А летом была жара страшная! И жажда тоже.

Тут было всё: платья, обувь, ржавые гвозди, шляпы, облигации, ключи, «жвака» (жвачка), хлеб, самодельные расчёски, водка, книги, допотопные газеты, мыло, часы - всё, что душе угодно. В этом хаосе честных продавцов, мошенников, карманников, спекулянтов, зрячих и слепых слепцов, распевających песни не только под гармонь, но и «в сухую», безногих и безруких инвалидов с фронта, оборванных и чумазных мальчишек ФЗУ-шников - в этом хаосе надо было суметь разглядеть и найти свой «товар», почти незаметно его приобрести с постоянным риском нарваться на какой-нибудь трюк.

Но не надо забывать, - это я хорошо знал - что тут же среди нас шныряли и представители милиции и Горотдела, в такой же неприметной одежде, охотясь за преступниками и, кстати, за нами, ссыльными немцами, которые не имели никаких документов и права появляться в городе. Но некоторые всё-таки умудрялись же это делать! И их вылавливали, часто по немецкому акценту и плохому русскому языку.

Однажды попался и я. Это было жарким летом. И прихватил меня какой-то мужик, потребовавший от меня документы:

- Да я тут в Спецконторе рядом работаю...

- А чего на базаре делаешь?

- Да вот забежал на минутку.

- Ладно, пошли со мной. В Горотделе разберёмся.

Повёл он меня в какую-то комнатку в базарной конторе. Там уже было полно разного пацанья. Сдал он меня дежурному и сам снова ушёл на базар. Сидел я, сидел - как отсюда выбраться? Говорю дежурному:

- Дай, мужик, я попою схожу - жарко больно.

- А ты сбежишь!

- На, я тебе фуражку оставляю.

- А на фига мне твоя фуражка?

- Ну возьми десять рублей. Попою, вернусь - отдашь.

- Ну, валяй, иди! - говорит мне дежурный, беря десятку.

Я в дверь, а там уж - поминай меня, как звали!..

Должен признаться, что мои «хлебные» махинации, которыми я занимался несколько лет, все прошли удачно. Я ни разу нигде не промазал и потерь не имел. Сам удивляюсь: это

вам не часы со швейцарским механизмом или покупка сапог! Тут уж я был «пас» - подсунули мне сапоги, понравившиеся мне. Были они на вид кожаные, и только дома я распознал, что это не кожа, а какой-то заменитель, почти что бумага - сапоги вскоре разлезлись.

Итак, первый этап: приобретение карточек. Второй этап тоже имел свои сложности. Дело в том, что хлебные карточки после их законного нормального получения «прикреплялись» к определённому хлебному магазину. Теперь хлеб можно было выкупать только здесь. Для прикрепления карточек на них имелся специальный талон - «прикрепительный», который отрезался и оставался в магазине. При этом на основной карточке ставился штампмагазина с его номером.

Карточки можно было купить разные: чистые с прикрепительным талоном - с ними никаких проблем, со штампом прикрепления к какому-то магазину Бог знает где и совершенно случайно со штампом нашего центрального хлебного магазина № 35. В те времена в Копейске слова «булочная» ещё не существовало.

Сейчас уже, конечно, никому и невдомёк, что находился он на задворках сегодняшнего Дворца пионеров - наш знаменитый «хлебный магазин», в простонаречье просто «тридцать пятый» - в проулке, соединявшем улицу Ленина с улицей Борьбы, которого давно уже не существует. Чаще всего карточки были из чужих магазинов. Теперь их надо было срочно «прикрепить» к магазину № 35. Для этого мною было разработано несколько приёмов. У Маллера проблемы с «прикреплением» не существовало: он имел всюду крупные значкомства, подкрепляемые, естественно, взаимными услугами.

Первое, что я придумал: я складывал стопку карточек - у меня их, понятно, было много - так, чтобы последней была моя собственная с законной печатью «Магазин № 35» и скалывал их скрепкой. При существовавших тогда бесконечных очередях и толкотне продавщица спешила и всех карточек не проверяла - не всегда, во всяком случае. Был шанс «пройти». Но риск оставался. Если при проверке оказывались чужие карточки - по ним хлеба не выдавали. Систему пришлось усовершенствовать. Тут я придумал ещё один способ: осторожно приклеивал к обороту карточки кусочек старого корешка карточки прошлого месяца со штампом, «запачкав» дополнительно искусственно обратную сторону карточки. Но и это было кропотливо и недостаточно надёжно.

Тогда мне удалось приспособиться подделывать штампприкрепления. Это была вершина моего творчества. Сейчас уже и не могу точно описать технику этого дела.

А тут мне совершенно неожиданно помогло одно непредвиденное обстоятельство, само по себе не из приятных. Было это так. Однажды я стоял как обычно в бесконечной очереди за хлебом в битком-набитом людьми магазине. И тут продавщица, увидев мою забинтованную

руку, громко на весь магазин заявила:

- Вы что в очереди стоите? Инвалидам войны мы отпускаем без очереди. Проходите сюда! Граждане, пропустите его!

Я не стал её разубеждать и получил хлеб без очереди.

С тех пор я не только стал проходить прямо к прилавку, точнее, протискиваться к нему из дверей, но и продемонстрировав свою забинтованную руку всем остальным продавщицам. Так что вскоре все они знали меня в лицо. Я стал с ними здороваться, даже на улице. И стал у них «своим» человеком. Даже когда через несколько месяцев повязку у меня сняли, я уже без внешних признаков «инвалидности» продолжал пользоваться иллюзорным правом в очереди не стоять. А ведь иной раз приходилось стоять часами!

Помню, раз, протолкнувшись с трудом к весам, я сунул через голову свои карточки продавщице. И тут толпа грозно загудела.

- Вы что шумите? - отпарировала продавщица. - Мы его давно знаем, он инвалид.

Пришлось идти и на такое. Вдуматься внимательно - мы ведь тогда по 12 часов работали - на всё остальное оставалось совсем мало времени. А всё надо было успеть сделать.

Итак, торговля хлебом состояла из трёх этапов. Первый предполагал скупку карточек, второй - их отоваривание хлебом, а уж третьим этапом был сбыт самого хлеба.

Продать его надо было по возможности с большей выгодой, а для этого приходилось постоянно следить за колебаниями цен. Иной раз даже в течение дня. Выкупленный в хлебном магазине хлеб назывался здесь «булкой» - понятия «булка» в смысле батона, т.е. белого хлеба, в Копейске тогда вообще не существовало. Вот и бежишь с этой булкой - буханкой! - на базар в наиболее подходящий момент. А цена этой буханки менялась постоянно. То утром дороже, то вечером. Промажешь, упустишь время - твой доход снижается. Убытка никогда не было, хлеб в любом случае был дороже карточек. Но величина прибыли колебалась.

Денежное моё состояние из месяца в месяц росло. С Маллером я уже давно рассчитался. Жил я очень скромно, никаких себе излишек не позволял, младшая сестра просила забрать её к себе из Ташкента, на это потом понадобятся деньги - и я копил.

В то время столовой Спецконторы заведовала некто Римма Зайцева, еврейка из Белоруссии. Муж её был на фронте. Молодая интересная женщина лет тридцати или чуть меньше была в хороших отношениях с Володей Маллером. Ясно, что дело было не просто в личной привязанности: были «дела».

Через Маллера я сблизился с Риммой, женщиной очень хорошей, доброй, весьма доброжелательно относившейся ко мне до конца нашей совместной работы - она уехала домой вскоре после окончания войны. Мне хотелось бы и тут сразу поставить точки над «i», чтобы не возникли потом какие-нибудь предвзятые мнения. Сменившая Римму новая

заведующая Вера Владимировна Астафьева - русская, жена инвалида Отечественной войны, нашего кассира, уважаемого члена партии, великолепнейшего человека с душой и сердцем - так вот, эта Вера Владимировна через несколько лет работы в столовой была привлечена к уголовной ответственности за грандиозную растрату и хищение, выразившиеся в сотнях тысяч рублей - полмиллиона или в этом роде.

Рассказы о её проделках долго потом смаковались по всему городу. Ну, например, говорилось, что любовники купали её в ванной с шампанским. Дали ей 25 лет, которые она отсидела, если и не все, то почти. Встречался с ней на улице после её заключения, видел не раз, здоровались. А Римма Зайцева, учительница по профессии, ни любовников не имела, ни в шампанском не купалась. Была у неё младшая сестра, которая в институт поступила и училась в Челябинске. Необычайной красоты девушка - Бася. С неё бы только богинь писать. Для неё Римма и жила. Ради неё и ради маломальской своей жизни что-то и мошенничала. Ну и естественно, ради начальства тоже. Иначе не бывает. Всякий дождный пост и сегодня обкладывается «налогом» сверху.

Так вот и здесь, в столовой Спецконторы, я выполнял некоторые услуги, за что получал и какую-то мзду. Нам, спецконторским трудягам, за хорошую работу выдавали особые талоны на «дополнительное питание», которое мы получали в столовой. Такие талоны я получал регулярно. Разрешалось, собрав несколько талонов, «отоварить» их в столовой продуктами.

Многие так и делали, т.е. обмен талонов на продукты не мог никого удивить.

Завезти продукты в столовую с базы не составляло проблем. Понятно, Римма могла завезти и лишние. Но тут появлялась проблема вынести эти излишки продуктов из столовой. А это было уже непросто: кругом торчали и следили разные контроли, гласные и негласные. И тут Римма отваливала мне пачку талонов на «дополнительное питание», которые поступали в столовую от нас. Я эти талоны спокойно «отоваривал» - уличить меня в чём-то было сложно.

Понятно, я старался это делать без лишних свидетелей, а буфетчица-раздатчица была участница этих махинаций «на паях», и потому стесняться мне её не приходилось. Продукты я спокойно относил к себе домой. А жил я в то время уже на «частной квартире» у главного инженера Спецконторы Терёшкина, занимавшего небольшой одноэтажный домик рядом с работой. В нарушение всех положений того времени меня из немецкого общежития перевели на «частную» квартиру - люди были хорошие, они мне всю жизнь помогали и помогают. Много хороших, очень добрых людей повстречал я в своей жизни. У Терёшкиных для меня была крохотная комнатка, где стоял стол, кровать и большая печка, которой

отапливались моя и соседняя комнаты.

Хозяин дома практически с утра до поздней ночи был на работе. А его отдельный маленький домик, как я уже писал выше, нуждался в стороже для жены и маленьких детей. Вот в таком качестве я и ушёл из нашего «клопятника» - общежития немцев в бывшем хомутнике на конюшне. Кстати сказать, было это совершенно незаконно. На частных квартирах нам, немцам, разрешили жить только в 1945 году, незадолго до окончания войны. Ну а через мой дом в конечном итоге продукты попадали к Римме Зайцевой. Я относил их ей обычно вечером. Но бывали и более рискованные случаи выноса продуктов - на виду у всех.

Сегодня сам себе удивляюсь - был я тогда на удивление отчаянным и бесстрашным человеком. Попадись я тогда - мне бы с лихвой засчиталось и то, что я «немец» и «проклятый фашист». А что значит «на виду»? Входная дверь в столовую располагалась напротив кузницы, а главным кузнецом там был некто Давыдов - пренеприятнейший тип. Поскольку кузнецы постоянно выходили на улицу отдохнуть и подышать свежим воздухом, дверь столовой с их стороны почти всегда была под наблюдением. Очевидно, эта выгодная позиция и послужила причиной того, что Давыдова избрали в какую-то комиссию по народному контролю. Вот он и наблюдал, стоя возле дверей кузницы. Но не надо забывать, что рядом с ним нередко стоял и молотобоец Маллер, который тоже наблюдал, только уже в мою пользу. И я умудрялся на глазах этого Давыдова протаскивать из столовой то кусину мяса, то несколько килограмм крупы, то даже что-то в бидончике - водку или растительное масло - я уже толком всего не помню.

Но я хорошо помню, как однажды выйдя со своей ношей из столовой, я нарвался на Давыдова, что называется, грудь в грудь. Я набрался наглости даже постоять с ним и покалякать о том - о сём, прежде чем пойти дальше. А приспособился я так. Было у меня ещё из Ленинграда длинное старенькое тогда уже зимнее пальто. Я продрал остатки кармана и подкладки для левой руки и, засунув в «карман» руку, через дырку изнутри брал под пальто сумочку или даже двухлитровый бидончик - так и выходил на улицу и нёс свою поклажу домой.

Упомянутая выше буфетчица Валя, надо полагать, ожидала и от меня своей доли. Я прикидывался дурачком, пока она раз не попросила у меня одолжить 200 рублей. Я «одолжил» и, естественно, возврата не дождался. Напоминаю, что зарплата у меня тогда была 310 рублей в месяц. Бывал я не раз у Риммы дома и просто так. Сидели вечерами в домашней обстановке, беседовали, ужинали. Иногда ходили вместе с Маллером. Тогда умудрялись даже выпить чутко по рюмочке. Что для меня значили тогда эти «семейные» вечера! Трудно себе даже и представить. Раз у буфетчицы Вали всем гуртом побывали на каком-то торжестве. Понятно, что стол был далеко не военного

времени, от яств всё ломилось. Да и винцом обижены не были. На манер «пир во время чумы». Так что всяко бывало.

Слухи о моём «состоянии» - а может, и способностях - неприметно расползались по

Спецконторе. Мой «авторитет» постепенно рос. И немцы меня тоже стали замечать. Хотя, надо полагать, полного доверия у них я получить не мог, поскольку даже жил в особых условиях, в нарушение существующих, скажем, довольно жёстких законов. Это было явно подозрительно для них.

Задержки с выдачей зарплаты во время войны бывали довольно часто. Наверное, не реже, чем и потом. И большинство рабочих жило, что называется, «с колёс». Денег на месяц не хватало. Последние дни перед зарплатой большинство перебивалось с трудом. Да и вообще что тогда была за зарплата? Продукты да хлеб по карточкам выкупить.

Начальником нашей Спецконторы был Виктор Александрович Перминов - крупный мужчина, атлет по комплекции, плечистый, высокий, с раскатистым басом. Ему не было тогда и сорока лет. С одной стороны, пьяница и бабник, а с другой - энергичный, волевой, хваткий делец и махинатор, но справедливый добрый человек, хорошо относившийся к нам, немцам, и по возможности помогавший нам.

И вот в очередной раз, когда уже не один день в банке не было денег, вызвал он Маллера и меня к себе в кабинет. Посадил нас на диван, поглядел внимательно и серьёзно сказал:

- Выручайте, ребята - аванс нечем выдавать! - Перминов сделал паузу. - А вы ведь знаете, есть у нас совсем безденежные, ко мне уже приходили. Доходят ребята. Дайте мне займы на пару дней.

- А сколько надо? - спросил Маллер.

- Ну сколько... Сколько сможете.

- Тыщ семь я дам. Хватит?

- Ну а ты, Роберт, сколько?

- Пять тысяч смогу, - отвечаю я.

- Хорошо, устраивает! Несите! Сейчас я кассира вызову - он вам расписки даст.

После обеда в Спецконторе очередь в коридоре, народ толпится. Я тогда ещё в общаге жил. Заглядывает кто-то ко мне:

- Роберт, иди - там аванс дают!

Фантастично! А ведь, наверное, об этом тоже никто не знал. Перминов умел держать язык за зубами. Так мы с Володькой Маллером помогли выдать аванс рабочим Спецконторы. Полу-мальчишка, зачуханный ссыльный немец из блокадного Ленинграда... За людей-то нас тогда никто не считал.

Как-то раз зимой в конце дня вызвал меня Виктор Александрович в свой кабинет:

- Роберт! - Перминов называл меня всегда подчёркнуто с ударением на «е». - Есть одно серьёзное дело. Ребятам в Коркино задержали зарплату. Надо бы сегодня вечером поездом отвезти. Возьмёшься? - Виктор Александрович пронзил меня своим орлиным взглядом.

- Ну, почему нет? Можно, - ответил я, не

моргнув.

- Ладно. Договорились. - Перминов позвонил секретарше. - Виктора Фёдоровича ко мне.

Через несколько минут к начальнику вошёл кассир Спецконторы, милый, мягкий, добрый человек, недавно вернувшийся с фронта инвалид.

- Виктор Фёдорович, подготовьте ведомость и зарплату коркинцам. И ко мне в кабинет.

Кассир ушёл.

- Значит, так, Роберт. Иди одевайся. Ни кому ни слова. Придёшь ко мне, получишь деньги - и с Богом!

Я оделся потеплее, натянул своё выдавшее виды зимнее пальто и вернулся к Перминову. На столе лежали ведомости по выдаче зарплаты и стопка денег. Виктор Фёдорович готовил мне расписку. Денег было - точно уже не помню, тысяч 10-12. Пересчитав деньги, я расписался в расписке, кассир забрал бумажку.

- Иди, Виктор Фёдорович, всё в порядке! - сказал Перминов, отпуская кассира. - Роберт, значит, так. Деньги мы завернём в бумагу. Теперь клади их во внутренний карман пальто. Так. А вот тебе финка на всякий случай. - Перминов достал из ящика письменного стола длинный ножс наборной пластмассовой рукояткой. - Вернёшься - отдашь лично мне. Понял? А теперь дуй на вокзал. Ни пуха!

Надо полагать, что об этой аванюре кроме нас троих никто не знал. Перминов был мужик умный. Поезд на Коркино уходил поздним вечером, когда кончалась смена, наша, военная, 12- часовая. Это был рабочий поезд из нескольких старых пассажирских вагонов. Он останавливался на каждом разъезде и полустанке - у каждого столба. Старый паровоз пыхтел и сердито и истошно завывал на каждом повороте. Двигались чуть ли не пешей скоростью. В вагонах было почти темно, только у входных дверей по обе стороны вагона в железнодорожных фонарях, висевших на стене, мерцали две свечки, да проводник подтапливал чугунную печурку.

На опущенных деревянных полках лежали какие-то чумазые люди в грязных засаленных фуфайках, кто дремал, кто переговаривался. И вот среди этой публики - неизвестно, кто они были - железнодорожники, рабочие с завода, шахтёры или просто тёмные личности с сомнительными занятиями, возвращавшиеся домой - среди них, забравшись на одну из полок под потолок, лежал и я с пачкой денег и финкой в кармане.

Поезд подолгу стоял на остановках, еле плёлся в чёрную зимнюю ночь. Сейчас я, конечно, не могу вспомнить своего состояния, но, по-видимому, именно поэтому - ярких впечатлений не осталось - можно судить, что я был довольно спокоен.

Наконец проводник объявил Коркино. Ехали, верно, не меньше часа. Выходил из вагона не я один. Сам в Коркино я был тогда впервые, а Виктор Александрович мне подробно объяснил, как искать участок Спецконторы и куда идти. Так или иначе, мне пришлось спросить кого-

то, как туда пройти со станции. А ведь была уже, в сущности, ночь. Тёмная зимняя ночь в глухом шахтёрском посёлке. Где-то в разрезе - тут уголь добывался открытым способом, прямо с поверхности - гулко перекликались гудками паровозы, вдали мелькали огоньки каких-то шахтовых построек. Станционные пути остались позади, заснеженные тропинки разбегались во все стороны и я шёл по ним тоже куда-то.

До конторки оказалось минут 15 ходу. Убедившись в том, что я пришёл по назначению - по примитивной вывеске на бараке - я понял, что двери все заперты и огней никаких не видно: все уже спят. Принялся барабанить в двери и наконец достучался.

Какой-то не то дежурный, не то сторож объяснил мне, что все спят. По моей просьбе разбудили начальника участка. Пришёл он ко мне заспанный, озадаченный. И тут я сообщил ему цель своего приезда, выложил бумаги и деньги. Получив расписку и место на нарах, я завалился на них со спокойной душой спать. Задача моя была выполнена.

Конечно, Перминов знал о нас больше, чем мы думали. Он должен был нас знать: он отвечал за нас. Не случайно было, что он вызвал меня раз к себе по весьма скользкому делу.

Говорил Виктор Александрович густым сочным басом.

- Роберт! - загремел он. - Дело есть! Садись. Почём водка на базаре?

- 425 рублей пол-литра, - отчеканил я, не задумываясь и не смутившись неожиданно вопроса, хотя водка стоила 450 и выше, смотря по обстоятельствам. Видно, базарная струнка, привнесённая Володей Маллером, во мне уже инстинктивно срабатывала.

- Ладно. Сможешь мне продать на базаре литров двадцать? - по-деловому продолжал начальник.

- Почему нет?

- Тогда отдашь мне по 400 рублей за пол-литра, остальное - за работу, - закончил сделку Перминов и тут же написал записку заведующей столовой Римме Зайцевой, чтобы мне отпустили 20 литров водки.

Водку я получил в огромной стеклянной бутылке и утащил домой прямо со склада, минуя столовую и соседство «председателя» Давыдова. Дома я водку разлил в бутылки и продавал по 440-450 рублей за штуку, как когда удавалось. Попутно замечу, что сам я не выпил и ста граммов из этих 20 литров. Распродав бутылку, я явился с деньгами - как мы уговорились - к начальнику в кабинет. Там я отсчитал ему причитающуюся сумму.

- Всё верно, - пряча деньги, согласился Перминов. - Слушай, Роберт, а ты меня всё-таки надул: я проверял, водка-то стоит 450 рублей.

- Виктор Александрович! Уговор дороже денег: я отдал Вам всё, на чём договорились.

- Да ладно уж, всё в порядке, - пробасил, ухмыляясь, начальник.

Если учесть, что я имел около 100 рублей дохода с каждого литра, барыш мой на этой операции составил около двух тысяч рублей. Это было самое доходное дельце в моей практике. Моя порядочность и честность - это не звучит кощунственно - трезвость и смелость создавали всё больший авторитет у «начальства».

Володя Маллер сыграл свою роль в моей жизни. В принципе, безвозмездно. А что я мог ему сделать? Сам он ворочал тыщами.

**Опубликовано в альманахе
«Литературные страницы»
Литературного общества немцев
из России, Бонн, 2007 г.,**

Дмитрий Тихонов

НЕМЦЫ АНГРЕНА

Мы продолжаем публикацию историй этнических немцев, семьи которых во время Второй мировой подверглись насильственной депортации и последующей мобилизации в так называемую трудовую армию – по сути на каторжные работы. После войны многие из них были отправлены в Ангрэн для работы в промышленности, строительстве и в шахтах по добыче урана.

Татьяна Леопольдовна Фогель

- Мой папа и все его родственники жили в Сибири, под Омском, в селе Москаленки. Не знаю, когда они там обосновались, но [видимо, давно, потому что] все их старики там жили тоже.

Мой дед, Адам Лукьянович Фогель, был председателем совхоза. В первую мировую войну он воевал на стороне России и в 1919 году был награждён двумя крестами. А его посадили на десять лет. За что именно и когда, я точно не знаю. Он отсидел, и снова вернулся в Москаленки.

Девичья фамилия моей бабушки по папиной линии была Гааг. У моего отца было три сестры - Эрна, Эльза, Оля, и брат - Роберт.

В 1950 году моих родителей привезли в Ан-

**Татьяна Леопольдовна Фогель.
Ангрэн, 2014**

грэн из трудармии, из Челябинска-40. (Закрытый город, где был создан первый советский реактор по производству оружейного плутония – AsiaTerra.) Когда и при каких условиях их отправили в трудармию, родители не рассказывали, у нас вообще в семье старались об этом не говорить. Там они были на лесоповале. Перед отправкой в Узбекистан они успели зарезать козлят, которых там держали, и этим мясом кормились не только всю дорогу, но и первое время в Ангрэне.

Мама была маленькая и худенькая, и её в трудармии даже на работу не отправляли. Там родились двое моих старших братьев.

Я немка только наполовину: моя мама - Маргарита Ивановна Усиль-Мороз, отец у неё был поляк, а мать белоруска. Отец моей мамы закончил два института, а позже был белым офицером. Его братья жили в Польше. Всех братьев, не помню, сколько их было, расстреляли. А мамин отец жил в Ленинграде и работал на заводах на высоких должностях. Сразу после революции его выслали в Саратов, где в 1919 году и родилась моя мама. Её родственники жили в Польше и Белоруссии. Но поскольку мама вышла замуж за немца, родственники её долго не признавали и не общались с ней. Мама прожила девятью годами.

Когда родителей и других немцев привезли в Ангрэн, каждую семью определили на подселение к узбекской семье. Моих родителей поселили во дворе, во «временке». Узбеки к немцам относились нормально, не враждебно.

Через некоторое время прибывшим выделили земельные участки, дали с базы стройматериалы и разрешили строить себе дома. Мои родители для этого купили ишака. Отец построил домик в Немецком посёлке на улице Маленкова, потом её переименовали в Мичурина.

Адам Фогель, 1916 год

Я родилась в 1954-м году, дом был уже готов. Детей в нашей семье было трое - я и двое братьев.

Отец вызвал своих родителей из Сибири в Узбекистан, и они стали жить с нами. Вместе с ними приехала папина старшая сестра Эльза. Сейчас она с тремя дочерьми живет в Германии.

У нас было своё хозяйство - корова, свиньи. Одного винограда сто кустов. В основном это дед посадил. Мы делали много вина. В огороде у нас была своя коптильня. Дед был хорошим резником – его приглашали резать скотину.

Мама никогда не работала, но когда бабушка с дедушкой стали с нами жить, она пошла на работу в санэпидемстанцию. Дело в том, что мама была славянка и бабушка её не любила, а потому часто «грызла».

Старики дома разговаривали по-немецки, но нам не запрещали говорить по-русски.

В Ангрене жил и старший брат моего отца. В начале 1970-х он с женой-украинкой уехал жить на Украину, под Одессу. Там он и умер.

Отец у меня работал водителем грузовика в третьей автобазе, возил урановую руду из Наугарзана. Зарабатывал очень хорошо. У нас была своя машина – «Москвич». Одними из первых в поселке мы купили телевизор. Соседи со своими стульями приходили к нам домой его смотреть, часто собиралось много людей.

По выходным отец, дед и дядя ходили на

охоту и на рыбалку.

Дед с бабушкой были баптистами. За веру тогда преследовали, и они собирались тайно. А отец мой был неверующим.

Я помню, сажали Свидетелей Иеговы. Они отказывались идти в армию. Также сажали их пасторов. Я это знаю потому, что мать позже вышла замуж за татарина, и мой отчим был председателем в махалле. Приезжали сотрудники госбезопасности и вместе с отчимом они выслеживали собрания иеговистов. Их разгоняли и даже сажали. Это было во второй половине 1960-х годов.

А мой отец в декабре 1963-го разбился в горах. Ночью он вёз урановую руду из Наугарзана, и машина сорвалась в обрыв. С тех пор тот поворот так и называли – «Фогелевский поворот». Его машина называлась КраЗ ППС20, я запомнила.

Через некоторое время после его смерти дедушка с бабушкой уехали жить в Москаленки к своей старшей дочери.

В школе меня называли «фашисткой». Я плакала и дралась с пацанами. Из-за этого, когда я получала паспорт, фамилию оставила Фогель, а национальность изменила с немки на белоруску. А все мои братья при получении паспорта взяли мамину фамилию, а национальность тоже сменили на белорусов.

Когда они собрались уезжать в Германию, им пришлось доказывать, что их настоящая фамилия Фогель, и они являются немцами. Потребовались свидетели, фото. Доказали.

Адам Фогель и Лидия Гаг, 1918 год

Свадьба Эльзы Фогель (тёти Татьяны Фогель) и Антона Мастье. Ангрэн 1953 год

Я работала санитаркой в санэпидемстанции, потом на зверохозяйстве по выращиванию норок. С 1974-го по 1991-й работала на заводе «Ангрэнрезинотехника» клейщицей. Потом я перенесла инсульт и устроилась работать сторожем.

У меня трое детей. Сын живёт в Татарстане, у него жена татарка. Две дочери в Ангрэне. Старшая вышла замуж за татарина, а младшая за русского. У меня семеро внуков.

Мужу меня был русским и не хотел ехать жить в Германию, да и у меня тоже особого желания не было.

Мой брат Роберт Фогель сейчас живёт в Германии, он уехал в 1997-м году. На янгибадском руднике он работал главным инженером.

Другой брат с 2000 года проживает в России и категорически не хочет ехать в Германию. В молодости во время драки его порубили топором, с тех пор он инвалид.

Тетя моя сейчас тоже живет в Германии, а её сыну там не понравилось, он вернулся и сейчас живёт в Москаленках. Хоть многие оттуда и уехали в Германию, но немцы там ещё остаются.

Несколько раз я ездила в Германию в гости к родственникам. Но жить там я не хочу. В Германии, конечно, хорошо, но их порядки во многом мне чужды.

Что касается немецких традиций и обычаев, то мы их, можно сказать, утратили и ничего особенно немецкого в нас уже почти не осталось.

Лидия Петровна Белендир

- Мой отец - Белендир Петр Иванович, уроженец Ставропольского края, Либкнехтовского района, села Рождественка. Мама - Миллер Эмма Егоровна из Саратовской области, Паласовского района, села Нейваймар.

В Поволжье ещё до войны отца моей мамы, моего деда, забрали из дому в три часа ночи в сельсовет. По сей день он «в сельсовете». Ничего о нём не знаем.

До 1942 года мои родители жили в Туркмении, в Ашхабаде. В том году отца забрали в трудовую армию в Челябинск - на «Челябметаллургстрой». Мать выселению не подвергалась.

Мой старший брат Пётр родился в 1936 году. А я в депортации, в городе Челябинск-40, в 1948 году. Потом его переименовали в Озёрск. А два моих младших брата родились уже в Ангрэне в 1952 и 1955 годах.

В Ангрэн нас привезли из Челябинска-40 в 1951 году как спецпереселенцев.

Всё время пока мы жили в Ангрэне «под комендатурой» разговоры на темы, кто мы и откуда, в нашей семье являлись табу. У нас об этом не говорили. Поэтому я мало об этом знаю. Если в нашем посёлке и в нашем окружении появлялся новый человек, к нему относились с осторожностью и лишнего при нём не говорили. Отец мне чётко внушил: «Надо помалкивать». Что я и делала.

Когда мы приехали в Ангрэн, нас поселили в Немецком посёлке, в фанерном бараке по улице Пионерской. Барак протекал, было

**Лидия Белендир с братишкой.
Немецкий поселок близ Ангрена,
1958 год**

**Отец и брат Лидии Белендир.
Немецкий посёлок близ Ангрена,
конец 1950-х годов**

Семья Белендир. Немецкий поселок близ Ангрена, 1956 год

холодно. Хорошо, что мы жили в нём недолго. Вспоминаю те времена как страшный сон.

Потом мы построили в Немецком посёлке дом. В мою детскую память почему-то врезались пыльные дороги у нашего дома. И я всегда вспоминаю песню, которую никто уже не помнит:

«Маленький город на юге,
В городе пыль по колено,
Где добывается уголь,
Город зовётся Ангреном».

Отец мой работал на ДОЗе – деревообрабатывающем заводе. А мама на овощной базе. И ДОЗ и овощная база относились к Янгиабанду. А старший брат работал на янгиабадском руднике киномехаником.

Дома мои родители общались на немецком, но и русский при этом не запрещался. В нашем окружении, и у родителей на работе, и у нас в школе было много русских, поэтому знать русский язык было необходимо. А вот у моей подруги Марты отец запрещал дома говорить на русском, однажды он её при мне даже ударил за это.

В нашей семье сохранился, видимо, какой-то редкий диалект. Мой брат живёт в Германии и работает водителем. Он говорит, что исколесил всю Германию и только в одной деревне встретил диалект, на котором мы разговаривали в Узбекистане.

Верующих среди немцев было много. Не все немцы были богобоязненны, но Пасху отмечали практически все. Есть в этом празднике, видимо, что-то объединяющее.

Мой отец верующим никогда не был и нас, детей, в церковь ходить не принуждал. Я до сих пор толком не знаю, чем католик отличается от лютеранина.

В третьем классе со мной произошёл примечательный случай. В школе мы выучили

стихотворение о пионерском галстуке, и это стихотворение я прочитала своей крёстной. Она сказала, что за такой стих боженька вобьёт мне в голову большой гвоздь и под подбородком загнёт. Я рассказала об этом своей школьной подруге, а та проболталась в классе. Отца по этому случаю вызвали в школу. В итоге меня в пионеры не приняли. Я так и не была пионеркой. Одна-единственная в классе. А в комсомол потом взяли. Я даже комсомольским предводителем была.

В школе все мы, дети, дружили, и никто меня не притеснял из-за того, что я была немкой. Но один случай в моей жизни всё-таки был. У нас с соседом возник спор из-за воды для полива огорода. Я тогда училась в седьмом классе. И тут он меня фашисткой назвал. Со мной шок случился, я заплакала. Меня никто так в школе не называл. Отец вообще такой ситуации опасался - что нас в школе фашистами называть будут.

В то же время случай помню, мужики праздник отмечали и один другому, немцу, говорит: «Ну, что Виктор, давай выпьем за победу над вами». Всё прошло как шутка, никто не обиделся.

В целом, по сегодняшний день притеснений из-за своей национальности я не испытывала. Были, конечно же, случаи, когда немцев называли фашистами, и не единичные. Но это не говорит о том, что все русские или узбеки считают немцев фашистами. Это всего лишь реакция конкретного человека. А вообще, сколько было [представителей разных] наций в моём окружении, все мы очень хорошо сосуществовали. Я, например, отмечаю все праздники: немецкие, русские, узбекские.

Сказать, что немцы, которых я знала, в Ангрене жили какой-то общиной, наверное, нельзя. И в советское-то время кроме немецкой

Лидия Петровна Белендир работает на заводе Узбекрезинотехника. Ангрэн, 1989

Пасхи и Рождества других праздников у немцев я не припомню. Ни в нашей семье, ни у моих знакомых. А в живущих сейчас в Ангрене немцах не осталось, по сути, ничего немецкого, кроме фамилии и воспоминаний.

Хотя всё-таки осталось нечто присущее исключительно немцам – сравнительно несложная возможность выехать в Германию в гости и на ПМЖ.

Но как бы ни были дружны все нации при Союзе, часто было проще быть русским, чем, к примеру, немцем. Не зря ведь многие фамилии меняли и нацию в паспорте.

У моего брата жена русская. Когда их дети получали паспорта, то были записаны как русские. А когда они собрались уезжать в Германию, им пришлось доказывать, что они немцы. Доказали.

В 1992 году мои родственники в Германию уехали, а мне пришел отказ. Я одна в Узбекистане осталась. О причине этого не сообщают, но я так думаю, мне отказали, потому что в графе, соблюдаю ли я немецкие обычаи и традиции, я указала, что нет.

Я четыре раза была в Германии у родственников. Всё там не так как у нас, по-другому. Порядок там, конечно же, с нашим не сравнить. Но и минусы есть. Детей у них не обижает, не наказывают, закон запрещает, поэтому они такими гадами растут. (Она уточнила, что дети там очень разбалованы, и отношение к родителям не столь уважительное, как в Узбекистане – AsiaTerra.)

В молодости я окончила торговый техникум и несколько лет работала в отделе продажи

хрустала. А после, до пенсии, - на «Ангренрезинотехнике». Теперь я пенсионер. Около трёх лет по болезни не выхожу из квартиры. Соседям спасибо, помогают. И кормят и ухаживают.

Эдуард Михайлович Рихмаер

- Наша семья родом из Баварии, в Россию мы переехали при царице Екатерине. Жили в Поволжье.

В 1939 году отца забрали в армию, он служил в Ленинграде. В июне 1941-го он должен был уходить «на дембель», и тут началась война. Всех немцев с их части отправили в трудовую армию - в Ижевск, на лесоповал. Каждый день там умирало по 10-15 человек. Отец в трудармии был точильщиком и жестящиком.

А мать с тремя детьми отправили в город Славгород в Алтайском крае. Я родился в 1945 году в Ижевске. После войны мы переехали в деревню в 120 километрах от Перми. А отец к нам вернулся только в 1948-м году. Мать ездила к нему в трудармию, вот я и появился.

До 1956-го года мы находились «под комендатурой». (То есть, состояли на учете в военной комендатуре – AsiaTerra.) За пределы деревни выходить было запрещено.

Еще ребенком я заболел ревматизмом и из-за меня родители по настоянию врачей переехали в Узбекистан. Здесь у нас были родственники-немцы. Из вагона вылезли, а вокруг люди на ишаках ездят. Мы такого не видели, думали, что в сказку попали.

Эдуард Михайлович Рихмаер. Ангрен, 2014

Эдуард Рихмаер. Армия, 1966 год

Недолго мы пожили в Немецком посёлке, потом в Карахтае (поселок между Ангреном и Ахангараном - AsiaTerra), а после переехали в бараки в немецком строительном посёлке около Янгиабада. Был такой посёлок без названия на окраине Янгиабада, его уже давно нет.

Среди нас были и военнопленные немцы, и депортированные из России. У немцев тогда по 7-8 детей в семье было. Почти все были верующими - баптистами. Немцев-баптистов в Ангрено было множество, значительно больше, чем лютеран.

Мой старший брат работал на урановом руднике. Отец был строителем и в 1957 году в составе немецкой бригады начал строить Дукент. Чуть позже на строительстве Дукента все перемешались - и русские, и остальные. Немцев в то время в Ангрено и Янгиабаде было очень много, и работали они практически во всех организациях.

Через год мы перебрались жить в Дукент. В 1966 году по желанию мамы мои родители переехали в Волгоградскую область, но вскоре снова вернулись в Ангрено.

В армии я служил во внутренних войсках в городе Ивдаль в Свердловской области – охранял заключенных, а мой родственник, дядя Бальтазар, в этом же месте во время войны был в трудармии и валил лес. Вот как бывает.

После возвращения из армии я до самой пенсии работал водителем. У меня есть три на-

грады: знак «Победитель социалистического соревнования 1979 года», медаль «Ветеран труда» и нагрудный знак «За работу без аварий».

Жена у меня была русская. Трое детей. Дочка до сих пор живёт в Немецком посёлке. Младший сын живёт в Ангрено, но постоянно работает в Казахстане. Старший сын с семьёй в России, в Томской области.

С детства я играл на баяне и меня всегда приглашали на свадьбы и праздники. В 1990 году я поехал играть на свадьбе и по дороге попал в аварию. Чудом выжил. Было двадцать шесть переломов.

В 2000-м я всё продал и уехал в Россию, как тогда думал, навсегда. Три года прожил в Томской области, а потом три года в Калужской. Российское гражданство из-за всевозможных бюрократических препон я так и не смог получить, а мне уже был 61 год.

В Калужской области я несколько месяцев пас скотину у одного дагестанца, чтобы заработать денег на обратную дорогу в Узбекистан. Издевались там надо мной как хотели, работал как раб. От плохих условий жилья и работы у меня начали отниматься ноги. Они мне подсунули психотропные таблетки, чтобы я был ко всему равнодушный и ничего не требовал. Еле вырвался.

В 2006 году, когда возвращался в Узбекистан, во время пересадки на другой поезд на станции Арысь в Казахстане с помощью казахской милиции попал в руки местных бандитов.

Они привезли меня в Ангрен, получили здесь деньги за мой выкуп после этого отпустили. Угрожали, что если я деньги не отдам, увезут в рабство в Казахстан.

Со своей первой женой я разошёлся. Шесть лет назад сошёлся с другой женщиной, так и живём. Занимаемся своим хозяйством.

Отец и сестренка у меня уехали в Германию. Отец там шесть лет прожил и умер. Уезжать из Узбекистана он не хотел. А я в Германию не поехал, особо не тянуло. Два года назад съездил к сестре в гости, и всё.

Ирина Викторовна Гейнце

- Мои дед и бабушка с Поволжья. Откуда точно, я не помню. Жили они в колхозе.

Бабушка, Мария Егоровна, нигде не работала, занималась семьёй и хозяйством. А дед, Егор Егорович Гейнце, был военным, но подробности его службы мне неизвестны. Всего у них было девять детей. Но все дети жили недолго и умирали еще маленькими. В живых остался только последний ребёнок, мой отец.

В 1938 году бабушку посадили на два года за то, что она взяла с колхозного поля то ли огурец, то ли пшеницу. В тюрьме она сидела с маленьким ребёнком. Это был мой отец - Виктор Егорович Гейнце. Он родился в 1936 году в Поволжье

В 1941 году, после начала войны, их всех депортировали в Узбекистан и привезли прямо в Ангрен. Целый эшелон немцев. Здесь им дали участок, на котором они вырыли землянку, и пять лет жили в ней втроём - дед, бабушка и их ребёнок, мой отец. Всё это время дед строил в Немецком посёлке дом. В 1946 году строительство дома было закончено. В этом доме я родилась, здесь же я и двое моих сыновей живём до сих пор.

Я не очень хорошо знаю историю моей семьи до её прибытия в Ангрен. Тогда я была молодая и не очень этим интересовалась.

Со дня приезда в Ангрен и до выхода на пенсию дед работал плотником на ДОЗе - это деревообрабатывающий завод. Вся мебель в нашем доме была сделана им: шкафы, столы, стулья, ставни на окнах и всё остальное. Он всегда что-нибудь строгал, кому-то что-то делал. Дома у него была своя мастерская.

Дед умер в 1983 году, ему было 78 лет. Он умер прямо на мою свадьбу. В этот день, 21 апреля, у меня была свадьба. Он нас благословил, мы уехали пировать, а он той же ночью скончался.

Бабушка пережила деда на два года. Она никогда не работала. На ней был дом, хозяйство. Во многом это объясняется и тем, что дед был очень ревнив и никуда её не отпускал.

В отличие от бабушки, дед мой не был верующим. Он даже был против, чтобы к

Эмиль Вимлер и Эдуард Рихмаер играют на свадьбе

Ирина Викторовна Гейнце. Ангрэн, 2014

нам кто-то приходил [из верующих], и чтобы бабушка в церковь ходила. Он любил выпить. Делал своё вино, выпивал, и ему было не до церкви. Только лет за пять до смерти, когда его парализовало, он стал верить, и с бабушкой стал ходить в церковь.

Дед с бабкой были лютеранами. Лютеранская церковь по очереди собиралась каждое воскресенье у кого-нибудь дома в Немецком посёлке. Молитвенные собрания запрещались и они тихо, тайно собирались. Песни пели, молились. Приходили немцы из Немецкого посёлка, приезжали из Ангрена. И у нас дома, я помню, тоже сидели. До того времени когда мне 10 лет исполнилось, а это было в 1971 году, бабушка всегда брала меня в церковь. Я даже песни знала, и пела со всеми вместе.

Собираясь на праздники, наши немцы тоже пели свои песни. Костюмов национальных, правда, никаких не было. Но говорили по-немецки. И моя бабушка, и остальные немцы, к которым я ходила в гости, сколько помню, всегда пекли немецкий пирог «куха» и делали штрудель. «Куха» - это «песочный» пирог с присыпкой сверху. А штрудель - это рулет с различной начинкой.

Бабушка много пекла, особенно на праздники. Дед вина понаставит... Колбаса своя была. Я хорошо помню бабкин немецкий сладкий суп из сухофруктов. Мне он, правда, не нравился. А бабушка с дедом его с удовольствием ели. Часто готовили куриную лапшу. Еды у нас всегда было в изобилии. Всё стояло мешками - сахар, мука, халва - банками, мыло - ящиками.

В хозяйстве мы держали баранов, коз, свиней, кур. Раньше легче было - кормить скотину было проще, чем сейчас. Детство у меня было замечательное. Голода вообще не было.

Когда я была маленькой, русского языка почти не знала. Дома мы тоже на немецком говорили. Бабушка на русском плохо говорила, и я с ней всегда по-немецки разговаривала. А сейчас я узбекский знаю лучше, чем немецкий. Понимать понимаю, а язык уже толком не поворачивается. Уже лет пятнадцать на немецком не с кем общаться.

Национальный немецкий быт мне вообще незнаком. Не было у нас в семье практически ничего исключительно немецкого, кроме национальной кухни. Ну, может быть, бабушкины кружавчики (кружева - AsiaTerra) на постельном белье.

На нашей улице жили одни немцы и только в последнем доме татары. Они кстати до сих пор в нём живут. Я с ними и в школу ходила.

А мой отец ходил в школу за несколько километров, в посёлок ГРЭС, где она в то время находилась. От отца я слышала, что распрей на национальной почве у них не было. Всё спокойно, нормально, мирно, дружно было.

После школы он учился в ФЗУ (фабрично-заводское училище - AsiaTerra) на бульдозериста-экскаваторщика. В армию его почему-то не взяли. Отец проработал всю жизнь на одном месте, в ПМК-15, на экскаваторе. Очень в шашки любил играть.

Ирина Гейнце с отцом

Свадьба родителей Ирины Гейнце, 1960 год

В 1960 году он женился. Моя мать, Эмма Андреевна, считается немкой, но с этим не всё ясно, возможно она и не немка. Её из детдома маленькой взяла на воспитание одинокая немка по фамилии Кайзер. Мать, соответственно, получила эту фамилию.

Мать с отцом прожили шесть лет и разошлись. Я родилась в 1961 году, а сестрёнка на три года младше меня. Отец забрал меня, а мать сестрёнку. Отец больше не женился. Мне было тринадцать лет, когда я ушла к матери. Очень жалею, что отца оставила. До сих пор. Повелась на то, что у всех мама есть, а у меня не было. Хотела вернуться назад, но отец не принял. Так я и осталась.

В Немецком посёлке отношения с соседями и всем окружением у меня складывались замечательно. Но и с представителями других национальностей распрей и упрёков, что кто-то не такой или плохой у нас не было. Был настоящий коммунизм.

С мустакилликком всё на спад пошло. В 1990-е, когда немцы поразъехались, время от времени стали указывать на то, что я «фашистка». Но я внимания не обращала – «фашистка» и «фашистка». Я немка, и всё. Но гонений никаких при этом не было. Обычные бытовые ссоры.

Мои соседи - татары, узбеки и таджики. Я среди них одна немка. Меня они уважают. За помощью обращаются, в гости приходят. Я у них как доктор. Если кто заболит, они ко мне идут. Я им давление измеряю, таблетки даю. Мы нормально живём.

Один раз как-то поругались с соседом-таджиком, и он мне спьяну сказал: «Езжай своя Россия». А я ему ответила: «Тогда тебе

надо ехать свой Таджикистан». Это лет десять назад было. После этого у нас больше тренировок не было.

После школы в 1979-м году я окончила торгово-кулинарное училище. Работала в торговле, счетоводом, библиотекарем, на почте.

В 1998 году библиотеку в Немецком посёлке, где я работала, закрыли, а все книги сдали в утиль. В основном литература на русском языке была. Шикарные книги были, энциклопедии. Если бы я знала, что их уничтожат, забрала бы себе. Но опоздала.

Сейчас я продаю газеты и книги на базаре. Мне год до пенсии остался, а работы для меня нет.

После школы чего-то специфически немецкого в своей жизни я не припомню. Муж у меня русский был, я и мои дети обрусели полностью. От немецкого осталась только запись в паспорте.

Мы с сестрой подавали документы на выезд в Германию. Семь лет прождали, а в 1997-м году пришёл отказ. У меня мужрусский был, а у сестры узбек. После отказа мы успокоились и стали жить дальше. Решили, что раз мы здесь родились, такая наша судьба. В Германии у нас родственников нет. И в Россию я не хочу, хоть родственники туда и зовут.

Что можно однозначно сказать, так это то, что остающиеся в Узбекистане немцы утратили свою самобытность. Я больше скажу: нас здесь даже немцами не считают, для узбеков и таджиков мы здесь русские.

<http://www.asiaterra.info/natsionalnyemshinstva/nemtsy-angrena-chast-2>

УЧИТЕЛЬ

ШПИКЕР Эмануил Яковлевич (Emanuel Spieker) (16 ноября 1912, с. Брунненталь Новоузенского уезда Самарской губернии - апрель 1969, г. Копейск Челябинской области), корреспондент газеты «Nachrichten» (1937-41), учитель.

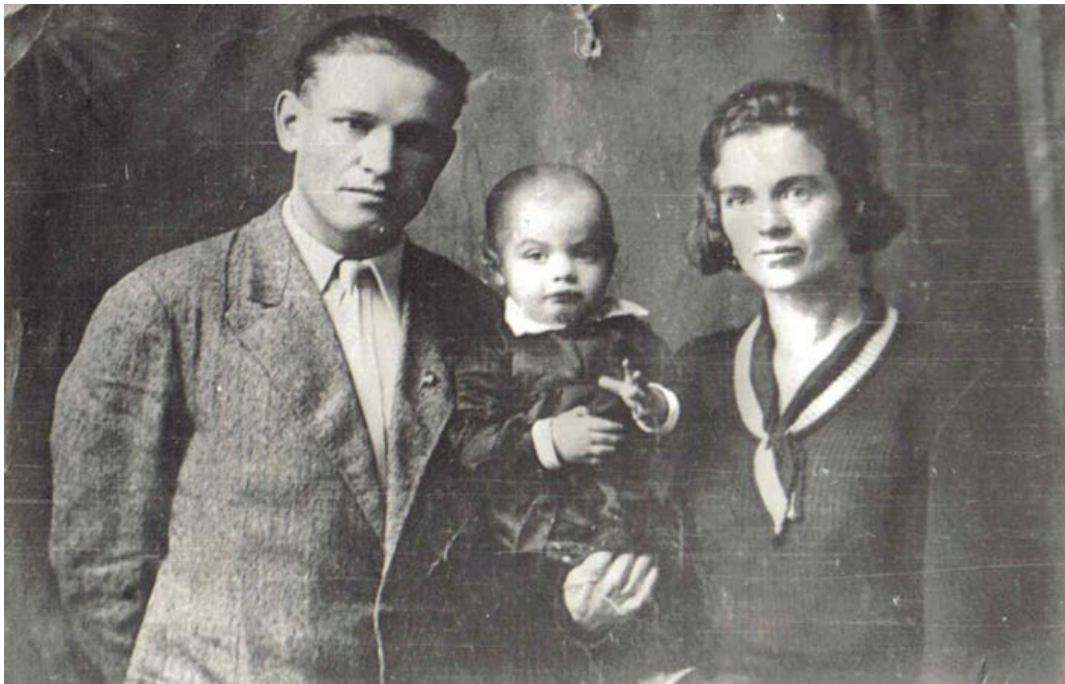
В 16-летнем возрасте (в октябре 1928) вступил в комсомол. В 1930-33 учился в Зельманском педучилище, после окончания которого, несмотря на молодой возраст (21 год), был назначен директором школы в с. Зельман. В 1937 переехал вместе с семьёй в г. Энгельс, где стал работать корреспондентом газеты «Nachrichten». С началом войны 1941-45 изъявил желание идти добровольцем на фронт. Был направлен в Ташкент в военное училище. После окончания ускоренных офицерских курсов в феврале 1942 Шпикеру было присвоено звание лейтенанта. Вместо отправки на фронт, был мобилизован в трудармию и направлен в Челябинск в угольные шахты. С 1946 проживал в посёлке Бажова близ г. Копейск Челябинской области вместе со своей женой, Маркс Анной Александровной*). Кроме сыновей Марка и Бруно, умерших в детском возрасте, детей у четы Шпикер больше не было. Ещё находясь на спецпоселении, Эмануил Шпикер вернулся к преподавательской деятельности и до самой смерти в апреле 1969 работал учителем немецкого и английского языков в вечерней школе рабочей молодёжи.

**Эдуард Шпикер (Хеннеф),
Александр Шпак (Средняя Ахтуба)**

Комсомольский билет Э.Я. Шпикера.

*) Маркс Анна Александровна, род. в 1907 в немецком селе Еленендорф (Кавказ). До войны окончила медицинское училище по специальности фельдшер-акушер. В трудармии работала сначала в рыболовецкой артели в низовьях Ангары, затем – медицинской сестрой в медпункте.

Семейное фото 1935 года.
Эмануил Шпикер с женой Анной и сыном Марком.
Фотоальбом Эдуарда Шпикера

Лейтенант Эмануил Шпикер.
Ташкент, 20 февраля 1942 г.

«Полное освоение нового метода преподавания иностранного языка по методу учителей Воронежской области, прочные знания учащимся - этой целью живёт учитель немецкого языка вечерней школы № 6 Эмануил Яковлевич Шпикер. Успехи в своём скромном труде он посвящает 45-ой годовщине Октября».

**Газета «Копейский рабочий»,
4 ноября 1962 г.**

МОИ КОРНИ

Ирина Вячеславовна Корзун (1914 – 2007), в своих воспоминаниях в главе «Мои корни» пишет:

«Мой отец, Корзун Вячеслав Карлович, родился 15 сентября 1879 г. в г. Ленкорань, где временно проживали его родители, и оказался круглым сиротой с семилетнего возраста. Его отец Карл Фомич Корзун умер в возрасте 35-ти лет в 1886 году. Мать отца, Кинерт Елизавета Федоровна, умерла в 1887 году. Мальчика забрал в свою семью из приюта брат его умершей матери, Александр Фёдорович Кинерт, живущий в С. Петербурге. Вместе со своей женой, Августиной Фёдоровной Кинерт (Тидеманн), они воспитали моего отца, как своего родного сына. Я не знаю, сколько лет было моему отцу, когда он попал в семью Кинертов, но знаю точно, что эта семья полностью заменила ему родителей. В семье было двое своих детей: старший сын Владимир* и его младшая сестра Валентина. Мой отец рос и воспитывался в семье точно также, как собственные их дети, и с полными на то основаниями считал их своими родными братом и сестрой». С Володей «были они очень дружны и оба нежно любили свою сестру Валю». «Валя была всего на пару лет моложе своего брата Владимира, т.е. родилась примерно в 1891 году».

В 1898 г. Володю в возрасте девяти лет поступил в первый класс гимназии Карла Мая. Семья Кинерт в это время снимала квартиру на Васильевском острове в непосредственной близости от школы на 12 линии в доме 7. Отец Владимира служил помощником управляющего Второго Российского Страхового общества [5]. На следующий год его отец купил имение Табор (Таапери) в Выборгской губернии, на берегу озера Сууляярви (Suulajarvi, ныне оз. Нахимовское).

* Владимир Кинерт родился в немецкой семье петербуржцев Александра Фёдоровича (Теодоровича) Кинерта (Aleksandr Kьhnert, 1860 – 10.05.1914) и Августы Вильгельмины, урождённой Тидеман (Auguste Wilhelmine Tiedemann; ? – 1935). Родители Володи поженились в 1884 г. [1], но, по всей видимости, ещё до или сразу же после рождения первенца они взяли в семью своего племянника, Вячеслава Корзуна, сына покойной сестры Александра Фёдоровича. Вячеслав был на десять лет старше своего двоюродного брата Владимира.

Ирина Корзун

СЕМЕЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Часть вторая

Глава 2

Челябинск (1943-1946)

Прошло уже больше двух недель с тех пор, как закончена Кыштымская глава, а я еще не написала ни строчки. Обычно мне всегда бывает трудно начать следующую главу и требуется несколько дней, чтобы вспомнить то время, «вжиться» в него и, главное, дожидаться, чтобы возникли, наконец, какие-то живые воспоминания, картинки из того времени. Вот когда этих картинок наберется достаточно, тогда можно начинать, нужно только правильно расставить эти картинки во времени. На этот раз был полный хаос: возникали люди и уходили неизвестно куда, возникали самые разные места работы, не оставляя в памяти воспоминания о том где же они были и что я там делала. Тогда я постаралась восстановить в памяти общую картину электромонтажной деятельности в Челябинске того времени и окружения,

в котором я оказалась. И вот что у меня получилось. До войны в Челябинске существовало свое особое проектно-монтажное управление (ОПКУ №19) треста Уралэлектромонтаж. Оно обеспечивало монтажэлектростановок большинства предприятий, строящихся в городе. Проекты этих электростановок выполнялись различными проектными организациями и отделениями Центроэлектромонтажа, а небольшая проектная группа ОПКУ №19 выполняла проекты сравнительно мелких вспомогательных объектов, а также вносила незначительные изменения в проектные материалы, необходимость которых возникала при монтаже. Наладку и пуск электростановок осуществляли наладчики Центроэлектромонтажа, приезжающие в Челябинск на время пуска объектов. Основными промышленными предприятиями

Челябинска были: мощный тракторный завод (вступивший в строй еще в 1933 г.), цинковый и ферросплавный заводы и трубопрокатный завод, пущенный в 1941 году. В этом 1943 году должен был вступить в строй большой металлургический завод (ЧМЗ).

В 1941 году в Челябинск было эвакуировано много сотрудников Центроэлектромонтажа из Харьковского и Московского отделений. В Харьковской бригаде в основном были проектанты, а также много начальников всех уровней. Московское отделение представляла сильная группа наладчиков, в которую входил и Толя. Однако были и представители московского проектного отдела. Возможно, что с приездом большого количества квалифицированных проектных работников из Харькова проекты электрооборудования многих цехов ЧМЗ выполнялись тут же в Челябинске. Кроме всех перечисленных эвакуированных проектных, наладочных и монтажных отделений, в военное время существовала в Челябинске так называемая «тудармия», принимающая активное участие в электромонтажных и наладочных работах. Я сначала не могла понять, что это за люди, которые работают с нами на равных, многие с высшим образованием, но которых почему-то приводят строем из специальных барачных казарм и туда же увозят после конца работы. Сейчас, когда прошло уже более 60 лет после описываемого мной времени, я пыталась прочесть в официальных источниках хоть что-нибудь про эту тудармию, но безуспешно. Впрочем совсем недавно я прочла в «Новой газете» (в статье Александра Меленберга) о том, как в ходе Гражданской войны, когда Красной Армии удалось захватить нефтяные районы на р. Эмба, открытые еще в конце XIX века и уже разрабатываемые с 1911 года (Доссор) и с 1915 г. (Магат), 4-ая Красная Армия была переквалифицирована в тудармию - во 2-ую революционную армию труда. Бывшие красноармейцы теперь тудармейцы (бесплатная по сути рабсила) строили железную дорогу и прокладывали нефтепровод в тяжелых условиях.

Я же попытаюсь объяснить это странное образование военного времени по своему. К началу войны в СССР проживало большое количество иностранцев, в том числе и из стран, воюющих против СССР в этой войне (немцев, итальянцев, румын, прибалтов и т.д.). Те из них, которые жили и работали временно, и не являлись гражданами СССР, с началом войны были высланы или уехали сами. Но были и граждане СССР, живущие в стране давным-давно, считающие себя русскими, но имеющие иностранные корни, как правило, уже очень далекие (дед, прабабушка, а иногда и пра-пра). Так вот, если эти люди, несмотря на иностранные фамилии, по паспорту числились русскими (или относились к одной из народностей, входящих в состав СССР), то у них проблем не возникало. Если же в паспорте была записана «вражеская» национальность, то с начала войны, мужчины

с такими паспортами в советскую армию не призывались, а попадали на время войны в «тудармию» и себе уже не принадлежали. На членов их семей (жена, дети, брат, сестра), у которых этой «крамольной» национальности в паспорте не значилось, никакие ограничения не распространялись. Большое количество «тудармейцев» работало с нашими московскими наладчиками и истории попадания в тудармию многих из них, я в конце концов узнала. Почти все они были примерно нашего возраста, а некоторые как и мы с Толей, окончили МЭИ. Большинство из них угодили в тудармию по чистой случайности или по собственной глупости. Один, отец которого был русским (во всяком случае по паспорту), а мать еврейка, при получении паспорта сказал, что его прадед был итальянцем и ему вкатили в графу национальность «итальянец», а он даже и внимания на это не обратил. Другой, отец и мать которого были по паспорту русскими, сам почему-то решил записать себя немцем. И так почти у всех. Только один, самый молодой из всех, был действительно из семьи немцев Поволжья, но сам всегда считал себя русским, учился в русской школе, а потом в русском же техникуме, и жил почти с самого рождения в русской семье (его родители погибли во время голода). Совершенно естественно, что во время совместной работы, мы к нашим тудармейцам относились, как к товарищам и друзьям, но для большинства более высокого начальства, они не были ответственными, полноценными работниками и не имели права занимать никаких должностей: так, помощники.

Ко времени моего приезда в Челябинск, все монтажные и наладочные работы выполнялись ОПКУ №19 в основном на ЧМЗ, но иногда приходилось что-то доделывать и на других объектах (например, на Трубопрокатном заводе). С началом зимы Челябинск в военные годы пустел. Трамваи почему-то зимой не ходили. Большинство заводов были расположены на окраинах города. Работники этих заводов, как правило, получали жилье в соцгородах, постепенно вырастающих рядом с заводами. У местного ОПКУ №19, которому приходилось производить работы на разных заводах, был свой парк машин и монтажников развозили к месту очередной работы на грузовых машинах с крытым верхом и даже скамейками (часто, но не всегда), установленными в кузове. Назывались они, почему-то, «Коломбинами». Чтобы защитить город от вредных выбросов, сопутствующих металлургическим заводам, ЧМЗ строился в 12-ти километрах от центра города. По-видимому, был учтен опыт Цинкового завода. Хотя он был построен когда-то на окраине, но очень скоро город подступил вплотную к заводу, вредные испарения которого при определенном направлении ветра, чувствовались даже в центре города. Когда наши «Коломбины» по пути к ЧМЗ проезжали мимо цинкового завода у всех возникало желание оказаться в противогазе, за неимением

которого люди закрывали лица платками, шапками, рукавами, кто чем мог, настолько удрушливыми были испарения этого завода.

В довершение описания обстановки, в которой я очутилась, скажу несколько слов о самом городе. В то время Челябинск не был красивым городом, он не имел своего лица и в нем не было красивых запоминающихся уголков. В соцгородах были в основном каменные четырехэтажные дома. В самом центре города была тогда огромная площадь, обрамленная монументальными зданиями. Большие каменные здания были еще на нескольких улицах, уходящих от центральной площади. Подальше от площади было уже много деревянных домов, добротных одноэтажных, а также двух и даже трехэтажных, но не очень привлекательных. Река Миасс город не украшала, так как протекала довольно далеко от центра и не имела оформленной набережной. Хороша была только ширина улиц, создающая ощущение простора. Правда, простор этот совсем не радовал, когда приходилось зимой пешком преодолевать изрядные расстояния. Я прожила в Челябинске больше 10-ти лет и должна сказать, что за эти годы он значительно изменился и «похорошел», а окрестности Челябинска и в те годы были великолепны.

Я приехала в Челябинск в середине лета 1943 года. Встала на учет в НКВД, куда, так же как и в Кыштыме, должна была приходиться отмечаться один раз в месяц. Толя объяснил мне, что начальству он все про меня рассказал, и попросил на эту тему ни с кем на работе не откровенничать. А на работу меня зачислили в московскую наладочную бригаду. Думаю, что это было неправильным решением, лучше было бы, наверное, начать с проектной группы. Надо сказать, что среди всех четырех составляющих своего тогдашнего Челябинского окружения - местного ОПКУ №19, московской бригады Центроэлектромонтажа (ЦЭМ), Харьковской бригады и трудармейцев, я не знала ни одного человека, кроме Толи. Но это бы еще не беда. Хуже всего, что я не имела ни малейшего представления о той работе, которой занималась то или иное подразделение. Совершенно естественно, что я слепо выполняла все, что мне советовал Толя. И даже это могло быть не самой страшной бедой. Хуже всего, что по Толиному представлению меня зачислили в наладочную бригаду старшим инженером. Как известно, старший инженер должен руководить инженерами и техниками, т.е. людьми, занимающими более низкие должности. Какой из меня мог быть руководитель, если я не знала ни одного вида работ, выполняемых ЦЭМ-ом? Я попросила Толю, чтобы он рассказал или позволил рассказать мне, хотя бы ближайшему окружению (сотрудникам его группы), что я с высоковольтным оборудованием никогда дела не имела и даже никогда в натуре не видела. Однако даже эту мою попытку он отверг, убеждая меня, что уже через неделю работы я все сама пойму. Мне кажется, что он действительно и сам не представлял всю

степень моего невежества. Ведь мы учились в МЭИ на разных факультетах с совершенно разными профилями. У нас были совершенно разные специальные дисциплины, хотя курс электротехники был одинаков для всех факультетов. После окончания МЭИ, когда я работала в лаборатории фотоэлементов, Толя почти четыре года работал в Центроэлектромонтаже. С начала войны, к моменту моего приезда в Челябинск, Толя уже два года работал наладчиком, тогда как я в Кыштыме или чертила детали мины или «вкалывала» в совхозе. И, наконец, пожалуй самое главное: Толя был, конечно же, очень способным, гораздо способнее меня. Он был одним из самых способных студентов своего факультета (Шура Фельдбаум и он). Я тогда даже не знала, чем собственно занимаются наладчики. Только это мне и удалось понять после первой недели работы. Если совсем коротко: задача наладчиков убедиться, что установленное электрооборудование соответствует проекту, что смонтировано оно правильно, в соответствии с нормами для данного класса напряжения, убедиться в конечном итоге, что электроустановка готова к пуску, и пробный пуск ее осуществить. Начальным этапом является ознакомление с проектом. Когда я приступила к работе, у наладчиков на руках были только выданные из проекта схемы. Таких схем я никогда в своей жизни не видела. Весь проект был разорван на кусочки и фактически не существовал (речь идет о том его экземпляре, который был выдан для наладчиков). Все это я пишу не для того, чтобы дать понять чем мы занимались, а для того, чтобы показать, насколько беспомощной я чувствовала себя первые дни.

На территории ЧМЗ у Толиной группы была будочка, в которой хранились все приборы и инструменты, необходимые для наладчиков, а также проектные материалы. Там с утра собиралась вся группа, каждый получал задание и все расходились по намеченным местам. Толина группа была небольшой. Состояла она, кроме меня и Толи, исключительно из трудармейцев. В нее входил инженер, окончивший МЭИ на год позднее нас, некто Гильбих Георгий Станиславович. Еще один инженер (но не уверена, что из МЭИ) - Парини Евгений Павлович, тоже нашего возраста, и совсем молоденький паренек, Саша Бейзель, кончивший техникум. Все они работали уже третий год вместе и понимали друг друга с полуслова. Все инженеры ссорились, стараясь заполучить на очередной рабочий день Сашу к себе. Бывали дни (на больших серьезных объектах), когда вся группа работала вместе. В первый день мне было поручено привести в порядок все протоколы испытаний за последние дни. Благодаря этому я просидела целый день одна. Довольно быстро разделившись с поручением, я обнаружила несколько пояснительных записок к проектам, из которых я получила хотя бы общее представление обо всех электроустановках, которыми занималась

наша группа, а главное поняла, что представляет собой проект электрооборудования. К сожалению, это был единственный день, когда я могла спокойно познакомиться с какими-то общими проектными материалами.

Одна из ярких картинок тех первых дней. Мы вдвоем с еще одним наладчиком (по- моему это был Женя Парини) стоим у панели управления высоковольтным двигателем. Масляный выключатель смонтирован в камере этажом ниже. Мы ждем, когда из камеры выйдет монтажник, который по нашему указанию что-то в этой камере переделывал. Остальные члены группы находятся в цехе, где этот двигатель установлен. Монтажник позвонил, что закончил работу. «Теперь можно включать напряжение, в цех я уже позвонил» - говорит Женя Парини. Я нажимаю на кнопку «пуск» и сразу слышу вопль: «жми стоп». Почти моментально отключаю. Бледный, растерянный Женя объясняет, что я включила не тот двигатель, а другой, в камеру выключателя которого теперь должен перейти работать монтажник. Я представила себе, что, может быть, подала в камеру напряжение, когда там уже находился человек, и у меня от ужаса зашевелились волосы на голове. К счастью все обошлось, но могла бы произойти и трагедия. Монтажник действительно уже находился в камере, разбирал инструменты и вполне мог прикоснуться к ошинковке. Мы не стали никому рассказывать о случившемся, причем не по моей инициативе. Этот случай произвел на меня огромное впечатление, я поняла, что наладка это еще и огромная опасность, и огромная ответственность. Ведь из-за своей неопытности (я просто не рассмотрела, что с этой же панели осуществляется управление еще одним таким же двигателем), я могла убить человека. Для себя я решила, что прежде чем что-то сделать, буду долго думать, и не стесняюсь, убеждаться у окружающих, что все делаю правильно.

Описав свои первые впечатления о наладке, я перейду к знакомству с другими окружающими меня людьми. У нас с Толей была вполне приличная комната в двухкомнатной квартире, расположенной в четырехэтажном доме одного из соцгородов (кажется, это был соцгород трубопрокатного завода). Ближайшими нашими соседями по квартире были совершенно незнакомые нам люди. Однако в этом же доме (или может быть в соседнем), жили еще две семьи проектантов из московского Центроэлектромонтажа (ЦЭМ).

Одной из них была семья Ивана Исааковича Моргена и его жены Ольги. Иван Исаакович до войны в проектной службе Центроэлектромонтажа в Москве был начальником Толи. Сразу после окончания МЭИ, Толя был распределен в проектный отдел ЦЭМ. Еще в Москве я слышала от Толи, какой И. И. замечательный человек: очень знающий, и охотно передающий свои знания молодым, очень интеллигентный и очень скромный. Его жена Ольга, неплохой конструктор и красивая молодая женщина, в отличие от мужа, по рассказам Толи, была

капризна и обладала отнюдь не скромным характером. Может быть по этой причине Толя не спешил меня знакомить с этой семьей.

А вот другая семья проектанта-светотехника из ЦЭМа Давида Яковлевича Малкина, была, по-видимому, в первые годы эвакуации чуть ли не родным домом для Толи. Действительно семья была очень славной и доброжелательной, и все ее члены были мне очень симпатичны. И сам Давид Яковлевич худощавый, темноволосый, с чуть подергивающимся лицом и резкими движениями, и его жена Елена Иосифовна - спокойная умная женщина с красивым библейским лицом и большими прекрасными глазами, были молодыми, по- моему на несколько лет старше нас с Толей. В военные челябинские годы Лена была хрупкой, среднего роста изящной женщиной, но и она, и Давид, смеясь рассказывали, что изящество ее обязано исключительно войне, и что в мирные годы она была полной, если не употреблять обидное слово толстой. Мне в это было трудно поверить, но я уже знала, как удивительно меняли к лучшему тяжелые военные годы облик некоторых женщин. Где работала Лена, сейчас не могу вспомнить, по- моему она была химиком и кажется даже кандидатом наук. Давид и Лена были «добытчиками», а хозяйством в семье заправляла мать Лены, Рахиль Григорьевна. Она была дама решительная и считала, что главной обязанностью всех взрослых членов семьи, было создавать наилучшие условия для ее обожаемой внучки, Риты. А Рита действительно того стоила. Было ей года четыре и была она чудо, как хороша. Умная, живая, приветливая девчушка с темными кудряшками, большими темными, круглыми блестящими глазками, она не могла не нравиться. В то же время она не была капризной, хотя могла бы, так как ее буквально на руках носили и все члены семьи и их друзья. Мы с Толей довольно продолжительное время чуть ли не жили в этой семье, уходя домой уже на ночь глядя. Наше домашнее «хозяйство» ограничивалось минимумом, дающим возможность выпить горячий чай или суррогатный кофе с сахаром и чем-либо вроде хлеба. Все продукты сразу же относились в семью Малкиных.

Чуть ли не в первое воскресенье после моего приезда была организована копка картошки, посаженной сотрудниками ЦЭМа где-то на окраине города. Тут я была чуть ли не самым квалифицированным работником и, естественно, приняла активное участие в этом мероприятии. Особых воспоминаний о нем у меня не сохранилось, но одна «картинка» до сих пор стоит перед глазами. Где-то поблизости от нашего участка, находился участок Морганов. «Пойдем, я познакомлю тебя с Иваном Исааковичем», - предложил Толя. Знакомство получилось не очень удачным. Подходя к их участку, мы услышали женский крик: «Ты что же думаешь, я могу ходить без застёжки? Сделай же что-нибудь!» А дальше мы стали свидетелями сцены, напоминающей отрывок

из спектакля театра сатиры. На земле, или на какой-то кочке, сидела златокудрая красotka в одном резиновом ботике. Другой ботик она запустила в высокого художавого мужчину, к которому мы и направлялись. Мы возникли примерно на середине траектории ботика, который, просвистев мимо Толиной головы, чуть не угодил в голову Ивана Исааковича (ибо это был он). Оказалось, что у Ольги сломалась большая кнопка, которая «держала» ботик в застегнутом состоянии и давала ему возможность держаться на ноге. Сразу стало очевидным, что жена Ивана Исааковича Ольга принадлежит к типу женщин, предпочитающих при любых, случившихся с ними неприятностях, обвинять кого угодно, а чаще всего самого близкого человека, но только не себя, причем позволяет себе делать это недопустимым для воспитанного человека способом. Я вынула из кармана кусочек тесемки и протянула Ивану Исааковичу со словами: «Может быть это поможет?» Первое впечатление было настолько сильным, что хотя мое знакомство с четой Моргенов и состоялось, но от встречи с ними я долго уклонялась, так что с Ольгой фактически так и не познакомилась. С Иваном Исааковичем я познакомилась очень хорошо, но произошло это только зимой, когда Ольга уже уехала из Челябинска в Москву.

Но об этом чуть позднее. Время тогда было удивительное. С одной стороны вот-вот должен был вступить в строй ЧМЗ и работы у ОПКУ№19 и эвакуированных из ЦЭМа было очень много. С другой стороны заканчивался второй период войны. Уже началось общее наступление советских армий и отступление фашистских войск за Днепр. Один за другим освобождались города России, Украины и Белоруссии. Не реже, чем раз в неделю, а иногда и чаще, торжественный голос Левитана (самый популярный диктор на радио) собирал всех у репродукторов и заставлял трепетать какие-то неведомые струны, запряганные глубоко внутри организма, о которых раньше и не подозревала. Москвичи и харьковчане все чаще заводили разговоры о возвращении, ведь в освобожденных районах уже начинались восстановительные работы. Но о каком возвращении могла идти речь, пока не закончились все начатые нами работы на ЧМЗ? Первыми надеялись уехать проектанты, а вот наладчикам дела еще хватит надолго, до пуска последнего объекта.

Теперь по воскресеньям уже не работали и, по-моему, даже продолжительность рабочего дня сократилась. Во всяком случае, по праздникам и по воскресеньям постепенно входило в обычай собираться по вечерам в субботу, расслабляться и немного развлекаться. Началось все с ноябрьских праздников, которые совпали с освобождением Киева. Монтажное управление не завод. У него нет вместительных залов, поэтому собирались сравнительно небольшими компаниями у местных жителей, обладающих хорошими, обжитыми квартирами. В один из праздничных дней, а было их не меньше двух подряд, начальство местного

ОПКУ-19 собралось на квартире у главного инженера ОПКУ-19, Миллера. Кроме местных начальников, были приглашены и «верхушки» харьковчан и москвичей, в том числе и Толя со мной. Именно тогда я впервые увидела многих, чьи фамилии давно уже слышала.

Начальником всего ОПКУ-19 был Романенко (если не ошибаюсь, старожил Челябинска), главным инженером управления был Миллер Яков Соломонович. Его жена Анастасия Михайловна была хозяйкой, принимающей гостей. Я хочу здесь отвлечься и описать обоих, так как они стали одними из наиболее близких мне людей на протяжении почти десяти лет жизни в Челябинске. Яков Соломонович был среднего роста, худощавый, всегда в очках с круглыми линзами, очень спокойный, даже тихий. Казалось он не в состоянии кричать и приказывать. Он как будто просто наблюдал за происходящим и, тем не менее, пользовался среди всех сотрудников управления непрекаемым авторитетом: если Миллер распорядился сделать так, значит, так тому и быть, зря не скажет. В то же время первое, что я почувствовала, когда впервые увидела его, была уверенность в том, что передо мной очень добрый и умный человек, совершенно неспособный обмануть или специально обидеть. Про него хотелось сказать «тишайший», но суждения его об окружающем бывали и насмешливыми и достаточно острыми, доказывающими наличие чувства юмора. Анастасия Михайловна довольно высокая (по моему даже чуть выше мужа), видная женщина, с очень приятным открытым лицом, почти сразу располагала к полному доверию. Разговаривала довольно громко, но голос у нее был очень приятный. Хотя она и не была, наверное, красавицей, но хотелось про нее сказать «русская красавица». Хозяйкой она была великолепной: для всех находила доброе, приветливое слово. Когда появлялся новый и, конечно, неизвестный мне человек, она, как бы между прочим, подходила ко мне и объясняла кто это.

За этот вечер я узнала главу и грозу монтажников ОПКУ-19 Журмана Павла Петровича, невысокого светловолосого человека с, вроде бы, простым добродушным лицом, но острыми, жесткими глазами, и начальника монтажного участка ЧМЗ, Ключко Владимира Петровича, веселого, молодого, внешне привлекательного, но по словам хозяйки, очень делового, толкового и требовательного начальника. Узнала и начальника харьковских проектантов Жебрака Осипа Наумовича и главного инженера харьковского управления Френкеля и многих других, о которых я раньше только слышала, в том числе и главного инженера Харьковского управления Чудновского Павла Моисеевича. А Толя познакомил меня с тремя наладчиками из ЦЭМа: начальником наладчиков Круповичем Владиславом Иулиановичем, Меклером и Белошабским. Я всегда теряюсь в многочисленном незнакомом обществе, но на этом вечере мне было интересно: сидела, наблюдала и была рада, что теперь многих

знаю в лицо.

Так и проходила наша с Толей жизнь: раннее вставание, дорога в переполненной «Коломбине», напряженная наладочная работа, опять дорога, семья Малкиных и сон. Не могу сказать, чтобы я не приобретала знаний, все что делала, в конце концов, осваивала, но каждая новая разновидность работ, а было их великое множество, повергала меня в очередной шок и уныние. Только мне удалось освоиться с наладкой высоковольтных двигателей, как приходится идти на наладку кранов, единственным знакомым предметом на которых был крюк, который еще на первом курсе доводилось сначала чертить, а потом обводить тушью.

Началась зима 1943/44 года. Почему-то вместе с зимой не только перестали ходить трамваи, но и перестали подавать воду в дома. Из нашего дома приходилось ходить к крану, одиноко торчащему где-то между домами. Постепенно вокруг крана конусом выросла крутая ледяная горка и подойти к крану было не легче, чем зимой подняться на Эльбрус. Пытались рубить ступеньки, но они мгновенно заплывали льдом. Как-то поздно вечером я обнаружила, что наше ведро абсолютно пусто, не только утром чая не попить, но и помыться нечем. Недолго думая, взяла ведро и пошла «по воду». Благополучно наполнив ведро, я стала осторожно спускаться. Стоя еще на ледяном конусе я нашла внизу площадку и аккуратно установила ведро, и тут, уже спускаясь налегке, поскользнулась и села рядом с ведром, ударившись об его край, но так, что оно даже не расплескалось. Я оказалась, сидящей рядом с ним, уже на плоскости, но поняла что при этом не могу вздохнуть, не могу встать и вообще ничего не могу из-за адской боли в грудной клетке. Посидела рядом с ведром, несколько раз пыталась подняться, но безуспешно. Зато научилась дышать короткими неглубокими полувздохами. Не знаю сколько прошло времени, но в конце концов пришел Толя, поднял меня, привел домой, а потом принес и полное ведро.

Совершенно не помню, как прошла ночь, но зато запомнила такую картинку: я стою в заднем углу «Коломбины», прижавшись спиной и здоровым боком к фанерной стенке, а передо мной трое наладчиков (Крупович, Меклер и Белошабский) стоят лицом ко мне, образуя полукруг, держась руками за плечи друг друга, а крайние, упираясь свободными руками в стену. Созданная ими живая «клетка» надежно защищала мое сломанное ребро от неизбежных толчков стоящих в «Коломбине» людей. Да, меня таки угораздило сломать нижнее ребро, да еще не просто сломать, а с загибом внутрь. Это был мой первый перелом в жизни (вообще-то я насчитала за свою долгую жизнь не меньше 13-ти), и он был, по-моему, самым неприятным. Во всяком случае я просидела дома не меньше месяца. Казалось бы, самое подходящее время для ликвидации моей наладочной безграмотно-

сти, но не тут-то было. Меня завалили горой всякой отчетности, которую я выполняла сидя дома, конечно не без пользы и для себя, и для дела, но правильнее было бы заняться «ликбезом», а у меня даже «бюллетеня» не было. Я злилась, но с трудом успевала справляться с бесконечными отчетами.

В начале 1944 года вышел на свободу отец Толи. О том, что он был арестован в связи с Шахтинским процессом, я пишу в главе «Мои друзья Лебедевы». Толе удалось устроить себе довольно длительную командировку в Москву, и он получил возможность заняться устройством своих родителей. Я тогда еще сидела дома (со своим ребром) и Толя попросил, чтобы мою связь с работой осуществлял Иван Исаакович Морген. Вот тут-то мы с ним и познакомились, и даже подружились. К этому времени Ольга уже уехала в Москву. Уже начался постепенный отъезд эвакуированных, не занятых в работе по пуску последних цехов и объектов ЧМЗ. Иван Исаакович был человеком абсолютно не умеющим позаботиться о себе, и я постаралась хоть немного помочь ему и скрасить его холостяцкую жизнь. Так и получилось, что некоторый период времени И. И. каждый вечер бывал у меня. Он не только выполнял обязанности курьера. Он был первым человеком, который помог мне разобраться в проектных материалах. Он приносил мне проекты, объяснял что такое элементная схема, монтажная схема, схема внешних соединений. Помню каким откровением для меня была обыкновенная элементная схема, на которой рядом изображались контакты приборов, установленных в цехе, на щите управления и на подстанции, отстоящих друг от друга на сотни метров. И.И. был первым человеком, которому я рассказала о своем ложном положении в наладке и которому не стеснялась задавать любые вопросы. Как же он тогда помог мне, никогда этого не забуду! Я, со своей стороны старалась накормить его и даже пыталась приводить в порядок его носильные вещи, но этого он всячески старался не допускать. Так и просиживали мы зимние вечера в беседах полезных и не очень, часов до десяти. За это время успели сдружиться и даже «на ты» перешли. Я за этот период успела вылечить свое ребро, получить представление о проектной работе и утвердиться в своем желании уйти из наладки.

Приехал Толя, ему удалось устроить квартиру для родителей и узнать, что как только закончатся работы на ЧМЗ, все москвичи отправятся обратно в Москву. Все то отправятся, а когда смогу уехать я? Я по-прежнему раз в месяц ходила отмечаться в НКВД. Решили пойти туда вместе и посоветоваться. Рассказали, какая складывается ситуация, и нельзя ли в связи с ней и мне уехать вместе со всеми. Обещали послать запрос в Москву. В следующий мой приход, ответ уже пришел, но в нем подтверждалось, что мне придется оставаться в Челябинске до окончания войны. К этому времени мы с Толей уже знали, что

осенью у нас должен родиться ребенок. Я рассказала об этом в НКВД и спросила не может ли рождение ребенка повлиять на срок моего отъезда. Увы, это ничего не меняло. Толя пошел к руководству ОПКУ-19, вернее, сначала мы с ним решили посоветоваться с Я.С. Миллером, и разговор этот я вспоминаю с большим теплом. Пришли к Миллерам в гости, сидели вчетвером (Я.С. привлек к обсуждению и Анастасию Михайловну) и не спеша обсуждали наше положение. Чувствовала я себя с Миллерами, как со старыми друзьями: так заинтересованно, дружелюбно и внимательно обсуждали они наше положение. Беременность я переносила отлично, вернее совсем ее не ощущала, поэтому времени для рождения было еще достаточно. Летом должна была приехать ко мне мама, разрешение она уже получила.

Ясно, что к моменту рождения ребенка я должна переехать из города на ЧМЗ. Все работы ОПКУ еще долгое время будут связаны с ЧМЗ. Кроме того проектный отдел ОПКУ тоже переедет на ЧМЗ, как только будет построен Соцгород на ЧМЗ. Соцгород уже строится, он будет большим и современным, но первая очередь домов будет готова не раньше 1946 года. Пока там есть только заводоуправление и несколько домов для сотрудников администрации и строятся дома специального назначения: школа, больница, библиотека, ясли, магазины, электростанция, котельная и т.д. Все это должно быть окончено к концу 1944 года, но постепенно, по мере готовности, отдельные объекты будут вступать в строй действующих. ОПКУ будет иметь свою долю жилья, но будет это не раньше 1946 года. Что же делать, мне-то нужно сейчас, к сентябрю 1944 года? И тут Анастасия Михайловна вспоминает, что километрах в 3-х, не доезжая соцгорода, но уже на территории, принадлежащей ЧМЗ (место это называлось Бакал), недавно построен барак для семейных монтажников ОПКУ№19. Она это знает точно, потому что недавно там поселилась семья Николаенко, бригадира монтажников, который, хотя и был эвакуированным, но решил остаться жить на Урале. Я.С. тоже знал об этом бараке, но не считал, видимо, этот вариант годным в моем случае. Я же ухватилась за это известие серьезно: нужно поехать и посмотреть этот барак, может он будет выходом из положения, ведь жили же мы с мамой в Кыштыме в бараке и были довольны.

На следующий день мы попросили остановить «Коломбину» на въезде на территорию ЧМЗ и пошли искать барак. Он оказался одноэтажным и сильно отличался от Кыштымского. Никаких печек, труба отопления тянется вдоль барака и «забегает» в каждую комнату, электричество подведено, а вот ни водопровода, ни канализации не предусмотрено. Правда водопроводный кран совсем близко, а «удобства» в конце каждого участка. Никакого коридора. Каждая, довольно просторная комната, имеет свой выход с тамбуром прямо на асфальто-

вую дорожку, проложенную вдоль барака, а от нее асфальтированные же тропочки ведут к деревянной будочке в конце каждого узенького участка. При желании на участке можно посадить огородик. Пошли искать «квартиры» знакомых монтажников, живущих в бараке: Николаенко и Рыбальского, чтобы поговорить с их женами, которые не работали (у обеих были маленькие дети) и прожили в этом бараке всю зиму. Тоня Рыбальская, небольшая, скромная и тихая молодая женщина, встретила нас очень приветливо и позвала свою соседку из соседней «квартиры» громогласную, разбитную, веселую Сашу Николаенко. По мнению обеих женщин жить в бараке можно. Зимой было тепло. Обед готовят на двух электроплитках и обязательно нужно в дополнение к ним иметь электрический чайник. Мужьям удобно, до работы или пешком ходят, или выходят на дорогу, ждут «Коломбину» ОПКУ№19 и подъезжают куда надо. Обе считали, что жить здесь проще и удобнее, чем в городе, за бараком следит ОПКУ и платить ни за что, кроме самой квартиры, не надо. За дорогой, по которой идут машины на завод, есть еще несколько барачков, принадлежащих ЧМЗ, там же магазин и больница. Летом будет наверно совсем хорошо, лес рядом, а за лесом поселок Каштак, там несколько домов отдыха и очень красиво. В нашем бараке двадцать квартир. Я представила себе, как тут будет летом, и решила, что с маленьким ребенком будет удобно. На работу, до нашей наладочной будочки мы дошли минут за 30. Если иметь велосипеды, то можно будет сказать: «и жизнь хороша, и жить хорошо». В тот же день Толя подал заявление Романенко с просьбой предоставить нам комнату в бараке ОПКУ на Бакале.

К началу лета мы уже жили в бараке на ЧМЗ. Во то время еще большая часть территории ЧМЗ принадлежала лесу, и это было прекрасно. Цеха завода отстояли довольно далеко друг от друга, между ними были проложены дороги, но шли эти дороги через участки леса. А в сторону Каштака лес был сплошной, прекрасный, нетронутый. Я уже писала, что Каштак был очень живописным местом, но сейчас не могу вспомнить, протекает ли там Миасс или нет. В этом Каштаке было какое-то помещение, принадлежащее ОПКУ, и в этом помещении стали собираться монтажники и другие работники ОПКУ-19 по субботним вечерам, чтобы отпраздновать освобождение советскими войсками очередных городов. Настроение у всех было радостное. Работали всю неделю много и напряженно, развлечений никаких не было, до города добраться невозможно, вот и собирались в Каштаке живущие в бараке ОПКУ, и кое-кто из монтажного начальства, у кого были постоянно прикрепленные машины. Поначалу мы с Толей бывали на этих сборищах, но с середины лета было уже не до этого.

В середине лета приехала мама и поселилась в комнате, соседней с нами. Была эта комната временно свободна, и мы без всякого

оформления заняли ее (с обязательством освободить по первому требованию). Несмотря на то, что беременность я переносила прекрасно, пора было подумать о более спокойной работе. Еще весной Тоня Рыбальская (она умела шить и у нее была машинка) сшила мне холщовую серую хламиду, которую мы называли «толстовкой» и которая вместе с альпинистскими гольфами заменяла мне обычную зимнюю спецодежду, состоящую из телогрейки и таких же ватных теплых брюк. Очень ярко помню такую картинку. Мы с Сашей Бейзелем едем в какой-то из уже выстроенных, но не пущенных еще цехов, на монтажном грузовике с высокими бортами. Подъехали к цеху. Саша спрыгнул с машины, я передала ему наше налагодное оборудование и тоже спрыгнула с довольно высокого борта грузовика. Эту картину увидел Яков Соломонович Миллер, который тоже только что подъехал на своей (постоянно прикрепленной к нему) машине к этому же цеху. Он подошел ко мне, отозвал в сторону и начал «распекать» совершенно серьезно и чуть ли не грозя увольнением. Была я в ту пору уже на седьмом месяце беременности, но об этом из наших наладчиков еще никто не догадывался, так как рабочая «толстовка» скрывала мое положение очень надежно, но Я.С. знал о нем уже довольно давно.

Написав об этом, я вспомнила совершенно ясно другой эпизод, произошедший ранней весной, тоже во время моей с Сашей работы в пустом цехе. Тогда произошел случай, чуть ли не закончившейся печально и вызвавший у меня желание поскорее уйти из наладки. Что мы тогда делали в этом пустом цехе, я точно не помню, по-моему проверяли, во все ли распределительные шкафы подведено напряжение 380 вольт. Мы сняли тогда защитные кожухи с шин подающей магистрали, протянутой вдоль цеха, и измеряли напряжение на вводах во все распределительные шкафы. Был март или самое начало апреля, на земле огромные лужи и раскисший снег. Мы оба в телогрейках и брюках, но у меня на ногах добротные валенки с галошами, а у бедного Саши насквозь промокшее подобие бывших ботинок. Как сейчас вижу такую картинку: Саша стоит на пустом металлическом ящике и накидывает провода от переносного вольтметра на шины магистрали. По всем правилам безопасности подключать вольтметр можно только к отключенной магистрали. Но это был последний замер около самого последнего шкафа, в самом конце цеха. Для отключения магистрали нужно было идти к началу цеха, то есть пройти всю длину цеха в несколько сот метров. Саша устал, я вызвалась сходить сама, но он уверил меня, что он так все подготовил, что накинуть концы проводов «ничего не стоит» и я сдалась.

Только я установила вольтметр на какую-то табуретку или ящик и подняла голову, как увидела страшную картину. Саша стоит на ящике, держится рукой за голую шину и его странно «корезит», он весь выгнулся и

не может оторвать руку от шины. Дальше все произошло мгновенно. Я со всей возможной силой ударила ногой по ящику, на котором стоял Саша, и при этом отлетела назад и шлепнулась на пол, а вслед за этим на меня грохнулся безжизненный Саша. Когда мне удалось подняться, Саша сидел, прислонясь к злополучному железному ящику, смотрел на меня во все глаза, но молчал и дрожал всем телом, так что отчетливо слышался стук ящика по бетонному полу. «Саша, ты в порядке?» - спросила я. Потом я скинула с себя телогрейку, завернула в нее Сашины ноги и собралась бежать за помощью. И тут Саша отчетливо и твердо впервые произнес: «Нет». А через несколько минут мы уже оживленно обсуждали: что же случилось? Саша ничего не мог вспомнить. Тогда я предложила такое объяснение: один провод был уже накинут на одну из шин магистрали. Пытаясь накинуть второй провод, на другую шину, Саша взмахнул правой рукой и нарушил равновесие пустого легкого ящика. Ящик начал падать, а с ним вместе и Саша. И тут инстинкт оказался сильнее наладочной выучки. Саша, вместо того чтобы спрыгнуть на пол, судорожно схватился правой рукой за шину, дав возможность образоваться дорожке для попадания напряжения от шины к земле: через шину, Сашину руку, тело, мокрые ноги, железный ящик и каким-то образом через бетонный пол и какие-то трещины в землю. А пошатнувшийся ящик находился, наверное, в состоянии неустойчивого равновесия, иначе вряд ли мне удалось бы выбить его ногой из-под Саши. Очень может быть, что я сейчас что-нибудь и напутала, пытаюсь объяснить то, что произошло приблизительно 60 лет тому назад, но вот картина выгибающегося Саши, не могущего оторвать руку от шины, и сейчас стоит передо мной, как живая.

Возвратимся к лету 1944 года. Яков Соломонович вызвал Толю и сказал, чтобы завтра меня ни в цехе, ни на подстанции больше не было, и действительно, с этого дня я почти не выходила из нашей наладочной будки. Естественно, навела там чистоту, привела в порядок отчетность: и прошлую, и настоящую, и будущую. А потом было решено начать издавать справочник для монтажников и наладчиков. Это была Толина идея, и они с Юрой Гильбихом уже давно понемногу над этим справочником работали, а теперь все это должно было перейти в мое ведение. Работа была для меня полезная, а вот я для этой работы полезным исполнителем поначалу совсем не была, ужслишком мал был еще накопленный за неполный год наладочной работы опыт. Но у меня было время и возможность пользоваться библиотекой проектного отдела ОПКУ-19. Так состоялся мой первый визит в проектный отдел. Я не могу вспомнить, где он размещался точно, но где-то во временном помещении на территории ЧМЗ. Помню, что просидела в нем целый рабочий день, наблюдая за его жизнью и работой.

Там же состоялась моя первая встреча с

Кирой Яковлевной Гоосен, о которой я много слышала от Толи еще во время его приездов в Кыштым. Кира была в ОПКУ личностью известной, можно сказать даже знаменитой. Она, единственная из всех женщин, ушла из проектного отдела и, кажется, занималась наладкой электрооборудования кранов, хотя числилась по-прежнему за проектным отделом. Она кончила МЭИ, но не помню какой факультет, и, по-моему еще не успела нигде перед войной поработать. Была она замужем, тоже за окончившим МЭИ, Валентином Обрезковым, однако в эвакуации она была не с мужем, а с матерью и двумя сестрами. Сестры были значительно моложе Киры и были по- моему сводными, и отцы у Киры и у сестер были разными. О Кириной семье я еще скоро напишу, а в тот день, сидя в проектном отделе, я приглядывалась ко всем женщинам и гадала, нет ли среди них Киры Гоосен. В конце дня за мной зашел Толя и когда я спросила у него, не было ли там Киры, он громко расхохотался: «Ну, что ты, Киру ты бы сразу узнала». И надо же, отойдя совсем недалеко, мы таки встретили Киру. Она шла в группе монтажников и я действительно сразу поняла, что это она.

Тут я должна извиниться за путаницу. Готовясь приступать к описанию Киры, я поняла, что этот день, проведенный в проектном отделе, был не летом, а значительно раньше, зимой или ранней весной. По-видимому, хотя я сама тогда над справочником не работала, Толя попросил меня подобрать в проектном отделе какие-то необходимые материалы для справочника. Дело в том, что я точно помню, как была одета Кира. Она, так же как и монтажники, была в телогрейке и ватных штанах, но не в серо-зеленых, как у всех монтажников и наладчиков, а в темно синих, явно подогнанных по фигуре или сшитых специально для нее. На голове черная кепка, наверное, имеющая какое-то специальное название, так как были у нее длинные уши, которые сейчас были подняты и завязаны наверху, и длинный мягкий козырек. Было просто невозможно не обратить на нее внимания. Была она высокая, яркая блондинка с белокурыми локонами, выбивающимися из-под кепки, с продолговатым, но не узким лицом, с крупными, даже чуть тяжелыми чертами лица, и довольно полными, ярко окрашенными губами. Глаза казались темными и не придавали лицу оживленности, а скорее делали его серьезным. Кира остановилась с нами, а монтажники ушли. Она тут же закурила, а я сказала, что с удовольствием к ней присоединюсь, если мы найдем укромный уголок и присядем. Я совершенно не умею курить «на ходу» и вообще не люблю курить «на виду».

Мы присели, поговорили, и потом проводили Киру до места остановки «Коломбин», так как Кирино семейство жило в городе. Договорились, что мы с Толей в ближайшее время обязательно к ним приедем и познакомимся с ее семьей. Мне Кира понравилась. Несмотря на ее несколько даже вызывающий

внешний вид, из разговора я поняла, что Кира очень заботится о своем большом и непросто семействе и является в нем «добытчицей» и главой семьи, а ее мама успешно обеспечивает домашнюю хозяйственную жизнь. Забегая вперед, напишу пожалуй здесь, что визит к Кире состоялся и не один раз. Ко времени окончательного отъезда Толи в Москву, Кирина семья стала для меня очень близкой, хотя виделась мы тогда не часто. Семья жила в Челябинске, довольно далеко от центра, на широкой улице с трамвайными путями (зимой бездействующими), застроенной деревянными добротными домами. Людмила Николаевна, мать всех троих сестер, приехала в Челябинск с двумя младшими не из Москвы (откуда, увы, не помню, но кажется из Караганды), и только здесь в Челябинске семья воссоединилась. Была она, по-видимому очень хорошей хозяйкой: и шить, и готовить умела, и в доме было очень уютно. Следующая за Кирой девочка, Лена, была по-моему красивая, с каштановыми волнистыми волосами, с большими карими глазами и приветливым, очень привлекательным лицом, было ей тогда лет 15 или 16. Младшая, Эля, года на четыре моложе Лены, мне не запомнилась. В то первое наше посещение, мы все вместе обсудили проблему послевоенного устройства семьи. Война скоро кончится, это очевидно, Кира может вернуться в Москву в самое ближайшее время, даже еще до окончания войны, но что делать остальным? Отца Лены и Эли не существовало (либо погиб на войне, либо был расстрелян, не помню). Оставить их одних в Челябинске невозможно. Мама никогда не работала, девочки еще не закончили учиться. Без Киры они не проживут. Я помню, что мы провели тогда вместе целый день, который положил начало долголетнему знакомству.

Возвращаясь к лету 1944 года. Итак, в Челябинск приехала мама. Она сразу же сказала мне, что будет всячески помогать с ребенком, но при этом обязательно будет работать. Работу она собиралась искать сразу же, еще до рождения ребенка. Удивительное дело, но почему-то Толя, который нравился всем, не очень нравился маме; она почему-то считала его недостаточно надежным. Отношения у них были, конечно, приличные, но без теплоты. Во всяком случае мама и подумать не могла о том, чтобы существовать на нашем иждивении. Кроме того мама считала, что она должна получить собственную квартиру, никак не зависящую ни от Толи, ни даже от меня. И мама очень скоро нашла работу на заводе ЧМЗ. Сначала она попробовала работать учительницей в школе, но после преподавания в интернате больным детям, прикованным к постелям, общение со здоровыми, шумными, хулиганистыми ребятами, показалось ей слишком утомительным. Кроме того мы обе понимали, что работая в школе, она фактически не сможет помочь мне с ребенком. Еще работая в школе, мама познакомилась с заведующей заводской библиотекой. Вернее

заведующая была, а библиотеки еще не было, и вся работа, без конца и без края, была впереди. Мама перешла работать в библиотеку, в которой проработала долгие годы. И так, последние недели беременности проходили в спокойной работе над справочником, а потом я и вовсе ушла в декретный отпуск. Занималась подготовкой к появлению ребенка: всякими пеленками, одеждой, кроваткой и т.д. При этом я очень много гуляла в лесу и ходила пешком. К осени уехали в Москву Малкины и И. И. Морген, и надолго уехал в Москву и Толя с тем чтобы вернуться поближе к сентябрю. Очень нам с мамой помогала в подготовке Тоня Рыбальская, и советами и делами: она очень много шила для ребенка.

Наконец наступило 10-ое сентября. Вечером 9-го я почувствовала, что со мной начинается что-то происходить. Пошла к маме и она посоветовала поскорее пойти в роддом, так как с первыми родами могут быть всякие неожиданности. Роддом в десяти минутах ходьбы, и я, особенно не торопясь, собрала все документы и все что нужно для ребенка, и уже около часа ночи, отправилась. К моему великому удивлению дежурная медсестра выругала меня за то что пришла поздно. Маму сразу отправила домой и занялась мной. Готовясь психологически к родам, я заранее решила, что кричать не буду, и все у меня получится. Слушала и исполняла все советы медсестры, кроме одного: «Да ты покричи, легче будет». Я действительно не кричала и все закончилось невероятно быстро: не больше, чем через час мне был предъявлен орущий мальчишка, весом 3200гр. и ростом 52 см. А дальше медсестра пришла и сказала, что надо зашить один внутренний разрыв. И тут я поняла, что я к этому не готова, никто меня не предупреждал о разрывах; в общем, я категорически не дала зашивать. Я просто не могла себе представить, что то блаженное состояние выполненного серьезного дела и полного счастья, нужно будет нарушить и опять терпеть боль. Сестра осуждающе покачала головой, но пробормотав: «Может быть и обойдется», вышла из палаты. Родильное отделение было маленькое, размещалось в бараке при такой же маленькой больничке. По-моему ночью, кроме меня и дежурной сестры, там вообще

не было ни души. Я блаженно проспала всю ночь. Никто до утра ко мне не приходил, даже мама. Все были уверены, что я пролежу со схватками всю ночь и раньше утра или даже середины дня ничего не произойдет. Мама и Тоня Рыбальская приходили утром, но сестра (уже другая) посоветовала меня не будить. Не знаю от чего я проснулась, наверное все-таки от стука в окно, но первое что почувствовала проснувшись, было острое, я бы даже сказала, пронзительное чувство голода. Такого я не испытывала даже в самые голодные Кыштымские дни. А за окном стояла Саша Николаенко и улыбаясь показывала мне то ли пирог, то ли ватрушку, которую она мне притащила. Правила в роддоме были либеральные и уже через минуту Саша в белом халате (который принесла с собой) сидела рядом со мной и кормила меня чем-то, показавшимся мне божественно вкусным. И тут принесли сына. До этого мне никогда не приходилось видеть новорожденных и я была глубоко разочарована. Несмотря на восторженное щебетание Саши: «Какой замечательный, как на тебя похож, вылитая ты, будет красавцем, а глаза какие умные», я видела в запеленутой куколке только красную мордашку, сплюснутый нос, занимающий половину лица, и узкие щелки глаз, чуть видимые из-под опухших красных век. И такими рождались все мои трое детей. Это не умалило моей нежности к этому крошечному существу, не только не похожему на «красавца», но вообще больше напоминающему обезьянку, нежели человека. Все мои дети оказывались впоследствии вполне благообразными и привлекательными, но когда их приносили на первое кормление, при всем желании и при всем пристрастии, на «красавцев» они не тянули. Я вспоминала, что у меня самой при рождении половина лица была синей и бедная мама «отмаливала» и отмолила таки у Бога, пройдя пешком из Колпино до Петрограда, чтобы безобразное пятно ушло с лица несчастной девочки. Наверное, поэтому я никогда не обращала внимания на внешний вид своих младенцев до тех самых пор, когда и мне они уже казались красавцами.

http://www.the-ratner-family.com/Korzun_memoirs_2_chapter%202-1.htm

ИСТОРИЯ ОЗЕРСКА

Использование труда спецпереселенцев при создании города

История Озерска началась задолго до того, как в ноябре 1945 года на будущей стройплощадке был вбит первый колышек. Озерск разместился на полуострове или точнее на большом мысе южного берега озера Иртяш. Если же привязать территориально, то это

место между городами Кыштым и Касли, у старой демидовской дороги, проходившей по восточному и южному берегу озера. Среди десяти более крупных озер Челябинской области, Иртяш имеет площадь зеркала 32 кв. км, и занимает третье место по объему

водохранилища - после озер Аргази и Увильды. Ранее, города Касли и Кыштым практически связывались водным путем через озеро Иртяш. До тех пор, пока не появилась База-10 (Челябинск-40, затем Челябинск-65, сегодня г. Озерск).

30 июля 1940 г. Президиум Академии Наук СССР утвердил «Урановую комиссию» во главе с выдающимся радиохимиком, академиком В. Г. Хлопиным, цель которой было создание и освоение комплексной программы работ по урану. В марте 1942 г. И. В. Сталин принимает решение развернуть в СССР работы по созданию атомной бомбы. 15 февраля 1943 года решением Государственного Комитета обороны принято решение о создании единого научного центра во главе с И. В. Курчатовым, ответственным за создание атомного оружия в Советском Союзе. В августе 1945 г. после атомной бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки, осуществленной США, Государственный Комитет обороны образует специальный комитет, на который возлагалось выполнение Уранового проекта. Его председателем был назначен Л. П. Берия.

С мая по октябрь 1945 года проводились изыскательные работы на Южном Урале по выработке плутония. Поисковые работы велись на обширной территории в восточных предгорьях Урала, около цепочки озер Увильды (на юге) и Иткуль (на севере). 9 ноября 1945 г. группа строителей во главе с Д. К. Семичастным выехала на место будущей стройки. 10 ноября Я. Д. Раппорт подписал приказ № 26 «Об организации строительного района № 11». 24 ноября 1945 года был разработан план и начато строительство будущего комбината и города Озерска. Так начала выполняться урановая часть Атомного проекта, или Программа № 1, как называли его в нескретной переписке.

Первые строители «района № 11», первые работники завода № 817 положили начало истории ПО «Маяк» и города Озерска. В апреле 1946 года построены первые землянки для военных строителей, вмещающие от 50 до 100 человек. Из Челябинска на Базу-10 передислоцированы строительный батальон (500 солдат), отряд спецпереселенцев, 5 тракторов, 2 автомашины и лошади с повозками.

23 апреля утвержден Генеральный план строительства плутониевого комбината № 817 и рабочего поселка для атомщиков на 5 тысяч человек. Постоянного жилья для строителей планом не предусматривается. 1 мая - строителями проложена железная дорога от Базы-10 до станции Кыштым и лежневая дорога до Кыштыма и Метлино.

Июнь 1946 года. Для строительства ЛЭП от Базы-10 до Кыштыма и Каслей из Челябинского металлургического завода НКВД СССР (Челябметаллургострой) переводится строительный полк. Подготовлен к заселению (4 тысячи человек) первый лагерный участок: ограждена зона и построены землянки из расчета 1,3 кв. м на заключенного.

В июле подписан приказ МВД о подготовке еще трех лагерей: одного на 3000 и двух по 2500 заключенных. Введен пропускной режим, территория комбината и рабочего поселка объявлена запретной зоной и обнесена колючей проволокой.

В августе 1946 г. начались работы по рытью котлована для реактора - завода «А». На озере Кызылташ размещено 4 воинских гарнизона - 11 тысяч солдат. К концу года на строительстве объектов кроме военных строителей, работало еще около 40 тысяч человек: заключенные - 9 тысяч (еще 4 лагеря на 12000 человек находились в стадии завершения), интернированные (возвращенные из Германии советские граждане) - около 3 тысяч, спецпереселенцы и трудармейцы (немцы из Поволжья) (**так у автора – А.Н.**) - около 15 тысяч, «указники» (осужденные за мелкое хулиганство и освобожденные) - около 5 тысяч, «мародеры» (офицеры-фронтовики, осужденные после войны на 3 - 4 года) - около тысячи человек. Вольнонаемные рабочие и инженеры, административно-технические работники насчитывали 3219 человек.

Первая большая группа эксплуатационников (около 100 человек) будущего плутониевого комбината прибыла на Базу-10 в октябре 1946 года. 8 июля площадку Базы-10 посетила правительственная комиссия во главе с Лаврентием Берия. Результаты работы строителей неутешительны: освоение средств за 6 месяцев составило 82 млн. рублей при годовом плане 200. Начальник СУ-859 генерал Раппорт снят с должности. Руководителем стройуправления назначен генерал-майор Михаил Царевский. Директор комбината № 817 Петр Быстров освобожден от занимаемой должности, вместо него назначен Ефим Славский.

В августе 1947 в распоряжение стройуправления № 859 прибыло 10000 заключенных и конвойный полк в 1000 человек. Для спецконтингента установлен 10-часовой рабочий день. Приказом МВД всем работающим на Базе-10 запрещен выезд за пределы зоны (приказ был отменен только в 1954 году). Из запретной зоны в 10-дневный срок выселены неблагонадежные и посторонние лица. В 1947 году на стройплощадке трудилось 52 тысячи человек, но срок окончания строительства реактора «А», установленный Сталиным 7 ноября, был сорван. Сроки строительства объектов «Б» и комплекса «С» (хранилище радиоактивных отходов) также не выполняются. Приехавший на площадку Л.П. Берия снял с должности директора Базы-10 Е. Славского. Новым директором назначен директор Уралмаша Борис Музруков.

По периметру зоны размещают артиллерийские подразделения с зенитными пушками. Введен особый режим секретности - за письмо к матери с упоминанием о «работе на важном объекте, который посетил Берия», молодой строитель Борис Суханов осужден на 10 лет. Семь лет из города никому не разрешалось выезжать в отпуск (в виде компенсации вы-

плачивалось дополнительно 50 процентов зарплаты); фотографироваться можно было только по специальному разрешению и в присутствии работника оперативного отдела.

7 июня 1948 года Курчатов осуществил физический пуск первого промышленного уран-графитового реактора. 19 июня в 0 часов 35 минут реактор достиг проектной мощности. Этот день считается днем рождения «Маяка». В 1947-1949 годах первые улицы поселка были застроены. К этому жилому массиву были запроектированы школа на 200 учащихся, клуб, магазин, баня. И в километре от поселка - железнодорожный вокзал. В связи с все возрастающим строительством промышленных объектов, временами численный состав стройки достигал 50 тыс. человек, что в десятки раз превышало первоначальную цифру, поэтому пришлось заложить ряд новых улиц. В 1948 году было принято решение о разработке Генерального плана соцгорода, который был разработан Ленинградским проектным институтом (ГСПИ-11), и утвержден в

1949 г. В сентябре 1948 г. сдан первый в городе двухэтажный каменный дом. С этого момента город стал застраиваться двух-четырёх этажными зданиями в неоклассическом стиле.

С июня 1948 по сентябрь 1952 года на химкомбинате «Маяк» запустили шесть реакторов. Численность персонала в несколько раз превысила проектную. 17 марта 1954 года закрытым указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселку госхимзавода им. Менделеева (впоследствии ПО «Маяк») были присвоены статус города и имя Озерск. В истории атомного технополиса наступила новая эра, хотя по-прежнему, его не было ни на одной географической карте, а жители имели прописку одного из районов Челябинска. Официально город именовали Челябинск - 40 («Сороковка») и до 1994 года Челябинск-65. 4 января 1994 года распоряжением правительства Российской Федерации установлено официальное географическое название населенного пункта в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО) - город Озерск.

Спецпереселенцы в городе Озерске

В соответствии с Указом ПВС СССР от 28.08.41 г. из западных, прифронтовых районов СССР в регионы Урала, Сибири и Средней Азии СССР были высланы сотни тысяч граждан Азии немецкой и ряда других национальностей. Такие лица в обиходе назывались «спецпереселенцы», «спецпоселенцы». Размещались они, как правило, компактно, за ними устанавливался особый комендантский контроль, они обязаны были работать на определенных предприятиях и не имели права покинуть место своего поселения.

По прибытии к месту своего поселения очень большое количество спецпереселенцев были мобилизованы в трудовую армию и были обязаны работать на определенных производствах в составе строительных отрядов военизированного образца. Такой контингент рабочих получил наименование «тудармейцы», «трудмобилизованные». При чем в числе такого контингента могли быть мужчины и женщины, переселенцы немцы или лица любой другой национальности в том числе и русские.

Такой контингент рабочих в годы войны был основным во многих отраслях промышленности страны, особенно на строительстве, лесозаготовках, добывающих отраслях и т. д. Так, в структуре рабочей силы Челябинметаллургстроя НКВД СССР, на который была возложена задача формирования вновь организуемого управления № 859 по сооружению первенца атомной промышленности - завода № 817, к концу войны на ЧМС трудмобилизованных было более 22тысяч человек, объединенных в 15-ть строительных отрядов.

По этому вполне закономерно было появление в приказе начальника ЧМС НКВД СССР от 10.11.1945г. за № 26-с «Об организации строительного района № 11» (предшественни-

ка СУ № 859 МВД СССР) пункта 7, который гласил:

«7. Моему заместителю полковнику Уралец А. К. организовать отряд стройрайона № 11 из состава трудмобилизованных тяжелого и среднего труда в количестве 500 человек, обеспечив их улучшенным обмундированием по сезону. Отряд обеспечить необходимым оборудованием и хозяйственным инвентарем».

Формирование отряд из трудмобилизованных было возложено на ст. лейтенанта Свердлова Иллариона Константиновича. Именно трудмобилизованные отряды обеспечили строительство и комиссионную сдачу в эксплуатацию 09.01.1946г. «первых объектов» на стройплощадке – дезкамеры и жилых землянок.

На протяжении первого полугодия 1946 года трудмобилизованные ЧМС служили базой комплектования среднего и младшего звена руководителей СУ-859 «мастеров, механиков, техников и служащих». Так, например, приказом по СУ-859 от 10.12.1945 г. за № 3 было принято для работы в качестве ИТР и служащих 17 человек из числа трудмобилизованных - немцев ЧМС, приказом от 24.12.1945 г. за № 9 - 7 человек и т. д.. Среди прибывших - Дик П. К. - зам. главного бухгалтера стройрайона, Квирнич В. Э. - инженер-связист, Кляйн В. Х. - начальник конпарка, Земке Э. Г. - бухгалтер, Герман А. И. - мастер мехмастерских ОГМ, Ноль В. А. - начальник перевалочной базы и многие другие.

Поскольку военные действия уже закончились, встал вопрос о ликвидации военизированных формирований тудармейцев и трудмобилизованных.

Начальником ЧМС МВД СССР во исполнение Директивы МВД СССР от 13.06.1946 г. за № 155

«с» был издан приказ № 44с от 26.07.1946г. «О снятии с учета спецпереселенцев не немецкой национальности». Приказ предписывал всех трудмобилизованных не немецкой национальности передать в отдел кадров ЧМС, выдать на руки паспорта, справки о сроках пребывания на положении трудмобилизованных. За трудмобилизованными немецкой национальности сохранялся статус спецпереселенцев.

Управление такого контингента рабочей силы ЧМС как трудмобилизованные и трудармейцы, поставило вопрос о привлечении к строительству завода № 817 спецпереселенцев из числа немцев, ибо другой квалификационной рабочей силы в ЧМС просто не было. С целью решения этого вопроса Министр МВД Круглов и начальник первого Главного Управления при СМ СССР Ванников 01.07.1946г. обратились к зам. предсовмина СССР Берия с письмом о разрешении перевести в СУ 859 МВД из ЧМС до 10 тысяч спецпереселенцев в том числе из числа бывших трудмобилизованных для работы по строительству жилпоселков и вспомогательных объектов.

Разрешение Берии было получено, и начался процесс передислокации большого количества спецпереселенцев на площадку строительства завода № 817.

16.07.1946г. было издано распоряжение начальника ЧМС за №7 «с» «О мероприятиях по организации отправки рабочих спецпереселенцев в СУ 859. Приказом предусматривалось решение задач комплектования отправляемых команд в первую очередь из «родственников» по функциональному назначению подразделений из жилстроя ЧМС - в жилстрой СУ 859, из торговли ЧМС в торговлю СУ 859, из ЖКО ЧМС - в ЖКО СУ 859 и т. д.. Отpravку предполагалось начать уже с 18.07.1946г. специально формируемыми «вертушками» ОЖДП ЧМС, а так же желдортранспортом МПС. Главной проблемой было размещение прибывающих спецпереселенцев на новой площадке, где практически не было никакого жилья.

Наспех оборудованные палатки, землянки, в одну доску собранные бараки нельзя было воспринимать всерьез как жилье для вольнонаемных рабочих, какими считались спецпереселенцы, при чем многие из которых имели семьи. Даже самый оптимистичный срок окончания стройки - 07.11.1947 г. предусматривал проживание на данной стройплощадке осень, зиму и весну. Существующее «жилье» ни в коей мере не соответствовало природным условиям.

22.10.1946 г. был подписан приказ № 440 «О мероприятии по упорядочению жилищно-бытовых условий контингента спецпереселенцев». Среди этих мероприятий такие, как окончание строительства во 2-ом жилпоселке на 30 землянок, утепление барачков - засыпкой шлаков стен и потолков, установка второго остекления окон и т. д., оборудование столовых, камер хранения, торговых точек, парикмахерских, медпунктов, кипятилен, сушилок, достаточного количества уборных

(выгребных ям), мест для индивидуального приготовления пищи, водозаборных колонок, создание банно-прачечного комбината и т. д. и т. п.. Отопление - печное. Спальные места - на сплошных нарах, т. е. фактически полное «равенство» с размещением заключенных и солдат.

Поскольку использование спецпереселенцев предусматривалось на строительстве и эксплуатации вспомогательных и обеспечивающих производств на территории будущего города, то и размещение их проводилось в жилпоселках строителей № 1 и № 2, в районе поселка Теча и по берегу озера Иртяш.

П.2 упоминаемого выше приказа, предусматривал организацию использования спецпереселенцев в форме рабочих отделений по производственному принципу. С целью привлечения руководства стройподразделений СУ 859 к разрешению жилищно-бытовых проблем спецпереселенцев вводится институт заместителей по быту из числа руководителей подразделений. Однако, приказ вообще не затрагивал вопрос такой важнейшей проблемы как семейные спецпереселенцы и возможность посещения оставленных семей, что привело в последствие к развитию негативных проявлений. Употребляемые в приказе выражения «общежитие для спецпереселенцев» весьма и весьма сомнительно: общие нары как-то не очень созвучны с понятием «койко-место в общежитии»

За период июля-октября 1946 года на стройку прибыло 3,4 тысячи спецпереселенцев (следует иметь ввиду, что много спецпереселенцев к тому времени уже находились на территории СУ-859 в качестве трудмобилизованных). Прибывали спецпереселенцы крупными группами одного профиля деятельности, так, например: 391 человек для работы в жилстрое, 164 человека на работу в автотранспортное хозяйство, 145 - в ЖКО, 140 человек в гужтранспортную контору, 70 - на хлебозавод и т. д.. Среди прибывших было большое количество имеющих опыт работы мастерами, механиками, прорабами, служащими на различных должностях.

Приказом МВД СССР за № 00911 от 11.11.1946 года было объявлено «о разделении строительства № 859 МВД СССР и Челябинского металлургического завода СССР» на два самостоятельных управления строительства. Приказ предусматривал откомандирование из ЧМС в УС-859 дополнительного контингента ИТР и служащих согласно указаний Главпромстоя МВД СССР, с сохранением за откомандированными в УС-859 жилплощади в домах ЧМС. Весьма и весьма существенным стал выезд работающих в ЧМС в командировку в УС-859 на неопределенный срок. Распространилось это решение и на семейных переселенцев. 24.12.1946 года был сделан отчет о выполнении приказа о разделении строев, в котором было констатировано, что из 550 ИТР из числа спецпереселенцев, предусмотренных для откомандирования из ЧМС в УС-859, фактически откомандировано 499 человек.

Именно спецпереселенцы составили «основной костяк» инженерно - технических работников и специалистов таких подразделений стройки как 2-й район (жилстрой), РМЗ, службы главного механика и энергетика, ремонтных подразделений автотранспорта, промкомбината снабжения, торговли и общественного питания других. Хотя, формально привлечение спецпереселенцев к работам на сооружении промобъектов завода №817 не допускалось, тем не менее значительное количество спецпереселенцев оказалось на промплощадке. Поэтому неслучайно 24.10.1946 года был издан специальный приказ на стройке за №443 «О стимулировании спецпереселенцев, выполняющих выработки», в котором говорится, что во исполнении указаний министра МВД Круглова по объекту «А» (реактор) установить с 01.10.1946 года как меру поощрения:

за выполнение нормы за полумесяцы

а) 100-110% - ежедневно дополнительно горячее овощное блюдо;

б) 111-115% - дополнительно ежедневно 10 грамм табака;

в) 116-120% - по итогам месячной работы – приобретение дополнительного костюма второго срока носки;

г) 121% и выше – вместо овощного дополнительного горячего блюда – мясное блюдо;

При выполнении нормы на 125% и более – перевод на жительство в барак улучшенного типа, бесплатное посещение бани, парикмахерской, кино.

При выполнении нормы свыше 125% в течение 6-ти месяцев снимался ряд ограничений режимного характера.

Сегодня такие формы поощрения могут вызвать кое у кого просто усмешку, но следует помнить, что шел 1946 год, первый послевоенный год, когда все продукты и предметы личного обихода были строго нормированы по категориям населения, в том числе и работающим, а спецпереселенцы имели ряд серьезных ограничений своих гражданских прав, декларируемых конституцией СССР.

Спецпереселенцы из числа немцев прибывали из ЧМС и в последующее время. Согласно годового бухгалтерского отчета, по состоянию на 01.01.1947 года в УС-859 уже работало 6 035 спецпереселенцев (с учетом бывших «трудмобилизованных» из числа лиц немецкой национальности), в том числе 1214 женщин. Спецпереселенцы на 01.01.1947 года составляли более 21% всех работающих стройки.

Сотни переселенцев прибывших на стройку в 1946 году стали организаторами строительного производства, многие из них в последствие возглавили большие строительные коллективы. Многие годы возглавлял крупнейших коллектив стройки – Управление Промышленных Предприятий (УПП) Отто Фридрихович Горст, начальник СМУ-2 - Семке Владимир Германович, СМУ-8 - Греккер Мартин Георгиевич, завод №1 УПП - Иммель Адольф Иванович (в последствие замначальника УПП). Думлер Эмиль Константинович - главный инженер

ДОК, Оленбергер Т. М., Кергер И. И., Миллер К. А., Кунц С. С., Зель Р. Л. - возглавляли коллективы стройучастков, Калининский А. М., Валь Л. М., Верксон Т. П., Глазер Д. Г., Унгер Я. И. - главные бухгалтеры подразделений стройки. Арнгольц О. Ф. - начальник торг отдела, Айзверт А. И. - начальник жилпоселка, Велкер Э. П., Вальц Г. В., Гильдебрант И. Д., Франк П. А. - начальники цехов ДОК. В числе прибывших был и Фохт Иван Яковлевич, работающий на стройке практически с начала ее формирования.

Большинство трудмобилизованных ЧМС из числа спецпереселенцев - немцев в 1941 году по указу ПВС СССР переселялись вместе с семьями в конкретные населенные пункты. Позднее, в 1942 году, многие из них через военкоматы были призваны в трудовую армию на положении трудмобилизованных в составе строительных отрядов трудились на объектах народного хозяйства СССР, куда их направили, в частности, на Челябинметаллургстрой. В процессе работы на ЧМС многие из них легально и нелегально образовывали семьи. Перевод бывших трудмобилизованных - немцев из ЧМС в СУ-859 по существу означало новое спецпереселение, при чем, без четких перспектив воссоединения с семьями, в условиях отсутствия военной необходимости (переселение из полосы военных действий). Понятно, что такая ситуация не могла не вызвать у спецпереселенцев глухого скрытого противодействия - протеста. Инстинкт сохранения семьи в такой ситуации в мирное время преодолеть человеку невозможно. Трудмобилизованные в связи с окончание войны вполне закономерно рассчитывали на возвращение к семьям по месту жительства. Однако, разрешение таких противоречий новый этап переселения не предусматривал. Поэтому самовольный выезд на встречу с семьями, родными, опоздания из трудовых отпусков, на которые спецпереселенцы имели право как «вольнорабочие» работники, были массовым явлением. А поскольку, понятие «прогул» и «дезертирство» в те годы были практически равнозначными, они карались преданием нарушителя спецсуду на основании указов ПВС СССР 1940-1941 годов. Так, например: Приказом по стройке № 459 от 07.10.1946 года передается материал в прокуратуру ЧМС на 60-ть рабочих-спецпереселенцев о привлечении их к уголовной ответственности по указу ПВС СССР от 26.12.1941г., которые опоздали в с прибытием к месту их работы - в Тюбукский лесозаготовительный район на сутки и более. А это уже можно было считать дезертирством. Нередкими были случаи опоздания на работу или самовольного ухода с рабочего места. Так, приказом по стройке от 31.09.1946 года за №359 направляется спецлагсуд материал на 6 рабочих – спецпереселенцев, совершивших прогул о привлечении их к уголовной ответственности по указу ПВС СССР от 26.04.1940г., 03.11.1946г. (приказ №494) на 9 рабочих второго стройрайона и т. д.

После сдачи в эксплуатацию первого про-

мышленного реактора были приняты меры по дальнейшему усилению режима секретности объектов Первого главного управления при СМ СССР, в том числе и завода №817, 18.03.1949 года на заседании спецкомитета при СМ СССР (протокол №75 п.7) был рассмотрен проект постановления СМ СССР «О дальнейшем использовании бывших заключенных, солдат-репатриантов и спецпереселенцев, работающих на стройках МВД СССР». 14.07.1949 года такое постановление под № 3071-1272 сс было подписано Предсовмина СССР И.В Сталиным.

Во исполнении данного решения уже с августа 1949 года были предприняты попытки передислокации с площадки СУ-859 спецпереселенцев, указников, интернированных на другие стройки МВД СССР. С августа по декабрь 1949 года в Дальнострой (г. Магадан) было отправлено 5 эшелонов вышеуказанного контингента общей численностью 3182 человека. Однако, дальнейшая отправка десятков тысяч человек была приостановлена, т.к. найти замену выходящей рабочей силе было крайне сложно. В 1951-1952 гг. процесс отправки

«политически неблагоприятных рабочих» с площадки УС-859 был возобновлен, было сформировано и отправлено на строительство №655 МВД СССР (урановых рудников) 8 эшелонов общей численностью 2514 человек из числа спецпереселенцев и членов их семей. Значительная часть спецпереселенцев была направлена на строительство за пределы г. Озерска (Аргаяшская ТЭЦ, пос. Новогорный и г. Глазов Удмуртской АССР). Тем не менее на объектах в черте г. Озерска «осели» на постоянное жительство не менее 1500 спецпереселенцев. Десятки из них и ныне проживают в городе.

Судьба многих немцев: спецпереселенцев-трудармейцев - трудмобилизованных ярко иллюстрируется судьбой Шерер Я. П. Суть его обращений в высшие инстанции с 1991 года - подтвердить факт прохождения им службы в трудармии с 1942г. по 1946г, куда он был призван военным комиссариатом, однако, на протяжении многих лет вразумительного ответа он получить не может. Его судьба - судьба тысяч спецпереселенцев.

Ликвидация немецкого спецпоселения

Все 15 лет существования спецпоселения (1941 – 1955 гг.) немецкое население СССР, расплывшее на огромной территории страны, было полностью лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Вокруг него была создана такая морально-психологическая атмосфера, что на работе, в общественных местах немцы вынуждены были говорить на русском языке и только дома, в тесном семейном кругу, они могли позволить себе объясняться по-немецки. Не было возможности ни читать, ни писать на родном языке. Тем более немцы не имели возможность сохранять свои традиции и обычаи, народную культуру (обряды, песни, танцы и т. п.). Фактически под запретом была религиозная жизнь. Особенно отрицательно всё это сказывалось на молодом поколении - детях, родившихся перед войной, в годы войны и в послевоенные годы. Они были лишены возможности, не только обучаться на родном языке, но даже изучать его.

Тяжёлая жизнь и работа, постоянная борьба за выживание не давали возможности родителям уделять своим детям должное внимание, тем более передавать им традиции национальной культуры. Да и сами взрослые, вынужденные адаптироваться к новым условиям жизни, постепенно теряли многие свои национальные черты, формируя новые привычки, усваивая и перенимая обычаи и нравы, элементы быта и культуры окружающего населения. Медленнее эти процессы шли в сельской местности, особенно в районах традиционного проживания немцев в Сибири, Казахстане, Средней Азии, быстрее - в городах, рабочих посёлках, там, где немцев было мало.

На спецпоселении немцы подвергались не только национальной дискриминации, они

были лишены многих общегражданских прав, их жизнь постоянно наталкивалась на различного рода ограничения и запреты, часто просто абсурдные. Это вынужден был признать даже министр внутренних дел СССР С. Круглов в 1953 г.: «На местах зачастую ущемляется правовое положение спецпоселенцев: без надобности создаётся излишне жестокий режим, запрещается свободное передвижение по жизненно необходимой для спецпоселенцев территории, устанавливается частая регистрация в спецкомендатуре, создаются препятствия к выездам в командировки, на лечение и учёбу, что влечёт за собой подачу ими большого количества жалоб».

Спецпоселенцы не имели паспортов, что фактически делало их изгоями в обществе, затрудняло устройство на работу, получение почтовых отправлений и т. п. Кроме того, спецпоселенцы не призывались на военную службу, им не разрешалось работать в милиции и других силовых структурах. Они не могли занимать сколько-нибудь важные посты и должности в государственных органах и учреждениях, в сферах народного хозяйства, здравоохранения, образования, культуры. Дети спецпоселенцев состояли на «посемейном» учёте с момента рождения до исполнения им 16 лет. После этого их ставили на персональный учёт, то есть они становились «полноценными» спецпоселенцами. Хотя формально молодые спецпоселенцы и не были лишены права получения высшего или специального среднего образования, однако подавляющее большинство их не могло поступать в вузы и техникумы, так как практически все эти учебные заведения находились за пределами зон спецпоселения, а выезд из зон запрещался.

Чем дольше после войны сохранялось спец-

поселение, тем всё яснее становилось его ненужность, абсурдность и даже вред, поскольку оно искусственно делило граждан СССР на два сорта и тем самым мешало стабилизации советского общества. В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от спецпоселенцев шёл огромный поток писем, в которых люди пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять спецпоселение или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унижительные ограничения. Так, например, молодая женщина-немка Екатерина Гааг, ходатайствуя о снятии с себя ограничений по спецпоселению, писала, что её принадлежность к немецкой национальности не может являться основанием для ограничения в правах: «Я никакого преступления не совершала. Всю свою жизнь честно и добросовестно трудилась на благо любимой Родины. Моё положение убивает меня морально».

Н. Диль, прося освободить его от спецпоселения, сообщал в своём обращении в правительство, что «с начала Отечественной войны 1941 года по 1 сентября участвовал в боях за социалистическую Родину. Получил тяжёлое ранение и был отправлен в госпиталь. В настоящее время – инвалид Великой Отечественной войны, награждён медалью». М. Литавер, обращаясь к Председателю Совета Министров СССР, сообщал, что всю войну пробыл в «Трудовой армии», сейчас работает на угольной шахте в Воркуте. Его письмо заканчивалось следующими словами: «В 1954 году за образцовую и долготелую работу в угольной промышленности Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР меня наградили орденом Ленина. Прошу Совет Министров СССР снять меня со спецпоселения». Однако, как уже отмечалось, при жизни И. Сталина, когда спецпоселение постоянно росло, пополняясь всё новыми контингентами, о его ликвидации или даже просто смягчении не могло быть и речи.

После смерти И. Сталина среди его окружения в высшем руководстве страны в течение нескольких месяцев шла борьба за лидерство. Некоторое время в этой борьбе ведущие позиции занимал Л. Берия. В то время он являлся Заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром внутренних дел и государственной безопасности. Получая постоянную информацию от подчинённых органов госбезопасности Л. Берия очень хорошо знал ситуацию в обществе, «болевы́е точки» советской системы. Вместе с руководителем правительства Г. Маленковым буквально с весны 1953 г. он начал проведение ряда достаточно радикальных для того времени реформ, среди них – некоторое смягчение репрессивной системы. В числе прочих мер было выработано предложение высшему руководству страны о значительном сокращении контингента спецпоселения и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 26 июня 1953 г. Л. Берия был арестован, а большинство начатых им реформ – приостано-

новлено. Что же касается реформы системы спецпоселения, то преемник Л. Берии на посту министра внутренних дел – С. Круглов, тем не менее, не только сохранил подготовленный проект, но и несколько доработав его, в сентябре 1953 г. представил этот документ в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР.

Документ исходил из нецелесообразности сохранения в дальнейшем столь огромного (около 3-х млн. человек) контингента спецпоселения. Это объяснялось тем, что «в результате упрочения советского общественного и государственного строя укрепились законность и социалистический правопорядок, а основная масса спецпоселенцев положительно относится к мероприятиям Советской власти, честно трудится, прочно осела на жительство в местах поселений и принимает активное участие в общественной и хозяйственной жизни страны». Всего предлагалось снять с учёта спецпоселения около 2-х млн. человек. Большую часть этого контингента должны были составить советские немцы, выселенные в 1941 г. из европейской части СССР и постоянно проживавшие в других регионах страны. Кроме того, со спецпоселения снимались некоторые другие народы и социальные группы, выселение которых осуществлялось перед войной и в военные годы: калмыки, поляки, греки, турки, курды, хамшилы и др., а также все бывшие раскулаченные, выселенные в 1929-1931 гг. из районов сплошной коллективизации, все, отправленные после войны в места спецпоселения «за паразитический образ жизни» и некоторые другие.

С учёта спецпоселения предлагалось также снять всех детей, которым к моменту их депортации не исполнилось 18 лет (и в дальнейшем, детей спецпоселенцев на учёт не ставить), коммунистов, комсомольцев, орденосцев с семьями, членов семей погибших при защите Родины, пожилых людей (женщин старше 55, мужчин старше 60 лет), инвалидов. Руководство МВД предлагало также отменить целый ряд документов, на основании которых все эти люди оказались на спецпоселении. В документе специально оговаривалось, что освобождение со спецпоселения не влечёт за собой возврат бывшим спецпоселенцам их имущества, оставленного при депортации. Особо следует отметить, что документ МВД не содержал никаких предложений о запрете бывшим спецпоселенцам возвращаться к местам додепортационного проживания. Вместе с тем, органам власти всех уровней предлагалось принять меры к тому, чтобы освобождённые от спецпоселения остались жить на прежних местах, в том числе предоставлять бывшим спецпоселенцам долгосрочные (на срок до 10 лет) ссуды на строительство жилья размером до 10 тыс. рублей, распространить на них действие ряда льгот, предусмотренных для районов Крайнего Севера и Сибири.

Оставить на спецпоселении предлагалось около 800 тыс. человек. Однако оставить не

«навечно», а на срок 5 лет. В это число спецпоселенцев, кроме северокавказских народов, крымских татар, «оуновцев», «антисоветского элемента», выселенного после войны из Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии, некоторых других категорий, входили также советские немцы-репатрианты. По документу их насчитывалось 138,7 тыс. человек. Предложение об оставлении перечисленных выше категорий населения на спецпоселении обосновывалось тем, что «среди этих спецпоселенцев наиболее остро проявляются враждебные настроения».

Предлагалось также существенно смягчить сам режим спецпоселения. Спецпоселенцам разрешалось беспрепятственно менять место жительства в пределах района, ставя об этом в известность спецкоменданта; с разрешения соответствующих местных управлений МВД они получали возможность менять место жительства в пределах области, края, республики, совершать временные выезды за пределы мест спецпоселения. Перерегистрацию спецпоселенцев с их личной явкой в спецкомендатуру намечалось проводить один раз в 3 месяца.

Предлагалось отменить репрессивные статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., а всех осуждённых по этому указу - освободить со снятием судимости. За нарушение режима спецпоселения виновные должны были нести ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством. Отменялся арест, как административная мера наказания спецпоселенцев.

Наряду с рассмотренным выше документом МВД СССР подготовило и передало в соответствующие инстанции проекты постановления Совета министров СССР и Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмененных выше изменениях в системе спецпоселения. Если бы предложения МВД были реализованы, то подавляющая часть советских немцев (за исключением репатриантов) могла бы быть освобождена от режима спецпоселения ещё до конца 1953 г. Но этого, к сожалению, не произошло. Советское руководство побоялось идти на столь радикальные меры. В какой-то мере сработал антибериевский синдром (ведь именно возглавлявшееся им ведомство разработало предложения), но всё же главным оказалось опасения, что одновременное освобождение со спецпоселения столь большого числа людей может привести к массовому возвращению бывших спецпоселенцев в места прежнего жительства и вызвать там «враждебные действия», то есть, столкновения с теми, кого переселили на эти места позднее, а также общую дестабилизацию обстановки. Именно в это время по всей стране заметно проявлялись элементы дестабилизации общественного порядка, связанные с амнистией и освобождением Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1953 г. (принятым по инициативе Л. Берии) около 1,2 млн. уголовников, в том числе и рецидивистов, что также не могло не повлиять на характер принятого решения.

Высшее руководство страны в целом согласилось с предложениями МВД о необходимости поэтапной ликвидации спецпоселения, взяло за основу поступившие от этого ведомства предложения, однако внесло в них некоторые коррективы, растянув реализацию проекта на три с лишним года. Лишь спустя почти год - 5 июля 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Постановление предусматривало поэтапное, достаточно медленное сокращение числа и категорий спецпоселенцев и некоторую либерализацию самого режима спецпоселения. В соответствии с этим постановлением спецпереселенцы получили право свободного передвижения в пределах республики, края или области, в которых они проживали, они могли беспрепятственно выезжать в командировку, на лечение, в гости к родственникам и по другим уважительным надобностям в любую местность СССР на общих со всеми советскими гражданами основаниях. Личная явка на перерегистрацию теперь не обязательна была лишь один раз в год. Этим же постановлением с режима спецпоселения были сняты все дети спецпоселенцев в возрасте до 16 лет, а также дети старше, обучавшиеся в высших и средних специальных учебных заведениях (таких среди всех спецпоселенцев оказалось всего 2,8 тыс. человек). Для немцев это означало освобождение около 400 тыс. человек.

13 августа 1954 г. вышло очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР в соответствии с которым режим спецпоселения был снят с «бывших кулаков» (отбывавших его ещё со времён коллективизации), а также с немцев - местных жителей Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана, Средней Азии и других мест, откуда не проводилась депортация, включая бывших трудармейцев этой категории. Таким образом, было освобождено от спецпоселения ещё 105,8 тыс. советских граждан немецкой национальности. 10 марта 1955 г. Совет министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный моральный элемент дискриминации этой категории советских граждан. 23 марта 1955 г. по предложению министерств обороны и внутренних дел ЦК КПСС разрешил призыв значительной части категорий спецпоселенцев, в том числе немцев, на действительную военную службу, начиная с призывников 1936 - 1937 годов рождения. В тот же день последовало соответствующее распоряжение Совета Министров СССР. При этом призывавшиеся на военную службу 19-летние юноши подлежали снятию с учёта спецпоселения.

9 мая 1955 г. с режима спецпоселения были сняты члены и кандидаты в члены КПСС со своими семьями. Их среди немцев оказалось около 5 тыс. человек. Таким образом, к весне 1955 г. от режима спецпоселения были осво-

бождены свыше 500 тыс. советских немцев. В то же время ещё свыше 700 тыс. немцев продолжили свою жизнь в условиях спецпоселения. На рассмотренном этапе освобождение немцев осуществлялось в общем контексте политики нового советского руководства на постепенную ликвидацию института спецпоселения как составной части раздутой репрессивной системы сталинских времён. Однако постепенно появился и стал развиваться новый фактор влиявший на судьбу советских немцев - внешнеполитический. Он был связан с тем, что, начиная с 1954 г., СССР постепенно стал налаживать и развивать отношения с Федеративной Республикой Германией.

В то время СССР стремился не допустить вступления ФРГ в НАТО, её интеграции в социально-экономические и военно-политические структуры Запада, а поэтому выступал за создание единой нейтральной Германии. 25 января 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». Этот Указ стал мощным толчком к активизации борьбы советских немцев за снятие с них ярма спецпоселения. Поток писем в различные партийные и государственные инстанции резко вырос. Только Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину за период с февраля по июнь 1955 г. от спецпоселенцев-немцев поступило около 2 тыс. писем. Общее же количество таких писем в первом полугодии 1955 г. исчислялось десятками тысяч.

Настроение большинства советских немцев в тот период, пожалуй, наиболее точно выразил Н. Кильгаст, который писал Н. Булганину: «Уже 10 лет как окончилась война. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. восстановлены все права наших врагов - подлинных немцев. Я же только за то, что мои далёкие предки выходцы из немцев, до сих пор нахожусь на положении гражданина, ограниченного в правах неизвестно за что и на какой срок. Как-то всё это не вяжется с национальной политикой, проводимой нашей Партией и Правительством».

В июле 1955 г. правительственные чиновники, изучив горы писем от спецпоселенцев, поступившие к тому времени в Совет Министров СССР, пришли к следующему выводу: «Жалобы спецпереселенцев на длительное ограничение их прав и содержание на учёте спецкомендатур МВД по признакам национальной принадлежности заслуживают внимания. Назрела, видимо, необходимость некоторого пересмотра имеющихся решений по вопросам спецпереселения». Однако тут же делалась существенная оговорка, что «одновременное освобождение всех спецпереселенцев со спецучёта в настоящее время вряд ли целесообразно, учитывая, что в ряде районов страны значительную часть рабочей силы на предприятиях и в сельском хозяйстве составляют спецпереселенцы (Воркута, Караганда, Ухта и др.) и, будучи снятые с учёта,

многие из них могут выехать в другие районы страны, чем будет нанесён определённый ущерб народному хозяйству». Далее следовали рекомендации: «было бы целесообразно осуществлять постепенное, в течение ближайших лет, освобождение граждан со спецучёта, предусмотрев при этом определённые меры для трудового устройства и закрепления спецпереселенцев в местах поселения». Именно так и действовало советское руководство в дальнейшем в отношении спецпоселенцев.

Тем временем СССР и Западная Германия начали подготовку к установлению между собой дипломатических отношений. Одним из постановочных вопросов, выдвинутых в этом контексте правительством ФРГ к своему партнёру по переговорам, стал вопрос освобождения и возвращения на родину ещё находившихся в Советском Союзе германских военнопленных и гражданских лиц, насильственно вывезенных в СССР в конце войны и в первые послевоенные месяцы. К категории «гражданские лица» были отнесены и те советские немцы-репатрианты, которые в 1943 - 1945 гг., находясь на территории Германии, получили германское гражданство. Это гражданство было признано законом ФРГ от 22 февраля 1955 г.

На переговорах К. Аденауэра и Н. Булганина, проходивших в Москве в сентябре 1955 г. германский канцлер назвал число - свыше 130 тыс. немцев, получивших в годы войны германское гражданство, от которых в период после смерти Сталина были получены заявления об их желании выехать из СССР. Советское руководство, застигнутое врасплох такими масштабными претензиями, вынуждено было дать обещание выпустить этих немцев из СССР. При этом была сделана оговорка, что следует ещё установить реальное существование этих 130 тыс. лиц, пожелавших вернуться в Германию.

Дипломатические отношения были установлены, однако из идеологических и политических соображений советское руководство не могло допустить массового выезда из страны своих граждан, добровольно решивших променять советский «рай» на «капиталистическое рабство» и потому в дальнейшем чинило им всяческие препятствия. Одновременно, как это не раз бывало и раньше, развернулась кампания по обработке немецкого населения СССР в духе «советского социалистического патриотизма». Для успеха кампании необходимо было, во-первых, растворить немцев-репатриантов в общей массе остального немецкого населения СССР, гораздо более лояльного к советскому режиму, во-вторых, в целом изменить условия жизни немцев к лучшему. Вот почему советские немцы, по существу, стали первой национальной группой, снятой с режима спецпоселения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года со всех без исключения оставшихся к тому времени на спецпоселении немцев были сняты предусмотренные этим режимом ограни-

чения. Освободив немцев от спецпоселения, руководство страны, тем не менее, сохранило в отношении них ряд дискриминационных мер. В Указе специально оговаривалось, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Кроме того, в Указе были полностью проигнорированы права

немцев, как национального меньшинства, на удовлетворении своих потребностей в сохранении языка, культуры, традиций и т. п. Тем не менее, ликвидацию немецкого спецпоселения следует расценивать как существенный шаг вперёд к уравниванию немцев в правах с другими советскими гражданами. Оно стало исходной точкой очень медленной, крайне непоследовательной и противоречивой государственной политики.

Заключение

Из приведенных примеров следует вывод, что трудармейцы (призванные на службу в трудовую армию через военные комиссариаты) и спецпереселенцы - немцы, призванные на оборонительные работы из числа русских и в настоящее время сталкиваются с одними и теми же проблемами – признание государ-

ством их статуса. Еще тяжелее для немецкого населения нашего города – молча переносить слова новых поколений молодых озерчан о том, что город построили немцы, т. е. фашисты, отбывающие наказание на строительстве нашего города. Доброе имя первым строителям города необходимо вернуть!

ПРОЦЕСС ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ И ССЫЛКИ (1 июля 1954 – 1 июля 1957)

Контингент освобожденных	Численность
По постановлению СМ СССР от 5 июля 1954 г.	875 795
В том числе:	
а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16 лет	872 909
б) дети спецпоселенцев старше 16 лет, обучавшиеся в учебных заведениях	2 886
По постановлению СМ СССР от 13 августа 1954 г.	117 733
В том числе:	
а) бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 гг.	11 864
б) немцы (под контингенты: «местные» и «мобилизованные»)	105 869
По постановлению Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г.	13 573
В том числе:	
а) члены КПСС и кандидаты в члены КПСС	5 699
б) члены их семей	7 874
Лица, выселенные за пособничество фашистским оккупантам (по Указу Президиума ВС СССР от 17 сентября 1955 г.)	15 724
По постановлению СМ СССР от 24 ноября 1955 г.	45 119
В том числе:	
а) участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР	18 752
б) женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились	10 143
в) одинокие инвалиды и лица, страдающие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование	8 727
г) члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны	5 015
д) преподаватели учебных заведений	2 482
Немцы (под контингенты: «выселенные» и «репатриированные») (по Указу Президиума ВС СССР от 13 декабря 1955 г.)	695 216
Поляки, выселенные в 1936 г (по постановлению СМ СССР от 17 января 1956 г.)	22 717
«Особо опасные государственные преступники», направленные в ссылку на поселение после отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ГУЛАГа (по Указу Президиума ВС СССР от 10 марта 1956 г.)	60 798
Члены семей преподавателей, участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, и члены семей других лиц, ранее снятых с учета спецпоселений (по постановлению СМ СССР от 12 марта 1956г.)	32 737
Калмыки (по Указу Президиума ВС СССР от 17 марта 1956 г.)	48 783

Греки, болгары и армяне, выселенные в 1944 г. из Крыма (по Указу Президиума ВС СССР от 27 марта 1956 г.)	22 059
Крымские татары, балкарцы, турки – граждане СССР, курды и хемшины (по Указу Президиума ВС СССР от 28 апреля 1956 г.)	178 454
Члены семей украинских и белорусских националистов, освобожденных из ссылки на поселение (по постановлению СМ СССР от 15 мая 1956 г.)	13 841
Чеченцы, ингуши и карачаевцы (по Указу Президиума ВС СССР от 16 июля 1956 г.)	245 390
Иноподданные, лица, не имеющие гражданства, и бывшие иноподданные, принятые в советское гражданство (по Указу Президиума ВС СССР от 22 сентября 1956 г.)	27 426
Кроме того, с 1 июля 1954 по 1 января 1957г. снято с учета спецпоселений	109 032
В том числе:	
а) по постановлениям Советов Министров союзных республик, исполкомов краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся	40 366
б) по определениям судебных органов	22 024
в) по заключениям органов МВД и Прокуратуры, а также по отбытии срока спецпоселения	46 642
Снято с учета за первое полугодие 1957 г. вновь награжденных орденами и медалями СССР и членов их семей, инвалидов, по персональным решениям об освобождении из спецпоселения и другим причинам	30 242
ИТОГО:	2 554 639

ГАРФ. Ф.Р.-9479. Оп.1. Д.949. Л. 139-141.

Виктор Чигинцев

СТАЛИН НА ПОЖАРНОЙ КАЛАНЧЕ

Впервые об истории создания портрета Иосифа Сталина циклопических размеров – одиннадцать на четыре метрар – водруженным в годы Великой Отечественной войны на каланче пожарной части поселка Потанино, мне рассказал учитель физики, творческая личность Петр Шифельбайн.

Будучи гражданином Германии, он и сейчас живет в родном поселке, работая над рукописью книги о «приключениях» российских немцев в СССР. Петр Михайлович не мог назвать имя художника, создавшего портрет вождя, но хорошо запомнил, при каких обстоятельствах приобрел книгу, пролившую свет на историю создания портрета. Он купил ее в августе 1991 года в Москве, на первом съезде советских немцев, делегатом которого был избран в числе троих копейчан. Несколько лет назад он привез книгу, вернее ее фрагменты, размноженные на ксероксе и напечатанные в русско-немецком варианте, в родной Копейск и подарил ее краеведческому музею поселка Потанино, расположенному в школе № 24. Подарок осел в музейном архиве, где хранился несколько лет. По моей просьбе директор музея Нина Васильевна Уставщикова извлекла текст на божий свет.

И вот я дежу в руках большую библиографическую ценность – историю создания портрета – «циклопа» вождя народов. Изюминка в том, что эти мемуары написал бывший трудармеец 33-й бригады отряда № 4 Челябинга Яков Линдт.

История портрета

Спасение ... в портрете

Уже на первом году лагерной жизни я дошел — дальше некуда. Высох весь, в чем только душа держалась. Чувствовал, дни мои сочтены, уже готов был к смерти, как вдруг...

- Ты, говорят, на художника учишься, - подошел ко мне как-то политрук Пашкевич. - Портрет Сталина нарисовать сможешь?

Я оробел, но ответил:

- Смогу.

- Гляди, - предупредил политрук, - хоть одна маленькая неточность... Сам понимаешь!

Я все понимал. Но терять мне было нечего, кроме, как говорят, своих цепей. От пули ли конвоира помирать или с голоду — какая разница.

Художник, говорят, должен любить свое про-

изведение. Но как я мог любить того, кого рисовал? В памяти всплыло недавнее прошлое...

Разрушенное счастье

Двор наш ничем особенным не выделялся среди соседних. Большой рубленый крестьянский дом. Под тесовой крышей на четыре ската, с большим двором, навесом для скота, сараем и конюшней, летней кухней, амбаром и вместительной ямой-погребом. По весне отец привозил на телеге большие куски льда и бросал их на дно погреба, а сверху устилал соломой. Все лето там хранились бочки с огурцами, мочеными арбузами, яблоками.

Было у нас два сада. Один, дедушкин, находился вдали от дома. Там росли яблони, груши, сливы, вишня. То был старый сад, а недалеко от дома, на дне небольшого оврага, разбились другой. Он запомнился мне не столько урожаем, сколько сказочностью своей. Думаю, что скорее всего именно здесь, в этом поэтическом месте, и проснулась во мне тяга к рисованию, любовь к прекрасному.

Помню, одна сторона оврага была обрывистой, там бежал родник. Вода чистая, холодная сбегала по желобу вниз в Волгу. В этом саду выращивал арбузы, дыни, помидоры, огурцы, баклажаны и даже виноград. Воду из родника набирали в бочки и на лошадях возили домой.

Как много требовалось ее в нашем большом крестьянском хозяйстве. Славился наш дом не только овощами и фруктами — отец слыл в округе колбасных дел мастером.

Потомственный крестьянин и хлебороб, он с 1905 по 1916 годы жил в США, в Чикаго, где и выучился колбасному делу. Помогали ему мы всей семьей. Хорошо жили. Работали, не ленились, не зная выходных дней. И вдруг в одночасье все рухнуло.

В одну из ночей я проснулся от громкого плача. Протер глаза — за столом сидят трое незнакомых людей и что-то пишут. Плач стоял по всему селу: не только нашу семью — всю деревню признали кулаками.

Нам предстояло выселение. Куда? Этого никто не сказал. Потребовали собраться в три дня — и весь разговор. Свели со двора коров и лошадей. В дорогу разрешили забить только пару овец и поросенка. Начали готовить мясо: жарили, отваривали, солили. Набрали мешок муки. Наутро к дому подъехали две санные подводы. Помню, была весна, март. Подъехали сопровождающие — милиционеры верхом на лошадях. За селом в степи уже выстроилась вереница саней с такими же как мы горемыками. Стон и плач разрывали душу, залили всю степь над Волгой.

Дорога в неизвестность

Долгим, невыносимо тяжкими был путь в неизвестность. Помню, переезжали какую-то речушку. Лед был слабый и треснул. Наша подвода провалилась и поплыла. К счастью, вода

доходила лошади только до брюха и поэтому она смогла выбраться на берег.

На одной из станций нас погрузили в состав из крытых вагонов-теплушек. Спали прямо на полу на своих мешках, не раздеваясь, потому что было ужасно холодно.

Ехали долго, не помню даже сколько дней и ночей. Наконец, охранники возвестили:

- Приехали! Выгружайтесь.

Но куда приехали? Похоже, на край света. Кругом ровная, как стол, степь. Ни единого деревца. Песок, сухие кусты колючек. И невыносимый зной. Местные жители предупредили нас: «Буд-те осторожны, смотрите за детьми. Здесь очень много ядовитых змей, каракутов и скорпионов.

Но страшнее скорпионов оказались двуногие гады. В одну из ночей узнали мы страшную весть, в районе свирепствуют басмачи. Соседний кишлак полностью вырезали и сожгли. Поползли слухи, что сотрудники НКВД в сговоре с ними и натравливают басмачей на раскулаченных.

Народ заметался в панике. Отец раздобыл где-то бричку, подлетел на ней к землянке, где мы жили:

- Быстрее грузитесь!

Мы живо собрали узлы, набросали их на бричку и несмотря на то, что наступала ночь, ринулись подальше от опасного места.

Семья наша, некогда кормившая сотни людей, теперь сама оказалась в нищенском положении. Начался голод, который унес жизни миллионов людей.

Работать придется не один день

... Потом был трудлаг. Видимо, пришло и мое время... Скорпион смерти намертво вцепился в мое иссохшее от голода тело. Неужели все?.. Ведь мне еще нет и двадцати! Нет, я должен жить! И поможет мне именно он — Сталин! За его портрет я заработаю сегодня целых 700 граммов хлеба с баландой из турнепса.

Стрепетом и волнением, как Божьего суда, ждал я приема моей работы.

- А что, ничего, - внимательно осмотрев портрет, похвалил политрук Пашкевич, - Вишь какой у меня художник объявился!

Портрет Сталина установили на самом видном месте лагеря — там где обычно проводилась проверка.

Работу отметил и начальник лагеря Миндлин.

- Кто рисовал?

- Художник Линдт из 33-й бригады, - доложил Пашкевич.

- А может быть большего размера портрет можешь сделать? - поинтересовался начальник, - Пожарную каланчу видишь? Так, чтоб во весь свой огромный рост получился товарищ Сталин, чтоб издали было видно его, от самой станции.

Огромной была та Потанинская каланча. Ни-

когда я не рисовал таких портретов — не по Сеньке шапка. Но отказываться уже было нельзя.

- А материала хватит?

- За этим дело не станет.

Рисовал я портрет в гараже пожарки, под самой каланчой. Щиты фанерные на заводе сделали. Размеры портрета пугали: одиннадцать на четыре метра. Одно радовало — мне дали пропуск за зону, я стал почти вольным человеком.

И политрук Пашкевич теперь при встрече подавал мне всегда руку. Вот что значит искусство! И я старался не ударить в грязь лицом. Подобрал репродукцию с рисунка Герасимова — вождь на нем был в шинели.

Писал я портрет монохромным маслом на фанере. Трудился примерно месяц. Частенько заходили ко мне какие-то офицеры. По всему чувствовалось — дело на редкость ответственное.

Наконец портрет был готов. Мне дали в помощь людей, в основном пожарных. Они вынесли щиты на улицу, сбили их в один.

Теперь надо было поставить портрет на место. Привезли лебедки со стальным тросом. Сбежалось много народа, люди взялись помогать. Хорошо еще, что не было ветра. На-

конец портрет подняли и с пожарных лестниц прибили к стене каланчи.

Принимать работу пришло все лагерное начальство и даже со строящегося металлургического завода руководство приехало. Портрет всем понравился, только политрук вздохнул: «Почему он такой маленький? Эх, кабы помещение позволяло — больше бы сделали. Ну да ничего, за этим дело не станет. Художник-то наш, доморощенный».

Я глядел на портрет и испытывал какой-то страх. Неужели это я, букашечка-человек, создал такое? Положено, конечно, вождем восхищаться. Но за что? За то, что сотворил он со своим народом?..

С тех пор я всю жизнь рисовал в основном природу. Это единственное, что есть вечного на земле. И чем по-настоящему можно восхищаться.

А сегодня сижу днями и ночами. Пишу. Рисую. Пытаюсь пером и кистью сказать правду о том жутком времени, которое выпало на долю нашего поколения.

Нам, оставшимся в живых, так много надо успеть сказать детям своим и внукам.

После реабилитации вчерашний трудармеец Яков Линдт работал художником-оформителем на рудоремонтном заводе и в художественных мастерских Копейска. Краевед Иван Рагозин несколько лет работал в одном с Линдтом коллективе и дает высокую оценку его изобразительному мастерству: «Это был один из самых талантливых художников Южного Урала».

Последние годы жизни художник Яков Петрович Линдт жил и трудился в Челябинске, работая в художественном комбинате Союза художников. Воспитал трех дочерей, любил и нежил внуков. На вопрос о возможной эмиграции с улыбочкой отвечал: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

Лео Пулля

ТРУДАРМИЯ

О тех, кто работал на Победу, но встретил ее за колючей проволокой

(В старых газетных вырезках времен начала перестройки случайно нашел эту заметку, даже не знаю, из какой газеты. В ней то, о чем предпочитают молчать официальные лица. Думаю, что в День Победы обязательно нужно почтить и память тех, кто работал на Победу, но встретил ее за колючей проволокой... а многие не дожили...)

25 июля в редакции журнала «Пуналлиппу» собрались восемь пожилых финнов. Они решили поговорить о небольшом романе «Тепло Лапландии в крови моей», опубликованном в журнале.

Гласность, как кислородная подушка, дает больному силы, помогает побеждать робость и страх. Люди смелее вспоминают пережитое...

Великая Отечественная война для всех советских народов была бедой, которая сплотила общие силы на отпор врагу. В первые месяцы войны в армию брали мужчин всех национальностей. А в конце 1941 года по приказу Верховного финнов, венгров, немцев из действующей армии стали переводить в трудармию и направлять на Урал, на строительство металлургических заводов. Об этом и пишет Свей Локка в своем романе. Не буду пересказывать его смысл. Думаю, со временем он будет переведен на русский язык. Хочу только сказать, что эти восемь человек, которые 25 июля собрались в редакции журнала «Пуналиппу», могли бы быть живыми героями романа.

...В голой степи на 15-м километре от Челябинска «мы стали разгружать эвакуированное из разных областей оборудование металлургических заводов. Ему надо было дать жизнь. Суровая зима. Степь. Брезентовые палатки. Работа кипела и днем и ночью. Руководил работой первоначально генерал-майор инженерных войск НКВД Комаровский, а потом генерал-майор инженерных войск НКВД Рапопорт. Летом 1942 года на громадной территории было уже 15 стройотрядов, примерно до 6-8 тысяч в каждом. Они были огорожены в два ряда колючей проволокой, усиленно охранялись войсками НКВД.

Ежедневно перед выходом на работу перед

строим для устрашения за малейшее нарушение правил внутреннего распорядка объявляли наказание, чаще - расстрел. На работу под конвоем, с работы тоже. Каждый раз перед походом мы слышали напоминание конвоя: «В пути следования выполнять конвойные распоряжения. За невыполнение применяется оружие без предупреждения».

Мне лично приходилось в зиму 1942—43 годов работать на кладбище, где хоронили умерших сотоварищей — истощенных от мизерного пайка и непосильного физического труда. Людей хоронили без гробов, часто безо всякой одежды, по 150—200 человек в одну яму. Строительство вела, кроме трудармии, наверное, еще большая армия заключенных, а с 1943 года стали прибывать военнопленные. Строили доменные печи, коксохимические мартеновские цеха, прокатные станы. Частенько смонтированные станки уже давали продукцию, а стены и крыши возводили через некоторое время.

Пуск в эксплуатацию доменной печи был отмечен приказом Верховного. Мы в награду получили повышенный паек питания. За колючей проволокой были и орденосцы, и командиры разных войсковых частей до полковников, летчики. День Победы встречали за колючей проволокой.

С каждым годом все меньше и меньше остается людей, строивших Бакалстрой НКВД во время войны в Челябинской области. Мы единодушно высказали желание собраться всем вместе 15 октября в 15 часов в редакция журнала «Пуналиппу» и пригласить всех участ-

На снимке: (в центре) ингерманландец Паули Талонпойка, директор Кондопожской школы. Фото снято перед самой войной. Он был один из тех, о ком говорится в статье. Был репрессирован, то есть «призван» в трудармию в 1941-м, и по официальным данным «умер от общей дистрофии» в Челябинских лагерях в ноябре 1943-го ...

ников этой стройки. Тех, кто еще живой, или родственников тех, кто был там. но не дожид до этих дней. Всех приглашаем с женами, детьми, внуками. Чтобы родственники знали правду из уст живых свидетелей великой стройки. По просьбе моих товарище пишу в республиканскую газету на русском языке по той причине, что за эти годы многие потеряли финский язык. Думаю, что после встречи и беседы Свен Лок ка сможет многое дополнить в свой замечательный роман. Пусть к теплу в венах лапландцев присоединится тепло ингерманландцев, финнов, эмигрировавших в Советский Союз из Финляндии, Канады, США после революции, немцев Поволжья, тепло тысяч безвинно осужденных разных национальностей, которые в тылу ковали победу над фашизмом своим упорным трудом. Они всеми забыты. Нет у них никаких орденов за этот героический труд, никаких привилегий, и в трудовой стаж эти годы не засчитаны. И

сейчас у некоторых из них самые плохие жилищные условия, самая мизерная пенсия, и стоят они в самом хвосте любой очереди, хоть за колбасой, хоть за молоком. Но и сегодня эти люди еще трудятся на благо общества.

И еще один вопрос. Почему все это нарекли «белыми пятнами» истории? По-моему, это черные дыры, бездонные дыры в болоте, всосавшие в себя миллионы человеческих жизней.

Петрозаводск

PS: Бакольский ИТЛ (Бакалстрой, Бакаллаг) организован 17.11.1941, закрыт в конце 1942. Выписка взята из <http://www.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-22.htm>

Численность лагеря:

01.01.42 — 1861, 31.01.42 — 4237, 30.04.42 — 2419, 31.07.42 — 303, 31.10.42 — 46, 31.12.42 — 38 [6]³.

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ЧЕЛЯБОВЛИСПОЛКОМА
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР
№ 7/а- Т-3317
454091, г. Челябинск,
ул. Елькина, 34

КОМУ: 4700 г. Челябинск
ул. Советская, 65
архив обл. ЗИС
✓ Копия: Карелия: Петрозаводск
Красноярская 29а-47
Таймс Сильве Фереровне

Направляем Вам заявление в отношении бывшего трудмобилизованного Талочко Павла Михайловича
1899 года рождения, уроженца г. Тайталово Ленинградская обл.
Одновременно сообщаем, что гр-н Талочко Павел Михайлович
работал в промышленности Челябинской области с 14 ноября 1942 года
Умер в гор. Челябинске 2 ноября 1943 г. от острой
диатрофии
Основание: Акт о смерти № 1524 от ноября 1943 г.
находящийся в его учетных документах № 1
Приложение: Заявление на 1 листах в 1-м экз.

Начальник отделения Н.И. Максимов
Тел. УВД Зак. 1794-90

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ от 29 августа 1964 года
«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УКАЗ ПРЕЗИДИУМА
ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ
ПОВОЛЖЬЯ»

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве.

Благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР. Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах, в учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни. Многие из них являются депутатами Верховных и местных Советов депутатов трудящихся РСФСР, Украинской, Казахской, Узбекской, Киргизской и других союзных республик, находятся на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате. Тысячи советских граждан – немцев за успехи в труде награждены орденами и медалями СССР, имеют почетные звания союзных республик. В районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке или организовано изучение немецкого языка для детей школьного возраста, ведутся регулярно радиопередачи и издаются газеты на немецком языке, проводятся другие культурные мероприятия для немецкого населения.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941, N 9, ст. 256) в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья, отменить.

2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Трудармейка: Вензель Ида Давыдовна

Трудармейка: Вензель Ида Давыдовна. Семья

Трудармейка: Вензель Ида Давыдовна

Трудармеец: Федор Петрович Визе

Трудармеец: Федор Петрович Визе. Картины

Трудармеец: Федор Петрович Визе

Трудармеец: Федор Петрович Визе

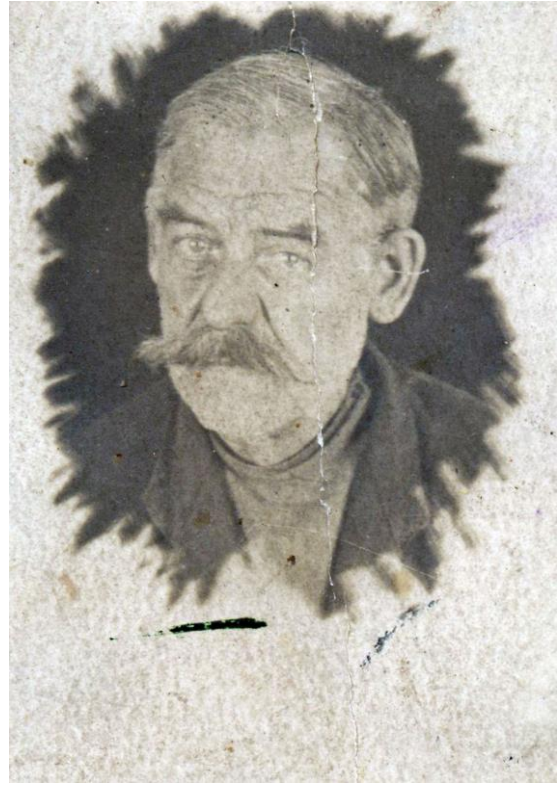
Винница 1937(справа) Федор Визе с товарищами

Трудармеец: Федор Петрович Визе

Отец, мать, бабушка Тамара
25 августа 1948

Дед Петр Васильевич

Трудармеец: Федор Петрович Визе

Тамара, сестра (шесть месяцев)
август 1948 года

Света и Тамара Визе, сестры

Брат и сестра: Тамара и Виктор

Братья Павел и Виктор (1953)

Воскобойникова (Классен) Валентина Федоровна

Воскобойникова (Классен) Валентина Федоровна

Семья Классен (начало XX века)

Мать, братья и сестра

Валентина Классен

Трудармейка: Ида Ивановна Герман

Петерс Николай Францевич

С внуком

Трудармейка: Лидия Яковлевна Гиллунг

С мужем

Трудармейка: Лидия Яковлевна Гиллунг

Трудармейка: Лидия Яковлевна Гиллунг

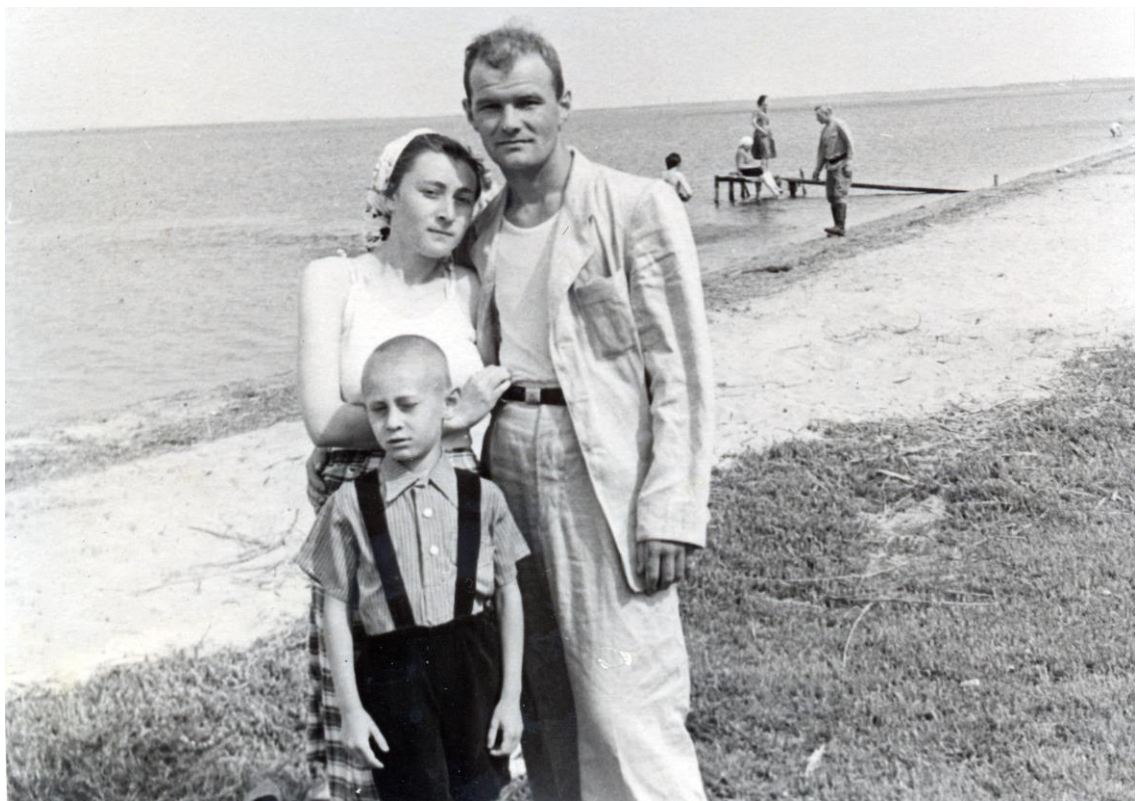

Подружки

Семья

Трудармеец: Анатолий Александрович Гонштейн

Семья

Трудармеец: Анатолий Александрович Гонштейн

Отец

Трудармейка: Милена Родионовна Рейс

Трудармеец: Альфред Христианович Миллер

Миллер Альфред Христианович и Ирина Андреевна

Альфред с мамой

Трудармеец: Альфред Христианович Миллер

Миллер Сюзанна Филипповна

Евгений Христианович. брат

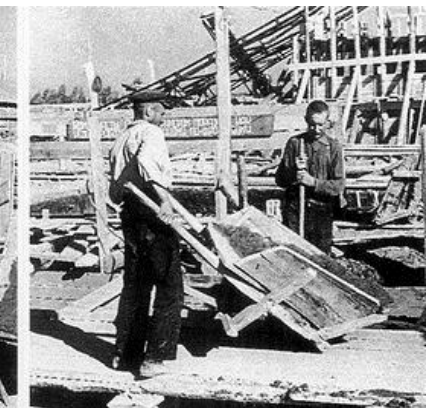
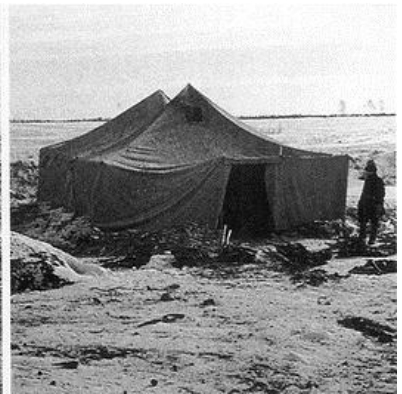
Бакаллаг: бараки и стройка

Трудармейские будни

Erste deutsche Zwangarbeiter bei der Ankunft auf die Baustelle Tscheljabmetallurgosroj
des NKWD, Frühling 1942.

**Дети трудармейцев
(г. Челябинск, Металлургический район)
(из личного архива Миллера А.П.)**

Трудармеец: Христофор Христофорович Балько

Бабушка и родители

На могиле родителей

Отец с сослуживцами

Почетный гость гроссмейстер Анатолий Карпов

Трудармейцы

Теодор Генрихович Витман

Мария Францевна Вагау

Отто Эдуардович Винклет

Трудармейцы Мина Давыдовна и Эдвин Фридобертович Гюбнер

Семья

1946. Челябинск. ЧТЗ. Беккер (Губнер) Мина Давыдовна первый ряд справа

Пятый участок ЧТЗ, парк Победы (1947 год)

Трудармейцы

Отто Клейн

Ольга Федоровна Гартман

Генрих Генрихович Гребе, Андрей Андреевич и Дора Генриховна Гаан

Трудармейка: Лидия Колмыкова (Лямпе)

С сыно

Семья

Свадьба сестры Иософины

Семья

Работа в яслях

Трудармейка: Софья Кондратьевна Наконечная

Трудармейка: Софья Кондратьевна Наконечная

Трудармейцы: Шарлотта Фридриховна и Христиан Яковлевич Фукс

Фото для комендатуры

Unsere lieben Schwägerin
Anna samt Kindern, zum
freundlichen Andenken.

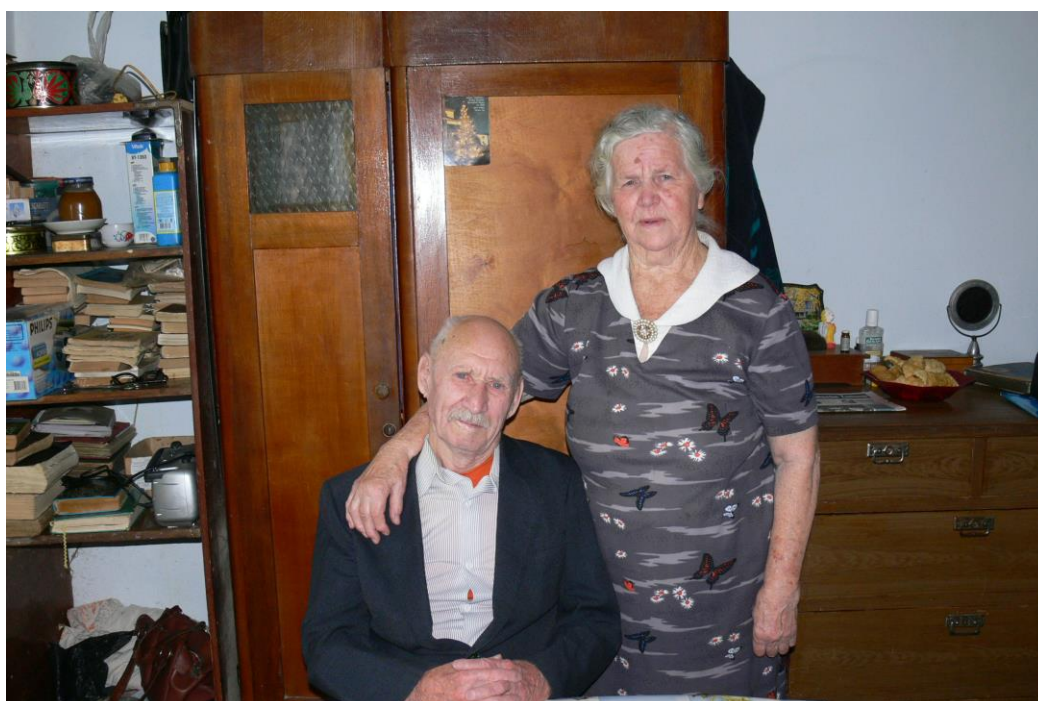
Am 12. Novemb. von Bertna u. Friedrich
-1933-

erlöst. Toloss - Nindisia Helwig

Память о прошлом родные в 1933 году

Шарлотта и Христиан в 1950 год, женились в 1946

Трудармейцы

Клемент Готлибович Штамм

Элла Севостьянова Шейфер

Яков Яковлевич Швайгердт

Трудармейцы: Гуго Густавович и Марта Гербертовна Дейфель

1943-44 годы в лагере трудармейцев. Марта Гербертовна Дейфель

Трудармейцы: Гуго Густавович и Марта Гербертовна Дейфель

Альвина Яковлевна Эртман 60 годы

Бригада

Сталин на пожарной каланчи

